
ΚΤΗΜΑ
ΕΙΣ
ΑΕΙ

П. МУРАТОВЪ

ЭГЕРІЯ

РОМАНЪ

ИЗДАТЕЛЬСТВО З. И. ГРЖЕБИНА
БЕРЛИНЪ-ПЕТЕРБУРГЪ-МОСКВА
1922

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Я родился въ Римѣ, въ кварталѣ Паріоне, и могъ бы считаться римляниномъ, если бы справедливость не заставила меня признаться въ моемъ гельветическомъ происхожденіи. Правда, листы, вышедшіе изъ моей мастерской, помѣчены передъ традиціоннымъ «fecit» чисто итальянскимъ именемъ Орсо Вендоло — вина въ томъ не моя, но моего отца. Весьма многіе въ Римѣ помнятъ его лавку рѣдкихъ вещей и древностей подъ вывѣской Джованни Вендоло, а тѣ, кто постарше, знаютъ, конечно, что такимъ именно образомъ пожелалъ назваться нѣкогда цюрихскій уроженецъ Іоганнъ Вендль, привлеченный въ Римъ подвижностью нрава и безпокойствомъ воображенія.

Въ родномъ Цюрихѣ мой отецъ проявлялъ свои таланты лишь въ скромной, сравнительно, области часовыхъ дѣлъ мастерства. Въ ряду мѣстныхъ часовщиковъ онъ по праву считался первымъ. Механизмъ страннаго инструмента, сопровождающаго насъ біеніемъ своего металлическаго сердца на всѣхъ путяхъ жизни, отъ колыбели до могилы, не имѣлъ отъ него тайнъ. Съ равнымъ искусствомъ изготовлялъ Іоганнъ Вендль солидныя луковицы дѣловыхъ людей и прихотливыя игрушки свѣтскихъ дамъ. Его произведенія, какъ ничто другое, оживляли старинные и степенные дома сумрачнаго Цюриха своимъ хрустальнымъ звономъ и мелодическимъ тиканьемъ. Двѣ или три готическихъ башни въ городѣ высоко поднимали начертанный имъ циферблатъ, и черезъ точно размѣренные промежутки времени срывался оттуда гармоническій перезвонъ,

смѣняясь дважды въ сутки торжественнымъ хораломъ, переложеннымъ на бой колоколовъ.

Мастерство Іоганна Вендля не ограничивалось впрочемъ подобными, если такъ можно выразиться, важными и высокими примѣненіями. Природная живость характера легко увлекала его въ сторону шутки. Здѣсь изобрѣтательность его положительно не знала предѣловъ, и настоящимъ волшебникомъ казался онъ своимъ медленно-мыслящимъ согражданамъ, когда тѣ посѣщали его мастерскую и долго взвѣшивали въ рукахъ намѣченную покупку, приглядываясь и прислушиваясь къ окружавшимъ ихъ тутъ диковинамъ. Что могло быть, въ самомъ дѣлѣ, занимательнѣе этихъ кукушекъ, сопровождавшихъ пѣніе свое раскрытіемъ клюва и взмахами крылышекъ, этихъ горныхъ пастушковъ, выходившихъ изъ хижины и трубившихъ въ рогъ на фонѣ альпійскаго пейзажа, гдѣ искусно вращаемые кусочки зеркалъ создавали впечатлѣніе настоящаго водопада. Кто изъ цюрихскихъ мальчиковъ не зналъ удивительнаго замка съ зубчатой стѣной и со рвомъ, гдѣ самъ собой перекидывался висячій мостъ, каждый разъ какъ часы били полдень, и тогда, съ первымъ ударомъ двѣнадцати, распахивались маленькія ворота и изъ нихъ выѣзжалъ рыцарь въ полномъ вооруженіи, чтобы вновь скрыться въ нихъ при первомъ ударѣ полуночи, съ послѣднимъ ударомъ которой вновь поднимался кверху висячій мостъ.

Этотъ замокъ, съ его механическими чудесами, составлялъ любимую забаву и моего дѣтства, потому что съ единственнымъ изъ своихъ произведеній отецъ не пожелалъ разстаться съ нимъ, когда случайность такимъ неожиданнымъ образомъ заставила его покинуть родину, дѣло, друзей и кліентовъ ради миража римской и, слѣдовательно, всемірной славы. Чистой случайностью нельзя было бы назвать, конечно, пребываніе отца въ знаменитомъ Эйнзидельнскомъ аббатствѣ, расположенномъ неподалеку отъ Цюриха: среди монаховъ этого богатаго и просвѣщеннаго учрежденія, Іоганнъ Вендль насчитывалъ не мало давнишнихъ заказчиковъ и знакомыхъ. Настоятель монастыря считался однимъ изъ ревностныхъ его покровителей, и какъ разъ, чтобы отблагодарить его, отецъ сдѣлалъ тѣ удивительные часы въ библіотекѣ, которымъ суждено было сыграть такую рѣшительную роль въ собственной его судьбѣ.

Эйнзидельнскій аббатъ былъ человѣкомъ ученымъ и считался большимъ знатокомъ классической древности. Надо ли удивляться въ такомъ случаѣ, что механическій шедевръ, надъ которымъ отецъ трудился ради него такъ долго и терпѣливо, оказался болѣе умѣстнымъ для Птоломеевой библіотеки, чѣмъ для книгохранилища христіанскаго монастыря. И съ другой стороны, не есть ли религія, къ которой всѣ мы принадлежимъ, лишь младшая и разумная сестра тѣхъ суевѣрій, какія мы именуемъ язычествомъ, возросшая вмѣстѣ съ ними въ томъ же золотомъ отчемъ домѣ древности и въ своемъ дѣтствѣ прислушивавшаяся къ тѣмъ же сказкамъ и тѣмъ же преданіямъ. Старинный споръ между ними давно рѣшенъ, и кровное родство, соединившее ихъ, должно было бы чувствоваться съ новой силой въ эти годы дряхлѣющаго съ вѣками человѣчества.

Какъ бы то ни было, часы Эйнзидельнской библіотеки являли па своемъ циферблатѣ всѣ знаки зодіака въ образѣ именно тѣхъ миѳологическихъ существъ, какими воображала ихъ языческая древность. Колесница Аполлона, запряженная четырьмя конями, совершала свой путь среди нихъ, въ точности отвѣчая дѣйствительному движенію солнца. Маленькій позолоченный богъ возвышался надъ ней, держа въ рукахъ лиру, и казалось, что съ едва видимыхъ струнъ этой крохотной лиры слетали изумительные въ своей нѣжности звуки, которыми Эйнзидельнскіе часы отмѣчали полдень каждаго новаго дня, въ то время, какъ двигались въ механическомъ хороводѣ фарфоровыя фигурки сплетенныхъ руками Оръ.

Отецъ любилъ разсказывать впослѣдствіи, что ни одно изъ сокровищъ Эйнзидельна не произвело такого значительнаго впечатлѣнія въ тотъ достопамятный для него день на кардинала и легата Святѣйшаго Престола, монсиньора Ангвиллара, какъ эти, сдѣланные его руками часы. При всей своей искренности и правдивости, отецъ былъ слишкомъ легко склоненъ къ преувеличеніямъ, чтобы слѣдовало придавать его словамъ буквальное значеніе. Тѣмъ не менѣе, сами обстоятельства свидѣтельствуютъ, что высокій гость Эйнзидельнскаго аббатства, остановившійся въ немъ на пути изъ Германіи, былъ дѣйствительно восхищенъ свыше всякой мѣры искусной игрушкой цюрихскаго часовщика. Послѣ поздней мессы и ранняго, но роскошнаго обѣда, кардиналъ Ангвиллара совершалъ

обходъ монастырскихъ покоевъ. Прибывъ въ библіотеку и высказавъ громкія похвалы содержащимся въ ней богатствамъ, онъ какъ разъ собрался углубиться въ разсматриваніе одного изъ рѣдчайшихъ кодексовъ, когда легкое шипѣніе заставило его поднять голову. Передъ нимъ на каминѣ возвышались часы Іоганна Вендля. Серебряные колокольчики ихъ уронили первый чистый звукъ, и уже задвигались Оры въ своемъ механическомъ хороводѣ. Сконфуженный настоятель поспѣшилъ выступить съ объясненіями, но монсиньоръ Ангвиллара прервалъ его движеніемъ руки: склонивъ голову, старикъ, окруженный почтительными монахами, прислушивался къ нѣжному звону волшебной лиры. Восклицаніе удивленія, поддержанное народнымъ римскимъ словомъ, засвидѣтельствовало полнѣйшее его удовольствіе. Нетерпѣливый кардиналъ ударилъ нѣсколько разъ въ ладоши и, какъ если бы находился въ театрѣ, потребовалъ повторенія.

Случайность помогла исполнить этотъ капризъ: отецъ мой находился въ тотъ часъ въ предѣлахъ монастыря. Призванный въ библіотеку, онъ испыталъ родъ благожелательнаго допроса. Съ обычной словоохотливостью онъ изложилъ секреты своего ремесла и невзгоды существованія. Монсиньоръ Ангвиллара слушалъ его разсѣянно, улыбаясь собственнымъ мыслямъ. Легатъ принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которые полагаютъ, что съ перваго же взгляда могутъ узнать собесѣдника лучше чѣмъ знаетъ себя онъ самъ. Мнѣніе кардинала о моемъ отцѣ уже было составлено, пока его поспѣшные шаги еще не успѣли раздаться на библіотечной лѣстницѣ. Монсиньоръ былъ страстнымъ любителемъ и величайшимъ знатокомъ музыкальнаго искусства. Придавая весьма малое значеніе механическому таланту Іоганна Вендля, онъ рѣшилъ, что открылъ въ немъ рѣдкое музыкальное дарованіе. Приговоръ былъ произнесенъ, и кардиналу Ангвиллара не могло придти въ голову сомнѣніе въ немъ. Заставивъ отца три раза подрядъ завести игрушечнаго Аполлона часовъ, онъ отпустилъ его, давъ милостиво облобызать перстень и коротко посовѣтовавъ слѣдовать въ Римъ. Совѣтъ этотъ, не сопровождавшійся ни обѣщаніями, ни разъясненіями, оказалъ, именно въ силу своей какъ бы таинственности, магическое дѣйствіе на воображеніе моего отца. Возвращаясь изъ Эйнзидельна, онъ бредилъ Римомъ, а черезъ нѣко-

торое время отправился въ путь, захвативъ съ собой несложный скарбъ и семью, въ которой недоставало лишь одного члена — меня.

II.

Я не собираюсь писать автобіографію, и оттого мнѣ нѣтъ нужды подробно разсказывать здѣсь о моемъ дѣтствѣ. Исторія жизни художника написана въ его произведеніяхъ. Пусть тѣ, которые пожелаютъ удѣлить вниманіе исторіи моей жизни, обратятся къ сдѣланнымъ мною офортамъ и рисункамъ. Пусть проницательность ихъ различитъ, что именно перешло отъ личной судьбы автора въ эти перспективы торжественныхъ архитектуръ, въ эти виды венеціанской лагуны, въ эти зрѣлища римскихъ руинъ, среди которыхъ отдыхаютъ пилигриммы невѣдомыхъ святынь, и внуки латинскихъ фавновъ пасутъ свои мохнатыя стада. Но мало кто умѣетъ прочесть обликъ художника въ эфемерическихъ пятнахъ и линіяхъ, которыя его кисть, карандашъ или игла наносятъ на поверхность холста, бумаги и мѣдной доски. И тѣ немногіе, которые были бы способны на это — кому изъ нихъ пришло бы въ голову заинтересоваться жизненной участью Орсо Вендоло, мало заботившагося о своей жизненной славѣ и еще не успѣвшаго подумать о славѣ посмертной!

Не объ Орсо Вендоло идетъ главнымъ образомъ рѣчь и въ этихъ запискахъ. Судьба сдѣлала меня свидѣтелемъ и отчасти участникомъ происшествій, превосходящихъ уровень повседневности. Я зналъ людей непохожихъ на чаще всего встрѣчающихся представителей человѣческаго рода. Въ продолженіи ряда лѣтъ дыханіе трагедіи вѣяло надъ ними, и надо мной, и если изъ грознаго опыта страстей я вышелъ уцѣлѣвшимъ, болѣе роковой оказалась судьба другихъ, чьи образы до сей поры тѣснятся въ моемъ воображеніи. Ихъ память для меня священна: возстанавливая здѣсь ихъ дѣйствія и чувства, я лишь отплачиваю имъ за все доброе и злое, сравненное нынѣ въ благодѣтельной силѣ воспоминанія.

Быть можетъ я все же не рѣшился бы взяться за перо, если бы до меня не дошла вѣсть о событіи въ далекомъ Стокгольмѣ, потрясшемъ міръ даже теперь, когда все полно оглушительнымъ эхомъ совершающейся великой революціи. Вы-

стрѣлъ Анкарстрема нарушилъ молчаніе въ странѣ моихъ тѣней. Иныя изъ нихъ ожили и стремятся заговорить человѣческимъ голосомъ. При посредствѣ моего разсказа онѣ могутъ совершить важныя признанія. Лучъ свѣта готовъ забрезжить во тьмѣ, окутывающей для многихъ сѣверныя дѣла. Тайны отдѣльныхъ существованій будутъ нарушены мною въ этомъ разсказѣ съ тѣмъ большимъ правомъ, что онѣ принадлежатъ теперь исторіи. Грядущій изслѣдователь безъ труда отброситъ въ сторону все то въ моихъ запискахъ, что приходится на долю собственныхъ дѣлъ и чувствъ Орсо Вендоло и воспользуется въ нихъ только тѣмъ, что послужитъ ему для познанія исторической истины.

Стремясь быть правдивымъ, я самъ не могъ бы совершить среди этихъ страницъ необходимаго отбора. Выводы, къ которымъ надлежитъ придти безпристрастному читателю, — эти выводы не могутъ быть сдѣланы мною самимъ, прошедшимъ сквозь изображенныя здѣсь испытанія. Я видѣлъ воочію тайную и иногда лишь малую сторону вещей, иной своей стороной обращенныхъ для лицезрѣнія современниковъ. Я былъ незамѣтнымъ, но важнымъ свидѣтелемъ, и показаніе мое, возможно, измѣнитъ нѣчто въ томъ приговорѣ, который произнесетъ исторія о сѣверной драмѣ и нѣкоторыхъ, до сей поры остававшихся въ тѣни, ея актерахъ. Но излагая это показаніе здѣсь со всей искренностью, я долженъ разсказывать лишь то, что видѣлъ я собственными глазами и чувствовалъ собственнымъ сердцемъ въ тѣ годы, когда менѣе всего думалъ о судѣ исторіи. Судьба Орсо Вендоло переплелась прихотливо съ судьбами значительныхъ лицъ, вышедшими изъ границъ частнаго существованія. Читатель, стремящійся къ истинѣ, пусть не посѣтуетъ на то и снисходительно отнесется къ житейскимъ мелочамъ, которыя самъ я не могу опустить, боясь нарушить нить повѣствованія.

Надежды, какія возлагалъ Іоганнъ Вендль на римское свое перевоплощеніе, оправдались во всякомъ случаѣ въ большей мѣрѣ, чѣмъ тѣ, какія монсиньоръ Ангвиллара возложилъ на его музыкальный талантъ. Но будучи человѣкомъ поспѣшныхъ сужденій кардиналъ не былъ упрямъ въ ихъ отстаиваніи. Не сознаваясь въ ошибкахъ, онъ однако легко уступалъ доводамъ очевидности. Послѣ двухъ или трехъ пробъ, онъ забылъ свое

Эйнзидельнское открытіе и, я увѣренъ, черезъ короткій срокъ уже не помнилъ, что именно заставило его оказать впервые благоволеніе цюрихскому мастеру, который отнынѣ былъ римскимъ часовщикомъ, носившимъ имя Джованни Вендоло.

Превратившись съ теченіемъ ряда лѣтъ въ благоволеніе такъ сказать машинальное, доброжелательство кардинала не было отъ того менѣе дѣйствительнымъ и неизмѣннымъ. Отецъ мой не зналъ недостатка въ заказахъ; вліяніе монсиньора Ангвиллара доставило ему также выгодную обязанность провѣрять и заводить часы во всѣхъ тѣхъ комнатахъ и залахъ апостолическаго дворца, въ которыхъ таковые имѣлись на лицо. Семья наша, благодаря всему этому, жила не бѣдно и пользовалась уваженіемъ. Рожденіе мое явилось въ ней счастливымъ и желаннымъ событіемъ. По настоянію отца, мнѣ было дано суровое имя Урса, предрекавшее неукротимость и рѣшительность нрава. Въ бóльшемъ соотвѣтствіи съ моимъ дѣйствительнымъ характеромъ, оно смягчилось вскорѣ въ итальянское Орсо. Въ дальнѣйшемъ же я сталъ для всѣхъ, кто сколько-нибудь близко зналъ меня, извѣстенъ какъ Орсоло и съ этимъ прозвищемъ, дастъ Богъ, останусь до конца дней и сойду въ могилу.

Другое радостное событіе прерываетъ однообразную и спокойную жизнь нашей семьи въ Римѣ въ ранніе годы моего дѣтства — это замужество обѣихъ моихъ сестеръ, случившееся въ одинъ и тотъ же день одного и того же мѣсяца, хотя промежутокъ въ пять съ лишнимъ лѣтъ отдѣлялъ возрастъ старшей изъ нихъ отъ возраста младшей. Я не удивленъ, что это произошло именно такъ: привлекательная внѣшность и пріятный характеръ младшей сестры, Целестины, должны были быть оцѣнены гораздо скорѣе, чѣмъ тѣ достоинства, въ которыхъ нельзя было отказать моей старшей сестрѣ, Терезѣ. Эти достоинства принадлежали къ числу незамѣтныхъ; высокая, широкоплечая и немного сутулая, наша Тереза не отличалась ни правильностью чертъ лица, ни веселостью нрава. Она была безсловесна, робка и умъ ея оставался погруженнымъ всецѣло въ мелочныя обстоятельства домашней жизни. Не было бы рѣшительно ничего страннаго, если бы она никогда не встрѣтила на своемъ пути человѣка, который пожелалъ бы связать съ ней собственную судьбу

Такой человѣкъ однако нашелся. Не знаю, что именно привело впервые къ намъ въ домъ еще молодого тогда архитектора Дженнаро Фантокки, состоявшаго на службѣ въ управленіи водъ святѣйшаго престола. Съ обычнымъ своимъ радушіемъ отецъ упросилъ гостя остаться обѣдать. Несмотря на молодость, Дженнаро Фантокки былъ лишенъ присущаго его возрасту легкомыслія. Онъ былъ молчаливъ, неподвиженъ и серьезенъ, что соотвѣтствовало высокому его росту и очень замѣтной преждевременной наклонности къ полнотѣ. Единственной слабостью его являлась хорошая кухня: ѣда была единственнымъ его развлеченіемъ, и онъ предавался ему сосредоточенно и самозабвенно. Во время того обѣда онъ не произнесъ ни единаго слова, такъ что отцу моему пришлось взять цѣликомъ на себя всю долю необходимой бесѣды. Вмѣстѣ съ тѣмъ Джованни Вендоло не переставалъ лукавымъ глазомъ наблюдать гостя, изрѣдка подмигивая женѣ.

Синьоръ Фантокки былъ еще погруженъ въ свою гастрономическую задумчивость и разсѣянно вытиралъ ротъ салфеткой, когда отецъ положилъ ему на плечо руку, спросивъ, доволенъ ли онъ скромнымъ обѣдомъ часовщика. Добродушное лицо молодого архитектора побагровѣло отъ замѣшательства, на лбу его выступили капли пота, изъявлявшія напоръ разнообразныхъ чувствъ. Ловя пальцами въ воздухѣ ускользающія слова, онъ заговорилъ, вначалѣ отрывисто, потомъ приливъ неожиданнаго краснорѣчія пришелъ ему на помощь. Дженнаро Фантокки произнесъ цѣлый панегирикъ гостепріимству нашего дома и достоинствамъ нашего стола. Онъ готовъ былъ обратиться съ благодарностями въ сторону хозяйки, но отецъ, взявъ за плечи, насильно обратилъ его лицомъ туда, гдѣ сидѣла, тщетно стремившаяся при своей крупной фигурѣ стать несуществующей, робкая Тереза и открылъ ему, что виновницей всѣхъ кулинарныхъ волшебствъ была она, изготовившая на послушномъ ей одной очагѣ все, отъ перваго до послѣдняго блюда. Фантокки всталъ и неловко ей поклонился. Залившись румянцемъ, Тереза вскочила, ища спасенія въ кухнѣ.

Обѣдъ, который съ такимъ аппетитомъ уничтожилъ молодой архитекторъ, не остался, разумѣется, его единственнымъ у насъ обѣдомъ. Все чаще и чаще приходило ему желаніе отдать должную дань поваренному искусству моей сестры. Что

же удивительнаго, что въ концѣ концовъ ему захотѣлось наслаждаться этимъ искусствомъ подъ своей кровлей и уже не въ качествѣ гостя, но въ роли амфитріона! Тереза Фантокки вскорѣ сдѣлалась одной изъ умудренныхъ всяческимъ опытомъ римскихъ хозяекъ. Ни въ одномъ домѣ столицы міра не ѣли такъ сытно и такъ вкусно, какъ въ домѣ архитектора водъ, располнѣвшаго и раздобрѣвшаго въ самый короткій срокъ отъ столь неожиданно свалившагося на него счастья. Изобрѣтательная въ приготовленіи пастъ, непревосходимая въ тонкости фриттуръ, вдохновенная въ области жаркого, Тереза выказала особый талантъ въ сооруженіи и украшеніи сладкихъ блюдъ. Ей несомнѣнно передалось нѣчто отъ механической находчивости моего отца и отъ его любви къ шуточнымъ затѣямъ. Изъ тѣста и сахара она терпѣливо сооружала цѣлые замки и цѣлые города, напоминавшіе тѣ, которыми фантазія его окружала маятники и циферблаты. Праздничный обѣдъ у Фантокки нерѣдко заканчивали то марципановый Кастель Сантъ Анджело, то орѣховый Колизей, то куполъ святого Петра изъ мороженныхъ сливокъ.

Будь мой отецъ менѣе равнодушенъ къ матеріальнымъ вещамъ, онъ могъ бы почитать себя совсѣмъ исключительно счастливымъ въ замужествѣ обѣихъ своихъ дочерей. Богиня, которую древніе столь основательно изображали слѣпой, зачастую вываливаетъ свой рогъ изобилія на голову того, кто менѣе всего склоненъ ее объ этомъ просить. Судьба одарила Джованни Вендоло не только одной изъ завиднѣйшихъ кухонь въ Римѣ, но и прямой возможностью снабдить ея погреба и чуланы всѣмъ, что производитъ деревня — всѣмъ тѣмъ, что таится въ жирной римской землѣ или свѣшивается съ вѣтвей сада, всѣмъ тѣмъ, что наполняетъ крикомъ и хлопаньемъ крыльевъ птичій дворъ, и обозначаетъ загонъ для скота разноголосымъ мычаніемъ и блеяніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, если старшая его дочь была готова обратить въ добропорядочное блюдо все, что годится въ христіанскую пищу, не оказалась ли младшая въ своемъ замужествѣ за Паоло Буцци, стоящей какъ бы у самаго первоисточника всѣхъ сельскихъ благъ?

Характеръ второй моей сестры и предпріимчивый нравъ того, кому суждено было сдѣлаться ея супругомъ, были не таковы, чтобы первое знакомство ихъ произошло за семейнымъ

столомъ, какъ это случилось съ робкой Терезой и ея степеннымъ Фаитокки. Я сильно подозрѣваю, что рѣшительный Паоло явился къ намъ со своимъ сватовствомъ, не будучи сколько-нибудь извѣстенъ моей матери или отцу, но бывъ въ то же время давно и нѣжно любимъ лукавой и бѣлокурой Целестиной. Извѣстіе о помолвкѣ Терезы побудило его рискнуть наконецъ и своимъ предложеніемъ; капризный умъ Джованни Вендоло оказался настолько прельщенъ комической стороной двойной свадьбы, что согласіе его послѣдовало мгновенно.

Союзъ, заключенный съ ненадлежащей долей осмотрительности, явился впрочемъ весьма счастливымъ. Паоло Буцци снималъ значительный участокъ земли неподалеку отъ древнихъ стѣнъ Рима, во владѣніяхъ князя Миньятелли. Прочно выстроенный изъ коричневаго туфа домъ служилъ ему жилищемъ. Нѣсколько старыхъ лозъ обвивали круглые толстые столбы его галлереи, чертя розовыя и синія тѣни на ихъ известковой поверхности. Огородъ, виноградникъ и плодовый садъ тянулись по склону холма, спускавшемуся къ заросшему катившемъ медленному ручью Алмоне. Небольшое поле пшеницы было терпѣливо вспахано собственной рукой хозяина, любившаго идти на утренней зарѣ за плугомъ, влекомымъ бѣлыми какъ снѣгъ волами. Среди этого поля возвышалось пугало въ старомъ кафтанѣ, съ краснымъ воротникомъ и мѣдными пуговицами, отгонявшее птицъ Кампаньи и при каждомъ движеніи вѣтра ласково кивавшее маленькому Орсоло своей продыравленной трехуголкой.

Съ раннихъ лѣтъ я любилъ все то, что окружало деревенскій домъ Соръ Паоло. Я видѣлъ, какъ выростало въ немъ рѣзвое населеніе племянниковъ и племянницъ моихъ. Вмѣстѣ съ ними я лазилъ по изгородямъ, окружавшимъ поле и загонъ для скота, рылся въ огородѣ, пасъ овецъ на прилегающихъ пространствахъ равнины. Я зналъ крѣпкій запахъ прохладныхъ винныхъ погребовъ и ароматъ сѣна, сложеннаго въ стога передъ давно заброшенной церковью святого Урбана, служившей теперь складомъ зерна, овощей и плодовъ для владѣнія Миньятелли. Когда распахивались двери этого квадратнаго кирпичнаго зданія, въ которомъ ученые хотятъ видѣть древній храмъ Вакха, я не упускалъ случая войти внутрь и поглядѣть на осыпавшіяся фрески, написанныя на

его стѣнахъ въ незапамятныя времена рукой варварской и благочестивой. Неподалеку, на пригоркѣ небольшая рощица старыхъ и вѣтвистыхъ, вѣчно-зеленыхъ дубовъ отбрасывала круглое пятно тѣни. Я укрывался въ нее, когда мнѣ надоѣдали шумныя игры сверстниковъ, и лежалъ тамъ цѣлыми часами, прислушиваясь къ металлическому шороху листьевъ или къ паденію на землю маленькихъ сухихъ плодовъ. Тропинка сбѣгала оттуда къ ручью, гдѣ подъ крутизной берега таился сырой и прохладный гротъ нимфы Эгеріи. Мѣста, съ какими были соединены нѣкогда счастливѣйшіе часы беззаботнаго дѣтства, съ ними связаны отнынѣ для меня тѣ событія, изложенію которыхъ посвященъ этотъ разсказъ!

III.

Пребываніе на винья Миньятелли было каждый разъ праздникомъ моихъ дѣтскихъ лѣтъ. Ничего тягостнаго не содержали впрочемъ для меня въ тѣ годы и будни. Я росъ окруженный нѣжными заботами матери и ласковымъ вниманіемъ отца, соединеннымъ съ нѣкоторымъ уваженіемъ къ моимъ рано пробудившимся хорошимъ способностямъ. Ни одной минуты не думалъ Джованни Вендоло сдѣлать меня наслѣдникомъ своей профессіи и своей кліентуры. Причиной этого было не то, что съ малыхъ лѣтъ я не проявилъ рѣшительно никакой склонности къ механическимъ изобрѣтеніямъ. Изъ меня вышелъ бы заурядный ремесленникъ, и мнѣ недоставало тѣхъ золотыхъ рукъ, которыми такъ счастливо была надѣлена наша Тереза. Воображеніе мое никогда не было направлено въ сторону скрытаго механизма вещей, и въ противоположность большинству мальчиковъ, я нисколько не интересовался устройствомъ простыхъ и сложныхъ приспособленій, которыми окружаетъ человѣкъ свое матеріальное существованіе.

Не это обстоятельство, какъ я уже замѣтилъ, мѣшало отцу воспитывать во мнѣ искуснаго часовщика. Фантастическое честолюбіе его препятствовало ему разстаться съ мечтаніями о собственной славѣ; тѣмъ съ большимъ упорствомъ воображалъ онъ блестящую жизненную карьеру, ожидавшую его единственнаго сына. Я такъ впослѣдствіи и не узналъ, кѣмъ именно болѣе всего желалъ бы видѣть меня отецъ въ будущемъ. Намѣренія его мѣнялись: то я казался ему рожденнымъ

для почестей Церкви, то для славы войны, то для достиженій науки, то для тонкостей дипломатіи. Колебанія Джованни Вендоло выражались въ отрывистыхъ восклицаніяхъ, которыя произносилъ онъ, проводя рукой по коротко остриженной моей головѣ, въ то время какъ съ нѣкоторымъ испугомъ я зажималъ во рту большой кусокъ пирога, испеченнаго Терезой.

Въ одномъ не сомнѣвался отецъ: въ томъ, что такъ или иначе будущее сулило мнѣ нѣчто весьма важное и значительное. Что же касается до меня, то я соприкасался съ вещами важными и значительными покамѣстъ лишь самымъ скромнымъ и отдаленнымъ образомъ. Въ иные дни я сопровождалъ отца во дворецъ, неся мѣшокъ, заключавшій въ себѣ связку разнообразныхъ ключей. Мы поднимались по лѣстницамъ, проходили безконечныя галлереи, украшенныя бѣлыми статуями, на пьедесталахъ и тогахъ которыхъ лежала тысячелѣтняя пыль. Мы посѣщали многолюдныя канцеляріи, уставленныя столами и шкапами, и парадные аппартаменты, увѣшанные прекрасными коврами съ фигурами. Все населеніе этого лабиринта комнатъ и залъ, казалось мнѣ, знало моего отца. Величественные слуги шутили съ нимъ и обмѣнивались дружественной щепоткой табаку, безчисленные аббаты въ черныхъ сутанахъ привѣтливо бросали ему на ходу нѣсколько словъ, лиловые и пурпурные прелаты давали ему приблизиться и облобызать руку. Отшучиваясь отъ однихъ, откликаясь другимъ, кланяясь третьимъ, отецъ не переставалъ заводить часы, большие и малые, каминные и стѣнные, простые и затѣйливые. Пружины всѣхъ повиновались его рукѣ, поскрипывалъ ключъ, вращались колеса, качались маятники. Въ огромномъ человѣческомъ ульѣ, гдѣ все двигалось безшумно, быстро и точно, онъ исполнялъ, казалось, необходимую роль. Не пріостановился ли бы, какъ заводной, весь этотъ необычайный механизмъ апостолическаго дворца, не замерли бы на своихъ мѣстахъ слуги, аббаты, чиновники и кардиналы, если бы мой отецъ перестал являться сюда, сопровождаемый маленькимъ мальчикомъ, тащившимъ связку разнообразныхъ ключей!

Иногда наши посѣщенія заканчивались въ низкихъ сводчатыхъ залахъ, отведенныхъ подъ караулъ швейцарскихъ гвардейцевъ. Здѣсь на короткое время Джованни Вендоло становил-

ся вновь Іоганномъ Вендлемъ, распознававшимъ друзей, земляковъ и даже родственниковъ среди этихъ рослыхъ молодцовъ въ туго обтянутыхъ полосатыхъ штанахъ и яркихъ камзолахъ. Нашъ родъ велъ свое начало изъ кантона Швицъ и оттуда же происходилъ одинъ бравый сержантъ, котораго помню я лучше другихъ среди караульныхъ. Онъ неизмѣнно сажалъ меня на одно колѣно, склонивъ надо мной добродушное лицо съ длинными рыжими усами. Другіе курили трубки вокругъ деревянныхъ столовъ, и отецъ мой подсаживался туда, гдѣ ожидалъ его оловянный стаканъ, наполненный пивомъ. Съ восторгомъ разглядывалъ я сверкавшія аллебарды и старинные короткоствольные мушкеты. Синій табачный дымъ клубился подъ сводами, кто либо изъ гвардейцевъ затягивалъ горную пѣсню, прочіе вторили ея страннымъ горловымъ перекликиваніямъ.

Но даже и преобразившись на мгновеніо въ Іоганна Вендля, отецъ мой мало прислушивался къ національнымъ пѣснямъ и вѣстямъ далекой его родины. Не для того, чтобы дохнуть родного, хотя и пропитаннаго табачнымъ дымомъ воздуха, заходилъ онъ такъ охотно въ караульное помѣщеніе папскихъ гвардейцевъ. Охраняя покои куріи, не являются ли они невольно свидѣтелями большихъ и малыхъ ея секретовъ? Жизнь придворнаго муравейника протекаетъ изо дня въ день на ихъ глазахъ, и если безхитростный солдатскій умъ не въ состояніи разобраться въ круговоротѣ каретъ у подъѣзда или въ потокѣ посѣтителей на лѣстницѣ, то не западаютъ ли въ него все же нѣкоторыя наблюденія, изъ которыхъ болѣе свѣтлая голова можетъ сдѣлать цѣнные выводы!

Давно уже изученіе механизма, движущаго дворомъ и Римомъ, сдѣлалось страстью моего отца. Съ упорствомъ, напоминавшемъ то, съ какимъ нѣкогда, вооружившись лупой, онъ изготовлялъ свои диковинныя выдумки, онъ съ помощью мельчайшихъ подробностей вскрывалъ въ своемъ воображеніи всѣ невидимыя пружины этого сложнаго механизма и всѣ зубчатыя колеса его, которыя, цѣпляясь одно за другое, опредѣляли великолѣпный ходъ придворной жизни. Ничто въ столицѣ міра, въ ея важнѣйшихъ политическихъ дѣлахъ и въ насущнѣйшихъ заботахъ вершителей ея судебъ не должно было оставаться тайной для Джованни Вендоло. Проникавшій со своимъ ремесломъ во всѣ дома, общавшійся съ людьми всякаго рода и

ранга, онъ постепенно узналъ всю подноготную виднѣйшихъ сановниковъ церкви и знатнѣйшихъ римскихъ фамилій. Титулованный, высокорожденный, чиновный и денежный Римъ зналъ онъ, какъ пять пальцевъ своей правой руки.

Изъ знанія этого отецъ мой не спѣшилъ извлечь какую-либо пользу. Увлеченіе его, напротивъ, нѣсколько вредило ему, потому что съ теченіемъ лѣтъ онъ все холоднѣе и холоднѣе относился къ своей профессіи и понемногу почти совершенно оставилъ тѣ механическія изобрѣтенія, которыми было прославлено его искусство. Казалось, онъ пріучился смотрѣть на себя какъ на лицо, которое лишь прикрываетъ особо важную миссію обыкновеннымъ ремесломъ часовщика.

Въ тѣ годы мнѣ не была, разумѣется, замѣтна эта перемѣна въ отцовскихъ умовоззрѣніяхъ. Я былъ прилежнымъ школяромъ, ежедневно совершавшимъ долгій путь отъ церкви Санта Марія делла Паче, подлѣ которой стоялъ тотъ домъ, гдѣ я родился и выросъ, до Меруланской улицы, гдѣ отцы іерусалимиты посвящали меня и нѣсколькихъ моихъ сверстниковъ въ таинства латинской грамоты и начала полезныхъ наукъ. Отецъ мой, имѣвшій всюду неожиданныя связи и на все свой особый взглядъ, остановился почему-то на этомъ отдаленномъ монастырѣ, хотя не было недостатка въ школахъ, расположенныхъ отъ насъ гораздо ближе. Импозантная фигура и внушительная ученость одного изъ старшихъ іерусалимскихъ монаховъ, Падре Мауриціо, произвела на него повидимому сильное впечатлѣніе. Падре Мауриціо былъ выдающимся математикомъ; въ тишинѣ своей скромной и привѣтливой комнаты, не заключавшей впрочемъ ничего монашескаго, онъ предавался трудамъ, которые были опубликованы лишь послѣ его смерти, съ тѣмъ, чтобы могущественно двинуть впередъ науку. Проницательность моего отца угадала въ немъ одного изъ геніальныхъ людей, рѣдкихъ во всѣ времена, и обычная его фантазія уже рисовала картины, какъ я, Орсо Вендоло, сдѣлаюсь единственнымъ наслѣдникомъ поразительныхъ математическихъ открытій, вмѣщенныхъ въ патріархально сѣдой головѣ іерусалимита. И если бы даже не случилось того, не лежитъ ли математика, родительница практическихъ наукъ, въ основѣ всѣхъ высокихъ призваній, о которыхъ онъ мечталъ для своего сына? Не по ея ли законамъ располагаетъ свои

полки военачальииковъ, подготовляя побѣду, не она ли помогаетъ строить свои выкладки государственнымъ людямъ и дипломатамъ вести ихъ тонкіе расчеты....

Равнодушный къ тѣмъ или другимъ подробностямъ реальной жизни, Падре Мауриціо легко согласился удѣлить часть своего времени занятіямъ съ мальчикомъ, выказывавшимъ достаточную долю понятливости въ излюбленной его наукѣ. Послѣ общихъ школьныхъ часовъ мы занимались съ нимъ въ его собственной комнатѣ. Въ то время, какъ почтенный іерусалимитъ чертилъ на бумагѣ геометрическія фигуры или усѣивалъ ее рядами алгебраическихъ знаковъ, на бѣлой стѣнѣ отчетливо тикали часы, подаренные моимъ отцомъ. Не безъ нетерпѣнія смотрѣлъ я на ихъ медленно двигавшіяся стрѣлки и украдкой поглядывалъ въ запущенный садъ, откуда сквозь открытое окно доносился запахъ вѣчно-зеленой листвы и влажной земли. Я мечталъ о вѣтвистыхъ дубахъ на берегахъ Алмоне, отбрасывавшихъ круглое пятно тѣни на весеннюю траву, о горизонтахъ Кампаньи, такъ нѣжно синѣвшихъ къ вечеру вокругъ старой церкви Сантъ Урбано и сельскаго жилища моей сестры. Падре Мауриціо забывалъ между тѣмъ о своемъ маленькомъ ученикѣ, и отъ рѣшенія простѣйшихъ задачъ переходилъ незамѣтно къ недоступнымъ ни одному смертному кромѣ него головоломнымъ проблемамъ.

Безъ особаго увлеченія, но и безъ особой неохоты, вмѣстѣ съ тѣмъ, посѣщалъ я эти не слишкомъ плодотворные уроки. Математика мало прельщала меня, но живой образъ носителя ея истинъ завоевалъ расположеніе моего дѣтскаго сердца. Прозрачные глаза Падре Мауриціо проливали мнѣ въ душу возвышенное спокойствіе; серебристая его борода и бѣлыя какъ снѣгъ брови свѣтились, казалось, собственнымъ свѣтомъ въ глубокой тѣни комнаты. Неизмѣнно серьезный, онъ относился ко мнѣ съ нѣсколько церемонной учтивостью, какъ бы не видя ни разницы нашихъ лѣтъ, ни градаціи нашихъ общественныхъ положеній. Возможно, что математикъ въ самомъ дѣлѣ не видѣлъ меня, маленькаго Орсолино, и произнося свои теоремы и аксіомы столь же мало думалъ о томъ, кто ихъ слушаетъ, какъ и тогда, когда единственнымъ его слушателемъ была бѣлая стѣна кельи. Я научился ничѣмъ не нарушать покоя его глубокихъ размышленій, и какъ ни хотѣлось мнѣ иной разъ пере-

двинуть рукой медлительныя стрѣлки отцовскихъ часовъ, я возсѣдалъ покорно на своемъ соломенномъ стулѣ и, опустивъ голову къ самой doскѣ стола, покрывалъ листъ бумаги рисунками, ничего общаго не имѣвшими ни съ алгеброй, ни съ геометріей.

Въ тѣ годы впервые пробудилась во мнѣ страсть къ рисованію. Въ комнатѣ добраго іерусалимита я пріобрѣлъ впервые и ту мечтательную наклонность, которая въ большей или меньшей степени не оставляла меня въ теченіе всей моей жизни. Случалось, что старый ученый и молодой его ученикъ досиживали такъ за столомъ у окна бѣлой комнаты до первыхъ колоколовъ Ave Maria. Вздрогнувъ и опомнившись, Падре Маурицію вставалъ на ноги и осѣнялъ себя крестнымъ знаменіемъ; губы его, едва шевелясь, произносили краткую молитву. Я подходилъ къ нему подъ благословеніе и цѣловалъ его большую бѣлую руку. Старикъ провожалъ меня вѣжливымъ и важнымъ поклономъ. Еще не успѣвалъ умолкнуть маленькій монастырскій колоколъ, отчаянно взлетавшій вверхъ на своей перекладинѣ, когда я выходилъ сквозь садовую калитку на Мерулаискую улицу. Справа и слѣва тянулись каменныя ограды монастырей и пріютовъ. Колокола Авентина и Целія не переставали звучать вечерней молитвой. Я оглядывался въ сторону Кампаньи. Въ свѣтѣ заката золотилась пыль на площади Латерана и свѣжестью быстро наступавшаго вечера тянуло съ недалекихъ полей.

IV.

На долгомъ пути домой я почти каждый день проходилъ мимо палаццо Ангвиллара, возвышавшагося среди бѣдныхъ и малолюдныхъ улицъ Эсквилина. Я хорошо зналъ его торжественный фасадъ, воздвигнутый Делла Портой въ суровые годы Сикста V. Надъ аркой главнаго портала гербъ Ангвиллара напоминалъ въ нижней своей части изображеніемъ двухъ сплетенныхъ угрей о владѣніяхъ древняго рода, заключавшихъ въ себѣ маленькій городокъ на Браччіанскомъ озерѣ, прославленный рыбой этой породы; въ верхней части герба три шестиконечныхъ звѣзды свидѣтельствовали о высокихъ фамильныхъ предначертаніяхъ.

Въ дни дѣтства я былъ лишь однажды гостемъ палаццо Ангвиллара и притомъ вѣроятно самымъ незамѣтнымъ изъ

всѣхъ его гостей. Въ то время какъ парадныя кареты съ трудомъ разъѣзжались на тѣсной площадкѣ передъ главнымъ подъѣздомъ, въ то время какъ въ сиnевѣ вечера всѣ одиннадцать оконъ фасада сіяли свѣтомъ безчисленныхъ свѣчей, и слуги высоко держа въ рукахъ смолистые факелы, освѣщали монументальную лѣстницу поднимавшимся по ней князьямъ церкви и знатнымъ дамамъ, отецъ втолкнулъ меня въ маленькую дверь одной изъ службъ дворца и вывелъ въ садъ одному ему извѣстными переходами.

Въ тотъ вечеръ былъ праздникъ въ палаццо Ангвиллара, закончившійся фейерверкомъ, сожженнымъ въ его садахъ. Отецъ, оставивъ меня, убѣжалъ принять участіе въ приготовленіяхъ, не обошедшихся, конечно, безъ его механическаго таланта, и я, чтобы лучше видѣть огни, взобрался на одну изъ руинъ, пощаженную небрежностью архитекторовъ дворца или быть можетъ классическими вкусами его хозяевъ. Сады Ангвиллара содержались въ томъ же относительно маломъ порядкѣ, въ которомъ велось все хозяйство кардинальскаго дома. Кустарники, разросшіеся среди руинъ, захватывали аллеи; обвалились кое-гдѣ каменныя скамьи, не дѣйствовали фонтаны, безмолвствовали ихъ трубы, занесенныя пескомъ и иломъ, и жестъ поддерживавшихъ ихъ статуй, казалось, выражалъ удивленіе и безпомощность. Такъ и осталась неоконченной ограда, отдѣлявшая сады отъ обширныхъ пустырей, среди которыхъ громоздились развалины древнихъ термъ и сквозь нее легко проникла въ тотъ вечеръ толпа простолюдиновъ, сопровождавшихъ выстрѣлы петардъ громкими и нескромными возгласами.

Эти восклицанія безъ сомнѣнія долетали до слуха кардинала и его приглашенныхъ, собравшихся на выходящей въ садъ лоджіи. Могли ли они особенно смутить монсиньора Ангвиллара, съ его извѣстной въ Римѣ страстью къ театру, не исключавшей при всемъ томъ должномъ, что отдавалъ онъ трагедіи и нѣкоторой снисходительности къ самой грубой комедіи! Не забавляли ли его гораздо болѣе, чѣмъ сдержанныя бесѣды званыхъ гостей, острыя и откровенныя слова этихъ незванныхъ гостей, расположившихся какъ у себя дома, въ озаряемой вспышками фейерверка темнотѣ его плохо хранимаго сада. Равнодушный къ фейерверочнымъ затѣямъ, карди-

налъ Ангвиллара украдкой позѣвывалъ, съ нетерпѣніемъ дожидаясь часа, когда схлынутъ тѣ, кого пригласить повелѣвалъ его рангъ, и когда останутся лишь немногіе друзья, посвященные во всѣ его простительныя слабости. Давно успѣлъ маленькій Орсоло спуститься со своей руины, добраться до дому и улечься въ постель, когда сильно порѣдѣвшее общество Ангвиллара съ нѣкоторой таинственностью направилось въ особые покои, гдѣ закруглялась сцена домашняго театра и гдѣ волнуясь и разглаживая кружева воротника знаменитый кастратъ Аньолино уже пробовалъ состояніе своего божественнаго медзавоче.

Говорятъ, что изворотливые угри, изображенные въ гербѣ Ангвиллара напоминали о дипломатической ловкости, проявленной представителями этого рода сто-двѣсти лѣтъ тому назадъ. Если это вѣрно, то надо признать, что монсиньоръ Леліо Ангвиллара не унаслѣдовалъ традиціоннаго качества своихъ предковъ. Самонадѣянный и презиравшій людей, онъ былъ слишкомъ увѣренъ, что каждое жизненное обстоятельство складывается для него благопріятно. Онъ не считалъ нужнымъ быть насторожѣ къ тѣмъ ловушкамъ, которыя судьба готовитъ удачливѣйшему изъ насъ и притомъ тогда, когда онъ всего менѣе этого ожидаетъ. Чужое мнѣніе не значило для него въ сущности ничего, но онъ легко подчинялся ему въ такихъ случаяхъ, когда оно потворствовало его тайнымъ намѣреніямъ, которыя осудилъ бы его собственный, достаточно трезвый умъ. Ангвиллара тогда разыгрывалъ передъ самимъ собою комедію слабоволія. Въ душѣ своей онъ смѣялся надъ тѣмъ, кто въ этой комедіи игралъ совершенно серьезно свою роль: монсиньоръ Ангвиллара былъ убѣжденъ, что апплодисменты зрителей останутся всегда за нимъ, какъ за признаннымъ баловнемъ счастья. Только такимъ образомъ могу я объяснить то странное вліяніе, которое, казалось, возымѣлъ на него невѣдомо откуда взявшійся аббатъ Віейра, и то неосторожное рѣшеніе, которое принялъ онъ подъ дѣйствіемъ этого снѣдаемаго честолюбіемъ португальца.

Годъ или два спустя послѣ описаннаго мною праздника въ садахъ Ангвиллара я возвращался обычною дорогой съ урока въ кельѣ іерусалимита. Былъ одинъ изъ тѣхъ дней конца римской зимы, когда теплое дыханіе сирокко свидѣтельствуетъ

о приближеніи иного сезона. Мой старый учитель тяжело дышалъ въ своей бѣлой комнатѣ съ окномъ, открытымъ въ монастырскій садъ, и отуманенная моя голова менѣе чѣмъ когда-либо была способна слѣдить за логикой его аргументовъ. Мы прервали урокъ раньше обыкновеннаго. Проходя по пустыннымъ улицамъ Эсквилина я слѣдилъ, какъ вѣтеръ подергивалъ рябью большія лужи, оставшіяся послѣ утренняго дождя и отражавшія блѣдное бѣловатое небо. Въ лицо мнѣ вѣяло точно изъ натопленной печи; я пріостановился какъ разъ у дворца Ангвиллара, чтобы перевести дыханіе и отереть капли пота, выступившія на лбу. Отецъ мой стремительно выбѣжалъ въ ту минуту изъ главнаго подъѣзда; по виду его я сразу могъ заключить, что произошло нѣчто чрезвычайное.

Я никогда еще не видалъ отца въ такомъ сильномъ возбужденіи. Замѣтивъ меня, отъ притянулъ меня къ себѣ за рукавъ и сообщилъ мнѣ взволнованнымъ шопотомъ, что папа Климентъ XIII тяжело боленъ и что дни его сочтены. Долженъ сознаться, извѣстіе это поразило меня ровно настолько, насколько я угадалъ въ немъ причину страннаго состоянія моего отца. Я продолжалъ смотрѣть на него съ прежнимъ недоумѣніемъ, но онъ не давая опомниться уже увлекалъ меня домой, не переставая разсказывать на ухо тысячу вещей, иногда вдругъ смолкая и озираясь кругомъ, иногда понижая свой голось до непонятнаго бормотанія, которому содѣйствовали выразительные жесты свободной руки.

Мнѣ исполнилось четырнадцать лѣтъ, но впервые созналъ я себя взрослымъ въ тотъ памятный депь на пути съ Эсквилина. Повинуясь наплыву долго скрываемыхъ чувствъ, отецъ довѣрилъ тогда мнѣ свои надежды, свои мечтанія, свои планы. Воображеніе мое было сразу ввергнуто имъ въ кругъ политическихъ дѣлъ, дипломатическихъ интригъ, высокихъ соперничествъ. Насталъ часъ, когда умъ Джованни Вендоло оказался не въ состояніи утаивать болѣе свое глубокое знаніе Рима. Съ лихорадочной поспѣшностью развертывалъ онъ передо мною сѣть придворныхъ хитросплетеній; волею случая я оказался первымъ свидѣтелемъ его тонкихъ расчетовъ и первымъ очевидцемъ его мѣткихъ сужденій.

Мнѣ нечего здѣсь говорить, что въ этихъ сужденіяхъ и расчетахъ я не понялъ тогда и десятой доли ихъ. Имена кар-

диналовъ, ихъ качества и ихъ пороки, ихъ характеры и ихъ пристрастія, ихъ вліянія и ихъ шансы воспринималъ я однимъ ухомъ съ тѣмъ, чтобы они сейчасъ же вылетѣли въ другое. Я сознавалъ лишь, что всѣ упованія отца были связаны съ чаще всего называвшимся имъ и хорошо мнѣ извѣстнымъ именемъ кардинала Ангвиллара. Ему не составило, разумѣется, особаго труда внушить мнѣ увѣренность въ предстоящемъ избраніи папой нашего эминентиссимо. Я привыкъ быть высокаго мнѣнія о могуществѣ моего отца и съ нѣсколько суевѣрнымъ почтеніемъ относился къ его изобрѣтательнымъ способностямъ. Что удивительнаго было бы, если бы тотъ, кому такъ легко повиновались заводныя фигурки часовыхъ механизмовъ, оказался имѣющимъ какую-то магическую власть и надъ движеніями живыхъ существъ. Судьбы грядущаго конклава я съ легкимъ сердцемъ готовъ былъ отдать въ искусныя руки отца. Пусть по желанію его будетъ папой Леліо Ангвиллара подъ именемъ Сикста VI или Урбана IX! Когда мы приблизились къ дому, мое воображеніе было занято болѣе тѣми перспективами, которыя это великое событіе открывало для всѣхъ насъ и для меня самого, маленькаго Орсоло. Сдѣлаются ли подвластны надзору моего отца часы самого папы, и не въ опочивальню ли новаго избранника буду входить я съ моей связкой ключей? Или быть можетъ великодушный и щедрый монсиньоръ въ благодарность за оказанную услугу сдѣлаетъ часовщика своимъ домоправителемъ и всѣ мы, войдя въ составъ его высокой фамиліи, оставимъ вотъ это скромное нынѣшнее жилище съ тѣмъ, чтобы переселиться въ сверкающій паркетами палаццо Монте Кавалло или въ тѣнистые сады дворца Ангвиллара?

Я лишь впослѣдствіи узналъ обстоятельства, при которыхъ нашъ кардиналъ впервые вообразилъ себя занимающимъ видное мѣсто среди тѣхъ его коллегъ, которые считались, какъ говорятъ въ Римѣ, «papabili». Былъ обѣдъ во дворцѣ Ангвиллара, и слуги только что успѣли поставить на столъ серебряныя блюда съ традиціонными угрями Браччіанскаго озера, когда одинъ опоздавшій къ столу гость сообщилъ первую вѣсть о болѣзни папы. Нарушивъ минутное молчаніе, аббатъ Віейра воскликнулъ, что видитъ прямое пророчество въ этихъ дарахъ озерныхъ рыбаковъ Ангвиллары, поданныхъ карди-

налу какъ разъ вмѣстѣ съ извѣстіемъ, обѣщающимъ скорую вакансію рыбачьяго престола.

Восклицаніе тонкаго португальца произвело, казалось, сильное впечатлѣніе на нашего и его покровителя. Леліо Ангвиллара не отозвался смѣхомъ на это застольное пророчество; онъ задумался. Мысль о своихъ шансахъ на римскій престолъ никогда до того дня не приходила ему въ голову. Будучи возведенъ въ свое достоинство еще добрымъ Ламбертини, онъ принималъ участіе въ конклавѣ Климента XIII, не выказавъ особаго интереса къ результатамъ избранія. Богатый и независимый, поглощенный своей страстью къ театру и музыкѣ, кардиналъ Ангвиллара относился до сихъ поръ съ глубокимъ безразличіемъ къ тягостнымъ почестямъ первосвященническаго сана. Ни одинъ изъ членовъ высокой коллегіи не считалъ его въ числѣ кандидатовъ грядущаго конклава, ни по его вкусамъ, умѣстнымъ скорѣе въ частной жизни, ни по его способностямъ, такъ явно выказавшимся въ безпорядочномъ управленіи собственнымъ домомъ. Въ свою очередь онъ, презиравшій всѣхъ людей вообще, платилъ имъ особымъ презрѣніемъ, выражавшимся въ тѣхъ безпощадныхъ эпиграммахъ, которыя рождались въ палаццо Ангвиллара и переходили затѣмъ изъ устъ въ уста по всему Риму.

Быть можетъ именно это презрѣніе къ своимъ собратьямъ по сану и помогло въ концѣ концовъ Эсквилинскому кардиналу сдѣлать видъ, что онъ уступаетъ льстивымъ убѣжденіямъ португальскаго аббата. Если ни одинъ изъ кардиналовъ не былъ достоинъ въ глазахъ Ангвиллары апостольскаго избранія, то почему бы этому избранію не остановиться на немъ? Со слѣпымъ фанатизмомъ честолюбца португалецъ твердилъ ему то же самое съ утра до вечера. Чужеземецъ, не знавшій достаточно ни Рима, ни двора, могъ легко упорствовать въ своемъ злополучномъ намѣреніи. Но какимъ образомъ склонилъ онъ къ этому моего отца, предоставившаго въ его распоряженіе весь свой годами накопленный опытъ, который, казалось, именно долженъ былъ бы предостеречь ихъ обоихъ отъ безнадежнаго предпріятія!

Сжигаемый жаромъ смѣлыхъ интригъ, португальскій аббатъ заразилъ кардинала Ангвиллара особымъ душевнымъ недугомъ, который зовется въ Римѣ «rabbia papale», и несо-

мнѣнно та же болѣзнь передалась моему отцу, лишивъ его способности видѣть вещи, какъ онѣ есть и судить о нихъ вполнѣ трезво. Избирательной горячкой былъ охваченъ нашъ домъ еще за нѣсколько дней до того, какъ капитолійскій колоколъ, повторенный всѣми церквами, возвѣстилъ о кончинѣ бѣднаго папы Редзонико. Мгновенно забытый, покоился онъ теперь въ залахъ открытаго всякому любопытству дворца Монте Кавалло, и камерлингъ, стуча серебрянымъ молоточкомъ о его лобъ, три раза тщетно звалъ его именемъ, даннымъ въ крещеніи. Я видѣлъ эту таинственную и страшную церемонію и я бѣгалъ вмѣстѣ съ другими глазѣть на пышный катафалкъ, сооружавшійся въ Санъ Пьетро. Въ продолженіи девяти дней похоронъ отецъ охотно отсылалъ меня изъ дому, гдѣ остановились всѣ забытые и заброшенные имъ часы въ то время, какъ въ любой часъ дня и ночи посѣтители самаго разнообразнаго рода появлялись у него въ мастерской, шушукаясь между собой въ углахъ нашего скромнаго жилья и передавая другъ другу пакеты съ кардинальской печатью. Весь городъ впрочемъ былъ полонъ въ эти дни страннымъ возбужденіемъ, и изъ всѣхъ его обитателей, казалось, лишь одинъ мой старый учитель Падре Маурицiо, въ своей бѣлой комнатѣ, передъ окномъ, открытымъ въ монастырскій садъ, не задумывался о томъ, чѣмъ кончится грядущій конклавъ.

V.

Нѣтъ надобности повторять здѣсь столь хорошо извѣстныя перипетіи бурнаго конклава, приведшаго къ избранію папой Климента XIV. Я ограничусь разсказомъ о томъ, если угодно, комическомъ эпизодѣ, который ознаменовалъ его самые первые дни и былъ сейчасъ же забытъ среди болѣе серьезныхъ колебаній жестокой избирательной борьбы. Я только что назвалъ забытый эпизодъ комическимъ, — такимъ остался онъ въ глазахъ Рима, но далеко не такимъ былъ онъ для непосредственныхъ его участниковъ. Что касается до меня, то онъ несомнѣнно оказалъ вліяніе на всю мою жизненную судьбу; въ концѣ концовъ отчасти онъ направилъ меня къ тѣмъ встрѣчамъ, описанію которыхъ главнымъ образомъ посвящены эти страницы.

Аббатъ Віейра былъ послѣ тщательной дипломатіи допущенъ высокой коллегіей въ качествѣ конклависта при кардиналѣ Ангвиллара изъ числа двухъ, которыхъ ему предопредѣляло право. Съ какой радостью отецъ мой занялъ бы мѣсто второго, принадлежавшее одному изъ кардинальскихъ слугъ! Будучи слишкомъ хорошо всѣмъ извѣстенъ, онъ не могъ на это разсчитывать, но изобрѣтательность его не остановилась передъ такимъ препятствіемъ. Не могъ развѣ мастеръ Джованни Вендоло, слывшій поистинѣ мастеромъ на всѣ руки, проникнуть сквозь запретныя двери въ качествѣ одного изъ тѣхъ честныхъ римскихъ ремесленниковъ, каменьщиковъ и столяровъ, которыхъ каждый конклавъ допускаетъ въ положенномъ числѣ?

Какъ бы то ни было, отецъ мой добился своего, и я относилъ ему обѣдъ въ ватиканскія залы въ тотъ хлопотливый день вхожденія въ конклавъ, когда простые смертные еще могутъ проникнуть въ эти залы и видѣть тамъ сумятицу послѣднихъ приготовленій. Пробираясь съ трудомъ сквозь толпу любопытныхъ римлянъ и иностранцевъ, кардинальскихъ слугъ, тащившихъ меблировку и утварь, каменьщиковъ, спѣшившихъ съ послѣдними кирпичами къ уже наполовину замурованнымъ дверямъ, и плотниковъ, съ грохотомъ бросавшихъ излишнія доски на мраморные полы, я розыскалъ отца, спокойно работающимъ надъ сооруженіемъ деревяннаго павильона, который по обычаю долженъ былъ служить жилищемъ кардинала Ангвиллара въ продолженіи всего конклава. Все было готово здѣсь; отецъ мой, насвистывая пѣсню, обивалъ стѣпы зеленой тканью, свидѣтельствовавшей, въ противоположность сосѣднимъ лиловымъ драпировкамъ, что кардиналъ не былъ креатурой послѣдняго папы. Отецъ съѣлъ свой обѣдъ и обнялъ меня, весело готовясь къ добровольному заключенію. Онъ показалъ мнѣ внутренность павильона; я запомнилъ тамъ монументальную кровать съ гербомъ Ангвиллара, два зеркала въ витыхъ золотыхъ рамахъ и прекрасные фарфоровые часы.

Ахъ, отчего кардиналъ Ангвиллара не ограничился этими прекрасными часами, зачѣмъ по всегдашней своей разсѣянности положилъ онъ въ карманъ сутаны тѣ, которымъ суждено было сыграть такую роковую для него и для всѣхъ насъ роль! Кто знаетъ, быть можетъ случай избранія былъ бы иной, и

нѣсомнѣнно иной была бы участь всѣхъ описанныхъ здѣсь лицъ. Но я забѣгаю впередъ. Оставаясь послѣдовательнымъ, припомню, что въ тотъ день я не упустилъ торжественной процессіи кардиналовъ, входящихъ въ конклавъ, и медлилъ еще долго въ залахъ Ватикана, увлеченный фантастической суетой, происходившей въ нихъ, въ то время какъ сумракъ вечера окутывалъ ихъ высокіе потолки, легко побѣждая слабый свѣтъ зажегшихся тамъ и сямъ свѣчей. Прозвучалъ въ третій разъ колокольчикъ маршала, и раздался традиціонный возгласъ его Extra Omnes, когда я вмѣстѣ съ другими покинулъ дворецъ и очутился на площади, гдѣ еще долго не расходилась толпа, заглушавшая своимъ говоромъ плескъ фонтановъ.

На этой площади оказался я вновь на слѣдующее утро, чтобы видѣть дымокъ первой «sfumata». Немногіе изъ терпѣливо дожидавшихся здѣсь предполагали, что первая подача голосовъ окончится избраніемъ папы, и что о томъ возвѣститъ намъ слабый дымокъ сожженныхъ записокъ, къ которымъ по установившемуся для такихъ случаевъ обычаю не будетъ прибавлено соломы. Я ждалъ вмѣстѣ съ другими и, когда повалилъ наконецъ густой дымъ изъ ватиканскаго окна, оставилъ площадь, не подозрѣвая, что съ этимъ первымъ дымомъ конклава разъ навсегда улетѣли надежды нашего злополучнаго эминентиссимо, равно какъ и надежды моего отца.

Конклавной лихорадкой былъ зараженъ даже я; въ ту ночь мнѣ спалось плохо, и во снѣ я блуждалъ, тщетно ища отца по ночнымъ ватиканскимъ заламъ. На утро неожиданное посѣщеніе Дженнаро Фантокки удивило насъ съ матерью. По виду его было ясно, что онъ желаетъ нѣчто сообщить. Давно извѣстно, что какъ бы ни были замурованы двери конклава и задѣланы окна его, слухъ о событіяхъ въ немъ легко проникаетъ наружу и распространяется по всему Риму. Со смутной тревогой мы ожидали извѣстій, которыя могъ принести Фантокки. Но уступая своей всегдашней молчаливости и нѣкоторой робости, не оставившей его съ годами, архитекторъ не рѣшился раскрыть рта, и чѣмъ настойчивѣе становились наши разспросы, тѣмъ дѣлался онъ болѣе глухъ и нѣмъ. Въ концѣ концовъ, выпивъ двѣ чашки шоколада и скушавъ полдюжины сладкихъ пирожковъ, онъ удалился, испытавъ явное облегченіе.

Вечеромъ второго дня отецъ нашъ внезапно появился среди насъ. Неизбѣжная неудача не только наступила гораздо раньше, чѣмъ слѣдовало ее ожидать, но и приняла видъ настоящей катастрофы. Понадобилось немало времени, чтобы Джованни Вендоло собрался съ силами разсказать то, что случилось въ стѣнахъ конклава, которыя извергнули его въ лоно семьи въ такой негаданно-короткій срокъ. Все шло хорошо, по его словамъ, въ первые часы почетнаго заключенія. Кардиналъ Ангвиллара могъ быть доволенъ не только мѣстомъ, которое выпало по жребію его павильону, не только внутреннимъ убранствомъ своего походнаго жилища, но и тѣмъ пріемомъ, который вызвали его нечаянныя намѣренія въ высокой коллегіи. Опытность моего отца и настойчивость аббата Віейра не пропали даромъ. Многіе изъ участниковъ конклава, хорошо знавшіе то малое значеніе, какое имѣетъ подача голосовъ въ первые дни, безъ колебанія согласилась потѣшить капризъ эсквилинскаго кардинала, забывшаго римскую пословицу, которая гласитъ, что кто входитъ въ конклавъ папой, тотъ выходитъ изъ нее кардиналомъ.

Первый подсчетъ записокъ далъ тридцать два голоса Леліо Ангвиллара, въ то время какъ слѣдовавшіе за нимъ кандидаты не могли собрать болѣе десяти. Всего лишь четыре голоса отдѣляли его отъ завѣтной цифры избранія. Здѣсь было отчего вскружиться и самой крѣпкой головѣ! Тяжело дыша и весь побагровѣвъ, сидѣлъ нашъ кардиналъ за своимъ столикомъ Сикстинской капеллы, въ то время какъ шопотъ удивленія пронесся въ рядахъ собранія. Безконечными казались минуты, отдѣлявшія его теперь отъ второй части избирательной церемоніи, позволяющей каждому присоединить свой голосъ къ голосамъ, поданнымъ за одного изъ только что опредѣлившихся кандидатовъ. За дверями капеллы толпились жадно ловившіе всякій слухъ конклависты; аббатъ Віейра былъ среди нихъ, выдѣляясь своимъ блѣднымъ лицомъ и сверкающими глазами.

Какъ это всегда бываетъ въ первый день конклава, церемонія затянулась, близился полдень. Въ ожиданіи accessit иностранные епископы и провинціальные кардиналы сидѣли съ недоумѣвающими и растерянными лицами; на тонкихъ губахъ многоопытныхъ римлянъ змѣилась улыбка, мало добраго пред-

вѣщавшая кардиналу Ангвиллара. Въ торжественной тишинѣ Сикстинской капеллы были слышны лишь шорохъ бумаги и скрипъ гусиныхъ перьевъ. Долетѣлъ полуденный бой часовъ изъ сосѣдняго корридора и вслѣдъ затѣмъ странный звукъ заставилъ всѣхъ оторваться отъ избирательныхъ записокъ и поднять голову. Гдѣ то совсѣмъ близко отчетливо звучалъ маленькій органчикъ, исполнявшій оперную арію. Многіе сейчасъ же узнали въ ней «amor crudele», которую распѣвалъ весь Римъ два года тому назадъ вслѣдъ за знаменитымъ кастратомъ Аньолино. Леліо Ангвиллара почувствовалъ, что земля уходитъ у него изъ-подъ ногъ. Невольнымъ движеніемъ онъ шарилъ у себя на груди, въ то время какъ глаза всего конклава были устремлены на него. Иные смѣялись, тогда какъ лица другихъ выражали испугъ. Иностранные кардиналы осѣняли себя крестнымъ знаменіемъ, два или три глубокихъ старца повставали, негодуя, со своихъ мѣстъ среди всеобщаго замѣшательства. Съ отчаяніемъ, исказившимъ его черты, эсквилинскій кардиналъ вытащилъ изъ кармана золотые часы, которые съ такой гордостью преподнесъ ему однажды Джованни Вендоло, какъ удачнѣйшее изъ своихъ произведеній. Еще явственнѣе звучали въ нихъ трели Аньолино и вдругъ умолкли на сладостной нотѣ, зажатыя въ безсильныхъ рукахъ кардинала, проговорившаго хриплымъ голосомъ имя моего отца вмѣстѣ съ эпитетомъ, котораго никогда не слыхали стѣны Сикстинской капеллы.

Церемонія, прерванная такимъ внезапнымъ и мало приличнымъ образомъ, разумѣется, возобновилась. Увы! записки accesit не дали ни одного голоса тому, по чьей винѣ былъ нарушенъ торжественный порядокъ святѣйшаго конклава. Всѣ, кто голосовали въ первый разъ за Ангвиллару, отдали свои голоса другимъ. Блуждая кругомъ глазами и продолжая сжимать въ рукѣ беззвучные теперь часы, еще привлекавшіе ироническое любопытство сосѣдей, сидѣлъ онъ блѣдный какъ полотно, мучительно дожидаясь минуты, которая позволила бы ему уйти изъ капеллы и укрыться въ своемъ павильонѣ за символическимъ крестомъ Сантъ Андреа. Конклависты, потерявъ сдержанность, шумѣли за дверями о происшедшемъ скандалѣ. Аббата Війера не было среди нихъ: въ припадкѣ слѣпого бѣшенства онъ бросился разыскивать моего отца. Онъ встрѣ-

тилъ его въ одной изъ галлерей, авторитетно излагающимъ шансы избранія своимъ товарищамъ по ремеслу. Не говоря ни слова португалецъ схватилъ моего бѣднаго старика за плечи и началъ его трясти. Присутствующіе кинулись ихъ разнимать. Цирюльникъ конклава, оказавшійся тутъ же, ударилъ аббата по лысой головѣ мѣднымъ своимъ тазикомъ, полагая, что имѣетъ дѣло съ сумасшедшимъ. Аббатъ Віейра отвѣтилъ ему пинкомъ ногой, завязалась драка. Кардиналы, расходившіеся изъ Сикстинской капеллы, показались въ эту минуту въ концѣ галлереи. Первый день конклава ознаменовался любовной аріей и потасовкой.

VI.

Именно объ этомъ разсказалъ на слѣдующее утро Пасквино въ шуточномъ двустишіи, которое сейчасъ же облетѣло весь Римъ. Монсиньоръ Ангвиллара, его пылкій аббатъ и его не въ мѣру изобрѣтательный часовщикъ были у всѣхъ на устахъ. Эсквилинскій кардиналъ оставилъ конклавъ подъ предлогомъ болѣзни; шестерка лошадей умчала его тяжелую карету къ берегамъ Браччіанскаго озера, гдѣ ему пришлось призвать на помощь всю мудрость сельской тишины, чтобы найти забвеніе. Отецъ мой на нѣсколько дней снискалъ себѣ необыкновенную извѣстность. Если бы онъ желалъ заказовъ, они посыпались бы на него какъ изъ ведра. Но механическое его ремесло и все, что было съ нимъ связано, вызывали теперь въ немъ непобѣдимое отвращеніе. Для всѣхъ посѣтителей оставались накрѣпко заперты двери его лавки и его мастерской. Вниманіе шутниковъ не покинуло его однако и въ этомъ домашнемъ заключеніи. Появившаяся однажды на нашей вывѣскѣ надпись мѣломъ «музыкантъ святѣйшаго конклава» переполнила чашу его терпѣнія. Отъ смѣха улицы и пересудовъ кофеенъ бѣжалъ онъ въ деревенскій домъ сестры моей Целестины, захвативъ съ собою меня къ величайшему моему удовольствію.

Отецъ мой остался безъ заработка и безъ покровительства. Но только теперь сдѣлалось видно, какъ счастливъ былъ онъ въ замужествѣ обѣихъ своихъ дочерей. Опираясь на возростающее благосостояніе добраго Паоло Буцци и на упрочивающуюся карьеру Дженнаро Фантокки, мы могли существовать такъ же безбѣдно, какъ существовали до сей поры. Въ кажу-

щемся своемъ несчастьѣ отецъ обрѣлъ наконецъ возможность столь справедливо заслуженнаго имъ отдыха. Ничто не препятствовало ему наслаждаться весенними днями на винья Миньятелли. Постепенно улеглось недавнее его возбужденіе, и честолюбивая лихорадка оставила его. Достигавшіе и до нашего уединенія слухи о перипетіяхъ конклава не волновали его больше. Ко двору и къ Риму онъ утратилъ вдругъ всякій интересъ, и я замѣтилъ въ немъ значительную перемѣну и по отношенію къ себѣ. Равнодушно взиралъ онъ теперь на счастливое мое бездѣлье; моя будущность перестала служить для него предметомъ заботъ и источникомъ фантастическихъ плановъ.

Но я слишкомъ еще плохо зналъ отца, когда думалъ, что воображеніе его не строитъ болѣе никакихъ плановъ. Въ головѣ его бродили новые замыслы, покамѣстъ смутные для него самого. Случайность помогла имъ принять опредѣленную форму на закатѣ одного изъ апрѣльскихъ дней, наполненнаго эхомъ грозъ, гремѣвшихъ въ Альбанскихъ горахъ. Соръ Паоло спѣшилъ вспахать въ этотъ день новый участокъ дикаго поля, который его трудолюбіе присоединило къ обработаннымъ землямъ князя Миньятелли. Отецъ мой и я невольно любовались имъ, когда онъ шелъ за плугомъ, запряженнымъ четою бѣлыхъ какъ снѣгъ воловъ. Въ облакѣ пара, валившаго въ свѣжести вечера отъ разгоряченныхъ животныхъ, ступалъ онъ, подбадривая ихъ крикомъ и сжимая орало загорѣлой рукой. Торопясь окончить дневной урокъ Соръ Паоло поглядывалъ въ сторону Аппіевой дороги, гдѣ висѣло низкое красное солнце.

Внезапно его плугъ остановился, встрѣтивъ въ землѣ препятствіе. Мы подошли, чтобы оказать помощь. Ставъ на колѣни, пахарь разрывалъ руками глыбы коричневаго туфа, и я видѣлъ, что отецъ слѣдилъ за нимъ съ величайшимъ вниманіемъ. Одинъ изъ моихъ племянниковъ принесъ лопату, которая вскорѣ ударила въ нѣчто звонкое. Все населеніе винья сбѣжалось къ намъ, заинтересованное находкой. Туманъ, поднявшійся съ Алмоне, окуталъ кучку людей на вечернемъ вспаханномъ полѣ и бѣлыхъ воловъ, смѣшавшихъ свой паръ съ рѣчными испареніями.

Не безъ труда извлекли мы въ тотъ вечеръ бронзовую фигуру, изображавшую голову и шею коня. Зелень покрывала ее сплошнымъ слоемъ, и лишь въ одномъ мѣстѣ блестѣла цара-

пина, прочерченная на ея поверхности плугомъ. Древній мастеръ съ удивительнымъ искусствомъ выразилъ ярость боевого коня и неукротимость его нрава. Его ноздри были раздуты злобой, и уши тѣсно прижаты къ головѣ въ припадкѣ неистовства. Круто изогнутая шея и вставшая дыбомъ грива придавали ему видъ одного изъ тѣхъ геральдическихъ звѣрей, которыхъ рисуютъ въ гербахъ и девизахъ.

Мы перенесли нашу находку въ старую церковь святого Урбана, служившую хранилищемъ разнообразныхъ предметовъ сельскаго обихода, и мой отецъ не отходилъ отъ нея въ теченіе всего слѣдующаго дня. Онъ осаждалъ Соръ Паоло разспросами о другихъ находкахъ, невольно совершенныхъ имъ во время работъ. Нетерпѣливой рукой перебиралъ онъ черепки глиняныхъ сосудовъ, найденныхъ въ разныхъ мѣстахъ винья Миньятелли, требуя обмыть и очистить каменный саркофагъ, служившій издавна на скотномъ дворѣ для водопоя овецъ. Целестина достала ему съ полки урну съ серебряными монетами, выкопанную однажды въ саду, и онъ просидѣлъ цѣлый вечеръ, разглядывая ея содержимое.

Въ этомъ археологическомъ своемъ увлеченіи, какъ и во всѣхъ другихъ, отецъ проявилъ обычную настойчивость дѣйствій и авторитетность сужденія. Во владѣніяхъ Миньятелли не осталось уголка, который не былъ бы имъ обшаренъ, и тѣ немногія въ общемъ находки, какія ему удалось совершить оказывались, конечно, всѣ заранѣе имъ предвидѣнными. Не удовлетворяясь первоначальнымъ полемъ открытій, онъ распространилъ свои поиски на сосѣднія земли. Окрестные жители вскорѣ узнали, что могутъ сбывать ему тѣ обломки, которыя вырывала въ латинской почвѣ ихъ лопата или кирка. Намъ несли куски пожелтѣвшихъ мраморныхъ рельефовъ, глиняныя фигурки, лампады, части фризовъ и алтарей съ тонко изваянными гирляндами виноградныхъ листьевъ и хрупкими черепами быковъ. Все это отецъ мой складывалъ въ свѣтотѣни старой церкви святого Урбана, гдѣ пахло зеріомъ и вялыми плодами, гдѣ съ расписанныхъ фресками стѣнъ глядѣли на его хлопоты христіанскіе лики, написанные нѣкогда рукою варварской и благочестивой.

Не разъ я садился тамъ у раскрытой двери и рисовалъ крылатыхъ геніевъ, отдѣлившихся отъ какого нибудь саркофага и

пляшущихъ вакханокъ, давно переставшихъ украшать разбитый путеалъ. Отецъ поощрялъ меня въ этомъ занятіи, которое постепенно сдѣлалось моимъ главнымъ занятіемъ. Было рѣшено, что осенью я долженъ поступить къ моему зятю Дженнаро Фантокки въ качествѣ младшаго помощника и ученика. Архитекторъ водъ святѣйшаго престола способенъ былъ лучше, чѣмъ кто либо иной обучать меня искусству, въ какомъ могли бы счастливѣе всего примириться природныя мои склонности къ рисованію и математическія познанія, пріобрѣтенныя въ кельѣ ученаго іерусалимита.

Когда минуло лѣто, послѣдовали важныя измѣненія въ жизни всей нашей семьи. Отецъ поторопился оставить не только былое свое ремесло, но и прежнее наше пепелище. Тотъ, кто спускался съ Капитолія по лѣстницѣ Арацели, помнитъ конечно старинный домъ, выступающій острымъ угломъ, образованнымъ неправильной площадкой и узкимъ виколо, ведущимъ къ палаццо Венеція. На этомъ углу красовалась теперь вывѣска, соединявшая имя Джованни Вендоло съ лаконическимъ словомъ Antichità, выведеннымъ золотыми буквами. Окно, глядѣвшее изъ самаго угла привлекало вниманіе каждаго, кто проходилъ мимо, къ выставленнымъ въ немъ предметамъ. Иностранцы, осматривавшіе Капитолій, останавливались передъ нимъ, заинтересованные глиняными масками и расписными вазами, ученые аббаты подолгу простаивали здѣсь, разсматривая выставку рѣдкихъ монетъ и медалей; въ глубинѣ комнаты на высокомъ пьедесталѣ виднѣлась фигура бронзоваго коня. Все было заранѣе обдумано моимъ отцомъ, отъ мѣстоположенія лавки въ кварталѣ посѣщаемомъ тѣми, кого прельщаютъ классическія воспоминанія, до внутренняго ея расположенія, имѣвшаго видъ живописнаго безпорядка. Любитель, полагающійся всегда на свой выборъ, предпочитаетъ рыться въ нагроможденной кучѣ предметовъ, увѣренный, что вкусъ его извлечетъ оттуда жемчужину, невѣдомую самому хозяину лавки. Съ какимъ неподражаемымъ искусствомъ разыгрывалъ Джованни Вендоло свою роль при этихъ находкахъ, которыя припасалъ онъ нарочно въ далекихъ углахъ для особо самонадѣянныхъ кліентовъ!

Въ одномъ владѣлецъ капитолійской лавки остался вѣренъ своимъ прежнимъ склонностямъ. Мелодическій звонъ изобрѣтательно соединенныхъ между собой колокольчиковъ извѣ-

щалъ о всякомъ посѣтителѣ, открывавшемъ ея дверь. Вошедшаго ожидалъ вслѣдъ за этимъ самый радушный пріемъ. Весьма быстро у отца образовался новый кругъ друзей и знакомыхъ. У его лавки появились свои завсегдатаи, располагавшіеся въ нарочно приготовленныхъ для нихъ креслахъ за круглымъ столомъ, гдѣ вступали они въ ученые диспуты. Въ ожесточеніи спора иные изъ нихъ снимали, разгорячившись, свои старомодные парики и вѣшали ихъ на лысыя головы мраморныхъ императоровъ. Другіе вращали желтыми пальцами старыхъ маніаковъ передъ самымъ носомъ противника или тыкали ими въ бронзоваго коня, издававшаго слабый звукъ. Отецъ чрезвычайно любилъ эти импровизированные диспуты. Когда споръ достигалъ высшей своей точки, вдругъ исчезалъ онъ, и черезъ нѣсколько минутъ моя мать показывалась у задней двери, неся на подносѣ чашки ароматическаго кофе. Джованни Вендоло слѣдовалъ за ней, довольно улыбаясь и потирая руки, прислушиваясь однимъ ухомъ къ визгливымъ или хриплымъ голосамъ знатоковъ, въ то время какъ другое уже ловило мелодическій звонъ колокольчика, возвѣщавшаго о появленіи англичанина, неловко ступавшаго среди искуснаго безпорядка антиковъ.

Поглощенный своими новыми обязанностями, я не слишкомъ часто спускался по внутренней лѣстницѣ, ведущей въ лавку изъ небольшихъ и полутемныхъ комнатъ второго этажа, служившихъ нашимъ новымъ жилищемъ. Каждое утро теперь вступалъ я, неся папку чертежей, подъ своды управленія водъ, отражающаго свой внушительный фасадъ въ обширномъ бассейнѣ какъ разъ самаго новаго и самаго грандіознаго изъ римскихъ фонтановъ, фонтана Треви. Древняя Aqua Virgo, изливающаяся въ него каскадами, сопровождала шумомъ своимъ нашу работу, и поднявъ голову отъ плановъ и профилей съ тѣмъ, чтобы прислушаться къ грохоту водъ, не должны ли были всѣ мы, трудившіеся въ ихъ управленіи, переполняться всякій разъ законной гордостью.

Что можетъ быть въ самомъ дѣлѣ прекраснѣе и полезнѣе того искусства, благодаря которому нынѣшній Римъ слѣдуетъ примѣру, указанному ему древними римлянами! Что можетъ сравниться съ обиліемъ и мощностью водъ, стекающихся въ него со всѣхъ сторонъ по безконечнымъ въ своемъ протяженіи акведукамъ! Въ амбразурѣ окна, отведеннаго для моего чер-

тежнаго стола, я постепенно узналъ, руководимый опытомъ немногословнаго Фантокки, всѣ геніальныя выдумки, съ помощью которыхъ вода горныхъ ключей захватывается человѣкомъ и направляется волей его по каменнымъ желобамъ, по аркамъ перекинутымъ надъ полями Кампаньи и по невидимымъ каналамъ, проложеннымъ подъ городскими улицами, чтобы извергнуться наконецъ на людной площади мраморомъ и бронзой миѳологическихъ божествъ. Я изумлялся смѣлости, съ какой Сикстъ V провелъ изъ Альбанскихъ горъ Аква Феличе къ ногамъ мраморнаго Моисея на Квириналѣ, и восхищался находчивостью, съ какой строители Павла V возобновили водопроводъ Траяна съ тѣмъ, чтобы вѣчно сверкающей полосой изливалась могучая Аква Паола на склонахъ Яникула.

Трудясь надъ поддержаніемъ новыхъ водныхъ путей, Дженнаро Фантокки заставлялъ меня изучать развалины древнихъ. Я принялъ участіе въ его изслѣдованіяхъ руинъ Аква Юлія и Аква Клавдія. Вмѣстѣ съ нимъ я работалъ надъ важнымъ проектомъ возстановленія Аква Марчія, которымъ новый папа могъ достойно ознаменовать свое правленіе, если бы у истощенной казны святого престола хватило на это силъ. Но Римъ Климента XIV уже не былъ Римомъ непреклоннаго Феличе Перетти или щедраго Боргезе: труды наши остались втунѣ, если только грядущимъ поколѣніямъ не суждено будетъ воспользоваться ими.

Работа моя въ управленіи водъ отнюдь не была кабинетной работой. Я сопровождалъ Дженнаро Фантокки въ его поѣздкахъ, вызывавшихся необходимостью осмотровъ и изысканій. Поднявшись тогда съ зарей, я спѣшилъ по влажнымъ отъ ночной росы римскимъ улицамъ къ гостепріимному дому моего зятя. У крыльца держалъ уже конюхъ сытаго мула, запряженнаго въ удобную двухколеску. Изобильный дымящійся завтракъ ожидалъ меня на столѣ, и въ то время, какъ Тереза хлопотала надъ пакетами съ провизіей, способными накормить роту гвардейцевъ, ея мужъ, съ присущей ему аккуратностью, собиралъ свои чертежи.

Дженнаро Фантокки любилъ править самъ; послушный движенію его возжей мулъ Беппино отзывался хозяину веселымъ позвякиваніемъ бубенчиковъ. Двухколеска, почти заполненная объемистымъ ея хозяиномъ, едва оставлявшимъ

мѣсто, гдѣ я могъ примоститься бокомъ, быстро катилась къ однимъ изъ воротъ Рима. Одна изъ дорогъ, протянувшихся черезъ Кампанью къ Вѣчному Городу ожидала насъ. Віа Лабикана, Віа Номентана, и Віа Саларія видѣли насъ поперемѣнно на старыхъ своихъ камняхъ. Мы проѣзжали ограды виллъ съ высоко распростертыми надъ ними зонтами пиній и красноватыя стѣны остерій, увитыхъ латинскимъ плющемъ. Овчарки абруццскихъ пастуховъ, спускающихся въ Кампанью со своими стадами каждую зиму, лаяли на насъ, заставляя вдругъ галопировать пугливаго Беппино.

Мой зять успокаивалъ мула ласковымъ окрикомъ и, круто поворотивъ, направлялъ его прямикомъ черезъ поле. Линіи акведуковъ вырисовывались все яснѣе и яснѣе па фонѣ голубѣющихъ горъ Сабины. Колеса безшумно катились по мягкой землѣ; высоко въ небѣ пѣли невидимые жаворонки. Невольно Дженнаро Фантокки поднималъ кверху голову: увы, онъ нестолько прислушивался къ небесному иѣнію птицъ, сколько мечталъ увидѣть ихъ на блюдѣ, подрумяненными на огнѣ очага и приправленными традиціонной полентой!

Обѣдъ, припасенный заботливой Терезой, уничтожали мы съ большимъ аппетитомъ путешественниковъ въ придорожной остеріи, или въ домѣ почтительно взиравшаго на насъ сторожа. Пока архитекторъ водъ производилъ свой осмотръ, я сопровождалъ его съ папкой чертежей и документовъ. Потомъ мы садились отдыхать на камняхъ акведука. Солнце уже клонилось къ закату, заливая золотымъ свѣтомъ просторы Кампаньи. Постепенно удлинялись тѣни, отбрасываемыя безконечно бѣгущими арками. Послѣдній лучъ зажигалъ стекло въ отдаленной фермѣ, и куполъ святого Петра выдѣлялся въ послѣдній разъ изъ сгущавшейся синевы далекаго Рима.

Иногда я пускался одинъ въ эти архитектурныя странствія. Мулъ Беппино не уносилъ меня тогда своей бодрой рысью, и двухколеска Фантокки не подпрыгивала на колеяхъ древнихъ дорогъ, изрытыхъ латинскими колесами въ устилавшей ихъ лавѣ. Я уходилъ пѣшкомъ, неся съ собой тетрадь рисунковъ и кусокъ сыра, составлявшій мой завтракъ. Изслѣдованіе и измѣреніе разрушенныхъ акведуковъ не столько привлекли меня, сколько живописная заброшенность ихъ руинъ. Я любилъ ихъ изъѣденную вѣками кладку и колеблемыя вѣтрами травы,

проросшія въ ея трещинахъ. Я рисовалъ съ увлеченіемъ фантастическіе замки, которые игра природы и времени образовала изъ нѣкогда полезныхъ и разумныхъ человѣческихъ сооруженій. Цвѣтущее деревцо, укрѣпившееся на одной изъ развалинъ и пастушья хижина, прилѣпившаяся подъ аркой другой, переходили на страницы моей тетради вмѣстѣ съ разнообразными очертаніями горизонтовъ Кампаньи. Возвратясь домой, я еще долго пересматривалъ эти страницы. Темнота нашихъ комнатъ заставляла меня спуститься въ лавку. Тамъ я избиралъ мѣсто у окна, выходящаго угломъ на площадь, погруженный въ свои рисунки и мало смущавшійся тѣмъ вниманіемъ, какое оказывали имъ прохожіе, останавливающіеся, чтобы взглянуть на выставленные предметы. Именно здѣсь, у окна Капитолійской лавки, я пріобрѣлъ тѣ знакомства, которыя предначертаны были въ книгѣ моей судьбы.

VII.

Мнѣ исполнилось восемнадцать лѣтъ, когда странствія мои сдѣлались и болѣе самостоятельными и болѣе дальними. Римскую Кампанью я исходилъ вдоль и поперекъ, охваченный неудержимой маніей бродяжничества. Я прошелъ въ Альбано Аппіевой дорогой и однажды добрался до рощи пиній, на взморьѣ у Кастель Фузано. Случалось, что я пропадалъ изъ дома на нѣсколько дней: собравъ гроши, отважился я съѣздить въ древнее Кори, обитаемое полудикими потомками вольсковъ и длинношерстыми козами, и по дорогѣ туда съ волненіемъ глядѣлъ на голубоватый очеркъ горы Цирцеи, отмѣчающей границу государства.

Тиволи со своими сивиллическими каскадами и развалинами императорской виллы среди оливковыхъ рощъ особенно привлекало меня. Тетради мои наполнялись рисунками ея храмовъ и портиковъ. Иногда я писалъ красками, руководимый лучше своею страстью, чѣмъ совѣтами какого либо опытнаго учителя. Одну картинку я снесъ тайкомъ къ торговцу на Испанскую площадь, и тотъ вскорѣ продалъ ее снисходительному иностранцу, снабдивъ меня первымъ моимъ артистическимъ заработкомъ. Что касается службы въ управленіи водъ, то она быстро утратила для меня первоначальный интересъ. Я не торопился овладѣть секретомъ ученаго и полез-

наго строительства водныхъ сооруженій, и добрый Дженнаро Фантокки смотрѣлъ сквозь пальцы на мое сомнительное прилежаніе. Во всякомъ случаѣ, оно не портило ни ему, ни мнѣ аппетита. Окончивъ свои обязанности, онъ зачастую увлекалъ меня къ себѣ, гдѣ ждалъ насъ превосходный обѣдъ, изготовленный усовершенствовавшейся съ годами Терезой. Острый супъ моряковъ, или жирную похлебку горцевъ смѣняли жареные артишоки по еврейски. Румянилась птица, начиненная душистыми трюфелями. Въ нѣжности крема утопали золотистыя вафли. Синеватое неаполитанское вино и безцвѣтное Орвіето наполняли по очереди наши стаканы.

Отецъ мой также не препятствовалъ тѣмъ мало регулярнымъ склонностямъ, которыя обнаружились во мнѣ съ годами. Я не слыхалъ отъ него порицаній моей малой усидчивости, хотя и не находилъ въ немъ особого поощренія покорявшимъ меня способностямъ къ рисованію. Онъ бѣгло просматривалъ мои рисунки, кивая головой въ знакъ одобренія и похлопывая меня по плечу, но вмѣстѣ съ тѣмъ бормоталъ что-то, лукаво прищуривался, и вдругъ заглядывалъ мнѣ въ глаза и разражался неожиданнымъ смѣхомъ. Онъ держалъ себя со мною такъ, какъ если-бы рисованіе мое было лишь маской, которой прикрывалъ я какія то иныя цѣли скитаній, которыя онъ разгадывалъ, не требуя, чтобы я нарушилъ молчаніе. Иногда онъ съ таинственной усмѣшкой разспрашивалъ меня о моихъ маршрутахъ, дѣлая намеки, въ которыхъ я, разумѣется, не могъ понять рѣшительно ничего. Я смутно догадывался лишь, что представляюсь ему какимъ то тайнымъ искателемъ.

Адріанова вилла въ окрестностяхъ Тиволи была особенно частымъ предметомъ его разспросовъ. У Джованни Вендоло оказывались свои люди среди тибуртинцевъ, которые появлялись иногда у дверей нашего дома съ повозкой, гдѣ овощи или дрова тщательно прикрывали обломки бюстовъ и статуй, выкопанные тайкомъ на императорской виллѣ. Случалось, что онъ давалъ мнѣ порученіе сыскать того или другого изъ обитателей сабинскаго города и вступить съ нимъ въ торговыя сдѣлки. Исполнивъ это, я спѣшилъ спуститься къ руинамъ. Римскіе кирпичи громоздились фантастическими группами среди густыхъ зарослей. На заросшихъ травою площадкахъ лежали теплые отъ солнца обломки драгоцѣнныхъ колоннъ изъ пор-

фира и серпентина. Зеленый мохъ убиралъ наполовину ушедшій въ землю нѣжный изгибъ бѣлѣющей волюты. Мраморная пыль серебрила кустарники, искрясь въ лучахъ полудня. Сквозь зіяющіе прорывами своды и потолки густѣла огненная синева неба.

Я помню, что мечталъ именно объ этой синевѣ, когда сидѣлъ однажды въ сѣрѣющихъ сумеркахъ ранняго январьскаго вечера возлѣ окна нашей капитолійской лавки. Передо мной лежала тетрадь, гдѣ зачертилъ я разрушенные своды храма Сераписа, и рука моя была готова уже опустить кисточку въ стаканъ съ водой съ тѣмъ, чтобы потомъ коснуться плитки лазури, таинственно скрывавшей въ своей темнѣющей плотности возможность воспоминаній о лѣтнемъ небѣ. Мнѣ показалось, что кто то пристально глядитъ на меня сквозь окно. Поднявъ голову, я увидѣлъ незнакомца внушительной осанки и немолодыхъ уже лѣтъ, который, кутаясь въ плащъ, прикрывавшій его отъ порывовъ злой трамонтаны, съ любопытствомъ всматривался въ мой рисунокъ. Было ясно, что выставка древностей въ окнѣ не занимала его. Моя тетрадь поглощала все его вниманіе. Немного смутившись, я прервалъ работу и отложилъ въ сторону свою акварель, и въ то же мгновеніе фигура передъ окномъ изчезла и колокольчики дверей возвѣстили мнѣ о появленіи ея въ нашей лавкѣ.

Незнакомецъ направился прямо ко мнѣ, шагая сквозь безпорядокъ антиковъ. Глубоко сидящіе и проницательные глаза ого кинули мнѣ бѣглый взглядъ и вновь обратились къ рисунку. Безъ всякихъ церемоній онъ взялъ въ руки мою тетрадь, придвинувшись съ ней ближе къ окну. Въ замѣшательствѣ я всталъ со своего мѣста и невольно обрадовался появленію отца, сдѣлавшагося свидѣтелемъ этой покамѣстъ нѣмой сцены. Джованни Вендоло еще издалека нарушилъ короткую пантомиму. «Кавалеръ» — вскричалъ онъ съ оттѣнкомъ торжества въ голосѣ — «счастливъ видѣть васъ у себя. Сколько разъ обращался я съ тщетной просьбой къ синьору Бьянкони»... «Бьянкони здѣсь не при чемъ», прервалъ его незнакомецъ, «я заглянулъ сюда вовсе не для того, чтобы разсматривать, чѣмъ ты дурачишь его и подобныхъ ему ословъ. Твой мальчикъ правильно и дѣльно рисуетъ. Присылай его мнѣ, я попытаюсь сдѣлать изъ него что либо порядоч-

ное». Тирада эта была произнесена относительно спокойнымъ голосомъ, но повернувъ вслѣдъ за тѣмъ къ выходу, тотъ, кого отецъ мой назвалъ кавалеромъ, споткнулся о мраморный обломокъ и тогда крѣпко выбранился, исчезая въ дверяхъ и грозя кулакомъ намъ обоимъ.

Мой раскрытый отъ удивленія ротъ очевидно такъ краснорѣчиво выражалъ неизбѣжный вопросъ, что отецъ, не дожидаясь его, положилъ мнѣ на плечо обѣ руки и произнесъ съ разстановкой. — «Кавалеръ Джованни Баттиста Пиранези. Нѣтъ значительнаго человѣка въ Римѣ, лицо или спину котораго въ одно мгновеніе не узналъ бы твой родитель. Но ты, сынокъ, дѣйствительно ли видишь ты его здѣсь впервые? Не встрѣчалъ ли ты его уже не разъ среди развалинъ тиволійской виллы?» И приблизивъ свое лицо къ моему, старикъ залился тѣмъ тихимъ и продолжительнымъ смѣхомъ, отъ котораго мнѣ каждый разъ становилось немного не по себѣ. Я сдѣлалъ движеніе, чтобы высвободиться; почувствовавъ его, отецъ замѣтилъ примирительно. «Ты могъ впрочемъ не знать кто это. Но что мнѣ скажетъ теперь Бьянкони», воскликнулъ онъ, упоминая имя одного изъ завсегдатаевъ лавки и удаляясь къ своимъ дѣламъ.

Если бы отецъ мой и забылъ въ тотъ же вечеръ напомнить мнѣ о приглашеніи, сдѣланномъ такимъ стремительнымъ образомъ, я все равно отправился бы на другое утро искать мастерскую великаго венеціанца на Віа Феличе. Кулакъ, просунутый сквозь дверь, нисколько не испугалъ меня, и я даже угадывалъ въ этомъ угрожающемъ жестѣ своеобразную ласковость бурной натуры. Кто изъ моихъ сверстниковъ произносилъ безъ восторга имя создателя великолѣпныхъ листовъ, выражающихъ, какъ ничто иное, своими контрастами свѣта и тѣни трагическія судьбы вѣчнаго Рима? Кто не благоговѣлъ передъ глубокими познаніями древней архитектуры, которыми Пиранези былъ справедливо прославленъ среди иностранцевъ и соотечественниковъ, кто не изумлялся разсказамъ о необыкновенномъ нравѣ его и о странной привычкѣ работать ночью среди руинъ Форума или Колизея, освѣщенныхъ несущейся въ облакахъ луной?

Я не сомкнулъ глазъ отъ волненія во всю ночь и на другое утро взобрался съ замираніемъ сердца по широкимъ ступе-

нямъ Испанской лѣстницы. Казалось ея камни разбѣгались передо мною съ новой торжественностью, заимствованной у переполнявшихъ мое воображеніе образовъ Піранези. На плиты Сикстовой улицы я вступилъ, грезя о мавзолеяхъ, возвышающихся вдоль старинныхъ дорогъ, и обелискахъ, бросающихъ перемѣнную стрѣлу тѣни на величавыя площади. Развалины циклопическихъ стѣнъ мѣшались въ моей фантазіи съ нагроможденіемъ урнъ, саркофаговъ и гермъ; озера роскошной черноты заливали монументальныя плоскости, въ то время какъ вихрилось слѣдами иглы римское небо среди изъѣденныхъ временемъ колоннъ.

Опомнившись, я остановился въ нѣкоторомъ раздумьѣ, ища мѣста ожидавшей меня мастерской гравера, когда передъ самымъ моимъ носомъ съ шумомъ откинулась дверь. Юноша моихъ лѣтъ выбѣжалъ изъ нея, согнувъ спину, чтобы уклониться отъ занесеннаго надъ нимъ удара. Вслѣдъ за нимъ показался предметъ моихъ мечтаній, кавалеръ Джованни Баттиста Піранези, но въ какомъ видѣ! Несмотря на холодный день, его плечи были прикрыты лишь разстегнутой на груди рубахой. Лицо его было искажено гнѣвомъ, тогда какъ правая рука угрожающе сжимала мѣдную линейку. Увидя, что преслѣдуемый успѣлъ перебѣжать на другую сторону улицы, онъ остановился, переводя дыханіе и бормоча: «погоди мошенникъ Франческо, я доберусь ужо до тебя». Растерянная фигура моя вдругъ привлекла его вниманіе, и тогда вновь поднялась въ воздухѣ линейка, и по мѣсту ниже спины я получилъ звонкій ударъ, предназначавшійся для другого и принятый мною покорно, какъ посвященіе въ рыцари искусства.

VIII.

Мнѣ приходитъ въ голову, что доведя до конца эти записки я долженъ буду приняться за жизнеописаніе виликаго Піранези. Я лучше исполню эту задачу, чѣмъ сдѣлалъ то докторъ Бьянкони въ своей «похвалѣ», напечатанной послѣ смерти венеціанца въ Римской газетѣ. У этого суетливѣйшаго изъ кліентовъ капитолійской лавки были свои основанія примѣшать къ требуемымъ обычаемъ комплиментамъ нѣсколько ядовитыхъ капель злословія. У меня ихъ нѣтъ: ударъ отцовской линейки, предназначавшійся для другого и полученный мною въ тотъ памятный день у дверей мастерской, былъ единствен-

нымъ проявленіямъ гнѣва, который когда либо видѣлъ я по отношенію къ себѣ со стороны Джованни Баттиста.

Въ продолженіи пяти лѣтъ я былъ его ученикомъ и испытывалъ на себѣ неизмѣнное его благоволеніе. Не достаточная ли это причина, чтобы разсказать другимъ о его замыслахъ и свершеніяхъ? Что могутъ понять въ дѣлѣ художника Бьянкони и подобные ему писаки, искусные въ обращеніи съ перомъ, которымъ усѣиваютъ они листъ бумаги закругленными фразами? Безпокойное любопытство ихъ или поверхностное вниманіе, ни на іоту не приблизятъ ихъ къ тѣмъ видѣніямъ, которыя обжигаютъ душу генія и заставляютъ его идти среди людей, глухимъ и слѣпымъ для мелочей обыденнаго существованія, страннымъ въ своихъ рѣчахъ и можетъ быть даже смѣшнымъ въ поступкахъ.

Бьянкони, гордый своею ролью довѣреннаго саксонскихъ королей и шведскихъ принцевъ, зналъ того, кого любилъ онъ называть другомъ, несомнѣнно меньше, чѣмъ я, достигшій двадцати лѣтъ и почти ничему въ своей жизни не обучавшійся юноша, терпѣливо вдыхавшій пары травленій надъ мѣдными досками учителя или сопровождавшій его въ художническихъ скитаніяхъ.

Съ величайшимъ увлеченіемъ я странствовалъ съ нимъ по окрестностямъ Рима, и насколько непохожи были эти странствія на тѣ, которыя продѣлывалъ я нѣкогда вмѣстѣ съ благодушнымъ и аккуратнымъ Дженнаро Фантокки! Сытый мулъ запряженный въ удобную двухколеску не ожидалъ насъ у дверей, позвякивая колокольчиками, и не сопровождали насъ заготовленныя многоопытной хозяйкой корзины, откуда торчала бы разнообразная снѣдь и горла бутылокъ. Не оказывая предпочтенія ни одному изъ способовъ передвиженія, Пиранези съ одинаковымъ безразличіемъ прибѣгалъ къ любому изъ нихъ. Мы срывались съ мѣста безъ всякаго предупрежденія въ самые разнообразные часы дня и ночи. Мы проходили десятки миль пѣшкомъ, не замѣчая усталости, или галопировали на тощихъ спинахъ наемныхъ лошадей, или тряслись въ дребезжащихъ почтовыхъ каретахъ. Вмѣсто обѣда довольствовались мы зачастую кускомъ сухого хлѣба и горстью фигъ, сорванныхъ по дорогѣ, но иногда нашъ учитель устраивалъ намъ цѣлый пиръ въ заброшенной остеріи. Трактирщикъ не уста-

валъ тогда таскать желтое тускуланское вино изъ своего подвала, и жена его не переставала бѣгать съ ножемъ за перепуганнымъ населеніемъ своего курятника. За столомъ безъ скатерти, вынесеннымъ на дворъ, сидѣли мы, долго прислушиваясь къ рѣчамъ Пиранези о древней архитектурѣ, которыя прерывала ничтожная современность голосомъ вспоминавшаго свой часъ осла. Венеціанецъ не изсякалъ до тѣхъ поръ, пока не вскруживались окончательно наши молодыя головы и отъ великихъ его прозрѣній, и отъ поглощеннаго нами напитка. Тогда, среди безпорядочно опрокинутыхъ стульевъ, винныхъ пятенъ и объѣдковъ кинутыхъ псамъ, поднимался онъ и требовалъ отъ хозяина счетъ, и неизмѣнно вступалъ съ нимъ въ пререканія, называя его грабителемъ и воспламеняясь въ концѣ концовъ до того, что схватывалъ бѣднягу за воротъ и начиналъ трясти его, какъ бы ожидая, что тотъ вывалитъ изъ всѣхъ кармановъ накопленное имъ серебро.

Кто видѣлъ Пиранези въ эти минуты, тотъ могъ бы заподозрѣть его въ нѣкоторой скупости. Это была бы, конечно, ошибка, но равнодушный къ деньгамъ, онъ зачастую нуждался въ нихъ, какъ всѣ мы, снискивающіе себѣ пропитаніе перомъ или кистью. Воспоминанія о тяжелыхъ лишеніяхъ, пережитыхъ имъ въ молодости, не оставляли его, и при малѣйшемъ поводѣ готовъ былъ разразиться онъ неописуемыми инвективами противъ корыстолюбія римскихъ папъ, или иностранныхъ принцовъ, стремившихся пріобрѣсти его объемистыя фоліо за ничтожное число монетъ, гдѣ оттиснуты были ихъ чванные или худосочные профили. Онъ доставалъ шкатулку, наполненную этими монетами, когда находилъ на него приступъ страха за будущее семьи; быстрому его воображенію казалось, что серебро и золото таютъ у него на глазахъ. Лихорадочно перебирая римскія паоли, венеціанскіе цеккины, нѣмецкіе талеры и англійскія гинеи, Пиранези пускался въ разсужденія о сбереженіяхъ, вкладахъ, банкахъ и ипотекахъ, въ которыхъ смыслилъ онъ менѣе всего на свѣтѣ.

Какъ это ни странно, но именно къ этой части разсужденій своего отца прислушивался съ наибольшимъ вниманіемъ мой сверстникъ Франческо. Судьба зачастую надѣляетъ слишкомъ сумасбродныхъ отцовъ слишкомъ положительными сыновьями. Выказывавшій достаточно ловкости и умѣнія въ ремеслѣ

гравера, Франческо Пиранези не проявлялъ ни капли подлиннаго таланта, приводя тѣмъ въ бѣшенство Джованни Баттиста, осужденнаго вѣчно видѣть подлѣ себя то, что больше всего ненавидѣлъ и презиралъ онъ въ другихъ — посредственность. Онъ какъ бы предчувствовалъ, что эта посредственность одержитъ въ концѣ концовъ надъ нимъ свою побѣду и въ лицѣ сына спокойно пожнетъ плоды непонятыхъ и героическихъ трудовъ отца.

Франческо Пиранези никогда не могъ простить мнѣ ни того, что первое наше знакомство произошло подъ знакомъ карающей линейки, занесенной надъ его головой, ни того, что мой учитель высказывалъ мнѣ во всѣхъ случаяхъ явное предпочтеніе. Я не хочу этимъ сказать ничего особенно лестнаго о своемъ собственномъ талантѣ. Я долженъ признаться здѣсь, что клокочущая разнообразными дарами натура Джованни Баттиста была не такова, чтобы рядомъ съ нимъ могло свободно взрасти иное дарованіе. Всякій, кто работалъ рука объ руку съ нимъ, рисковалъ быть всецѣло имъ поглощеннымъ; ни для кого изъ насъ, его учениковъ, не было никакихъ шансовъ выйти изъ тѣни, столь же глубокой какъ та, которую училъ онъ насъ вытравлять въ подписанныхъ имъ офортахъ.

Если Пиранези любилъ меня, это не значило, что въ тѣ годы я успѣлъ создать что либо оригинальное и выдающееся. Я былъ его незамѣтнымъ, вѣрнымъ и терпѣливымъ помощникомъ. Я былъ внимательнымъ слушателемъ его рѣчей, когда поднимались онѣ отъ низинъ житейской повседневности къ высотамъ искусства или исторіи. Я сдѣлался свидѣтелемъ тѣхъ признаній его, которыхъ не слышало, быть можетъ, ничье ухо. Однажды, на вечернемъ пути домой, послѣ дня полнаго плодотворной усталости, онъ сказалъ мнѣ, охваченный мало обычной для него грустью. «Мои дни сочтены Орсолино, и все же мнѣ кажется, что жизнь моя едва успѣла начаться, какъ въ тѣ времена, когда голоднымъ и нищимъ юношей я рисовалъ первые римскіе обломки на Кампо Ваччино. Я чувствую въ себѣ силы для пяти или шести человѣческихъ существованій. На свои плечи я одинъ могъ бы поднять и вынести на свѣтъ Божій весь тотъ ушедшій въ землю пластъ божественныхъ твореній, которыя оставила древность. Въ книгѣ своего предназначенія я едва успѣлъ перевернуть первую страницу. Ан-

тичность не имѣла отъ меня тайнъ, но послѣ моей смерти она снова уйдетъ въ могилу и укроется отъ людей. Какъ хорошо, если бы мы съ тобой могли повторить ее дѣло и на мѣстѣ нынѣшняго, погруженнаго въ летаргію Рима, создать Римъ болѣе величественный, чѣмъ ея Римъ. Пиранези граверъ и антикварій долженъ умереть, чтобы воскреснулъ Пиранези строитель. Неправда ли, намъ стоитъ топнуть ногой, чтобы изъ нѣдръ латинской почвы явились тысячи каменьщиковъ занятыхъ сооруженіемъ новыхъ термъ, амфитеатровъ и базиликъ. Ихъ стѣны обрастутъ живымъ цвѣтеніемъ скульптуръ и рельефовъ. Повинуясь ритмамъ искусства, циклопическія глыбы послушно займутъ свои мѣста въ кладкѣ, и легкіе портики протянутся сквозь залитые солнцемъ форумы, отбрасывая черныя тѣни на шероховатость свѣжихъ уличныхъ плитъ. Фронтоны поднимутся на недосягаемую высоту, и мраморные ораторы или поэты взойдутъ на приготовленныя для иихъ колонны. Гордыя дороги, обставленныя монументами, вновь разбѣгутся отсюда во всѣ концы, и у водъ зеленой Адріатики или голубой Тиррены каждый вновь испытаетъ въ дорожномъ столбѣ, въ пограничной гермѣ великое притяженіе Рима. Совершится чудо, о которомъ всю жизнь я напрасно мечталъ, потому что чудесъ не бываетъ въ жизни, о, мой Орсолипо!».

Въ тотъ іюльскій вечеръ, полный зноя и гари, неподвижно висѣвшей надъ римской Кампаньей, я мало подозрѣвалъ, насколько правъ былъ Джованни Баттиста, захотѣвшій подсчитать свои дни и подвести итогъ своимъ осуществленіямъ. Невидимо для себя я приближался къ двойной катастрофѣ, ознаменовавшей двадцать третій годъ моей жизни. Мы работали въ то лѣто на виллѣ Адріана. Собиратели гравюръ знаютъ, конечно, листы, свидѣтельствующіе объ этихъ трудахъ Пиранези. Но не эффекты офорта, которыхъ достигалъ онъ здѣсь съ обычнымъ своимъ мастерствомъ, прельщали его на сей разъ. Онъ былъ охваченъ страстнымъ желаніемъ проникнуть въ смыслъ руинъ, таящихся среди непроходимыхъ зарослей, угадать назначеніе всѣхъ зданій, которыя капризъ императора разбросалъ на обширномъ пространствѣ виллы, опредѣлить ихъ устройство и выяснить ихъ первоначальный видъ. Пробираясь сквозь колючки терновника и чащи миртъ, мы слѣдовали за нимъ съ отвѣсами и мѣрительными шпурами. Неутомимый

искатель карабкался по камнямъ развалинъ, рука его повелительно указывала намъ путь, и голосъ хриплый отъ нетерпѣнія бранилъ насъ за медленность обмѣровъ. Со стороны мы представляли, должно быть, странное зрѣлище группы людей то появляющихся, то исчезающихъ среди старыхъ камней и вѣчнозеленой листвы, непрестанно перекликающихся между собой или издалека жестикулирующихъ другъ другу.

Пиранези спѣшилъ, и нѣчто отъ снѣдавшаго его волненія передавалось намъ въ тѣ лихорадочные вечера небывало жаркаго лѣта. Насталъ опасный августъ; злокачественные туманы не разъ заставали насъ въ низинѣ виллы, прежде чѣмъ мы успѣвали подняться на ночлегъ въ нагорное Тиволи. Джованни Баттиста не хотѣлъ замѣчать ничего этого: въ горячкѣ работы онъ какъ бы шелъ навстрѣчу болѣзни. Онъ отпускалъ насъ отъ себя съ трудомъ. Я рѣдко бывалъ въ Римѣ, и эти рѣдкія возвращенія домой были для меня плохимъ отдыхомъ. Несмотря на молодость, я съ тревогой вглядывался теперь въ моего отца. Лицо Джованни Вендоло осунулось, живые глаза его то вспыхивали безпокойнымъ блескомъ, то неожиданно потухали. Я заставалъ его не разъ въ состояніи крайняго возбужденія, напомнившемъ мнѣ то, которое предшествовало нѣкогда днямъ конклава.

Какая то нездоровая таинственность окутывала теперь дѣла капитолійской лавки. Съ неудовольствіемъ я натыкался въ ней всякій разъ, среди живописнаго безпорядка антиковъ, на молчаливую фигуру нѣкоего синьора Скопракапо. Увы, для меня не была тайной его печальная роль въ коммерціи моего отца. На задворкахъ одного изъ бѣдныхъ домовъ Лунгары этотъ Скопракапо содержалъ мастерскую, въ которой ловкая рука его восполняла недостатокъ открытыхъ въ классической землѣ бюстовъ и статуй - статуями и бюстами во всемъ подобными имъ, кромѣ подлинности. Англійскіе милорды и польскіе магнаты увозили въ свои родовыя помѣстья эти произведенія безвѣстнаго римскаго ремесленника съ тѣмъ же восторгомъ, съ какимъ увозили бы они творенія самого Праксителя. Я охотно предоставилъ бы имъ наслаждаться своими находками, если бы только находки эти не были сдѣланы въ стѣнахъ нашей капитолійской лавки. Сгорая отъ стыда, вижу я до сихъ поръ моего отца, притворно недоумѣвающаго, что именно мог-

ло прельстить знатнаго форестьера вотъ въ этой Венерѣ, позаботившейся оставить одну изъ своихъ рукъ на Лунгарѣ, или вотъ въ этомъ лысомъ римлянинѣ, котораго съ такимъ мастерствомъ произвелъ на свѣтъ безсовѣстный Скопракапо, остерегшись снабдить его носомъ.

Я скоро убѣдился, впрочемъ, что напрасно приписывалъ поставщику ложныхъ шедевровъ тлетворное вліяніе, слѣды котораго были такъ явственны въ моемъ отцѣ въ то лѣто. Разсказы мои о работахъ на виллѣ Адріана питали, оказалось, болѣе всего его безпокойное состояніе. О нашихъ поискахъ и находкахъ онъ разспрашивалъ меня съ жаднымъ любопытствомъ. Мнѣ было ясно теперь, что онъ не вѣрилъ, будто самоотверженные труды Піранези имѣютъ вполнѣ безкорыстную цѣль науки. Зная, насколько преданъ я былъ учителю, онъ не вѣрилъ теперь и мнѣ. Напрасно пытался я разсѣять простыми словами гнѣздившіяся въ его фантастической головѣ иллюзіи. Отецъ мой въ отвѣтъ на нихъ лишь прекращалъ свои разспросы и, лукаво взглянувъ на меня, разражался тѣмъ смѣхомъ, отъ котораго морозъ пробѣгалъ у меня по спинѣ.

Въ концѣ концовъ я не удивился, когда отецъ объявилъ однажды, что самъ собирается на нѣкоторое время въ Тиволи по неотложнымъ дѣламъ лавки. Съ его присутствіемъ на улицахъ городка связалъ я нѣкоторыя явленія, которыя стали сопутствовать нашимъ работамъ среди развалинъ императорской виллы. До сихъ поръ мы подвизались среди руинъ какъ въ совершенной пустынѣ. Ни одно живое существо, кромѣ насъ, не присоединяло голоса своего къ рокоту ея ручьевъ и къ шуму ея вѣтокъ, ни одно созданіе не мелькало между ея толстыхъ стволовъ и старыхъ камней, если не считать бродячаго козла, просовывавшаго иной разъ свою бородатую голову у корней могучихъ дубовъ или дряхлыхъ узловатыхъ оливокъ. Съ недавнихъ поръ какія то скрывающіяся отъ насъ человѣческія тѣни начали сопровождать насъ въ пространствахъ виллы. Кто то слѣдилъ за нами, тщательно прячась среди деревъ и грудъ старой кладки, и обстоятельство это не разъ было предметомъ нашихъ бесѣдъ на тиволійскомъ ночлегѣ. Само собой ясно, что предположенія свои я хранилъ про себя; погруженный въ задумчивость Піранези пропускалъ мимо ушей наши толки.

Однажды вечеромъ мы остались среди руинъ вдвоемъ съ Джованни Баттиста. Обмѣрные труды давно уже стали тяготить моихъ сотоварищей по мастерской, и они понемногу одинъ за другимъ разбѣжались изъ Тиволи. Венеціанецъ забылъ въ тотъ вечеръ время и мѣсто, поглощенный своими доискиваніями. Туманъ успѣлъ наполнить низины виллы и вновь разсѣяться, разрываясь причудливыми клоками; взошла луна, бросившая серебряный свѣтъ на зеленыя лужайки. Я находился въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ учителя, когда услышалъ его радостный крикъ: «сюда, сюда Орсолино. Я, наконецъ, нашелъ его»... Приблизившись, увидѣлъ я Джованни Баттиста, отбрасывавшаго землю бывшей при немъ маленькой лопатой. «Гляди», говорилъ онъ, «какъ это мало прикрыто землей, по которой ступали мы столько разъ». Въ свѣтѣ луны я замѣтилъ блестѣвшую полоску мозаическаго пола, перемежавшую съ изображеніями священныхъ звѣрей Египта безчисленные портреты божественнаго Антиноя. «Давно я искалъ тебя!» громко воскликнулъ мой учитель съ крайнимъ удовлетвореніемъ, опустившись на колѣни и касаясь рукой цвѣтныхъ камешковъ.

Что то шевельнулось въ эту минуту въ сосѣднемъ кустарникѣ, послышался пронзительный крикъ, сопровождаемый знакомымъ мнѣ смѣхомъ. Мой учитель выронилъ отъ удивленія лопату. Сквозь площадку, залитую луной, къ намъ поспѣшно направлялась фигура, послѣдуемая двумя другими. Мгновенно узналъ я отца и въ спутникахъ его различилъ рокового Скопракапо и одного тибуртинца, торгующаго антиками. Джованни Вендоло собрался въ свой злополучный походъ съ цѣлымъ преданнымъ ему войскомъ! «Стойте, кавалеръ, погодите немного», кричалъ онъ, «дайте и бѣдному старику принять участіе въ дѣлежѣ вашего клада. Орсоло, будь смѣлѣе, требуй своей доли»... Утратившій разумъ старикъ схватилъ венеціанца за полу кафтана. Разсерженный Джованни Баттиста толкнулъ его въ грудь, обратившись ко мнѣ: «убери его, ты видишь, онъ спятилъ съ ума».

Не дожидаясь этихъ словъ, я уже охватилъ сзади несчастнаго моего родителя, стыдясь его безсмысленныхъ притязаній. Съ невыразимымъ ужасомъ я замѣтилъ ножъ, спрятанный имъ за обшлагомъ рукава. Я не стыжусь здѣсь признать-

ся, что мое воображеніе было всецѣло поглощено лишь тою опасностью, которая грозила великому моему учителю, хотя, какъ оказалось, наибольшая бѣда угрожала самому носителю смертоубійственнаго оружія. Отецъ мой старался высвободиться и достать ножъ; въ короткой борьбѣ, завязавшейся между нами, онъ неловко повалился на мозаичный полъ, блестѣвшій въ лучахъ луны. Лезвіе глубоко вонзилось ему въ ногу, и пятно крови выступило на бѣломъ чулкѣ. Его спутники мгновенно исчезли; мы съ Пиранези наклонились надъ раненымъ. Потеря крови заставила его лишиться чувствъ. Я дрожалъ всѣмъ своимъ существомъ, не будучи въ силахъ сдержать вырывавшихся у меня рыданій. Джованни Баттиста разорвалъ свой платокъ, сдѣлалъ отцу первую перевязку. «Кровопусканіе полезно ему», сказалъ онъ, «вся дурь сразу выскочитъ у него изъ головы, не хнычь, Орсолино». Послѣ чего мы подняли раненаго и перенесли его маленькое и легкое тѣло на тиволійскій ночлегъ.

IX.

Ничто не угрожало болѣе ни жизни, ни здоровью отца. Рана его оказалась несерьезной, сознаніе отчасти вернулось къ нему; отъ недавнихъ буйствъ не осталось слѣда въ его разгоряченномъ воображеніи. Онъ лежалъ тихо и лишь изрѣдка бредилъ о находкахъ и кладахъ. Съ должными предосторожностями я перевезъ его въ Римъ; оттуда врачи настояли отправить его на винья Миньятелли. Старикъ нуждался въ отдыхѣ и покоѣ, и гдѣ лучше могъ обрѣсти онъ и то и другое, чѣмъ вдали отъ капитолійской лавки, въ здоровомъ воздухѣ полей и пастбищъ Соръ Паоло.

Въ то время какъ мать, скрѣпя сердце, осталась въ Римѣ оберегать нашу лавку, в долженъ былъ сопровождать отца въ его сельскомъ уединеніи. Конецъ лѣта — дорогое время въ деревнѣ, и, несмотря на многочисленность обитателей винья Миньятелли, намъ не приходилось злоупотреблять радушіемъ ихъ и гостепріимствомъ. Пока Целестина и добрый ея мужъ со всѣмъ своимъ потомствомъ были поглощены хозяйственными хлопотами, я проводилъ часы у одра больного, прислушиваясь къ долетавшему сквозь окно шуму сельскихъ работъ. Вынужденное бездѣйствіе тяготило меня, душа моя была полна

печальными предчувствіями. Когда я былъ въ Римѣ, мать посвятила меня въ дѣла капитолійской лавки. Эти дѣла представлялись далеко не блестящими: увлеченный своими фантазіями, отецъ задолжалъ значительныя суммы денегъ и мысль о расплатѣ съ кредиторами долгіе мѣсяцы терзала его, пока не превратилась, наконецъ, въ безумную надежду найти кладъ и съ помощью его выйти изъ тяжкихъ затрудненій.

Въ первый разъ въ жизни пребываніе на винья Миньятелли не доставило мнѣ никакого удовольствія. Разлука съ учителемъ повергла меня въ уныніе, и я считалъ дни, которые мнѣ надлежало провести оторваннымъ отъ мастерской или тиволійскихъ обмѣровъ. Прошло около трехъ недѣль; я могъ теперь передать отца заботливости другихъ и возвратиться къ столь неожиданно прерваннымъ работамъ. Наканунѣ возвращенія въ Римъ, я взялъ тетрадь и отправился на Аппіеву дорогу. Садившееся солнце заливало ее багрянымъ свѣтомъ; казалось, въ этомъ вечернемъ пожарѣ еще разъ сгорала прилегающая Кампанья, уже сожженная небывало жаркимъ и продолжительнымъ лѣтомъ. Ища дуновенія свѣжести, я взобрался на одну изъ древнихъ гробницъ и разложилъ на ея камняхъ свои принадлежности. Нѣкоторое время я оглядывался вокругъ; надгробный барельефъ, изображавшій молодого римлянина съ открытымъ прямымъ лицомъ и окутанную покрываломъ его подругу, привлекъ мое вниманіе. На сердце мнѣ сдѣлалось легче, и я принялся за рисованіе, насвистывая пѣсню.

Топотъ лошадиныхъ копытъ заставилъ меня вскорѣ оторваться отъ рисунка и поднять голову. Вдали я замѣтилъ двухъ всадниковъ, медленно подвигавшихся ко мнѣ среди историческихъ могилъ. Странно преувеличенныя тѣни ихъ, отбрасываемыя садящимся солнцемъ, скользили за ними вслѣдъ по побурѣвшимъ травамъ Кампаньи. Расположившійся съ задней стороны гробницы, я не былъ виденъ имъ и не рисковалъ быть потревоженнымъ. До меня долетѣло нѣсколько словъ на иностранномъ языкѣ и короткій смѣхъ женщины. Приглядѣвшись, я различилъ въ одной изъ фигуръ всадницу на высокомъ сѣдлѣ, отдѣланномъ синимъ бархатомъ. Къ лицу ея, свѣтившемуся отблескомъ заката, близко склонилъ свое лицо ея спутникъ, посадка котораго изобличала смѣлаго и увѣреннаго наѣздника.

Ихъ лошади шли рядомъ, когда они поровнялись со мной; невольно я затаилъ дыханіе. Рука всадника вдругъ охватила талію той, въ которой уже видны были мнѣ улыбка рта, блескъ глазъ и прядь волосъ, выглядывавшая изъ подъ маленькой шляпы. Онъ бросилъ поводья; воспользовавшись этимъ, его дама внезапно ударила хлыстомъ свою лошадь и поскакала. Качнувшись въ сѣдлѣ, ея спутникъ мгновенно выпрямился и пришпорилъ коня. Они быстро удалялись теперь въ сторону города; еще разъ долетѣлъ до меня звукъ голосовъ. Я долго глядѣлъ какъ скользили въ Кампаньѣ ихъ исполинскія тѣни, отбрасываемыя низкимъ солнцемъ.

Встрѣча эта наполнила меня разсѣянностью. Я медлилъ возобновить работу, пока спустившійся сумракъ не сдѣлалъ ее совсѣмъ невозможной. Собравъ карандаши, я направился въ задумчивости къ нашей винья. Всходили звѣзды; слегка трепетали листья деревьевъ, наступавшая ночь заставляла тѣснѣе жаться другъ къ другу овецъ въ загонахъ и лаять сторожевыхъ собакъ. Открывшаяся дверь бросила на деревенскій дворъ полосу свѣта съ уродливо колеблющимися тѣнями человѣческихъ фигуръ. Я вспомнилъ о тѣхъ тѣняхъ, которыя скользили передо мной вдоль Аппіевой дороги. О всадникѣ и всадницѣ, исчезнувшихъ въ вечерней мглѣ, мечталъ я со сладкимъ замираніемъ сердца.

На слѣдующій день я вступилъ, вызывая мелодическій перезвонъ колокольчиковъ, въ дверь нашей капитолійской лавки. Никогда переполнявшіе ее обломки древностей не казались мнѣ въ такой степени мертвенными, какъ въ эти дни отсутствія ихъ хозяина. Въ креслѣ у столика, синьоръ Бьянкони разговаривалъ съ моей матерью, только что подавшей ему чашку дымящагося кофе и стоявшей у притолки съ лицомъ, заплаканнымъ и покорнымъ. Я обнялъ ее и старался утѣшить добрыми извѣстіями о близкомъ выздоровленіи отца. У самого меня невольно выступили на глазахъ слезы. «Бѣдный малый» пробурчалъ Бьянкони, искоса взглянувъ на меня, «ба, да можетъ быть ты не знаешь», спохватился онъ. Вслѣдъ за тѣмъ, онъ разсказалъ мнѣ о короткой болѣзни и неожиданной кончинѣ Пиранези, послѣдовавшей болѣе недѣли тому назадъ.

Я слушалъ его опустивъ книзу глаза и какъ бы замагнетизированный покачивающейся его ногой въ атласномъ чулкѣ

и краснорѣчіемъ, съ которымъ описывалъ онъ похороны венеціанца. Итакъ, предчувствія мои не оказались напрасными! Волна отчаянія плеснула мнѣ въ грудь, я убѣжалъ наверхъ и далъ волю слезамъ. Судьба поступила со мной жестоко, отдаливъ меня въ послѣднія мгновенія отъ того, съ кѣмъ стремился я быть неразлученъ въ продолженіи ряда лѣтъ. Послѣднія слова Піранези — мнѣ не суждено было благоговѣйно принять ихъ, какъ его истинное духовное завѣщаніе, ничего общаго не имѣвшее съ тѣмъ, о которомъ навѣрно успѣлъ позаботиться дальновидный не по лѣтамъ Франческо.

Я нѣсколько успокоился къ вечеру, сойдя въ пустынную лавку, гдѣ у окна, выходившаго на маленькую площадь, принялся перелистывать я то, что напоминало мнѣ учителя — два три собственноручныхъ его рисунка, записи иныхъ его разсужденій, наброски его наружности, украдкой сдѣланные моей неумѣлой рукой. Да, жизнь шла своимъ обычнымъ путемъ, не взирая на постигшее меня несчастье! Мимо окна капитолійской лавки, какъ всегда, мелькали прохожіе, озабоченные своими мелочными дѣлами. Какъ всегда иностранцы, осматривавшіе Капитолій, пріостанавливались на мгновеніе, чтобы полюбопытствовать на выставленные въ окнѣ предметы.

Одна фигура медленно прошла мимо окна. Иностранецъ, аристократической внѣшности, въ темномъ кафтанѣ, выдѣлявшемъ тонкое полотно воротника, остановился по ту сторону стекла, постукивая о камни мостовой своей тростью съ золотымъ набалдашникомъ. Взглянувъ на него я замѣтилъ, что онъ мало былъ занятъ содержимымъ нашей лавки, оставаясь погруженнымъ въ свои мысли и быть можетъ не вполнѣ отдавая себѣ отчетъ въ томъ, гдѣ находится и что дѣлаетъ. Это наблюденіе вызвало во мнѣ къ нему нѣкоторую симпатію. Не я одинъ въ тѣ часы душнаго вечера прислушивался къ внутреннимъ голосамъ своей души! Я смутно вспоминалъ кромѣ того, что лицо иностранца, съ его энергически вырѣзанными линіями рта и подбородка было мнѣ знакомо. Взглянувъ еще разъ, я узналъ въ немъ всадника Аппіевой дороги.

Помедливъ нѣкоторое время, иностранецъ толкнулъ дверь и вошелъ въ лавку. Я сопровождалъ его среди живописнаго безпорядка мраморовъ, наваленныхъ на полу, и столовъ, поддерживавшихъ бронзу и терракоту. На успѣвшей покрыться

лѣтней пылью поверхности одного изъ нихъ начертплъ мой посѣтитель разсѣянный узоръ концомъ своей перчатки, въ то время какъ взоръ его безъ всякаго оживленія блуждалъ среди сокровищъ Джованни Вендоло и шедевровъ неутомимаго Скопракапо. Онъ отобралъ въ концѣ концовъ нѣсколько радужныхъ стеколъ, привезенныхъ изъ Геркуланума и нѣсколько глиняныхъ фигуръ. То и другое я долженъ былъ доставить завтра по оставленному имъ адресу. «Палаццо Альдовити, графиня Юлія Даленъ» — прочиталъ я въ запискѣ, написанной синимъ карандашомъ и крупнымъ почеркомъ. Прежде чѣмъ я успѣлъ подумать, у меня вырвался мало умѣстный вопросъ. «Это имя графа?» сказалъ я собирая покупки. Иностранецъ впервые остановилъ на мнѣ свой взглядъ. «Нѣтъ», произнесъ онъ съ замѣтной холодностью.

Мнѣ предстояла печальная ночь; я провелъ ее почти безъ сна, слыша какъ за стѣной вздыхала и ворочалась мать. Дремота овладѣла мною лишь на короткое время подъ утро. Проснувшись я поспѣшилъ вскочить на ноги и отодвинуть ставни. Ослѣпительное сверканіе воздуха заставило меня закрыть глаза. Въ карнизахъ противоположнаго дома гнѣздилась искристая тѣнь, въ то время какъ надъ старыми черепицами его крыши стлалось великолѣпное, омытое свѣжестью утра, голубое небо. Первою мыслью моей было выйти изъ дома, чтобы совершить свое паломничество. Не къ мѣсту погребенія незабвеннаго Пиранези направлялся я, но туда, гдѣ въ стѣнахъ его мастерской протекла полная величія его жизнь, гдѣ все дышало его геніемъ, гдѣ родились его творенія.

На улицѣ чувствовалось легче чѣмъ въ предыдущіе дни. Все указывало, что недѣли лихорадочнаго знойнаго лѣта, принесшаго мнѣ столько бѣдъ, наконецъ миновали. Наступалъ пріятнѣйшій изъ римскихъ сезоновъ. Подвигаясь въ сторону Віа Феличе я не разъ останавливался, чтобы дать проѣхать повозкамъ, нагруженнымъ сочными плодами осенняго сбора. На ступенькахъ Испанской лѣстницы цвѣточницы предлагали прохожимъ розы, ожившія вмѣстѣ съ прохладой. Я медленно поднялся по ступенямъ, вспоминая тотъ день, когда совершилъ впервые это восхожденіе, чтобы получить неожиданный ударъ линейкой и сдѣлаться ученикомъ Пиранези. Сколько худшихъ ударовъ я былъ бы готовъ принять, чтобы только Джованни

Баттиста остался въ числѣ живыхъ! Но всѣ наши пожеланія безсильны передъ жребіемъ смерти. Войдя въ мастерскую я не увижу того, кѣмъ были полны мои мысли и не услышу его голоса. Франческо Пиранези встрѣтитъ меня, хлопочущій надъ приведеніемъ въ порядокъ отцовскаго наслѣдства. Я найду важныхъ покупателей, наклоняющихся съ видомъ знатоковъ надъ листами гравюръ и услышу краснорѣчіе Бьянкони, расхваливающаго имъ талантъ венеціанца...

Я стоялъ уже у подножья церкви Тринита деи Монти и, незамѣтно для себя, обратилъ спину къ открывающейся оттуда перспективѣ Віа Феличе. Внезапно рѣшеніе опредѣлилось въ моемъ умѣ. Нѣтъ! Я не войду въ мастерскую, въ которую столько разъ спѣшилъ со своими досками и рисунками. Память о Пиранези, не господствуетъ ли для меня она надъ всѣмъ этимъ Римомъ, раскинувшимся у подошвы холма, отмѣченнаго его жилищемъ, и не переполняетъ ли весь этотъ небесный сводъ, утопающій въ голубомъ эфирѣ? Не есть ли это истинное поле его трудовъ, великая мастерская его созданій? Я долго глядѣлъ на сіяющій утреннимъ солнцемъ городъ, пестрѣющій кровлями домовъ, куполами церквей и темными пятнами зелени. Въ прозрачномъ воздухѣ чертилась ясно каждая линія его многовѣковой архитектуры, голубѣли дали Кампаньи, нѣжнымъ очеркомъ вырисовывались далекія пиніи пригородныхъ вилъ. Это не былъ тотъ Римъ, о которомъ однажды мечталъ мой учитель въ часъ нашего вечерняго возвращенія. Но это былъ все же городъ камней, священныхъ свою древностью и искусствомъ. Развалины термъ и форумовъ сосѣдствовали въ немъ съ христіанскими храмами и дворцами новаго времени. Колоннады обступали монументальныя площади, среди которыхъ неумолчно шумѣли фонтаны. Жизнь ютилась среди величавыхъ руинъ, и къ голосамъ этой жизни, долетавшимъ до меня въ чистомъ воздухѣ, невольно прислушивался я, пришедшій сюда, чтобы думать о смерти.

Я возвратился домой странно умиротворенный, и пообѣдалъ съ матерью, довольной этой явной во мнѣ перемѣной. Послѣ обѣда я вспомнилъ о порученіи, данномъ мнѣ наканунѣ иностранцемъ. Его покупки собралъ я въ небольшую корзину и направился съ ней по оставленному мнѣ адресу. Безъ труда мнѣ удалось разыскать палаццо Альдовити, расположенный въ

кварталѣ Кампо Марціо, неподалеку отъ извѣстнаго палаццо Боргезе. Главный подъѣздъ его былъ наглухо запертъ тяжелой дверью съ бронзовыми кольцами; рѣшетчатыя окна нижняго этажа глядѣли сумрачно и необитаемо въ узкую улицу. Женщина, развѣшивавшая по сосѣдству бѣлье и замѣтившая мое недоумѣніе крикнула мнѣ издалека, что я долженъ войти черезъ боковую дверь. Исполнивъ это я очутился въ парадномъ дворѣ, повторявшемъ въ квадратѣ своего портика суровый дорическій ордеръ. Съ едва слышнымъ звукомъ вода сочилась въ бассейнъ источника, заброшеннаго въ одномъ изъ его угловъ. Въ другомъ углу я замѣтилъ дверь съ полоской яркаго ковра, являвшей единственное живое пятно среди давняго запустѣнія.

Войдя въ эту дверь, я оказался передъ винтовой лѣстницей уходящей наверхъ. Слуга въ разстегнутой ливреѣ храпѣлъ и клевалъ носомъ на старомъ ларѣ. Мнѣ не захотѣлось будить его и отвѣчать на его разспросы, прерываемые позѣвываніями.

Смутное ожиданіе, любопытство, въ которомъ я не смѣлъ сознаться себѣ самому, увлекли меня вверхъ по лѣстницѣ. На верхней площадкѣ ея я заглянулъ въ открытое окно, выходившее въ уголокъ сада, укрывшійся среди высокихъ стѣнъ. До меня долетѣлъ запахъ нагрѣтой солнцемъ зелени и мелкихъ розъ, обвивавшихъ сѣрый стволъ кипариса. Въ нерѣшительности вступилъ я вслѣдъ затѣмъ въ анфиладу небольшихъ комнатъ, служившихъ для размѣщенія гостей въ иные торжественные дни и теперь, очевидно, отданныхъ въ наемъ иностранцамъ. Все указывало здѣсь на недавнее водвореніе. Большіе дорожные сундуки стояли неубранными и наполовину раскрытыми. На креслахъ было брошено платье, въ распахнутыхъ шкафахъ виднѣлось только что сложенное бѣлье. Въ углу столовой, заваленной фарфоромъ и серебромъ, стояло нѣсколько превосходныхъ охотничьихъ ружей англійской работы. Въ другой комнатѣ мое вниманіе привлекъ неоконченный пейзажъ на мольбертѣ и рядъ старыхъ картинъ, прислоненныхъ къ стѣнѣ.

Внезапная робость овладѣла мной въ этихъ открывшихся моему вторженію покояхъ. Я остановился въ то самое мгновеніе какъ женскій голосъ, повторившій нѣсколько разъ имя Мадлены, послышался изъ сосѣдней комнаты. Шаги мои оче-

видно были услышаны; имя Мадлены прозвучало еще разъ, произнесенное съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ. Я толкнулъ бѣлую дверь и переступилъ порогъ. У окна, за маленькимъ столикомъ, узналъ я даму, встрѣченную на Аппіевой дорогѣ. Мой взглядъ въ одну долю секунды охватилъ тонкость ея стана, прихотливую сѣдину напудренныхъ волосъ, блескъ сѣрыхъ и молодыхъ глазъ, нѣжность обнаженныхъ плечъ, открытыхъ вѣтру, втекавшему въ окно. Прежде чѣмъ она успѣла взглянуть на меня, я увидалъ дѣтскую сосредоточенность мины, съ которой низала она жемчугъ своего разсыпавшагося ожерелья. Но вотъ голова ея поднялась отъ стола, лицо выразило понятное удивленіе, рука двинулась, и нѣсколько жемчужинъ скатилось на полъ. Растерянная моя фигура съ корзиной антиковъ была смѣшна и смиренна. Гнѣвъ и веселость мелькнули смѣняя другъ друга въ глазахъ той, чье имя, написанное синимъ карандашомъ и смѣлымъ почеркомъ, твердилъ я недавно поднимаясь по лѣстницѣ. «Выйдите вонъ», сказала она.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Любовь появляется на страницахъ моихъ записокъ, чтобы не изчезнуть изъ нихъ болѣе до послѣдней строки. Юлія Даленъ внушила разнообразнымъ людямъ, окружавшнмъ ее, разнообразныя страсти. Я оказался однимъ изъ этихъ людей, но чувства, владѣвшія мною не ослѣпили меня настолько, чтобы я не былъ изумленъ проявленіями тѣхъ же чувствъ въ другихъ. Человѣческія существа глубоко различны между собой при всемъ ихъ нѣкоторомъ однообразіи, и никогда различія ихъ не выступаютъ съ такой отчетливостью, какъ въ эти часы страннаго искуса, ниспосылаемаго судьбой самымъ счастлнвымъ изъ насъ и самымъ несчастнымъ. Нѣтъ, былъ неправъ шевалье Аркасъ, увѣрявшій въ скептическія свои минуты, что передъ лаконизмомъ изъявляющаго любовь послѣдняго жеста герой равняется ничтожнѣйшему изъ своихъ слугъ и поэтъ любому носильщику. И развѣ не свидѣтельствуетъ какъ разъ о противоположномъ то, что разсказалъ мнѣ онъ самъ о себѣ въ лѣтній вечеръ на холмѣ Позилиппо, пока кружились свѣтляки надъ убѣгавшими по крутымъ склонамъ виноградниками, и багряныя зарницы вспыхивали надъ невидимой въ темнотѣ верхушкой Везувія!

Въ перипетіяхъ любви я не былъ совсѣмъ новичкомъ, когда случайность ввела меня въ комнату сѣверной графини, разсыпавшей жемчугъ у открытаго въ садъ окна. На протяженіи немногихъ лѣтъ своей ранней молодости, я могъ бы насчитать рядъ, до конца испытанныхъ, малыхъ соблазновъ и вспомнить опытъ уже пережитыхъ мною болѣе значительныхъ волненій.

Я былъ еще совсѣмъ мальчикомъ, когда двѣ племянницы моихъ, веселая Маріуччія и насмѣшливая Чеккина внушили мнѣ ощущенія, то заставлявшія меня искать ихъ повсюду, гдѣ только мелькали среди владѣній Миньятелли ихъ свѣтлыя платья, то вызывавшія во мнѣ внезапные приступы робости и стремленіе укрыться въ тѣнь священной рощи отъ смѣха первой изъ нихъ, и отъ насмѣшливыхъ словъ второй.

Обѣ мои племянницы были на годъ или два моложе меня: онѣ готовились стать женщинами, въ то время какъ я оставался почти ребенкомъ. Дѣйствительность женскаго очарованія постигъ я въ одно жаркое утро на изгороди нашей винья, куда взобралась, усталая послѣ бѣга, Маріуччія и гдѣ догналъ ее я, схватившись рукой за гибкій плетень. Я сѣлъ съ нею рядомъ; внезапная серіозность смѣнила въ ней задоръ игры; она держала пучекъ крупныхъ гвоздикъ сорванныхъ на бѣгу, и крѣпкій запахъ цвѣтовъ смѣшался въ одномъ дыханіи съ ароматомъ ея смуглой кожи, которую видѣлъ я такъ близко передъ глазами. Мгновенная слабость овладѣла мною, я испыталъ родъ сладостнаго головокруженія и, потерявъ равновѣсіе, едва не свалился внизъ, въ то время какъ замѣтившая это Маріуччія вновь возвратилась къ своей бурной веселости и, легко соскочивъ съ изгороди, была въ одинъ мигъ уже далеко, и смѣхъ ея едва ловило мое ухо сквозь шумъ вскипѣвшей крови.

То было памятное лѣто въ годъ конклава, когда отецъ неустанно рыскалъ по всѣмъ окрестностямъ, собирая антики и складывая ихъ въ заброшенной церкви святого Урбана. Въ прохладѣ этого древняго храма былыхъ боговъ, очутился я однажды вмѣстѣ съ насмѣшливой Чеккиной, перебирая бѣлѣющіе въ полутѣни обломки. Мраморный купидонъ, едва сохранившій очертанія своего отроческаго лица и часть своихъ крыльевъ, привлекъ ея вниманіе. Прильнувъ къ нему щекой, она искала губами слѣдъ полустертыхъ губъ маленькаго бога и вдругъ, поглядѣвъ на меня и вскинувъ тонкія брови, приблизила къ моему рту свой нѣжный ротъ. Въ томъ первомъ поцѣлуѣ дѣтства, клянусь, я не ощутилъ холода, оставшагося на губахъ любопытной Чеккины отъ прикосновенія къ каменному божеству! Невольно я закрылъ глаза, мгновеніе длилось вѣчно; когда я пришелъ въ себя, подлѣ меня не было моей сво-

енравной подруги. Въ открытую дверь доносились звуки сельскаго дня; мраморный купидонъ лежалъ передо мной, поверженный своимъ стертымъ лицомъ въ мягкую коричневатую пыль.

Поцѣлуй Чеккины я принялъ какъ продолженіе того любовнаго опыта, начало котораго позналъ я на шаткой изгороди, рядомъ съ веселой и рѣзвой Маріуччей. Прельщенное обѣими, мое ребяческое воображеніе не раздѣляло одной сестры отъ другой. Ни той и ни этой не отдавало предпочтенія мое неискушенное сердце, и если вѣрно, что любовь рождается изъ предпочтенія, то это не было даже дѣтской любовью. Я легко позабылъ обѣихъ племянницъ въ новыхъ обстоятельствахъ наступившей взрослости, приведшей меня въ управленіе водъ и позднѣе въ мастерскую великаго Пиранези. Вмѣстѣ съ товарищами по этой мастерской, я искалъ иныхъ удовлетвореній пробудившимся во мнѣ инстинктамъ, болѣе дѣйствительныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе обыкновенныхъ. Въ муравейникѣ одного изъ народныхъ кварталовъ, окружавшихъ колонну Траяна, мы открыли золотошвейное заведеніе, отвѣчавшее числомъ своихъ мастерицъ числу молодыхъ граверовъ. За тѣ скромные подарки, которые нашъ тощій кошелекъ былъ способенъ предоставить имъ, черноволосыя и пѣвучія дѣвушки, проводившія дни за позументами ливрей и басонами униформъ, отдавали ночи свои въ наше полное распоряжееіе.

Какъ и мои сверстники я узналъ вечернія пирушки въ пропитанныхъ тяжелыми запахами подвалахъ, вкусъ покупныхъ поцѣлуевъ, заѣденныхъ прозаическнмъ чеснокомъ и запитыхъ стаканомъ дешеваго вина, поспѣшность объятій, мѣстомъ которыхъ, за неимѣніемъ лучшаго, оказывалась иногда римская улица, такъ некстати вдругъ освѣщенная фонаремъ проѣзжавшей кареты. Я узналъ нестройныя пѣсни, сопровождавшія наше возвращеніе рука объ руку изъ ночныхъ прогулокъ и тѣ юношескія ссоры, которыя вдругъ вспыхивали среди нашихъ забавъ и разрѣшались дракой тутъ же на улицѣ, или питали долгія непріязни въ стѣнахъ мастерской. Юношескіе годы полны соперничествъ и соревнованій, возникающихъ легко и по всякому поводу. Въ любви молодость ищетъ зачастую лишь предлога для пробы тѣхъ когтей и зубовъ, которыми одѣляетъ природа не однихъ только нашихъ четвероногихъ собратьевъ.

Но къ такимъ сопутствующимъ любви треволнеиіямъ не привлекали меня ни мой темпераментъ, ни мой здравый смыслъ. Я никогда не искалъ первенствованія; добиваться чего бы то ни было усиліемъ собственнаго упорства или, что еще хуже, цѣною несчастья другихъ — не въ моемъ нравѣ. Я легко готовъ уступить какъ разъ тамъ, гдѣ для человѣка иной складки начинается страсть успѣха и преобладанія. Игравшіе со мной въ карты и шахматы найдутъ, пожалуй, что со мною скучно играть, оттого что я не слишкомъ стремлюсь выиграть. Азартъ, который столь могущественно движетъ другими людьми, мнѣ чуждъ, и если сказанному противорѣчитъ многое, что случилось мнѣ испытать въ годы любви къ Юліи Даленъ, то это свидѣтельствуетъ лишній разъ, что человѣческое существо даже въ основѣ своей полно противорѣчій.

Я всегда думалъ кромѣ того, что многіе изъ насъ живутъ не своей жизнью. Судьба явнымъ образомъ не желаетъ считаться съ тѣмъ багажемъ, какимъ надѣлила насъ природа отъ рожденія. Самымъ насильственнымъ образомъ ставитъ она насъ въ положенія, гдѣ не только кажемся мы не тѣмъ, что есть, постороннему взгляду, но и сами перестаемъ узнавать себя. Я зналъ прирожденныхъ путешественниковъ и искателей приключеній, проведшихъ всю жизнь въ четырехъ стѣнахъ своего дома, среди того, что принято именовать семейными радостями, и въ бродячихъ труппахъ, среди всяческихъ неправильностей жизни актера, я встрѣчалъ людей, истиннымъ призваніемъ которыхъ были прочная осѣдлость и домашній очагъ. Старинные астрологи напрасно удивлялись единственному въ своемъ родѣ положенію звѣздъ, которое будто бы ознаменовало день рожденія Юлія Цезаря. Никому невѣдомые цезари по натурѣ рождаются, быть можетъ, ежедневно въ различныхъ углахъ нашей обширной вселенной, и мы только не узнаемъ ихъ въ ихъ иронической судьбѣ лавочниковъ или аптекарей.

Что касается меня, то любовь явилась мнѣ въ иномъ обликѣ, чѣмъ тотъ, который вполнѣ отвѣчалъ бы моимъ природнымъ силамъ и свойствамъ. Я люблю женщинъ и вѣрю, что настоящая прелесть жизни состоитъ именно въ легкомъ опьяненіи, какимъ сопровождается встрѣча съ каждой изъ нихъ, способной внушить намъ иллюзію страсти. Я восхищаюсь лишь чувствами не отнимающими у насъ несомнѣннѣйшаго изъ на-

шихъ благъ, блага свободы, и я не боюсь утверждать это передъ повѣствованіемъ о чувствѣ, всецѣло меня поглотившемъ и лишившимъ на долгіе годы даже и тѣни свободы. Орсо Вендоло, признавшійся вамъ только что въ своей слабости къ разнообразнымъ женщинамъ, на много лѣтъ забылъ о существованіи на свѣтѣ всѣхъ ихъ, кромѣ одной!

Въ моей первой юношеской любви я оказался, впрочемъ, нѣсколько болѣе вѣренъ истинному своему предназначенію. Эта любовь возникла легко и миновала съ такою же легкостью, не оставивъ особенно замѣтныхъ слѣдовъ, несмотря на мои мало завидные въ ней успѣхи. За два года до описанныхъ въ послѣдней главѣ событій, какъ мнѣ запомнилось, наканунѣ дня Благовѣщенія, я рѣшилъ устроить праздникъ и вмѣсто мастерской очутился на винья Миньятелли. Приближаясь къ дому Соръ Паоло, я увидѣлъ двухмѣстный экипажъ у боковой двери. Двѣ маленькія круглыя лошадки позвякивали бубенцами, щипля молодую траву, въ то время какъ видимый ихъ обладатель, держа въ рукѣ возжи оживленно бесѣдовалъ съ моей сестрой; рядомъ съ нимъ помѣщалась фигура женщины, отвернувшей въ сторону свое лицо. Целестина на мгновеніе скрылась въ домѣ и появилась вновь съ большой корзиной свѣжихъ яицъ. Испустивъ восклицаніе, невѣдомый мнѣ гость владѣній Миньятелли осторожно поставилъ корзину на переднюю скамью. Онъ бралъ оттуда одно яйцо за другимъ и слегка стукнувъ его о металлическую ручку съ рѣдкой ловкостью опрокидывалъ содержимое его себѣ въ ротъ. Онъ закинулъ для этого совсѣмъ назадъ свою голову, посаженную на короткую шею; квадратная спина его выражала наслажденіе; въ его горлѣ рождались рокочущія междометія.

Проходя съ той стороны, гдѣ сидѣла его отвернувшаяся въ сторону спутница, я поглядѣлъ на нее. Лицо ея изображало почти отчаяніе, смѣшанное съ отвращеніемъ. На мгновеніе наши взгляды встрѣтились. Я вошелъ въ домъ, запомнивъ болѣзненную бѣлизну ея щекъ, непроницаемость черныхъ глазъ, усталость позы. Спустя нѣсколько минутъ я подошелъ къ окну. Целестина смѣялась и дѣлала рукой отъѣзжавшимъ прощальные жесты. Пара маленькихъ круглыхъ лошадокъ тронулась съ мѣста, звеня бубенцами и громыхая странными

предметами, имѣвшими видъ преувеличенныхъ въ своемъ размѣрѣ медицинскихъ инструментовъ, которые, какъ я теперь только примѣтилъ, были сложены подъ сидѣніемъ. Колесо раздавило нѣсколько хрупкихъ яичныхъ скоролупокъ, бѣлѣвшихъ въ зелени молодой травы. Самодовольная фигура любителя сельскихъ завтраковъ и отвращавшая въ сторону свое прекрасное лицо дама мелькнули передо мной въ окнѣ и исчезли.

Я узналъ въ тотъ же день, что заинтересовавшій меня посѣтитель винья былъ врачевателемъ четвероногихъ существъ, носившимъ громкое имя, быть можетъ и отвѣчавшее въ точности его спеціальности, но мало умѣстное для человѣка его профессіи, не пользующейся особенно большимъ почетомъ несмотря на ея очевидную пользу. Отецъ мой, явившійся къ обѣду въ день Благовѣщенія, хорошо зналъ флорентійскаго ветеринара Гаэтано Медичи, который немного лѣтъ назадъ обосновался въ Римѣ со своей молодой женой и пріобрѣлъ здѣсь обширную практику. Нѣсколько анекдотовъ изъ числа тѣхъ, какими безъ конца готовъ былъ сыпать Джованни Вендоло, когда рѣчь заходила о чѣмъ либо извѣстномъ жителѣ Рима, дополнили характеристику преуспѣвавшаго въ своемъ ремеслѣ флорентійца. Я съ внезапной досадой прислушивался къ откровеннымъ намокамъ, какими не былъ пощаженъ за нашимъ столомъ обычай синьора Гаэтано подкрѣплять съ помощью десятка сырыхъ яицъ свои силы, не обращая ни малѣйшаго вниманія на незнавшую куда дѣваться въ такихъ случаяхъ бѣдную синьору Лукрецію.

Лукреція Медичи заняла теперь мои мысли. Проводя лѣтнія недѣли на винья Миньятелли, я ждалъ прибытія знакомаго экипажа съ неменьшимъ волненіемъ, чѣмъ то, какое изъявляли паціенты флорентійскаго доктора, оглашавшіе при его появленіи конюшни и хлѣвы своими безсловесными привѣтствіями и топотомъ копытъ. Пока солидно построенная особа синьора Гаэтано бодро хлопотала надъ гигантскими клистирами и чудовищными компрессами, его болѣзненная жена входила къ намъ въ домъ. Целестина ставила передъ ней кувшинъ съ дымящимся молокомъ, меньшая изъ моихъ племянницъ, Нанетта приносила ей букетъ срѣзанныхъ въ саду розъ. Лицо гостьи было блѣдно, она говорила негромко и мало, ни на кого не глядя и перебирая цвѣты своей праздною и слабой рукой.

Иногда Лукреція выказывала желаніе совершить прогулку. Я сопровождалъ ее среди полей и изгородей Миньятелли. Мы заходили въ церковь святого Урбана или спускались къ тихому Алмоне, заросшему камышемъ.

Въ священной рощѣ Лукреція опускалась на траву и прислонялась спиной къ могучему стволу каменнаго дуба. Изъ груди ея вылеталъ продолжительный вздохъ; она закрывала глаза и обращала ихъ къ высокому небу.

Она не могла, конечно, не замѣтить тѣхъ волненій, какія вызывало во мнѣ ея присутствіе. Мы обмѣнивались лишь немногими словами, но постепено между нами установилась дружба, снисходительно-нѣжная съ ея стороны, восторженная и несмѣлая съ моей. Я думалъ о ней безъ конца; я зналъ или угадывалъ невзгоды ея жизни; Гаэтано Медичи внушалъ мнѣ вражду, отъ которой у меня болѣла голова и дрожали руки. Къ чему могли привести насъ такія отношенія? Объ этомъ не помышлялъ я, переполненный своеобразнымъ эгоизмомъ чувства, какое по молодости лѣтъ считалъ великой любовью.

Однажды мы спустились къ берегу ручья и вошли въ прохладный гротъ нимфы Эгеріи. Влажность камней, свѣжесть воды, сочившейся сквозь мелкіе листики Венериныхъ волосъ, были пріятны въ тотъ знойный день. Лукреція дышала неровно и часто, и подносила ко лбу свою тонкую руку. Внезапно она взглянула мнѣ прямо въ глаза, и я весь замеръ передъ этимъ взглядомъ той, которой такъ свойственно было глядѣть въ сторону или внизъ. Я сидѣлъ на глыбѣ почернѣвшаго туфа, образовавшей въ гротѣ нѣчто вродѣ скамьи. Лукреція подошла ко мнѣ и сѣла со мной рядомъ; невольнымъ движеніемъ я отодвинулся какъ ужаленный. Въ молчаніи протекло нѣсколько минутъ, Лукреція вновь опустила голову, потомъ, сдѣлавъ усиліе, поднялась и вышла изъ грота.

Зимой въ Римѣ потребность видѣть ее сдѣлалась для меня постоянной. Уступая моимъ робкимъ упрашиваніямъ, Лукреція являлась на условленныя между нами свиданія. Мы встрѣчались въ церквахъ, въ часъ, когда равнодушно скользилъ по насъ взглядъ сакристана, шаркающаго мягкими туфлями по каменнымъ поламъ, или служанки, разставлявшей пустыя скамьи и стулья. Мы проникали въ сады раскипутыхъ среди города виллъ, напоминавшіе намъ шумомъ вѣчно зеленыхъ дубовъ

задумчивость Боско Сакро и лепетомъ фонтановъ — мелодіи Алмонө. Въ этихъ прогулкахъ я испытывалъ себялюбивое блаженство; взоръ Лукреціи иногда вновь обращался ко мнѣ, продолжительный и вопрошающій. Лицо ея зачастую выражало нетерпѣніе.

Являясь на наши свиданія, она мало думала о какой либо осторожности по отношенію къ своему супругу. Бдительность Гаэтано Медичи не принадлежала къ числу неусыпныхъ, и самонадѣянность его не допускала и тѣни какихъ либо подозрѣній. Не тревожимые никѣмъ мы не давали себѣ труда искать отдаленныхъ кварталовъ. Выходя изъ Санъ Сильвестро мы повстрѣчались однажды лицомъ къ лицу съ моимъ товарищемъ по мастерской, нѣкимъ Боллинп. Этотъ Боллини не былъ худшимъ изъ числа моихъ сверстниковъ и компаньоновъ. Я уважалъ его живой умъ флорентійца и его знанія въ ремеслѣ гравера. Широкое, безбровое лицо его съ маленькими глубоко запавшими глазками было некрасиво, и не украшалъ его побѣлѣвшій шрамъ, тянувшійся черезъ всю щеку, о происхожденіи котораго мой Боллини любилъ отзываться съ нѣкоторой таинственностью.

Быть можетъ какъ разъ эта мало счастливая наружность флорентійца, исключавшая, казалось, для него какіе либо шансы успѣха, и заставила меня сдѣлать его своимъ конфидентомъ. Послѣ встрѣчи у тяжелой кожаной завѣсы, прикрывающей входъ въ Санъ Сильвестро, я разсказалъ ему о своей любви то немногое, что смыслилъ въ ней самъ. Онъ былъ остороженъ въ своихъ разспросахъ, но если бы я былъ наблюдательнѣе, я замѣтилъ бы, что моя интрига до крайности интересуетъ его.

Если бы я былъ немного старше и опытнѣе, я менѣе удивился бы тому происшествію, которое вскорѣ заставило меня остановиться какъ вкопаннаго, съ широко раскрытымъ ртомъ, на углу улицы Капо ле Казе. На подъемѣ той улицы, священной для меня, потому что въ ней жила Лукреція, я увидѣлъ однажды хорошо мнѣ знакомый экипажъ флорентійскаго ветеринара, запряженный парой маленькихъ и сытыхъ лошадокъ и въ немъ, рядомъ съ ненавистнымъ мнѣ Гаэтано Медичи, узрѣлъ улыбающагося своему сосѣду Боллини. Не замѣтившій меня флорентіецъ явно смутился на другой день въ ма-

стерской, когда я обратился къ нему за разъясненіями. Быстро оправившись, онъ сослался на неожиданныя обстоятельства, столкнувшія его съ Медичи въ качествѣ земляка и едва ли даже не родственника. Подозрѣніе тѣмъ не менѣе родилось во мнѣ; на ближайшемъ свиданіи не безъ тревоги спросилъ я Лукрецію о знакомствѣ ея съ Боллини. Она отвѣчала мнѣ уклончиво, глядя въ сторону по своему обыкновенію.

Она не явилась совсѣмъ къ слѣдующей условленной между нами встрѣчѣ. Волнуясь, предчувствовалъ я недоброе, предполагалъ болѣзнь, отъѣздъ, ревность мужа. Я засыпалъ Боллини вопросами, но онъ ссылался на полное свое невѣдѣніе. Мечтательныя наши прогулки, столь неожиданно прервавшіяся, стали однако моей потребностью. Разлученный съ Лукреціей, я совершалъ ихъ теперь въ меланхолическомъ одиночествѣ. Я заходилъ въ опустѣлыя церкви, гдѣ сакристанъ шаркалъ мягкими туфлями и косая служанка переставляла пыльныя скамьи. Я скитался по римскимъ вилламъ, съ грустью впивая горькій запахъ ихъ вѣчной зелени и вздыхая прислушивался къ рокоту ихъ фонтановъ.

На закатѣ одного изъ ясныхъ дней конца зимы, я бродилъ среди аллеи виллы Людовизи. Садившееся солнце освѣщало краснымъ отблескомъ вѣнцы пиній и вплетало золотыя нити въ остроконечныя верхушки кипарисовъ. Нога моя мягко ступала по игламъ хвой или отбрасывала сухія растрескавшіяся шишки. Въ прозрачности воздуха былъ слышенъ малѣйшій звукъ; едва различимый шопотъ заставилъ меня поднять голову, когда я проходилъ подъ террасой, отмѣченной двумя гермами. Обросшія мхомъ божества обмѣнивались лукавыми улыбками, наполовину скрытыми въ косматыхъ ихъ бородахъ, но не съ ихъ неподвижныхъ губъ слетали тѣ рѣчи, которыя уловило мое ухо. Прямо надо мной, всего лишь въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, облокотившись на каменную баллюстраду стояли Лукреція и Боллини. Ихъ головы почти касались, и лица ихъ были обращены другъ къ другу. Я видѣлъ неподвижные и расширенные глаза той, чей взоръ такъ часто отвращался отъ моего лица и теперь остановился какъ привороженный на лицѣ флорентійца, очевидно не замѣчая ни заурядности его чертъ, ни уродливости его шрама. Невольное восклицаніе вырвалось у меня. Лукреція вздрогнула

и поспѣшила повернуться спиной къ балюстрадѣ, но спутникъ ея не поторопился даже измѣнить свою позу. Перевѣсившись внизъ онъ поглядѣлъ на меня. Широкій его ротъ весело осклабился, бѣлая полоса шрама дрогнула, маленькіе, глубоко сидящіе глазки лукаво мнѣ подмигнули. Вслѣдъ за тѣмъ, съ торжествующей и фамильярной шутливостью Боллини поднялъ валявшуюся на балюстрадѣ сосновую шишку и кинулъ ее мнѣ въ голову.

II.

Если бы два или три мѣсяца спустя послѣ того, какъ я впервые переступилъ порогъ дворца Альдовити, кто либо сказалъ мнѣ, что я влюбленъ въ Юлію Далеинъ, я попытался бы опровергнуть это со всѣмъ чистосердечіемъ. Сѣверная графиня заполнила цѣликомъ мою жизнь, но она вторглась въ нее не только съ одной своей стройной фигурой Діаны - Охотницы и вѣчно оживленнымъ лицомъ, но и со своими платьями, бездѣлушками, капризами, привычками, со всѣмъ веселымъ хаосомъ своего временнаго жилища, со всѣмъ тѣмъ, что окружало ее — со своей камеристкой и, главное, со своимъ мужемъ. Поистинѣ тотъ, кто пожелалъ бы раскрыть мнѣ глаза на мое чувство, долженъ былъ бы рѣшить сначала, къ кому я испытывалъ большую влюбленность, къ графинѣ Юліи или графу Фредерику.

Еще не успѣла закрыться за мною бѣлая дверь, которую я отворилъ съ такой опрометчивостью, какъ голосъ, только что пригласившій меня удалиться, предложилъ мнѣ дождаться въ сосѣдней комнатѣ. Я исполнилъ это, не безъ смущенія разглядывая дорожные баулы, наполовину извергнувшіе свое содержимое на окружающіе столы и кресла. Графиня Юлія появилась черезъ нѣсколько минутъ: ея глаза, устремленные на меня смѣялись; ея лицо выражало несомнѣнную симпатію. Много разъ впослѣдствіи разсказывала она мнѣ, что скромно одѣтый, тоненькій юноша, какимъ я былъ въ тѣ годы, свалившійся съ неба прямо къ ея туалету съ корзиной глиняныхъ фигурокъ и радужныхъ стеколъ въ рукѣ, внушилъ ей пріязнь въ первое же мгновеніе. Для меня та сразу завоеванная мной благосклонность оказалась роковой: инстинктомъ своимъ я съ первыхъ же словъ понялъ, что существую для этой прекрасной и

чужеземной дамы, и съ той поры ничто не заставило бы меня провалиться въ ея небытіе.

Графиня Юлія подробно разспросила меня, кто я и кѣмъ посланъ. Она не переставала въ то же время разглядывать меня весело и сочувственно. Итальянскія слова произносила она храбро, не боясь ошибокъ, которыя мы, римляне легко прощаемъ иностранцамъ. Я отвѣчалъ ей, не отрывая отъ нея восхищеннаго взгляда и машинально доставая изъ корзины радужныя стекла и глиняныя фигуры, которыя расположились передъ ней на столѣ, удвоившись въ его полированной поверхности. Графиня Юлія наклонилась къ нимъ, коснувшись одной фигурки; я съ грустью почувствовалъ, что корзина моя пуста. Уже я искалъ предлога, чтобы удалиться, когда въ сосѣдней комнатѣ раздались шаги. Графъ Фредерикъ Даленъ появился на порогѣ. «Жюльетта!» воскликнулъ онъ ласково, и та, кого онъ звалъ этимъ французскимъ именемъ, вдругъ быстро дотронулась до моего обшлага своей лѣвой рукой и такъ же быстро приложила къ губамъ палецъ правой руки въ знакъ молчанія.

Я поклонился вошедшему. Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ тридцати. Откинутый назадъ лобъ, нѣжныя розовыя щеки и близорукіе, пристально вглядывающіеся глаза придавали лицу его нѣсколько дѣтское выраженіе. На мой поклонъ онъ отвѣтилъ со всевозможной привѣтливостью. Графиня Юлія страннымъ образомъ избавила меня отъ труда объяснить ему мое присутствіе. «Я сдѣлала покупку, Фредерикъ», — сказала она съ величайшимъ спокойствіемъ. — «Вчера я открыла близъ Капитолія лавку древностей, полную всякихъ чудесъ. Не та ли это, о которой разсказывалъ вамъ Бьянкони? Синьоръ Орсо Вендоло, художникъ и сынъ хозяина былъ такъ любезенъ, что взялся доставить сюда эти бездѣлицы; въ его особѣ я рѣшила устроить вамъ небольшой сюрпризъ».

Графъ Фредерикъ Даленъ подошелъ къ намъ и, близко взглянувъ на меня, потеръ отъ удовольствія свои маленькія руки. «Я очень радъ», произнесъ онъ сердечно. Затѣмъ, ища съ трудомъ дававшіяся ему итальянскія слова, добавилъ. «Мы будемъ друзьями. Я слышалъ о васъ отъ Бьянкони, какъ о любимомъ ученикѣ великаго Пиранези и самъ мечтаю сдѣлаться вашимъ ученикомъ. Мнѣ надо о многомъ условиться съ вами.

О, я не дамъ вамъ покоя», засмѣялся онъ. — «Приходите же милый синьоръ Вендоло въ этотъ домъ иностранцевъ какъ въ свой собственный, если только васъ не пугаетъ нашъ безпорядокъ. Но съ вашей помощью мы одолѣемъ его и въ старой развалинѣ Альдовити устроимъ отличное жилище».

Если смущенъ былъ я съ первой минуты, когда оказался лицомъ къ лицу съ Юліей Даленъ, если съ грѣхомъ пополамъ, робѣя и овладѣвая собой попеременно, отвѣчалъ я на первые ея вопросы, то какъ изобразить мнѣ степень смущенія, въ какую повергло меня лестное обращеніе графа и еще болѣе то хладнокровіе, съ какимъ супруга его сдѣлала меня соучастникомъ ея обмана! Я пробормоталъ нѣчто невнятное, на глазахъ у меня готовы были выступить слезы. Графъ Фредерикъ смотрѣлъ на меня съ удивленіемъ и, видя мое замѣшательство, ободрительно положилъ мнѣ на плечо руку. Глаза графини взглядывали на меня строго, но гдѣ то въ глубинѣ ихъ мелькалъ затаенный смѣхъ. Я сдѣлалъ неловкое движеніе, хрупкія стеклышки, разставленныя мною па столѣ, попадали на полъ и разсыпались въ радужную пыль. Тогда я позорнымъ образомъ обратился въ бѣгство, слыша за спиной напрасные призывы графа Фредерика и болѣе несдерживаемый звонкій хохотъ графини Юліи.

Графъ Даленъ сдержалъ свое слово: онъ не оставилъ меня въ покоѣ даже въ тотъ самый день, когда, казалось, я такъ нуждался въ этомъ покоѣ, чтобы справиться со множествомъ ощущеній, вызванныхъ во мнѣ новымъ знакомствомъ. Вечеромъ онъ побывалъ въ Капитолійской лавкѣ, ожидая, быть можетъ, найти въ ней берлогу, достойную того страннаго молодого человѣка, который въ его домѣ велъ себя какъ настоящій дикарь. Но я уже успѣлъ исцѣлиться отъ овладѣвшей мною робости. Радушіе и простота молодого графа были къ тому же столь велики, что передъ нимъ не устояло бы любое упорство. Отъ антиковъ отца мы перешли къ рисункамъ моихъ тетрадей. Съ охотой, неожиданной для моего гостя послѣ утренней сцены, я разсказалъ ему о своихъ работахъ, съ энтузіазмомъ описывая нравъ великаго Пиранези и вспоминая его рѣчи. Мы разстались совсѣмъ друзьями; на слѣдующій день я весело и безъ слѣдовъ досадной застѣнчивости вбѣгалъ съ папкой гравюръ па лѣстницу, отмѣченную яркой полоской ковра въ

углу дорическаго двора Альдовити; я чувствовалъ всѣмъ своимъ существомъ, что для меня начинается новая жизнь.

Драпировщики вѣшали занавѣсы, слуги хлопотали вокругъ посуды, камеристка графини мелькала взадъ и впередъ съ волнами шелка и атласа, изображавшими платья ея госпожи. Среди этой суматохи графъ Фредерикъ показывалъ мнѣ свои начатыя на мольбертѣ картины и свои великолѣпныя охотничьи ружья. Мы уговаривались съ нимъ объ урокахъ офорта и о прогулкахъ въ мѣстахъ Кампаньи, изобилующихъ дичью и классическими руинами. Графиня Юлія присоединялась къ намъ время отъ времени, оставивъ домашнія заботы. Дѣловитая мина смѣнялась тогда въ ея лицѣ внимательнымъ выраженіемъ; она умѣла смотрѣть и слушать. Я не испытывалъ болѣе смущенія въ ея присутствіи; насмѣшливости обращенной ко мнѣ не таилось въ тотъ день въ ея сѣрыхъ глазахъ. Выбравъ минуту, когда мы остались одни, она вновь прикоснулась рукой къ моему обшлагу и сказала серіозно, съ оттѣнкомъ сожалѣнія. «Простите меня, синьоръ Вендоло, вы лучше узнаете меня и не осудите».

Графъ Фредерикъ Даленъ былъ настоящимъ дилеттантомъ, однимъ изъ числа тѣхъ, которыми такъ обиленъ нашъ городъ. Отъ увлеченія живописью онъ легко переходилъ къ маніи антикварія; по утрамъ онъ писалъ стихи на двухъ, трехъ языкахъ и по вечерамъ устремлялся въ театры или концерты. Онъ покупалъ картины старинныхъ мастеровъ, мраморы раскопокъ, книги въ пергаментѣ, музыкальные инструменты. Торговцы всѣми диковинами осаждали дворецъ Альдовити, и молодые аббаты, выступавшіе на литературномъ поприщѣ, стучались въ его двери. Наемная карета запряженная четою коней, уставшихъ влачить по римскимъ улицамъ какого нибудь дряхлаго эминентиссимо, была вѣчно готова къ неожиданнымъ выѣздамъ графа или графини, и долговязый лакей въ чужеземной ливреѣ ждалъ очереди распахнуть ея дверцу передъ той или иной достопримѣчательностью.

Въ нижнемъ этажѣ палаццо Альдовити, повара звенѣли сіяющими мѣдными кастрюлями. Графъ Даленъ мало заботился о вечернихъ пріемахъ, но къ завтраку или обѣду являлись гости. Фамильное серебро и тяжелый хрусталь сверкали на старыхъ добротныхъ скатертяхъ; обиліе и качество напитковъ возна-

граждало промахи кухни; своимъ предпочтеніемъ къ крѣпкимъ винамъ юга молодой хозяинъ, какъ истый шведъ, удивлялъ осторожныхъ римлянъ и трезвыхъ неаполитанцевъ.

Эти римляне и неаполитанцы составляли однако замѣтное меньшинство среди гостей дворца Альдовити. Графъ Даленъ охотно принималъ у себя иностранцевъ, привлеченныхъ славой вѣчнаго города и обосновавшихся въ немъ на мѣсяцы или годы. Вереницей смѣняющихся фигуръ, чрезъ завтраки его и обѣды, проходили англійскіе милорды, французскіе виконты, польскіе князья и нѣмецкіе бароны. Достаточно громкіе титулы всѣхъ владѣній Европы звучали въ стѣнахъ его небольшой столовой, перемежаясь съ именами ученыхъ, живописцевъ, музыкантовъ и путешественниковъ. Графиня Юлія первенствовала среди людей искушенныхъ зрѣлищами разнообразныхъ дворовъ и впечатлѣніями многихъ странствій. Какъ далека казалась она мнѣ въ эти минуты, сверкающая своимъ торжественнымъ и дорогимъ платьемъ, своей серебрящейся модной сѣдиной, высокой прической, своими холодно-мраморными плечами, своимъ любимымъ жемчужнымъ ожерельемъ, которое разсыпала она нѣкогда передо мною у открытаго въ садъ окна!

За столомъ графа Даленъ я занималъ скромное, но постоянное мѣсто. Гостямъ палаццо Альдовити я былъ извѣстенъ, какъ придворный художникъ маленькаго импровизированнаго двора графини Юліи и графа Фредерика. Вездѣсущій Бьянкони радъ былъ привѣтствовать тамъ меня въ качествѣ стариннаго знакомаго. Молодые аббаты, соперничавшіе между собой въ учености, пытались завоевать черезъ меня доступъ въ высокое общество. Знаменитые иностранцы обращали ко мнѣ благосклонныя рѣчи, на которыя я отвѣчалъ, какъ умѣлъ, безъ тѣни былой робости, изъявляя быстрые успѣхи въ свѣтскомъ общеніи и въ изучаемомъ мною французскомъ языкѣ.

Изъ своего угла я не переставалъ наблюдать за графиней Юліей. Оживленная и привѣтливая со всѣми, она не выказывала никому особаго предпочтенія. Ни одинъ изъ совершенныхъ кавалеровъ, окружавшихъ ее, не могъ бы претендовать на роль ея cavaliere servente. Я помню вниманіе, которое оказывалъ ей избалованный женщинами голландскій дипломатъ Ванъ-Ольстропъ. Въ посѣщеніяхъ дворца Альдовити онъ обнаружилъ замѣтную настойчивость, забавлявшую графиню Юлію и вызы-

вавшую улыбку въ близорукихъ глазахъ ея супруга. Господинъ Ванъ-Ольстропъ былъ неистощимъ въ своихъ комплиментахъ и изобрѣтателенъ въ своихъ сюрпризахъ. Его любовная стратегія стремилась быть скоропалительной и побѣдоносной. Войдя однажды въ бѣлую комнату палаццо Альдовити, я засталъ его наединѣ съ графиней. Припавъ къ ея рукѣ готовъ былъ онъ продлить до безконечности сладостное и многообѣщающее мгновеніе. Уже одно колѣно его опустилось на коверъ, когда замѣтившая меня графиня кинула мнѣ взглядъ заговорщицы и приложила палецъ къ губамъ. Вслѣдъ затѣмъ глаза ея блеснули и углы рта дрогнули: не сдерживаясь болѣе она разсмѣялась. «Войдите же милый синьоръ Орсоло», воскликнула она. Господинъ Ванъ-Ольстропъ поспѣшилъ подняться, стряхнувъ пыль съ колѣнъ кружевнымъ платочкомъ и мысленно посылая меня ко всѣмъ чертямъ.

Взглядъ заговорщицы, который обратила ко мнѣ Юлія Даленъ, знаменуя любовное пораженіе самонадѣяннаго голландца, былъ не единственнымъ въ ряду тѣхъ, какіе заставляли меня вдругъ насторожиться или задуматься среди оживленной бесѣды за столомъ Альдовити. Въ устремленныхъ на меня глазахъ сѣверной графини я узнавалъ зачастую двойственное и затаенное выраженіе, смыслъ котораго я не могъ разгадать, безошибочно чувствуя въ то же время, что оно относилось къ соединявшей насъ тайнѣ. Значеніе этой тайны я охотно преувеличивалъ своимъ юношескимъ воображеніемъ. Но развѣ не сдѣлала меня Юлія Даленъ въ первый же день нашего знакомства соучастникомъ своего секрета и сообщникомъ своего обмана? И развѣ я не былъ, невѣдомымъ ей самой, свидѣтелемъ вечерней сцены на Аппіевой дорогѣ, важность которой прочелъ я на слѣдующій день въ отсутствующемъ взорѣ и пылкомъ лицѣ иностранца, разсѣянно выбиравшаго передо мною глиняныя фигурки и радужныя стекла?

Среди посѣтителей завтраковъ и обѣдовъ графа Фредерика, среди всѣхъ, кто окружалъ графиню Даленъ въ торжественномъ холодѣ античныхъ галлерей Ватикана и Капитолія и въ блескѣ театровъ или концертовъ, я съ замираніемъ сердца искалъ того, чья тѣнь, отброшенная низкимъ солнцемъ, скользила когда то передо мной въ пространствахъ Кампаньи. Персонажъ, вступившій въ мою жизнь рука объ руку съ графиней

Юліей, исчезъ нынѣ съ моего горизонта. Но существованіе его не прервалось: онъ не былъ призракомъ въ тотъ вечеръ и разумѣется не сдѣлался имъ въ эти мѣсяцы. Взгляды графини Юліи столь неожиданно останавливавшіеся на мнѣ съ непонятнымъ для меня выраженіемъ, каждый разъ напоминали о томъ и преисполняли меня предчувствіями новыхъ волненій.

Объ этихъ волненіяхъ, о тревогахъ, какими отмѣчено было разгадываемое мною будущее, я не переставалъ размышлять, возвращаясь изъ дворца Альдовити въ капитолійскую лавку, въ стѣнахъ которой вновь хлопоталъ оправившійся отъ болѣзни отецъ, постарѣвшій, смирившійся и растерявшій за время выздоровленія большую часть своего прежняго авторитета. Я испытывалъ странное счастье быть обладателемъ большой или малой тайны той, кого я лишь мысленно рѣшался называть Жюльеттой. Ничто на свѣтѣ не заставило бы меня однако предпринять какіе либо шаги къ раскрытію этой тайны. Со стыдомъ вспоминалъ я продолжавшій терзать меня грѣхъ моей первой нескромности. Когда сосновая шишка, брошенная рукой Боллини возвѣстила мнѣ, что Лукреція для меня потеряна, неумѣстная шутка эта переполнила меня отчаяніемъ не оттого, что флорентіецъ выказывалъ себя въ ней счастливымъ моимъ соперникомъ. Ни на минуту не пришло бы мнѣ въ голову оспаривать его торжество при помощи силы или ловкости. Отъ всѣхъ своихъ смутныхъ надеждъ я отказался мгновенно и безповоротно, еще не успѣвъ удалиться отъ террасы отмѣченной двумя гермами. Виновникомъ своего несчастья призналъ я себя самъ еще прежде чѣмъ выбрался изъ тѣнистыхъ аллей виллы Людовизи. Не я ли возбудилъ любопытство Боллини своей глупой довѣрчивостью, не я ли открылъ ему семейныя невзгоды бѣдной Лукреціи, не я ли показалъ ему ее нуждающуюся въ утѣшеніи нѣжности или забвенія страсти, рядомъ съ прозаическимъ и грубымъ супругомъ? И не оказался ли этотъ Боллини, при всей простонародности своего обезображеннаго шрамомъ лица, образцомъ благородства и сдержанности по сравненію со мною, въ тѣ дни, когда я напрасно осаждалъ его разспросами и еще болѣе въ тѣ дни, когда мнѣ уже не о чемъ было его разспрашивать, и лишь онъ самъ великодушно пытался убѣдить меня, что сцена на виллѣ Людовизи была ложно мной истолкована!

Я предавался этимъ, не перестававшимъ волновать меня воспоминаніямъ, возвратившись однажды въ капитолійскую лавку и заставъ въ ней обломокъ гермы, добытой откуда то отцомъ, возобновившимъ свою дѣятельность. Лукавая усмѣшка, полускрытая во всклокоченной бородѣ божества, изъѣденнаго непогодой и временемъ, напомнила мнѣ ту, которой казалось обмѣнивались на мой счетъ полуфигуры боговъ, заканчивавшія террасу въ садахъ Людовизи. Въ досадѣ я отвелъ глаза; лавка была пуста, старая пыль искрилась въ косомъ лучѣ вечерняго солнца; мало смущаясь моимъ присутствіемъ, упорная мышь антикварія скреблась и грызлась гдѣ то въ углу.

Перезвонъ дверныхъ колокольчиковъ заставилъ меня встрепенуться. Я не былъ расположенъ въ ту минуту къ бесѣдѣ съ кѣмъ либо изъ старыхъ знакомцевъ и завсегдатаевъ лавки. Изъ предосторожности я отступилъ въ тѣнь, отбрасываемую бронзовымъ изваяніемъ коня. Здѣсь я не былъ виденъ вошедшему и могъ въ то же время наблюдать за всѣми его движеніями. Съ сильно бьющимся сердцемъ узналъ я въ посѣтителѣ ставшаго легендарнымъ въ моемъ воображеніи всадника Аппіевой дороги. Высокій, одѣтый въ темное платье, обращенный ко мнѣ профилемъ, вычерчивавшимся сумрачно и сурово, вступалъ онъ вновь въ живописный и заманчивый безпорядокъ антиковъ Джованни Вендоло. Пріостановившись онъ оглядѣлся кругомъ, позвалъ хозяина, стукнулъ объ полъ концомъ своей трости съ золотымъ набалдашникомъ. Никто не отозвался ему: отца моего не было дома, мать была занята наверху; что касается меня, вмѣсто того чтобы двинуться навстрѣчу покупателю, я, повинуясь невольному чувству, все глубже и глубже отступалъ въ тѣнь, пока не очутился на первыхъ ступеняхъ внутренней лѣстницы. Я видѣлъ оттуда какъ тотъ, въ комъ воплотились мои юношескія тревоги, ходилъ взадъ и впередъ въ возбужденной своей разсѣянности. Лицо его выразило нетерпѣніе и вспыхнуло гнѣвомъ. Очутившись передъ бронзовой фигурой коня онъ въ раздраженіи ударилъ ее своей тростью. Древній металлъ издалъ унылый звукъ. И точно сердясь на эту жалобу нѣмыхъ и мертвыхъ вещей, мой посѣтитель снова и снова взмахивалъ тростью и ударялъ ею по круто изогнутой шеѣ бронзового коня, увы, безсильнаго унести его въ пространства Кампаньи, вслѣдъ за откликнувшейся издалека всадницей!

III.

Запасшись всей смѣлостью, какою располагалъ, я задалъ на слѣдующее утро Юліи Даленъ вопросъ, что сталось съ глиняными фигурками, которыя нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ принесъ я во дворецъ Альдовити, твердя ея имя, написанное на листкѣ бумаги синимъ карандашемъ и рѣшительнымъ почеркомъ. И не дожидаясь отвѣта добавилъ, что лишь по моей винѣ коллекція ея не получила сегодня быть можетъ дальнѣйшаго приращенія. Одну секунду Жюльетта вглядывалась въ меня съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ, затѣмъ, руководимая своей всегда изумлявшей меня проницательностью, воскликнула: «Онъ здѣсь!» Притянувъ меня къ себѣ за рукавъ, она заставила разсказать всѣ обстоятельства вчерашняго происшествія. Я былъ охваченъ неудержимымъ желаніемъ высказаться на этотъ разъ до конца: не скрывая отъ нея странности моего вчерашняго поведенія, я неожиданно для себя признался, что былъ тайнымъ свидѣтелемъ сцены на Аппіевой дорогѣ.

Юлія Даленъ слушала меня и не прерывала; ея брови сдвинулись, глаза выразили мгновенную мрачность, она вздохнула. «Вы знаете обо мнѣ больше, чѣмъ я думала» — сказала она. — «Я также обязана сдѣлать вамъ нѣкоторыя признанія». — Съ итальянскаго языка, обычнаго въ нашихъ съ нею бесѣдахъ, она перешла на французскій. «Мы росли вмѣстѣ съ Карломъ Старре», начала она, «и та прогулка верхомъ, нечаяннымъ зрителемъ которой вы стали однажды, напомнила и мнѣ и ему многіе дни нашего дѣтства. Лѣса и озера родины видѣли насъ неразлучными въ продолженіи ряда моихъ счастливыхъ дѣвическихъ лѣтъ. Важныя причины, невразумительныя быть можетъ для васъ, какъ для иностранца, раздѣлили судьбы нашихъ семействъ. Карлъ Старре оставилъ службу въ королевской гвардіи и удалился въ Данію. Когда онъ возвратился оттуда, я уже была невѣстой графа Фредерика. Яростная дуэль не предотвратила моей свадьбы. Я не простила желанія насильственно повліять на избранное мною свободно рѣшеніе: разрывъ между нами казался мнѣ полнымъ и окончательнымъ.

Два года тому назадъ въ Парижѣ я вновь встрѣтила того, кто причинилъ мнѣ уже столько тревогъ. Онъ слѣдовалъ за мною какъ тѣнь въ обстоятельствахъ моей новой жизни. Время научило, казалось, его быть сдержаннымъ въ своихъ поступ-

кахъ и умѣреннымъ въ притязаніяхъ. Вы знаете доброту графа Фредерика: Карлъ Старре былъ принятъ въ нашемъ домѣ и раздѣлилъ съ нами нашъ образъ жизни. Но всѣ увеселенія столицы Франціи были не въ силахъ разсѣять природной угрюмости его характера и разогнать обуревавшихъ его себялюбивыхъ мыслей. Взбѣшенный радостями графа онъ искалъ ссоры: она разразилась среди собиравшагося у насъ общества людей тонкихъ, насмѣшливыхъ и презирающихъ откровенныя изъявленія дикихъ страстей.

Этотъ человѣкъ заставилъ насъ внезапно покинуть Парижъ, гдѣ я могла бы найти второе отечество. Но онъ и послѣ того не оставилъ меня въ покоѣ. Я видѣла въ Генуѣ его фигуру среди толпы на набережной, въ тотъ часъ, когда отчаливалъ корабль, увозившій насъ съ мужемъ въ Ливорно. Пребываніе во Флоренціи было испорчено для меня постояннымъ ожиданіемъ встрѣчи съ нимъ. И то, чего не случилось тогда, произошло здѣсь въ Римѣ. Карлъ Старре выступилъ передо мною изъ полутьмы одной капеллы въ Тринита деи Монти, куда я отправилась въ первый же вечеръ слушать Ave Maria монахинь, пока графъ Фредерикъ хлопоталъ надъ нашимъ устройствомъ. Отчаяніе выраженное моимъ былымъ другомъ показалось мнѣ неподдѣльнымъ и раскаяніе искреннимъ. Сожалѣніе заставило меня согласиться на новыя встрѣчи. Та, какую видѣли вы на Аппіевой дорогѣ, была послѣдней изъ нихъ. Карлъ Старре много страдалъ, и страданіе въ самомъ дѣлѣ смягчило его нравъ. Наши свиданія дали ему случай выказать неожиданную кротость. Мое довѣріе вновь вернулось къ нему и не было нарушено нѣжностью спутника моихъ раннихъ лѣтъ, на этотъ разъ не перешедшей границъ старинной привязанности. Соглашаясь тайно встрѣчаться съ нимъ, я не совершала ничего дурного. Я не могла кромѣ того поступить иначе, оберегая спокойствіе Фредерика отъ новыхъ грозившихъ ему испытаній? Вѣдь убѣдила же я въ концѣ концовъ Старре добровольно оставить Римъ! Фигурки и стекла, посланныя черезъ Васъ были его прощаніемъ и залогомъ даннаго мнѣ обѣщанія, отправиться въ продолжительное путешествіе по Калабріи и Сициліи».

Графиня Юлія открыла шкапъ, гдѣ глиняные геніи и хрупкіе сосуды нашли себѣ пристанище рядомъ съ фарфоровыми

куклами Севра и Мейссена. Она задумалась на мгновеніе и затѣмъ продолжала, живо обратившись ко мнѣ. «То, что вы разсказали сейчасъ, говоритъ мнѣ, что путешествіе это окончено. Калабрія и Сицилія, увы, не находятся на лунѣ, куда я охотно послала бы прогуляться Карла Старре. Онъ возвратился, онъ здѣсь, и это предвѣщаетъ намъ новыя тревоги и можетъ быть бѣдствія. Я слишкомъ хорошо знаю его, чтобы положиться на прочность его одинокихъ рѣшеніи. Стоя здѣсь я чувствую, какіе отчаянные планы рождаются въ его разгоряченномъ воображеніи. Опасность намъ угрожаетъ, нельзя терять ни одной минуты, чтобы предотвратить ее. Вы знаете, теперь все и вы должны помочь мнѣ и Фредерику. Я напишу письмо, которое заставитъ Старре вернуться къ благоразумію, если въ немъ есть хотя капля чести и честности. Это письмо я не могу довѣрить никому кромѣ васъ. Вы, мой вѣрный синьоръ Орсоло передадите его изъ рукъ въ руки Карлу Старре и вы принесете мнѣ его отвѣтъ».

Глаза Жюльетты блистали въ нѣсколькихъ линіяхъ отъ моего лица, я слышалъ запахъ ея волосъ и ощущалъ теплоту ея дыханія. Насколько это мгновеніе близости, въ своемъ нѣмомъ говорѣ было для меня краснорѣчивѣе всѣхъ человѣческихъ рѣчей, даже если то были рѣчи Юліи Даленъ, повѣдывавшей мнѣ свои опасенія! Все умалилось, все исчезло для меня въ водоворотѣ тѣхъ древнихъ какъ міръ волненій, которыя не перестаютъ кружить самыя крѣпкія головы и жалить самыя непроницаемыя сердца. Я долженъ былъ сдѣлать надъ собою усиліе, чтобы возвратиться изъ моего прекраснаго экстаза къ сознанію вещей дѣйствительныхъ. Спустя полчаса я выходилъ изъ дворца Альдовити, ощупывая во внутреннемъ карманѣ важное письмо.

Только на улицѣ способность разсуждать и взвѣшивать обстоятельства вернулась ко мнѣ полностью. Итакъ, предчувствія не обманули меня! Химерой не былъ всадникъ Аппіевой дороги, и не была болѣзненной мечтой его тѣнь, столь угрожающе отброшенная на участь Юліи Даленъ и на соединенную съ нею отнынѣ мою судьбу. Я медленно направлялся въ сторону Испанской площади. Мало увѣренные мои шаги повиновались смутнымъ инстинктамъ, родившимся гдѣ то въ глубинѣ моей души. Мое мирное и счастливое дѣтство, незамѣтная и тихая

юность въ лонѣ скромнаго семейства ремесленника и торговца, какимъ былъ мой отецъ, не обязывали ли они меня держаться вдали отъ тѣхъ треволненій, въ которыя вовлекали меня желанія людей чужихъ, властныхъ, избалованныхъ богатствомъ и знатностью? Я уже утратилъ часть своей свободы: я не былъ тѣмъ беззаботнымъ Орсоло, который съ легкимъ сердцемъ спѣшилъ къ геніальнымъ урокамъ великаго Пиранези, я не былъ тщетнымъ воздыхателемъ безпомощной и усталой Лукреціи, безсильной пошевелить пальцемъ, чтобы измѣнить нѣчто въ своей судьбѣ или моей. Чужія энергіи направляли меня къ невѣдомой цѣли, мнѣ надлежало не созерцать, но дѣйствовать. И точно противясь этому выходу на открытую всѣмъ случайностямъ арену жизни заплетались ноги мои, пока я медленно подвигался къ гостиницѣ Монте-д'Оро расположившейся въ одномъ изъ угловъ Испанской площади.

Въ полуденный часъ жаркаго весенняго дня была пуста столь хорошо знакомая мнѣ площадь. Я сдѣлалъ кругъ и въ нерѣшительности поднялся на первыя ступени монументальной лѣстницы, прислушиваясь къ плеску зазеленѣлой мхомъ ладьи Бернини. Цвѣточницы пересмѣивались тамъ, предлагая пучки фіалокъ и букеты розъ. Нищій въ продыравленной шляпѣ протянулъ ко мнѣ свою коричневую руку. Искушеніе овладѣло мною передать ему письмо и облечь его моей миссіей. Устыдившись этой мгновенной слабости, я направился къ дверямъ Монте д'Оро. Во дворѣ гостиницы слуги разгружали карету только что прибывшаго путешественника. Одинъ изъ нихъ взялся узнать, можетъ ли принять меня баронъ Старре. Спустя нѣкоторое время онъ возвратился, сказавъ, что пріѣзжій занятъ и недосягаемъ сейчасъ ни для кого,будь то самъ папа.

Я вышелъ на площадь, мнѣ предстояло дождаться или вернуться во дворецъ Альдовити съ неисполненнымъ порученіемъ. На ступеняхъ скалинаты цвѣточницы смѣясь протягивали мнѣ цвѣты. Лицо одной изъ нихъ было молодо и красиво; нѣжный румянецъ проступалъ сквозь матовую смуглоту щекъ; золотилась шея рядомъ съ воротомъ бѣлой рубашки; изъ подъ длинныхъ рѣсницъ глядѣли на меня наивные и влажные глаза маленькой антилопы. На свѣтѣ оказывалось много красивыхъ лицъ и помимо неотступно стоявшаго передо мной лица Юліи Даленъ! Но что мнѣ было до этого! Я даже не зналъ, красива

ли была та, кого называлъ я въ своихъ мысляхъ Жюльеттой. Ея смѣняющіяся улыбки и раздумья, движенія ея плечъ и рукъ не столько видѣлъ я, сколько ощущалъ всѣмъ существомъ, какъ ощущаемъ мы лучъ солнца, свѣжесть воды и ясность дня.

Переполненный ея невидимымъ присутствіемъ, присѣлъ я на закраину Баркаччіи и предался размышленіямъ. Любовь, о которой я мечталъ, встрѣчаясь въ опустѣлыхъ церквахъ и вечернихъ аллеяхъ съ моей бѣдной Лукреціей, заключила меня теперь въ свой кругъ. Я былъ разлученъ ею отъ впечатлѣній вещей простыхъ и обыкновенныхъ. Эта улица, эти камни, эти цвѣты и эти черноволосыя дѣвушки больше не принадлежали мнѣ, потому что я самъ не принадлежалъ себѣ больше. Я не испытывалъ того ребячески себялюбиваго удовлетворенія, которое по молодости лѣтъ принималъ за счастье любить, когда бродилъ на берегахъ Алмоне рука объ руку съ женой флорентійца. Мое тѣло было теперь пронизано странной тоской въ суставахъ своихъ и нервахъ. Мое сердце болѣло, уколотое стрѣлой, какую мудрость древнихъ узрѣла въ рукѣ бога отроческаго и жестокаго. Эти раны Эроса, которыми любятъ шутить живописцы или поэты, не есть ли напротивъ тѣ раны тяжелыя, болѣзненныя, обильно точащія чистѣйшую нашу кровь, исцѣляющіяся съ трудомъ и никогда до конца не заживающія?

Я зналъ, что любовь не состоитъ въ робкихъ томленіяхъ, не имѣющихъ иной цѣли, кромѣ замкнутыхъ въ самихъ себѣ смутныхъ тревогъ. Я жаждалъ восторговъ и пылкостей раздѣленныхъ. Все существо мое стремилось къ новой близости съ Юліей Далепъ, приблизившейся ко мнѣ лишь на одно мгновеніе въ своемъ случайномъ порывѣ. Эти глаза должны были излить весь свой свѣтъ въ мои глаза, эти волосы должны были окружить мое лицо своимъ ароматомъ, это дыханіе долженъ былъ пить я изъ устъ раскрывшихся мнѣ навстрѣчу. Стройное и свѣжее тѣло Жюльетты я долженъ былъ замкнуть въ свои объятія, сжимая его съ такой же неукоснительной подлинностью, съ какой сжималъ нѣкогда приземистыя тѣла золотошвей, разгоряченныя дневной работой или ночной пирушкой.

Въ тотъ часъ на закраинѣ тихо плескавшей струею Баркаччіи я признался себѣ въ самыхъ смѣлыхъ желаніяхъ, ко-

торыя внушила мнѣ отдернувшая покрывало отъ своего лика любовь. Лобъ мой горѣлъ; я омочилъ его водой, зачерпнутой въ фонтанѣ. Цвѣточницы продолжали смѣяться, поглядывая на меня со ступеней лѣстницы. Вновь появился нищій въ продырявлѐнной шляпѣ и протянулъ мнѣ руку, прося подаянія. Онъ возвратилъ мои мысли къ дѣйствительности; я вскочилъ на ноги и направился къ дверямъ Монте д'Оро, нащупывая во внутреннемъ карманѣ письмо. Во дворѣ и подъ воротами не было видно слугъ. Толкнувъ дверь я вступилъ на лѣстницу, ведущую въ аппартаменты пріѣзжихъ. Навстрѣчу мнѣ спускались; я различилъ негромкіе голоса двухъ мужчинъ и узналъ шведскую рѣчь. Предчувствіе неожиданной встрѣчи овладѣло мною. На угловой площадкѣ я сдѣлалъ движеніе, чтобы посторониться и оказался лицомъ къ лицу съ Карломъ Старръ, сходнвшимъ внизъ въ обществѣ графа Даленъ. Замѣтнвъ меня, графъ Фредерикъ выразилъ удивленіе, сопровождавшееся легкимъ восклицаніемъ. Близорукіе и дѣтскіе глаза его глядѣлись въ меня столь же пристально, какъ въ первый день нашего знакомства. «Это вы, Орсо», произнесъ онъ ласково и коснулся меня рукой. Повинуясь безотчетному движенію, въ отвѣтъ на это я подалъ ему письмо. Онъ повернулъ конвертъ и прочиталъ адресъ. «Но вы ошиблись!» воскликнулъ онъ съ необычной холодностью. Письмо перешло изъ его рукъ въ руки его спутника. Лицо Карла Старре выразило бѣглую усмѣшку. Безъ колебаній онъ зажегъ огонь и поднесъ его къ уголку конверта. Въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ мы трое молча наблюдали, какъ маленькое безцвѣтное пламя пожирало неровныя строки Жюльетты.

IV.

Карлъ Старре сдѣлался ежедневнымъ посѣтителемъ палаццо Альдовити. Я до сихъ поръ не знаю, какая случайность свела его въ то памятное утро съ графомъ Даленъ. Въ результатѣ бесѣды въ стѣнахъ Монте д'Оро, оставшейся мнѣ неизвѣстной, другъ прежнихъ лѣтъ Жюльетты сталь постояннымъ членомъ нашего общества. Повидимому опасенія ея были напрасны: письмо, сгорѣвшее безцвѣтнымъ пламенемъ на лѣстницѣ альберго, сыграло роль очистительной жертвы разгнѣваннымъ богамъ домашняго очага. Появленіе Старре не

принесло намъ ни волненій, ни катастрофъ. Одѣтый въ темное платье военнаго покроя, съ лицомъ непроницаемымъ и неподвижнымъ, вступалъ онъ въ покои моихъ сѣверныхъ покровителей, сдержанный въ привѣтствіяхъ, скупой въ рѣчахъ, нерасточительный въ улыбкахъ. За столомъ дворца Альдовити онъ много ѣлъ, много пилъ, не хмѣлѣя, мало говорилъ и, сдѣлавъ надъ собою усиліе, прислушивался къ толкамъ другихъ.

Съ величайшимъ вниманіемъ наблюдалъ я изъ нѣкотораго отдаленія за воплотившимся наконецъ въ явь персонажемъ столькихъ моихъ размышленій. Ради него я даже какъ бы забылъ на время плѣнившее меня видѣніе Юліи Даленъ, и она со смѣхомъ указала мнѣ однажды на измѣнившееся направленіе настойчивыхъ моихъ взглядовъ. Въ своемъ любопытствованіи я былъ руководимъ новымъ возникшимъ во мнѣ чувствомъ. Пусть посѣщенія Карла Старре не нарушили ничѣмъ нашего образа жизни и не принесли намъ никакихъ бѣдъ. Пусть никакого упрека не могли бы сдѣлать ни его поведенію, ни его короткимъ репликамъ гостепріимство графа Фредерика и радушіе графини Юліи. Сердце мое чувствовало въ немъ врага, соперника, если бы осмѣлился я произнести это дерзкое слово. Со всѣмъ пыломъ молодости сжигался я ѣдкими ощущеніями ревности и вражды.

Поглощенный этими ощущеніями я искалъ подтвержденія имъ въ томъ новомъ обликѣ, въ какомъ мнѣ предстала теперь Жюльетта. Развѣ то, что я не узнавалъ ее, сравнивая съ Жюльеттой недавно минувшихъ дней, не служило косвеннымъ доказательствомъ моихъ подозрѣній? Я былъ тогда молодъ и еще не видалъ волшебнаго превращенія, какое совершаетъ надъ женщиной обращенная къ ней любовь. Ради этихъ мгновеній, осуществленныхъ въ прошедшемъ или обѣщанныхъ въ будущемъ, живутъ всѣ тѣ, кого видимъ мы каждый день въ полудѣтской безпечности дѣвичества или въ уравновѣшенности примѣрнаго супружества. Встрѣчая ихъ въ обыденной жизни, что знаемъ мы о нихъ, пока наблюдаемъ ихъ лишь въ тѣ часы воспоминаній или предчувствій, которые равнодушно сыплетъ своей рукой время, точно песокъ клепсидры!

Все существо Юліи Даленъ изобличало теперь настороженность. Она отчетливѣе чувствовала каждый свой шагъ и каждое движеніе. Нервную силу излучалъ простѣйшій ея

жестъ, и ея смѣхъ, вызванный какимъ либо ничтожнѣйшимъ обстоятельствомъ, неожиданно для нея самой модлилъ умолкнуть и звучалъ нечаяннымъ счастьемъ. Жизнь и безъ того не отказала ей въ своихъ дарахъ, полновѣсность всѣхъ ощущеній переполнила, наконецъ, ея чашу. Я заставалъ иногда Жюльетту въ необычномъ для нея припадкѣ усталости и изнеможенія. Не поднимаясь съ софы она кивала мнѣ головой, едва взглянувъ на принесенные мною рисунки, и проводила такъ цѣлый день, закрывъ свои двери для всѣхъ и не отзываясь на заботливые вопросы графа. Лицо ея покрывалось смертельной блѣдностью, безпокойно вздрагивали сухія губы, и глаза темнѣли взглядомъ невидящимъ и далекимъ.

Въ какой то тайной борьбѣ Юлія Даленъ чаще всего торжествовала побѣду, но въ эти мгновенія она признавала себя побѣжденной. Я не переставалъ приглядываться къ тому, съ кѣмъ вступала она въ невысказанныя противоборствованія. Въ просвѣщенномъ и занимательномъ обществѣ палаццо Альдовити, Карлъ Старре положительно всѣмъ уступалъ въ своихъ талантахъ, въ своихъ вкусахъ, въ своихъ заслугахъ. Въ моихъ глазахъ онъ былъ военнымъ, не совершившимъ ни одного похода, путешественникомъ поневолѣ, дилеттантомъ протнвъ желанія. Онъ не выказывалъ ни тонкости сужденій, ни изящества склонностей: картины и книги оставляли его равнодушнымъ, и музыку оперы или концерта онъ любилъ лишь оттого, что нетревожимымъ позволяла она погружаться ему въ свои мысли.

Единственнымъ удовольствіемъ, которому предавался баронъ Старре со всей искренностью, была охота. Со временъ несчастнаго принца Стюарта Римъ не видѣлъ охотника, столь же искуснаго и неутомимаго. Съ наступленіемъ весны Карлъ Старре цѣлыми днями пропадалъ въ Кампаньѣ. Онъ возвращался лишь къ вечеру, едва успѣвъ переодѣться къ нашему позднему обѣду. Слегка усталый и возбужденный, съ лицомъ быстро пріобрѣвшимъ бронзовый оттѣнокъ загара, сидѣлъ онъ за нашимъ столомъ и съ болѣе снисходительной усмѣшкой прислушивался къ сбивчивымъ рѣчамъ краснощекаго нѣмецкаго археолога, объяснявшаго графинѣ Юліи антики видѣнные ею на виллѣ Альбани. Въ глазахъ Жюльетты вспыхивали странныя искры ревниваго недовольства. Прервавъ безъ вся-

кой церемоніи ученаго своего собесѣдника, она произносила непонятную другимъ шведскую фразу. Карлъ Старре отвѣчалъ ей на томъ же языкѣ, и нескрываемая нѣжность звучала въ его голосѣ.

Въ этихъ ружейныхъ охотахъ принималъ иногда участіе графъ Фредерикъ, приглашавшій съ собою меня. Одна экспедиція запомнилась мнѣ, благодаря особымъ сопровождавшимъ ее обстоятельствамъ. Экипажъ высадилъ насъ вблизи уединенной остеріи на Фламиніевой дорогѣ, въ мѣстѣ, называемомъ Гротта Росса. Охотники удалились въ сторону влажной лощины, которую окрестные пастухи до сихъ поръ называютъ именемъ великаго Пуссэна, писавшаго здѣсь свои миѳологическіе ландшафты. Не спѣша соперничать съ нимъ, я поднялся на обрывистую скалу, увѣнчанную сквозными зонтами нѣсколькихъ пиній. Силы природы прорыли въ красномъ туфѣ рядъ пещеръ, служащихъ пристанищемъ для стадъ, застигнутыхъ непогодой. Въ тотъ ослѣпительный день эти причудливые гроты были пусты; лишь запахъ смолистыхъ костровъ и овечьей шерсти напоминалъ о временныхъ ихъ обитателяхъ. Придвинувшись къ отверстію, имѣвшему подобіе окна, я заглядѣлся на открывавшійся мнѣ пейзажъ Кампаньи. Меандры Тибра вились передо мною на зеленой равнинѣ, за ними бѣлѣла прямая какъ стрѣла полоска Віа Саларіа, испещренная точками остерій и развалинъ; горы Сабины растворялись въ лазоревой дымкѣ полдня. Я взялъ альбомъ и сталъ рисовать.

Отдаленные выстрѣлы охотниковъ доносились время отъ времени до моего убѣжища. Я прислушивался къ нимъ съ безотчетной тревогой. Будучи страстнымъ любителемъ всякаго бродяжничества, я не любилъ однако самой охоты. Выстрѣлъ, нарушающій глубокую и благодѣтельную тишину природы всегда казался мнѣ одной изъ худшихъ человѣческихъ нескромностей. Увлекшись своей работой я не замѣчалъ часовъ. Когда окликнулъ меня снизу голосъ графа Фредерика, фигуры охотниковъ, появившіяся на дорогѣ, уже отбрасывали значительныя тѣни. Я поспѣшилъ спуститься къ нимъ; графъ Даленъ улыбался мнѣ навстрѣчу и показывалъ свою руку на перевязи. Охота у Гротта Росса ознаменовалась маленькимъ несчастьемъ. Карлъ Старре сдѣлалъ неловкій выстрѣлъ, и часть заряда угодила въ плечо спутнику. И покамѣстъ раненый

весело смѣясь разсказывалъ мнѣ объ этомъ происшествіи, лицо виновника его было сумрачно и блѣдно какъ полотно.

Не разъ я сравнивалъ между собой двухъ dramatis personae моихъ записокъ, представшихъ передо мною въ образѣ двухъ охотниковъ въ тотъ весенній день на Фламиніевой дорогѣ. Карлъ Старре былъ лишь двумя годами старше графа Даленъ, но казался значительно старше его. Выраженіе дѣтской общительности не сходило съ лица супруга Жюльетты, въ то время какъ замкнутымъ и сосредоточеннымъ оставался взглядъ спутника ея дѣвическихъ лѣтъ. Близорукіе глаза графа Фредерика глядѣли довѣрчиво, и розоватыя щеки его легко покрывались болѣе яркой краской разнообразныхъ волненій. Ни произведенія искусства, ни явленія природы, ни воспоминанія исторіи не могли вывести Карла Старре изъ себялюбиваго равнодушія, тогда какъ графъ Даленъ былъ всегда доступенъ благороднымъ и безкорыстнымъ энтузіазмамъ. Выборъ Жюльетты былъ мнѣ понятенъ. Чѣмъ могъ бы наполнить ея дни тотъ, чей слухъ былъ закрытъ всему, что слышало ея ухо, чье сердце сильнѣе не билось въ отвѣтъ на то, чему отзывалось ея сердце? Глухимъ и слѣпымъ проходилъ Карлъ Старре среди зрѣлищъ нашего вѣчнаго города, чуждый величію его прошлаго и меланхолическому очарованію его настоящаго. Графиня Юлія знала это; я замѣчалъ ея гнѣвный взглядъ и презрительное пожатіе плечъ въ часы многихъ нашихъ паломничествъ къ руинамъ и шедеврамъ. На станцы Рафаэля глядѣлъ нашъ сѣверный изгнанникъ своимъ обычнымъ невидящимъ взоромъ, разсѣянно постукивая объ полъ тростью, въ то время какъ загорѣвшаяся оживленіемъ Жюльетта переходила отъ одной фигуры къ другой, сжимая сочувственно руку мужа, вооружившаго свои близорукіе глаза золотой лорнеткой.

Я отмѣчалъ это съ радостью, которую питали возникшія во мнѣ вражескія чувства. Но тотъ, кто вызывалъ эти чувства, не догадывался о нихъ. Старре не замѣчалъ меня или вѣрнѣе различалъ столь же смутно, какъ камеристку графини или долговязаго лакея, открывавшаго дверцу графской кареты. Одинъ случай заставилъ его, наконецъ, отдать себѣ отчетъ въ моемъ существованіи. Кромѣ охоты, побуждавшей графа Фредерика преслѣдовать безобидныхъ звѣрей и птицъ въ про-

странствахъ Кампаньи, ему присуща была иная, болѣе возвышенная страсть. Онъ былъ неутомимъ въ поискахъ старинныхъ картинъ и античныхъ статуй. Отецъ мой оказывалъ ему въ томъ услуги, пользуясь своимъ знаніемъ Рима, и я не препятствовалъ этому съ тѣхъ поръ, какъ синьоръ Скопракапо исчезъ съ нашего горизонта. Онъ былъ бы впрочемъ безопасенъ на сей разъ, нашъ изготовитель ложныхъ Праксителей и доморощенныхъ Лизипповъ: графъ Даленъ принадлежалъ къ небольшому числу подлинныхъ знатоковъ и обладалъ безошибочнымъ вкусомъ.

Старыя связи отца съ домоправителемъ кардинала Ангвиллара, предпріимчивымъ аббатомъ Ньокки, помогли ему открыть въ одной изъ парадныхъ нѣкогда и нынѣ заброшенныхъ залъ Эсквилинскаго дворца замѣчательный холстъ Клода Лоррена. Дѣла Эминентиссимо шли хуже и хуже съ каждымъ годомъ. Стремясь свести концы съ концами въ кардинальскомъ хозяйствѣ, аббатъ Ньокки рѣшилъ продать картину иностранцамъ, какъ онъ увѣрялъ, безъ вѣдома своего повелителя. Однажды наше небольшое общество переступило порогъ дворца Ангвиллара и поднялось отъ бокового входа по винтовой лѣстницѣ въ главный этажъ. Отецъ, не позабывшій еще своей роли въ конклавѣ, не рѣшился насъ сопровождать. Аббатъ Ньокки ждалъ на верхней площадкѣ, изъявляя всѣ признаки таинственности и осторожности.

Слѣдуя за нимъ мы прошли анфиладу парадныхъ покоевъ. Все говорило здѣсь объ упадкѣ кардинальскаго дома. Зеркала тускнѣли подъ многолѣтнимъ слоемъ пыли, багряная или желтая обивка стѣнъ висѣла клоками, паутина обрамляла лѣпныхъ амуровъ, державшихъ витой картушъ съ гербомъ Ангвиллара. Съ расписныхъ потолковъ сыпались на полъ куски штукатурки, и боги Олимповъ прошлаго вѣка зіяли тамъ и сямъ темными выпадинами. Мы казались затерянными въ этихъ огромныхъ залахъ, хранившихъ холодъ зимы, не взирая на близость лѣта. Отодвинувъ тяжелую занавѣску, аббатъ Ньокки все съ тѣмъ же видомъ нарочитой таинственности ввелъ насъ въ салонъ, сохранившій нѣсколько болѣе жилой обликъ. Картина великаго лотарингца голубѣла передъ нами своими волшебными далями. Графъ Фредерикъ испустилъ невольное восклицаніе. «Гротта Росса!» сказалъ онъ. Приблизившись

къ картинѣ я убѣдился въ справедливости его словъ. Художникъ изобразилъ на переднемъ планѣ красныя скалы и пещеры столь памятнаго мнѣ мѣста. Тибръ извивался среди величественныхъ дубовъ, и сквозь утреннюю дымку вставав шихъ надъ нимъ испареній свѣтился вдали подобный бериллу Сорактъ, помѣщенный здѣсь фантазіей живописца. Измѣнивъ по своему вымыслу расположеніе дѣйствительности, онъ сохранилъ однако дорогу у подножія красныхъ скалъ, гдѣ трое злоумышленниковъ, одѣтыхъ какъ римскіе воины, нападали на путниковъ, сопровождаемыхъ вереницей нагруженныхъ ословъ. Это «нападеніе разбойниковъ» дало свое имя картинѣ.

«Какая неожиданность, Фредерикъ,» — воскликнула графиня Юлія. «Такъ вотъ оно то мѣсто, гдѣ съ вами случилось охотничье приключеніе!» — «Недобрая репутація Гротта Росса была извѣстна и Клоду Лоррену», пошутилъ графъ Даленъ — «его бѣдные путешественники не отдѣлаются такъ благополучно, какъ я, отъ угрожающей имъ опасности». — «О какой опасности вы говорите?» спросила Жюльетта съ явнымъ нетерпѣніемъ. «Мнѣ казалось это царапиной, не заслуживающей ни моихъ молитвъ, ни вашихъ жалобъ». Я видѣлъ какъ содрогнулся явной насмѣшкой твердо очерченный профиль Карла Старре; въ запальчивости овладѣвшаго мною негодованія я потерялъ равновѣсіе. «Опасность была велика и дѣйствительна, графиня!» вскричалъ я. Всѣ обратились ко мнѣ. Не сдерживаясь болѣе, я продолжалъ. «Самая подлинная опасность не перестанетъ грозить графу Даленъ до тѣхъ поръ, пока не прекратитъ онъ своихъ неосторожныхъ охотъ въ обществѣ барона Старре»....

Я успѣлъ лишь замѣтить взглядъ Карла Старре, остановившійся на мнѣ съ чрезвычайнымъ вниманіемъ, когда внезапно отворилась окрашенная въ цвѣтъ стѣны маленькая дверь, и кардиналъ Ангвиллара выступилъ изъ нея, выведя насъ тѣмъ самымъ изъ крайняго замѣшательства. Замѣченное имъ смущеніе онъ приписалъ неожиданности своего появленія. Сѣверные мои покровители на правахъ еретиковъ ограничились глубокимъ поклономъ, тогда какъ я, вслѣдъ за аббатомъ Ньокки, подошелъ подъ благословеніе и удостоился облобызать кардинальскій перстень. Монсиньоръ Леліо Ангвиллара постарѣлъ за эти годы, лицо его осунулось и покры-

лось сѣтью мелкихъ морщинъ, тощая шея высовывалась изъ воротника мѣхового халата, въ который кутался онъ, несмотря на апрѣль, торжествовавшій за пыльными стеклами.

«Господа» произнесъ онъ весело, «продолжайте назначенный вами осмотръ и намѣченный выборъ. Этотъ плутъ разболталъ вамъ, конечно, что производитъ тайкомъ распродажу моихъ фамильныхъ сокровищъ. Обычный его способъ, чтобы поднять цѣну или украсть часть денегъ. Что дѣлать! Пятьдесятъ лѣтъ я окруженъ ворами и тотъ, кто привелъ васъ сюда, лучшій изъ нихъ, ибо уменъ и вовсе не лишенъ совѣсти. Покупайте же лотарингца или кого еще вамъ заблагоразсудится, иначе мнѣ нечѣмъ будетъ починить крышу моего дворца и въ одинъ прекрасный день эти язычники и язычницы съ потолка свалятся мнѣ на голову».

Менѣе другихъ сконфуженъ былъ такой характеристикой самъ аббатъ Ньокки. Приподнявшись на цыпочки онъ сказалъ что-то на ухо кардиналу. Мы слышали, какъ тотъ потребовалъ отъ своего домоправителя назвать каждаго изъ насъ поименно. Когда дошла очередь до меня, Леліо Ангвиллара вновь оживился. «Вендоло, сынъ Джованни?» переспросилъ онъ. «Пусть этотъ молокососъ разскажетъ вамъ графиня», сказалъ онъ, обратившись къ Жюльеттѣ, «какую славную штуку сыграли мы съ его отцомъ въ конклавѣ Ганганелли. Я до сихъ поръ не могу безъ смѣха вспомнить переполохъ, который произвели въ стадѣ барановъ, именуемомъ Святѣйшей Коллегіей, музыкальные часы, изготовленные тѣмъ старымъ фокусникомъ!». Кардиналъ въ самомъ дѣлѣ залился смѣхомъ, беззвучнымъ, циничнымъ и продолжительнымъ. Итакъ, монсиньоръ Леліо Ангвиллара остался вѣренъ себѣ и французской пословицѣ, гласящей, что хорошо смѣется лишь тотъ, кто смѣется послѣдній.

Эсквилинскій кардиналъ удалился столь же внезапно, какъ появился среди насъ. Появленіе его не нарушило хода событій, предначертанныхъ желаніями графа Даленъ и предпріимчивостью аббата Ньокки. Картина Клода Лоррена оставила заброшенные залы Ангвиллара и переселилась въ аппартаменты палаццо Альдовити. Графъ Фредерикъ исполнялъ съ нея гравюру подъ моимъ руководствомъ, и новое увлеченіе озаряло его лицо, когда, накинувъ прожженный кислотами

фартукъ, онъ предавался замысловатостямъ травленія. Ласковое его вниманіе ко мнѣ удвоилось, и я угадывалъ, что причиной тому были не только мои знанія въ искусствѣ офорта, но и мало осторожныя слова, произнесенныя передъ ландшафтомъ великаго лотарингца. Новымъ вниманіемъ удостаивалъ меня теперь и Карлъ Старре. Зачастую испытывалъ я на себѣ его пристальный взглядъ. Новая, хотя бы и весьма тусклая планета показалась на его небѣ, столь бѣдномъ созвѣздіями, и онъ не переставалъ изучать ее съ прилежаніемъ астронома, совершившаго открытіе. Меня удивляло, что въ этихъ обращенныхъ ко мнѣ взглядахъ Карла Старре я не замѣчалъ вражды. Было бы странно конечно найти въ нихъ ничѣмъ не заслуженную симпатію; но тѣмъ не менѣе выражали они нѣчто въ родѣ сочувственнаго признанія. Я пересталъ быть стѣной въ глазахъ друга Жюльетты и принялъ человѣческое подобіе. Что касается до нея самой, то въ отношеніи меня она проявляла теперь замѣтную сдержанность, достаточно наказавшую меня за мою выходку.

Посѣщеніе дворца Ангвиллара имѣло еще и другія послѣдствія. Близилось лѣто, общество наше стало разсѣиваться, иностранцы покидали городъ, римляне удалялись въ свои помѣстья. Прекратились театры и концерты, перемѣна сезона предписывала измѣненія и въ нашемъ образѣ жизни. Мечтою графовъ Даленъ сдѣлалось пріобрѣтеніе виллы въ окрестностяхъ плѣнившей ихъ столицы, и мой отецъ, при содѣйствіи все того же изобрѣтателя аббата Ньокки, помогъ имъ осуществить эту мечту.

Въ треугольникѣ, образованномъ сходящимися дорогами Аппіевой и Латинской, уединенное владѣніе переполняетъ густой зеленью заглохшаго сада пространство, замкнутое невысокой стѣной. Разросшіяся деревья и распространившіеся кустарники образуютъ здѣсь чащу вѣтвей, свисающихъ надъ оградой, которая напоминаетъ тому, кто проѣзжаетъ мимо, содержимое стакана, переплеснувшееся черезъ его края. Невидимый съ дороги павильонъ служилъ въ прошломъ вѣкѣ убѣжищемъ для извѣстныхъ своими приключеніями племянниковъ знаменитаго кардинала Сципіоне Ангвиллара. Нынѣшній монсиньоръ Леліо бывалъ здѣсь лишь въ ранней своей молодости. Предоставленное заботамъ лѣниваго садовника, виллино Ан-

гвиллара напрашивалось быть проданнымъ и тѣмъ увеличить оскудѣвшую казну Эсквилинскаго дома.

Это мѣсто прельстило своей уединенностью графа Фредерика и его впечатлительную супругу. Съ величайшей поспѣшностью была заключена необходимая сдѣлка, и переселеніе моихъ сѣверянъ въ павильонъ Ангвиллара совершилось съ почти военной быстротой. Изъ всей челяди, уже скопившейся въ значительномъ числѣ во дворцѣ Альдовити, лишь камеристка графини француженка Мадлена, слуга графа нѣмецъ Каспаръ и одинъ поваръ были взяты на пригородную виллу. Прочія услуги оказывали садовникъ и его старуха, оставленные новыми хозяевами въ прежнемъ своемъ жилищѣ. Наемная карета, за неимѣніемъ помѣщеній въ стѣнахъ ограды, нашла себѣ пристанище въ сосѣднемъ владѣніи.

Я былъ чрезвычайно доволенъ новымъ мѣстопребываніемъ моихъ друзей и покровителей. Поселившись на винья Миньятелли, я оказывался въ недалекомъ отъ нихъ разстояніи. Не проходило дня, чтобы я не вступалъ въ павильонъ Ангвиллара, быстро пріобрѣтавшій на моихъ глазахъ достаточную степень обитаемости и все же напоминавшій веселый хаосъ водворенія, который встрѣтилъ меня почти годъ тому назадъ въ малыхъ аппартаментахъ палаццо Альдовити. Графъ Фредерикъ перевезъ на виллу свои недоконченныя картины, свои книги и свои охотничьи ружья. Клавикордъ графини Юліи мелодично звучалъ въ тѣхъ комнатахъ, гдѣ добровольныя плѣнницы кардинальскихъ племянниковъ коротали нѣкогда свои досуги за спинетомъ и лютней. Супруги вмѣстѣ увлекались раскопками, которыя были начаты ими въ предѣлахъ ограды, тамъ, гдѣ небольшое возвышеніе указывало мѣсто античнаго жилища или гробницы. Отецъ мой доставилъ имъ нѣсколько дюжинъ работниковъ, вооруженныхъ кирками и лопатами. Стукъ ихъ инструментовъ слышалъ я еще издалека, приближаясь по Аппіевой дорогѣ къ переполненной зеленью низкой оградѣ виллы Ангвиллара.

Пройдя въ калитку я пересѣкалъ цвѣтникъ, гдѣ старый садовникъ усердно хлопоталъ надъ заказами графини Юліи. На мѣстѣ работъ выемка углублялась настолько, что работникъ, стоявшій въ ней, былъ укрытъ съ головой, и лишь кирка, равномѣрно взлетавшая вверхъ, обнаруживала его присутствіе.

Графъ Фредерикъ располагался вдѣсь же на свѣже выброшенной изъ ямы землѣ. Близорукіе глаза его разглядывали позеленѣвшую медаль или черепокъ, который онъ бережно очищалъ отъ комковъ глины. Замѣтивъ мое появленіе, онъ привѣтствовалъ меня и свои находки радостнымъ возгласомъ; лицо его выражало счастье .

Почти каждый день всадникъ появлялся у воротъ павильона Ангвиллара, и слѣзая съ коня бросалъ поводья выбѣгавшему къ нему навстрѣчу садовнику. Карлъ Старре совершалъ верхомъ свои наѣзды на виллу Даленъ. Какъ и въ первый день, когда я увидѣлъ его, онъ казался созданнымъ, чтобы сидѣть въ сѣдлѣ. Изъ подъ треугольной шляпы вились крупные завитки его темныхъ волосъ, рука въ толстой перчаткѣ была вооружена гибкимъ хлыстомъ, на высокихъ ботфортахъ позвякивали большія рейтарскія шпоры. Примѣръ его заражалъ собою другихъ: кавалькады, въ которыхъ принималъ участіе и я, будучи лишь весьма посредственнымъ наѣздникомъ, выѣзжали зачастую изъ воротъ виллы Ангвиллара. Старые камни Аппіевой дороги отзывались на стукъ многихъ подковъ. Голоса, среди которыхъ громче другихъ раздавался голосъ Жюльетты, нарушали молчаніе придорожныхъ могилъ. Мы устраивали привалъ на винья Миньятелли, гдѣ Целестина потчевала гостей персиками, сорванными прямо съ деревъ и еще сохранившими теплоту солнца, и гдѣ спѣшилъ радушный Соръ Паоло достать для нихъ изъ погреба бутылку лучшаго своего вина. Мы отдыхали въ тѣни священной рощи или осматривали церковь святого Урбана, которую считаютъ ученые былымъ храмомъ Вакха, и которая, переставъ служить хранилищемъ антиковъ моего отца, вновь сдѣлалась складомъ зерна и сельскихъ орудій. Выйдя изъ ея полутѣни мы садились опять на коней; графиня Юлія пускалась вскачь навстрѣчу воздушнымъ волнамъ сквозь пространства Кампаньи, туда, гдѣ сходятся толпой акведуки у Порта Фурба, и мы преслѣдовали ее, какъ бы стремясь достигнуть ея развѣваемую вѣтромъ вуаль.

Эти прогулки верхомъ съ нѣкоторыхъ поръ графиня Юлія совершала все чаще и чаще въ обществѣ одного лишь Карла Старре, издалека сопутствуемаго своимъ конным ъ слугой. Не разъ встрѣчалъ я ихъ на Аппіевой дорогѣ въ тотъ часъ,

когда садилось солнце, возвращающимися къ огнямъ виллы Даленъ изъ безконечностей быстро темнѣвшей Кампаньи. Видѣніе моей первой встрѣчи сдѣлалось теперь для меня частымъ зрѣлищемъ, но съ какой ревнивой тревогой сжималось каждый разъ въ присутствіи его мое сердце! Старая дружба, связывавшая Жюльетту съ опаснымъ компаньономъ ея полудѣтскихъ лѣтъ, очевидно возобновилась полностью. Довѣріе ея, утраченное Карломъ Старре, цѣликомъ вернулось къ нему, сопровождаемое страннымъ для меня довѣріемъ графа Фредерика. Мое молодое самолюбіе готово было окрестить непростительной слѣпотой эту поразительную снисходительность супруга Жюльетты. Что касается до нея самой, то столь щедро даря другому свое довѣріе, она вовсе лишилась моего. Я вспоминалъ ея разсказъ о прошлогоднихъ прогулкахъ въ Кампаньѣ. Что было въ немъ истиной и что выдумкой, прикрывавшей тайныя чувства, скрытыя желанія? Какъ могъ я повѣрить, что она соглашалась встрѣчаться тайкомъ съ Карломъ Старре лишь для того, чтобы лучше оберечь покой супруга! И если послѣдовавшій затѣмъ его отъѣздъ не былъ вымысломъ женскаго лукавства, то какой однако цѣною могъ быть купленъ этотъ отъѣздъ....

Я терзался подобными мыслями, имѣющими, какъ знаетъ всякій, кто испыталъ ихъ, необычайную настойчивость и живучесть. Мнѣ сдѣлались вдругъ тягостны посѣщенія виллино, и я воздерживался отъ нихъ въ продолженіи нѣсколькихъ дней. Въ послѣдній изъ этихъ дней я отправился для меланхолическихъ своихъ размышленій въ Боско Сакро, служившее столько разъ мнѣ убѣжищемъ въ годы дѣтства. Утромъ пронеслась гроза, еще не стихло эхо отдаленныхъ громовъ, рокотавшихъ въ Альбанскихъ горахъ. Синеватое облако скрывало вершину Монте Каво, курясь какъ дымъ благочестивыхъ жертвъ на древнемъ алтарѣ Латинскаго Юпитера.

Среди дубовъ рощи я замѣтилъ съ удивленіемъ трехъ лошадей, пофыркивавшихъ и гулко переступавшихъ копытами между старыхъ узловатыхъ корней. Въ первую минуту мнѣ почудились въ нихъ сказочныя созданія миѳовъ; подойдя ближе я увидѣлъ сѣдла и узналъ слугу барона Старре, спавшаго подъ деревомъ, мало смущаясь еще влажной отъ утренняго дождя землей. Инстинктъ направилъ меня внизъ по

склону въ сторону грота нимфы Эгеріи. Сердце колотилось у меня въ груди; меня трясла лихорадка гнѣва и ревности. Спустившись къ ручью я сталъ подкрадываться, не ощущая малыхъ достоинствъ своего поведенія, не имѣя ни опредѣленныхъ намѣреній, ни отчетливой цѣли, повинуясь нахлынувшей сладостной и жгучей боли, къ которой примѣшивалось не менѣе жгучее и позорное любопытство.

Приблизившись къ гроту я различилъ голоса и остановился. Графиня Юлія вела оживленный споръ со своимъ спутникомъ. Къ чести моей я долженъ признаться, что не пытался разгадать смыслъ долетавшихъ до меня шведскихъ словъ. Тѣмъ съ большимъ вниманіемъ прислушивался я къ ихъ интонаціямъ, и Карлъ Старре удивилъ меня неожиданнымъ мнсгорѣчіемъ, неслыханнымъ разнообразіемъ оттѣнковъ, появившихся въ его голосѣ, печальной страстностью своихъ обращеній.

Внезапно голоса въ гротѣ оборвались и замолкли. Мнѣ почудилось слабое и заглушенное восклицаніе; спустя мгновеніе, неожиданно для себя, я оказался подъ аркой руины. Я засталъ Жюльетту и ея собесѣдника погруженными въ глубокую вадумчивость, настолько глубокую, что появленіе мое вывело ихъ изъ нея не сразу. Карлъ Старре поднялъ, наконецъ, опущенную голову, взглянулъ и сердито нахмурился. Графиня Юлія скрестила свои руки нервнымъ движеніемъ. «Мы спорили о разумѣ королей», сказала она. «Я напомнила барону Старре легенду нимфы Эгеріи. Но она не понравилась ему, онъ ищетъ другихъ источниковъ королевскаго благоразумія!» Я ничего не понялъ въ этихъ загадочныхъ для меня словахъ, кромѣ невольнаго ихъ упрека, залившаго мои щеки краской стыда отъ несправедливыхъ подозрѣній и отъ ребячливой дерзости моихъ поступковъ.

V.

Раскопки, производимыя графомъ Даленъ въ оградѣ Ангвиллара оказались не слишкомъ обильны результатами, но въ молодомъ моемъ покровителѣ онѣ пробудили съ особенной силой вкусъ къ открытіямъ и находкамъ археологіи. Съ нѣкоторыхъ поръ легко воспламеняемый подвигами наукъ супругъ графини Юліи бредилъ подземельями Геркуланума и лавами

Помпеи. Его уже не удовлетворяли тѣ гравюры, какія могъ видѣть онъ не выходя изъ своей библіотеки, и тѣ книги, какія онъ могъ прочесть, не покидая своего виллино. Воображеніе могущественно увлекало его къ берегамъ роскошнаго залива, надъ которымъ стелетъ Везувій свой угрожающій дымокъ, и не въ характерѣ подвижной Жюльетты было бы поставить ему въ томъ непреодолимыя препятствія.

Въ моихъ сѣверныхъ друзьяхъ и властителяхъ моихъ юношескихъ привязанностей поражала меня легкость, съ какою рѣшались они на перемѣну мѣста и образа жизни. Своеобразное любопытство вѣчно манило ихъ, безъ колебаній заставляя опрокидывать слагавшійся вокругъ нихъ обиходъ. Въ этой постоянной готовности къ переѣздамъ и передвиженіямъ они были достойными потомками легендарныхъ викинговъ.

Какъ бы то ни было, начало октября застало насъ въ дѣятельныхъ приготовленіяхъ къ отъѣзду. Графу Фредерику посчастливилось купить прекрасную и во всѣхъ отношеніяхъ удобную дорожную коляску, съ которой принужденъ былъ разстаться англійскій милордъ, исколесившій въ ней всю Европу и проигравшійся, наконецъ, до тла за карточнымъ столомъ римскаго банкира. Коляска эта должна была служить нѣсколько дней домомъ для насъ четверыхъ — для графа и графини Даленъ, для Карла Старре и для меня, сдѣлавшагося неразлучнымъ ихъ спутникомъ. На тѣсномъ пространствѣ англійскаго экипажа должны были вмѣститься въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ разнообразныя наши судьбы, надежды, чувства и размышленія! Камеристка графини и слуга графа слѣдовали за нами въ нѣкоторомъ разстояніи въ другой каретѣ, нагруженной необходимѣйшимъ багажемъ, тогда какъ болѣе тяжелая поклажа была частью послана впередъ, частью отставала отъ насъ на день или на два пути.

Въ такомъ видѣ миновали мы, въ одно безоблачное и тихое утро, ворота Санъ Джованни, и сидя спиной къ высокимъ козламъ, съ которыхъ опытный кучеръ управлялъ четверкою лошадей, видѣлъ я тревожные жесты и развѣвающіяся одежды латеранскихъ святыхъ, не очень успокоительнымъ образомъ благословлявшихъ наше путешествіе. Прямо передъ собой я видѣлъ лицо Жюльетты. Какъ было радостно и живо это лицо! Съ какой дѣтской простотой и впечатлительностью обращалась

къ мелькавшимъ мимо насъ картинамъ дороги та, кого знавалъ я высокомѣрной и блистательной дамой на пріемахъ во дворцѣ Альдовити. Повозки крестьянъ, позвякивавшія бубенцами и колокольчиками, стада, пасомыя дикими пастухами въ овечьихъ шкурахъ и взъерошенными ихъ собаками, придорожныя остеріи, оглашаемыя крикомъ ословъ, алтари деревенскихъ мадоннъ, украшенные бумажными цвѣтами — все привлекало ея вниманіе, сопровождавшееся веселымъ возгласомъ или движеніемъ нетерпѣливой руки, знакомымъ жестомъ ложившейся на мой обшлагъ. Возрастъ дѣлалъ свое дѣло: въ то время какъ графъ Фредерикъ былъ поглощенъ рѣдкимъ изданіемъ Горація, въ то время какъ холодно терялся въ даляхъ Кампаньи взоръ сумрачнаго Карла Старре, я одинъ былъ готовъ чистосердечно раздѣлить шумные восторги Жюльетты.

Тѣнистые дубы и прозрачныя струи горныхъ ключей въ окрестностяхъ Марино въ одинаковой мѣрѣ восхитили насъ. Медленно прокатилась коляска по улицамъ стараго городка, заставляя сторониться латинянъ, кутающихся въ свои неизбѣжные плащи, и черноволосыхъ женщинъ, несущихъ на головѣ мѣдные кувшины. Мы съ наслажденіемъ вдыхали вслѣдъ затѣмъ свѣжесть лѣсовъ, обступившихъ насъ со всѣхъ сторонъ и уже пріобрѣвшихъ мѣстами бронзовые оттѣнки ранней осени. Куполъ Ариччіи показался передъ нами. «Egressum magna me excepit Aricia Roma hospitio modico», воскликнулъ графъ Фредерикъ, повторяя слова поэта.

Но не Ариччія была мѣстомъ «скромнаго ночлега» въ тотъ первый день нашего путешествія. Мы достигли Веллетри какъ разъ, когда садившееся въ сторонѣ моря солнце послало намъ свои прощальные лучи, и чистый звукъ колоколовъ облетѣлъ городскія площади. Неожиданное препятствіе заставило насъ остановиться передъ поворотомъ, ведущимъ къ гостиницѣ. Толпа горожанъ запрудила узкую улицу, оставаясь равнодушной къ окрикамъ нашего кучера и угрозамъ его бича. Происшествіе, случившееся почти на нашихъ глазахъ, заставило зѣвакъ предпочесть его тому зрѣлищу, которое являлъ имъ нашъ экипажъ. Приподнявшись со своихъ мѣстъ, мы увидѣли сбировъ, наложившихъ руки свои на человѣка съ открытымъ загорѣлымъ лицомъ, окаймленнымъ черной бородой. Не покинувшее его возбужденіе заставляло его тяжело дышать, ози-

раясь кругомъ. Повернувшись на козлахъ, кучеръ сообщилъ намъ, что арестованный только что закололъ ножомъ любовника своей жены.

Мы различили и раненаго, лежащаго ничкомъ на уличныхъ плитахъ; сосѣди и родственники хлопотали вокругъ него, и бѣлый воротъ его рубахи былъ обильно смоченъ кровью. Я чувствовалъ, какъ дрогнула кисть Жюльетты Даленъ, въ волненіи легшая мнѣ на рукавъ. Графъ Фредерикъ, раздосадованный происшествіемъ, строго приказалъ кучеру трогать. Но экипажъ нашъ едва успѣлъ двинуться съ мѣста, какъ послышался пронзительный крикъ. Расталкивая любопытныхъ, явилась молодая женщина, устремившаяся сперва къ раненому, затѣмъ къ тому, кого уводили сбиры. Толпа молча разступилась передъ ней. Въ неистовствѣ призывала она демоновъ и святыхъ, ломая руки и разметывая свои волосы. Внезапно наша коляска привлекла ея вниманіе. Слишкомъ настойчивый взглядъ графини оказалъ на нее магнетическое дѣйствіе. Бросившись къ самымъ колесамъ она разразилась проклятіями. «Я потеряла обоихъ, но ты потеряешь всѣхъ ихъ троихъ», кричала она въ безуміи, попеременно указывая на нашу даму и на насъ, ея спутниковъ. «Что она говоритъ, что она говоритъ?» спрашивала меня Жюльетта, но уже испуганный кучеръ ударилъ по лошадямъ, и мы быстро удалились отъ мѣста маленькой провинціальной трагедіи.

Въ выбѣленныхъ стѣнахъ гостиницы, украшенныхъ портретами папъ и прелатовъ, насъ ожидалъ деревенскій ужинъ. Каспаръ и Мадлена накрыли столъ скатертью и уставили его серебромъ и стекломъ, добытымъ изъ дорожнаго баула. Каплунъ, достойный обѣдовъ остійскаго архіепископа, занялъ почетное свое мѣсто среди вертеловъ, унизанныхъ осенними птицами. Служанка внесла огромное блюдо, нагруженное плодами: грушами полными ароматной свѣжести, растреснувшимися отъ сладкой зрѣлости фигами, гроздьями винограда, янтарнаго или темнаго какъ агатъ. Хозяинъ самолично поставилъ на столъ флаконъ вина, хранимаго имъ для особо торжественныхъ случаевъ.

Всему этому мы отдали дань съ добрымъ аппетитомъ путешественниковъ. Жюльетта умолкла вдругъ послѣ дневной веселости, и взглядъ ея въ какой то новой задумчивости оста-

навливался подолгу на мнѣ. Странное возбужденіе, напротивъ, овладѣло ея супругомъ. Онъ говорилъ такъ много, что бесѣда за нашимъ ужиномъ вскорѣ обратилась въ его монологъ. Происшествіе, свидѣтелями котораго мы сдѣлались, дало ему поводъ распространиться о нравахъ полудикихъ обитателей Лаціума. Онъ вспоминалъ разсказы очевидцевъ и сказки народнаго воображенія. Улицы этихъ горныхъ городковъ были, по его словамъ, театромъ безчисленныхъ сценъ убійства изъ ревности или корысти. Засады таились въ ихъ закоулкахъ, готовыя подстеречь неосторожнаго богача или ненавистнаго соперника. Я не узнавалъ моего добраго и кроткаго графа Фредерика, съ увлеченіемъ излагавшаго намъ хронику насилій и преступленій. Быть можетъ мѣстное вино пришлось ему по вкусу, и онъ пилъ болѣе мѣры, самъ не замѣчая того. Неловкимъ движеніемъ онъ задѣлъ свой бокалъ; темная влага пролилась на скатерть, и красное пятно расползлось по ней, напомнивъ намъ всѣмъ, не сознавшимся въ томъ однако, кровь, омочившую бѣлую рубаху смѣльчака, который почти на нашихъ глазахъ былъ заколотъ въ улицѣ Веллетри рукой ревнивца.

Приближался часъ сна. На мгновеніе въ опустѣвшей столовой остались лишь я и Жюльетта. Она взяла въ руки свѣчу, собираясь уйти. Ворвавшійся въ окно вѣтеръ едва не загасилъ пламя этой свѣчи, и я невольнымъ движеніемъ протянулъ руку къ той, чья тѣнь тревожно метнулась передо мной на бѣлой стѣнѣ. Жюльетта взяла меня за руку. «Скажите же» прошептала она, «что предсказала мнѣ женщина?» Лихорадка признанія овладѣла мной. «Теряя и мужа и возлюбленнаго, она пожелала вамъ потерять всѣхъ насъ троихъ», отвѣтилъ я шепотомъ. «Всѣхъ троихъ», отозвалась Жюльетта, «но кто же третій?» спросила она съ дѣланнымъ недоумѣніемъ. Глаза ея блеснули лукавствомъ, затѣмъ, сжалившись надъ мучительной миной моего лица, она быстрымъ движеніемъ прижала къ моимъ губамъ свою руку и скрылась въ дверяхъ, оставивъ меня погруженнымъ въ неописуемое словами блаженство.

Весь слѣдующій день мы подвигались вдоль древней Аппіевой дороги, проложенной по краю Понтинскихъ болотъ. Никакое происшествіе не нарушило въ тотъ день нашего созерцанія величественныхъ въ своемъ однообразіи пейзажей равни-

ны и горъ. Графъ Фредерикъ вновь возвратился къ своимъ классическимъ воспоминаніямъ, комментируя намъ на мѣстѣ строки пятой сатиры Горація. Графиня Юлія выказывала мнѣ явное и ласковое вниманіе, и очарованный тѣмъ новымъ образовавшимся между нами общеніемъ, убаюкиваемый покачиваніемъ экипажа, я впалъ въ счастливый полусонъ, моля боговъ, чтобы медленнѣе вращались колеса и лѣнивѣе сдѣлалась рысь четверки, влачившей карету англичанина. Быть можетъ было услышано небомъ мое желаніе, быть можетъ заняли много времени остановки, вызванныя археологическими раздумьями графа, но только мы завидѣли огни Террачины лишь тогда, когда уже скрылась въ быстро спустившейся темнотѣ дорога, и звѣзды зажглись у насъ надъ головой. Большая Медвѣдица раскинула позади насъ свой неизбѣжный четыреугольникъ, и, указывая рукой на мерцавшую выше его блѣдную Полярную звѣзду, сосѣдъ мой Карлъ Старре воскликнулъ съ горечью, что отдалъ бы всѣ историческіе пути юга за сельскую тропу своей далекой сѣверной родины.

Въ Террачинѣ мы наслаждались на другое утро зрѣлищемъ голубого моря, плещущаго у камней маленькой набережной. Гора Цирцеи подымалась изъ волнъ, испещренная въ нижней своей части темными пятнами виноградниковъ и садовъ. Графъ Фредерикъ пожелалъ изслѣдовать остатки древнихъ виллъ, разбросанныя по ея склонамъ. Рыбачья лодка съ треугольнымъ латинскимъ парусомъ высадила насъ передъ маленькимъ залитымъ солнцемъ селеніемъ. Въ то время какъ супругъ Жюльетты, сопровождаемый на этотъ разъ барономъ Старре, рѣшилъ совершить восхожденіе, она сама, сославшись на усталость, расположилась въ тѣни утеса и мнѣ выпало на долю быть ея собесѣдникомъ.

Да! Въ эти незабвенные дни путешествія Жюльетта явно предпочитала мое общество. Она видимо избѣгала тѣхъ, кто въ теченіе многихъ уже лѣтъ жизни связалъ передъ Богомъ или передъ своею совѣстью ея судьбу со своей. Лицо ея выражало нетерпѣніе, когда встрѣчала она близорукіе взоры своего мужа или испытующій взглядъ Карла Старре. Напряженность житейскихъ положеній и человѣческихъ чувствъ утомила ее, она жаждала отдыха и покоя. Природа юга манила ее своимъ благостнымъ и глубокимъ безразличіемъ. Насъ всѣхъ

прельщаетъ Цирцея этихъ голубыхъ морей и золотистыхъ скалъ обѣщаніемъ счастья вѣдомаго послѣдней травинкѣ и недоступнаго человѣку — счастья жить, произрастать и уничтожаться въ безболѣзиенной и безвѣстной метаморфозѣ вселенной.

Рядомъ со мной Жюльетта ощущала себя новой, единственной, свободной отъ тѣхъ связей, которыми прошлое наше, переплетаясь съ прошлымъ другихъ людей, опутываетъ насъ по рукамъ и ногамъ. Она не была обязана мнѣ ни вѣрностью, ни измѣной. Моя страсть, обращенная къ ней, веселила ей сердце и кружила ей голову такъ же невольно, какъ прикосновеніе лучей этого солнца или дыханіе этого морского вѣтра. Она не пыталась сопротивляться ни одному изъ чудесъ, ниспосланныхъ ей въ тѣ дни богами водъ и земли. Глаза ея утратили обычное для нихъ насмѣшливое выраженіе и замѣтно темнѣли, встрѣчая взгляды моихъ влюбленныхъ глазъ. Когда стайка дельфиновъ, рѣзвившихся подъ берегомъ, привлекла ея вниманіе, она по своей привычкѣ быстро коснулась меня рукой, но послѣ того не убрала ее, и я долго цѣловалъ ея тонкіе пальцы и нѣжную ладонь, впивая всѣ ароматы сожженыхъ солнцемъ травъ, и пахнущихъ солью морей.

Мы покинули Террачину въ тотъ же день къ вечеру. Швейцарецъ распахнулъ передъ нами ворота на полевой дорогѣ, и мы оказались въ предѣлахъ королевства Обѣихъ Сицилій. Ночлегъ ожидалъ насъ въ маленькомъ и бѣдномъ городкѣ Фонди. Я никогда не забуду альберго, послужившее намъ пристанищемъ въ ту ночь. Въ одной изъ кривыхъ и узкихъ улицъ городка возвышаетъ оно свои два этажа, сложенные изъ потемнѣвшихъ отъ времени грубо обтесанныхъ камней. Обширная кухня внизу служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и столовой для рѣдкихъ путешественниковъ, принужденныхъ заночевать здѣсь; экипажи ихъ заѣзжаютъ во дворъ, гдѣ тянутся конюшни почтовыхъ муловъ и лошадей, фантастически освѣщенныя по вечерамъ фонарями почтальоновъ или вспышками кузнечнаго горна.

Деревянная галлерея обходитъ вверху рядъ комнатъ, которыя торопится оставить на утро и невзыскательный въ своихъ привычкахъ путешественникъ. На эту галлерею я вышелъ послѣ того, какъ графъ и графиня удалились на отдыхъ въ

единственную опрятную комнату унылаго притона. Карлъ Старре заявилъ, что удовольствуется широкой скамьей въ столовой, меня же тянуло на свѣжій воздухъ: неудобства ночлега были ничто рядомъ съ обуявшимъ меня волненіемъ.

Предавшись своимъ мыслямъ, я долгое время прислушивался къ ночнымъ звукамъ двора. Стучалъ молотъ и лязгало желѣзо, глухо постукивали копыта, плескала вода источника. Голоса переговаривающихся конюховъ прерывались храпомъ и ржаніемъ. Постепенно все стихло, кромѣ неумолчнаго звука воды. Поднявъ голову я видѣлъ звѣзды, усѣявшія полосу неба надъ ущельемъ Фонди. Я безъ труда нашелъ среди нихъ Полярную звѣзду и вспомнилъ слова Старре. Имъ не откликнулась та, ради которой онѣ были сказаны! Жюльетта была во власти плѣнившихъ ее сиренъ юга, и не пришло еще время освободить ее ея сѣверному рыцарю.

Въ этомъ плѣненіи ея сердца какая то доля принадлежала мнѣ. Я былъ для нея частицей міра, раскинувшаго кругомъ сѣть своихъ прельщеній. Въ моемъ влюбленномъ взглядѣ передались ей призывы, какими обращались къ ней вещи юга. Желанія, владѣвшія мною, имѣли власть и надъ нею, потому что ихъ силой была сила Италіи. Что нужды въ томъ, что никому не вѣдомъ и ничѣмъ не прославленъ былъ бѣдный Орсоло, проведшій свою молодость въ лавкѣ антикварія или на пригородной винья. Если несложны были его чувства и безхитростны мысли, если простой инстинктъ, не минующій ни звѣря, ни человѣка, заставлялъ искриться его кровь и стучать его сердце, то не являлъ ли онъ тѣмъ самымъ во всей чистотѣ законъ странъ древнихъ и сказочныхъ, передъ величіемъ котораго ничтожны общественныя различія, обычаи свѣта, правила семьи и права привязанности?

Рой падающихъ звѣздъ привлекъ мое вниманіе. Надъ краемъ ущелья вспыхивали онѣ одна за другой и, прочертивъ свѣтлую дугу, исчезали во мракѣ. Съ восхищеніемъ глядѣлъ я на это зрѣлище, дѣтски тоскуя, что рядомъ со мной не было Жюльетты. Я посмотрѣлъ на занавѣшанную дверь, скрывавшую отъ меня ея присутствіе. Впервые во мнѣ возникла вражда къ графу Фредерику, столь полно присвоившему себѣ всѣ мгновенія ея существованія. Катились падающія звѣзды, отмѣчая теченіе ночи; крикнулъ пѣтухъ, ему отозвался другой,

третій; мнѣ сдѣлалось жаль моего одиночества, и я съ неохотой предчувствовалъ утро.

Уже засѣрѣло небо въ глубинѣ ущелья, и стало влажнó дерево пріютившей меня скамьи. Пѣтухи вновь огласили городъ таинственнымъ своимъ крикомъ. Набѣжала короткая волна предразсвѣтнаго вѣтра. Внезапно раскрылась дверь и Жюльетта, кутающаяся въ дорожный плащъ, появилась на галлереѣ. Я поднялся навстрѣчу ея безшумнымъ шагамъ. «Я знала, что найду васъ здѣсь» сказала она мнѣ шопотомъ, «мнѣ не спится. Я хочу видѣть восходъ солнца». Мы сѣли на скамью рядомъ, проникнутые тѣмъ молчаніемъ, которое говоритъ больше всѣхъ человѣческихъ словъ. Я чувствовалъ, какъ содроганіе утра пронизываетъ ее. Становилось все свѣтлѣе и свѣтлѣе, и мнѣ вдругъ представилось, что время летитъ съ чудовищной быстротой. Мы оба, казалось, мчались въ какія то свѣтлыя бездны временъ, и, боясь разлучиться съ той, чья близость все еще казалась мнѣ обманчивымъ видѣніемъ, я обнялъ ее. На одно короткое мгновеніе коснулись моихъ губъ ея губы. Упавъ на колѣни я цѣловалъ край дорожнаго плаща. Жюльетта скользнула въ дверь такъ же безшумно, какъ появилась, оставивъ меня въ позѣ молящагося, передъ всходившимъ изъ ущелья багрянымъ дискомъ солнца.

VI.

Читатель ошибается, если ждетъ подробнаго и послѣдовательнаго разсказа о неаполитанскомъ пребываніи Орсо Вендоло, превратившагося на его глазахъ изъ маленькаго мальчика, тащившаго за отцомъ связку ключей, изъ робкаго юноши, млѣвшаго подлѣ усталой жены прозаическаго ветеринара, въ героя капризовъ чужеземной и прекрасной графини. Боюсь, что я и безъ того слишкомъ занялъ вниманіе самыхъ снисходительныхъ моихъ судей своей персоной ради простительнаго желанія объяснить, какимъ именно образомъ это, весьма мало значущая сама по себѣ персона оказалась вовлеченной въ кругъ важныхъ событій. Я не умѣлъ бы кромѣ того и нарисовать здѣсь вѣрную и занимательную картину шумной жизни королевской столицы. Ни мое рожденіе, ни мой кошелекъ не дѣлали меня естественнымъ участникомъ тѣхъ сторонъ этой жизни, которыя являютъ зрѣлище для однихъ заманчивое, для

другихъ поучительное. Соприкасаясь съ ней лишь случайно, поглощенный къ тому же исключительнымъ чувствомъ и ввергнутый въ различныя треволненія, я видѣлъ всѣ вещи подъ особеннымъ угломъ зрѣнія, и что, слѣдовательно, могъ бы извлечь я изъ нихъ, кромѣ тѣхъ или другихъ разочарованій! Что же касается роскошной природы Неаполя и великолѣпныхъ ландшафтовъ залива, которые открываются здѣсь съ каждаго изъ высокихъ мѣстъ, то они не затмили въ моихъ глазахъ родныхъ для меня меланхолическихъ пейзажей Кампаньи. Это отсутствіе внутренняго предрасположенія, въ связи съ изобиліемъ всякаго рода помѣхъ, сдѣлало то, что среди моихъ офортовъ нѣтъ ни лимонныхъ рощъ Кастелламаре, ни руинъ Поццуоли, и даже въ тетрадкахъ моихъ не зачерчены ни конусъ Везувія, ни округлости Байи, ни изломы Мизены, ни силуэты Капреи и Искіи.

Неожиданное и прискорбное обстоятельство сдѣлало меня сверхъ того лишь весьма непостояннымъ неаполитанцемъ. Я едва успѣлъ освоиться съ новыми условіями жизни, какъ пришедшее изъ Рима письмо вызвало меня домой, извѣщая о тяжелой болѣзни матери и о безпомощности отца, пораженнаго этимъ роковымъ для него испытаніемъ. Я оставилъ графа и графиню Даленъ среди хлопотъ новаго водворенія, среди новыхъ знакомствъ, мгновенно образовавшихся вокругъ нихъ, и новыхъ увлеченій, изъ которыхъ сильнѣйшее скоро заставило ихъ предпочесть руинамъ Геркуланумскаго театра блескъ театра Санъ Карло. Мы обѣщали другъ другу близкую встрѣчу, въ Неаполѣ ли, въ Римѣ ли — это должно было показать будущее. Спѣша исполнить сыновній долгъ, я упросилъ взять меня съ собой, людей торопившагося возвратиться съ юга Козенцскаго архіепископа. Увы! старанія мои были напрасны: я не засталъ въ живыхъ моей матери.

Въ этихъ запискахъ лишь немногія строки посвящены той, кому я обязанъ жизнью. Тихая и скромная, моя матушка не думала, конечно, что ей суждено быть изображенной въ литературномъ произведеніи. Въ своей собственной семьѣ ея роль казалась незамѣтной и незначительной, и мы поняли эту роль, мы ощутили нашу утрату лишь тогда, когда собрались всѣ вмѣстѣ послѣ ея кончины. Тереза Фантокки устроила нѣчто въ родѣ поминальнаго обѣда, и опустѣвшее, никѣмъ не занятое,

столь хорошо знакомое всѣмъ намъ материнское кресло живо напоминало объ отсутствующей. Глядя на него мы проливали слезы, не забывая отдать впрочемъ должную дань кулинарному искусству Терезы.

Сидя за столомъ я не безъ печали всматривался въ лица родныхъ, свидѣтельствовавшія такъ ясно о неудержимомъ теченіи времени. Я видѣлъ отца, превратившагося въ изсохшаго и слабаго старца, рука котораго дрожа подносила къ губамъ стаканъ. Дженнаро Фантокки задыхался передо мной въ свой чрезмѣрной тучности, и Тереза, обращаясь съ нимъ какъ съ непослушнымъ ребенкомъ, выхватывала у него изъ рукъ слишкомъ полную тарелку. Посѣдѣлъ и покрылся морщинами мой добрый Паоло Буцци, и его нѣкогда хорошенькая и нѣжная Целестина сдѣлалась маленькой краснощекой старушкой. Я видѣлъ обоихъ ихъ сыновей, Маріо и Пьетро, явившихся на обѣдъ съ женами и дѣтьми, я видѣлъ спутницъ моихъ дѣтскихъ игръ и героинь моей первой влюбленности, веселую Маріуччію и насмѣшливую Чеккину, пополнѣвшихъ и подурнѣвшихъ среди мелочныхъ радостей и невзгодъ жизни — одну уже успѣвшую остаться вдовой, другую кормящую грудью младенца. И даже маленькая Нанетта, которая нѣкогда приносила цвѣты моей Лукреціи, предстала передо мной теперь взрослой дѣвицей, ожидающей жениха.

Состояніе отца вызвало справедливыя мои опасенія. Не прошло и недѣли, какъ онъ слегъ, захворавши одной изъ тѣхъ старческихъ болѣзней, отъ которыхъ поправляются лишь чудомъ. Начало декабря застало меня у его постели, уже привыкшимъ къ мысли о грядущемъ сиротствѣ. Дѣла капитолійской лавки оставались полностью у меня на рукахъ. Я раздумывалъ о томъ, что меня ожидаетъ въ будущемъ, когда получилъ короткое письмо изъ Неаполя. Графъ Фредерикъ Даленъ извѣщалъ меня, что его возвращеніе въ Римъ откладывалось на неопредѣленное время, и звалъ меня къ себѣ самымъ сердечнымъ и дружескимъ образомъ. Черезъ его посредство графиня Юлія посылала мнѣ свой привѣтъ.

Разлука укрѣпляетъ подлинныя чувства: въ эти однообразные, одинокіе зимніе дни, проведенные у одра болѣзни, я узналъ лучше, чѣмъ когда бы то ни было, что такое любовь. Тоска моя зачастую была такъ велика, что я кощунственно

призывалъ наступить неизбѣжную по моему мнѣнію развязку и послѣ того терзался угрызеніями совѣсти.

Неожиданно въ положеніи отца наступило улучшеніе. Крѣпкій организмъ его и на этотъ разъ справился съ болѣзнью. Опасность для жизни миновала, и больной медленно направился къ выздоровленію. Эта милость Провидѣнія потрясла меня; не будучи особенно религіознымъ, я поднялся однажды въ Арачели и, ставъ на колѣни, горячо и благодарно молился. Джованни Вендоло оправился, наконецъ, настолько, что велъ со мной бесѣды о состояніи лавки. Дѣловитое оживленіе вернулось къ нему вмѣстѣ съ остатками былой самоувѣренности. Строя новые планы и обдумывая новыя комбинаціи, онъ равнодушно отнесся къ моему намѣренію искать заработка и счастья въ Неаполѣ. На семейномъ совѣтѣ было рѣшено, кромѣ того, что овдовѣвшая Маріуччія переселится къ отцу и возьметъ на себя вмѣстѣ съ заботами о старикѣ хлопоты въ капитолійской лавкѣ.

Восьмого марта 1780 года я обнялъ отца, расплакавшагося на прощаніе, и поцѣловалъ въ обѣ щеки племянницу мою, не утратившую, несмотря на раннее вдовство, обычной своей веселости. Въ дымкѣ весеннихъ паровъ, подъ неумолчное пѣніе жаворонковъ надъ зеленѣвшей Кампаньей повторилъ я первый этапъ неаполитанскаго путешествія. Мнѣ исполнилось двадцать пять лѣтъ, ранняя молодость моя миновала. Я чувствовалъ себя совсѣмъ взрослымъ и самостоятельнымъ человѣкомъ, и не безъ спокойной грусти видѣлъ открывавшуюся передо мной дорогу невеликихъ трудовъ и негероическихъ подвиговъ. Я не былъ честолюбивъ и не обманывался въ своихъ силахъ. Менѣе всего склоненъ былъ становиться я въ позу непонятого или непризнаннаго генія. Я любилъ ремесло живописца и гравера и зналъ за собой нѣкоторыя достоинства. Все, чего я желалъ — это возможности заниматься своимъ дѣломъ и не быть въ тягость другимъ. Но я зналъ, что въ жизни художника тяжелы первые шаги, и полно затрудненій начало. Не поступалъ ли я, слѣдовательно, вполнѣ благоразумно, обезпечивъ себѣ на первыхъ порахъ покровительство знатныхъ друзей, готовыхъ придти мнѣ на помощь всѣми своими связями?

Такими разумными доводами оправдывалъ я это свое второе путешествіе. Я долженъ признаться, что они, тѣмъ не

менѣе, занимали лишь скромное мѣсто среди истинныхъ моихъ побужденій. Уже Марино заставило меня предаться воспоминаніямъ, и, проѣзжая Веллетри, я дорого далъ бы, чтобы услышать снова тотъ женскій вопль, который въ странномъ пророчествѣ соединилъ мою участь съ Жюльеттой. Я видѣлъ издали гору Цирцеи и слѣдовалъ берегомъ голубого моря близъ Террачины. Свои этапы я расположилъ такимъ образомъ, чтобы цереночевать въ Фонди. Съ суевѣрнымъ ожиданіемъ взобрался я на памятную мнѣ галлерею и медлилъ уйти оттуда въ напрасной настороженности всѣхъ моихъ чувствъ, пока, наконецъ, спустившіяся изъ ущелья облака не разрѣшились весеннимъ дождемъ и не загнали меня въ столовую, гдѣ храпѣлъ проѣзжій аббатъ, сидя на соломенномъ стулѣ и уронивъ голову на неприбранный столъ.

Въ эту ночь я почти не заснулъ, вспоминая послѣдніе дни нашего осенняго путешествія. Мы покинули тогда Фонди рано утромъ, торопясь сдѣлать большой переѣздъ. Странное смущеніе овладѣло мною, когда мы размѣстились въ коляскѣ. Я трепеталъ, видя передъ собой Жюльетту, и не рѣшался поднять на нее глазъ. Малѣйшія обращенія графа Фредерика заставляли меня вздрагивать и теряться. Разсѣянный и нѣсколько прискучившій дорогой, онъ не замѣчалъ этого; зѣвая бранилъ онъ плохія гостиницы и лѣнивыхъ кучеровъ неаполитанскаго королевства. Карлъ Старре прочелъ повидимому нѣчто большее въ моемъ неискушенномъ сердцѣ. Онъ поглядывалъ на меня съ приводившей меня въ отчаяніе явной насмѣшливостью. Я постыдно робѣлъ теперь передъ грознымъ моимъ соперникомъ и не безъ мало похвальнаго облегченія услышалъ въ Капуѣ, что онъ разстается съ нами, чтобы заѣхать на нѣсколько дней въ помѣстье своего пріобрѣтеннаго въ Калабріи друга, Вилламарина.

Были мучительны, но и сладостны для меня эти послѣдніе часы нашего общаго путешествія. Волненіе мое не переставало быть крайнимъ, чувствительнѣйшія струны были задѣты въ моей душѣ и не переставали звучать одному мнѣ слышной мелодіей. Сквозь застилавшія мои глаза слезы я всматривался украдкой въ лицо Жюльетты. Сославшись на усталость она дремала или мечтала, съ опущенными рѣсницами, откинувшись на подушки. Я былъ благодаренъ ей за ту

сдержанность, которую проявила она въ эти часы. Казалось, сердце мое не выдержало бы иныхъ проявленій.

Пріѣздъ въ Неаполь заставилъ насъ обоихъ очнуться отъ этихъ сновъ, пережитыхъ и ею и мной на яву. Графиня Юлія вновь сдѣлалась той дѣятельной, оживленной и веселой, на все откликающейся особой, какою я зналъ ее въ первые дни нашего знакомства. Графъ Фредерикъ вновь не переставалъ потирать отъ удовольствія свои маленькія бѣлыя руки.

Какъ по мановенію жезла явились лакеи, приказчики, мѣнялы, гиды, поставщики всякаго вида предметовъ и посредники услугъ всякаго рода. Отирая со лба потъ и блуждая въ шумныхъ и незнакомыхъ мнѣ улицахъ, бѣгалъ я цѣлые дни исполняя порученія. Привезенныя графомъ письма возымѣли впрочемъ быстрое дѣйствіе: онъ былъ принятъ съ распростертыми объятіями въ неотличающемся замкнутостью неаполитанскомъ обществѣ. Маркизы и герцоги гостепріимнаго королевства обѣихъ Сицилій стремились на перебой другъ передъ другомъ удержать чужестранцевъ въ стѣнахъ своихъ фамильныхъ жилищъ, быть можетъ, не безъ тайной надежды поправить этимъ убытокъ отъ послѣдняго неурожая оливъ. Волочившій подагрическую свою ногу и при всемъ томъ до крайности проворный маркизъ Патерполи одержалъ верхъ надъ другими претендентами. Дворецъ того же наименованія, повыше Страда ди Кьяйя, сдѣлался нашимъ жилищемъ.....

Сквозь развѣваемую вѣтромъ сѣть теплаго весенняго дождя, вглядывался я въ зеленѣвшія равнины Аверсы, приближаясь къ Неаполю. Въ общественной каретѣ аббатъ и двое купцовъ затѣяли нескончаемый споръ о цѣнахъ на живность. Съ удовлетвореніемъ взиралъ я на яростные жесты южанъ, похожихъ среди самой невинной бесѣды на игроковъ въ азартную морру, ибо видѣлъ въ томъ залогъ свободы отъ докучливаго ихъ любопытства. Не тревожимый никѣмъ, я предавался мечтаніямъ. Палаццо Патерполи со своими обитателями рисовался мнѣ тѣмъ, какимъ я оставилъ его. Построенный на склонѣ холма, онъ представлялъ затѣйливое сочетаніе различныхъ уровней и соединяющихъ ихъ переходовъ. Изъ комнаты верхняго этажа, служившей и мастерскою и спальней, я могъ выйти прямо въ садъ, усаженный олеандрами и померанцами, тогда какъ покои передняго фасада висѣли на громадной вы-

сотѣ надъ улицей, имѣвшей здѣсь видъ лѣстницы. Я вспоминалъ анфиладу залъ, своимъ дурнымъ вкусомъ прошлаго вѣка приводившихъ въ немалое смущеніе графа Фредерика. Мнѣ чудились пріемы и свѣтскія увеселенія, свидѣтелемъ которыхъ я успѣлъ сдѣлаться за то короткое время, которое провелъ во дворцѣ Патернополи. Нѣчто внутри меня безошибочно говорило, что шумная и суетная отчасти жизнь неаполитанскаго общества увлечетъ чету моихъ сѣверянъ, и не безъ грусти размышлялъ я объ ожидающей меня роли.

Я тѣмъ не менѣе былъ почти счастливъ, когда ступилъ, наконецъ, ногой на мокрые отъ утренняго дождя камни неаполитанскихъ улицъ. Горячій вѣтеръ дышалъ мнѣ въ лицо изъ узкихъ щелей, смѣшивая острые запахи человѣческаго жилья, гніющихъ лимонныхъ корокъ и морскихъ отбросовъ. Кое гдѣ зажглись колеблющіеся фонари, вечернее оживленіе росло кругомъ, съ громыханіемъ экипажей, хлопаньемъ бичей, крикомъ уличныхъ продавцовъ, звономъ гитаръ, вылетавшимъ изъ открытыхъ оконъ. Пробираясь сквозь возбужденную толпу, сопровождаемый носильщикомъ, который тащилъ на спинѣ мой несложный багажъ, я спѣшилъ по унизанной балконами Страда ди Кьяйя, отмахиваясь отъ громкихъ зазываній или произносимыхъ шопотомъ предложеній, какія встрѣчаютъ пріѣзжаго здѣсь на каждомъ шагу. По скользкимъ ступенямъ безконечной лѣстницы я взлетѣлъ однимъ духомъ, палаццо Патернополи обрисовался передо мной, отражавшій въ стеклахъ прорѣзавшій облака лучъ заката.

Растолкавъ незнакомыхъ мнѣ слугъ, я ворвался въ главный подъѣздъ. Я не узнавалъ комнатъ, обставленныхъ за мое отсутствіе съ тѣмъ сдержаннымъ изяществомъ, которое свойственно нашему времени. Голоса долетѣли до меня изъ салона: разсказчикъ, только что закончившій веселую, повидимому, исторію, былъ вознагражденъ за нее дружными взрывами хохота. Я различилъ беззаботный смѣхъ Жюльетты и, позабывъ всѣ обычаи, устремился въ салонъ. Въ обществѣ незнакомыхъ мнѣ кавалеровъ и дамъ графъ и графиня Даленъ апплодировали сѣдому аббату съ лукавымъ лицомъ, скромно прихлебывавшему кофе среди своего тріумфа. Ихъ удивленными и радостными возгласами было встрѣчено мое появленіе. Графъ Фредерикъ нѣжно обнялъ меня, несмотря на мой мокрый отъ дож-

дя дорожный плащъ. Жюльетта въ чистосердечномъ порывѣ положила мнѣ на плечи обѣ руки. Звѣзды ея глазъ сіяли мнѣ, заставляя вторично родиться меня на свѣтъ Божій.

VII

Нѣсколько недѣль пронеслось безъ того, чтобы я могъ дать себѣ въ нихъ какой либо отчетъ. Я былъ весь переполненъ счастьемъ обрѣсти то, что казалось мнѣ дороже самого бытія. Близкое присутствіе графини Юліи, жизнь подъ одной съ нею кровлей были достаточнымъ для меня оправданіемъ дней и часовъ этой жаркой неаполитанской весны. Я усиленно гналъ отъ себя всякія иныя мысли и не допускалъ возникнуть какимъ либо слишкомъ исключительнымъ желаніямъ. Круговоротъ лицъ и событій во дворцѣ Патернополи захватывалъ меня лишь въ качествѣ второстепеннаго и случайнаго участника, но я довольствовался тѣмъ, и на досугѣ приглядывался къ другимъ болѣе виднымъ и болѣе необходимымъ его фигурамъ.

Я не ошибся, конечно, въ своихъ предчувствіяхъ. Графиня Юлія и графъ Фредерикъ вели разсѣянную, свѣтскую и пышную жизнь. Пріемы и увеселенія во дворцѣ Патернополи смѣнялись пріемами и увеселеніями въ другихъ дворцахъ, куда мнѣ не всегда возможенъ былъ доступъ, котораго впрочемъ я никогда не искалъ. Смѣясь надъ длинноносымъ и ограниченнымъ неаполитанскимъ его величествомъ, графъ и графиня однако были усердными посѣтителями королевскаго замка. Гранды королевства продолжали ухаживать за ними наперерывъ и баловать ихъ своимъ вниманіемъ. Дипломатамъ разнообразныхъ странъ и путешественникамъ различныхъ націй были по прежнему широко открыты двери палаццо, гдѣ графъ Даленъ держалъ открытый столъ и, не любя карточной игры, предпочиталъ занимать гостей концертомъ.

Вокальное увлеченіе смѣнило собой всѣ иные вкусы и склонности моихъ покровителей. Въ театрѣ Санъ Карло имъ принадлежала одна изъ великолѣпнѣйшихъ ложъ, и въ первый же вечеръ я былъ принужденъ восторгаться въ ней даромъ Маркези, ослѣпленный послѣ унылой дороги этой неслыханной роскошью, этими огнями тысячъ свѣчей, отраженными въ безчисленыхъ зеркалахъ, этимъ блескомъ наполнявшаго зрительный залъ общества. Три другихъ оперы были къ услугамъ мо-

ихъ друзей, если бы имъ почему либо прискучилъ Санъ Карло. Музыкальныя школы, славой которыхъ еще гремѣлъ на весь міръ Неаполь — Сантъ Онофріо, Піета, Санта Марія ди Лорето, не имѣли отъ нихъ тайнъ. Пѣвцы и пѣвицы, клавесинисты и віолинисты почитали за честь сверкнуть своимъ талантомъ или искусствомъ на вечерахъ во дворцѣ Патернополи. На короткое время моимъ графамъ Даленъ удалось затмить даже ту извѣстность, которую стяжали въ Неанолѣ своею любовью къ музыкѣ англійскій посланникъ лордъ Гамильтонъ и его мечтательная первая супруга.

Въ стѣнахъ палаццо Патернополи смѣнялся вѣчный калейдоскопъ посѣтителей. Маркизы и герцоги королевства мелькали передо мной въ такомъ множествѣ, что моя память отказывалась удержать всѣ ихъ титулы. Я отмѣчалъ лишь тѣхъ гостей графа Даленъ, какіе выдѣлялись среди другихъ своимъ постоянствомъ. Ученый аббатъ Меріани, которому апплодировало общество въ самый моментъ моего перваго появленія, былъ въ томъ числѣ, наряду со шведскимъ посланникомъ, холерическимъ барономъ Экстромъ, и съ навсегда покиувшемъ Францію оригиналомъ и ипохондрикомъ, котораго всѣ боялись за злой языкъ, называя его шевалье Аркасъ. Положительность этихъ троихъ, уже далеко не молодыхъ завсегдатаевъ дворца Патернополи выкупалась легкомысліемъ трехъ другихъ: разорившагося на женщинъ сициліанца Кастродіана, маркиза Делла Торре, бредившаго только охотой и лошадьми и, наконецъ, польскаго выходца, осыпаннаго брилліантами графа Чарни, покорившаго Неаполь своей женственной красотой и необыкновенной удачей за игорнымъ столомъ.

Среди этихъ новыхъ знакомцевъ графа Фредерика и новыхъ поклонниковъ графини Юліи я далеко не каждый день видѣлъ того, кто былъ столь недавнимъ участникомъ всѣхъ происшествій нашей римской жизни. Карлъ Старре, проживавшій у друга своего Вилламарина, появлялся лишь со значительными промежутками въ стѣнахъ дворца Патернополи, держась въ обществѣ съ болѣе чѣмъ естественной замкнутостью и болѣе чѣмъ обычной холодностью. Не принимая участія въ бесѣдахъ, гдѣ царили свѣтская ученость аббата Меріани или остроумное злословіе шевалье Аркаса, онъ сторонился и отъ тѣхъ баловъ или охотъ, которые устраивали Кастродіана и Делла

Торре. Я продолжалъ слѣдить за нимъ, какъ въ былые дни, и убѣждался зачастую, что въ теченіе цѣлыхъ вечеровъ графиня Юлія, окруженная новыми людьми, не удѣляла ему ни малѣйшаго знака вниманія. Нѣчто въ родѣ симпатіи и сочувствія пробудилось во мнѣ къ тому человѣку, котораго я привыкъ считать своимъ непріятелемъ. Глядя на Карла Старре я учился у него быть гордымъ; въ его поведеніи я почерпалъ силы, которыхъ теперь зачастую недоставало мнѣ самому, чтобы снести жестокій урокъ неаполитанской жизни.

Находясь все время въ полѣ зрѣнія графини Юліи и графа Фредерика, я тѣмъ не менѣе былъ ими несомнѣнно забытъ. День-два супругъ Жюльетты говорилъ мнѣ съ прежнимъ своимъ энтузіазмомъ о картинахъ Сальватора Розы, умоляя сдѣлать гравюры съ тѣхъ, какія посчастливилось ему найти у неаполитанскихъ старьевщиковъ. Что касается до нея самой, то она не удѣлила мнѣ даже и этихъ двухъ дней пріязни. Глаза ея останавливались на мнѣ съ разсѣянной привѣтливостью, улыбки, какими дарила она меня, были тѣмъ золотомъ, какое счастливый игрокъ бросаетъ попавшемуся ему на дорогѣ нищему. Сцена въ гостиницѣ Фонди была отринута ею въ тьму небытія съ такой искренностью, что я самъ начиналъ сомнѣваться, имѣла ли сцена эта когда либо мѣсто на нашей планетѣ. Я иной разъ былъ готовъ допустить, что она была создана моимъ воображеніемъ. Я перебиралъ тогда въ умѣ разсказы о сомнамбулахъ или терялся въ тщетныхъ догадкахъ; то я давалъ себѣ слово терпѣливо и безропотно ждать, то исполнялся бурнымъ негодованіемъ.

Не могу сказать, чтобы прилежаніе мое многое выиграло отъ подобныхъ мыслей. Я не нуждался къ несчастью даже въ деньгахъ; имѣя готовыми столъ и квартиру, я не безъ легкаго чувства стыда открывалъ ту шкатулку, гдѣ накоплялись монеты, полученныя мною за старые мои листы, охотно пріобрѣтавшіеся знакомыми графа. Это было, конечно, еще далеко отъ богатства, но я могъ спокойно позволить себѣ нѣкоторыя траты.

Однажды вечеромъ, не зная самъ для чего я это дѣлаю, я открылъ шкатулку и наполнилъ свой кошелекъ деньгами. Графиня и графъ отправились на пріемъ въ королевскій дворецъ; тягостное ощущеніе одиночества заставило меня спу-

ститься внизъ и выйти на улицу. Смѣшавшись съ толпой, я мечталъ о свободѣ, утрату которой нѣкогда впервые ощутилъ, сидя на камняхъ ладьи Бернини. Я убѣждалъ себя, что свѣтъ не сошелся для меня клиномъ въ плѣнившей меня иностранкѣ. Страницы молодости моей отпечатлѣли повсюду ея образъ, но книга жизни обѣщала мнѣ длинный рядъ новыхъ страницъ. Приключеніе въ Фонди, которое не выходило у меня изъ ума, я могъ лелѣять въ воображеніи, какъ драгоцѣннѣйшій мигъ своего прошлаго, но кто знаетъ, какія приключенія и въ какой обстановкѣ сулитъ мнѣ будущее? Не ожидаютъ ли они меня здѣсь, совсѣмъ близко отъ меня, въ этихъ кишащихъ людомъ ночныхъ улицахъ Неаполя, то сіяющихъ огнями, то слѣпящихъ мракомъ, пахнущихъ то цвѣтами, то гнилью, обвѣваемыхъ тревожнымъ и теплымъ вѣтромъ, полныхъ смѣха, голосовъ, шопотовъ, вскрикиваній и пѣсенъ.....

Привлеченный тріо, вырывавшимся изъ распахнутыхъ дверей остеріи, я зашелъ туда выпить стаканъ вина. Боллини, мой злополучный Боллини, поднялся навстрѣчу мнѣ изъ за своего столика. Безъ колебаній отвѣтилъ я ему на его дружеское объятіе. Тягостное воспоминаніе, соединенное съ нимъ, кануло въ бездну минувшаго. Мы усѣлись за столъ и наполнили стаканы темнымъ виномъ Везувія. Боллини значительно раздобрѣлъ за эти годы, но прежнее лукавство мелькало въ его жирномъ лицѣ, пересѣченномъ шрамомъ. Онъ сообщилъ, что разочаровавшись въ карьерѣ свободнаго художника, опредѣлился граверомъ на королевскій монетный дворъ. Костюмъ мой и кошелекъ полный деньгами произвели на него, казалось, внушительное впечатлѣніе. Въ его обращеніи со мной замѣтилъ я оттѣнокъ почтительности, польстившій до извѣстной степени моему тщеславію. Осторожно и выбирая слова, Боллини разсказалъ, что Медичи возвратился въ Тоскану, куда увезъ съ собой и бѣдную нашу Лукрецію. Мы повздыхали о ней, неоднократно опорожнивъ наши стаканы.

Боллини былъ крайне остороженъ и въ своихъ разспросахъ о новомъ моемъ положеніи. Я намѣревался ограничиться лишь самыми общими и неопредѣленными указаніями. Къ удивленію флорентіецъ слышалъ уже нѣчто о найденномъ мною покровительствѣ. Вынужденный дать объясненія, я сдѣлалъ это пространнѣе, чѣмъ хотѣлъ. Выпитое вино оказало

свое дѣйствіе, мой языкъ развязался. Упомянувъ однажды имя Жюльетты, я невольно предался догадкамъ и размышленіямъ вслухъ, уже не помня о собесѣдникѣ. Въ волненіи я ударялъ кулакомъ по столу, посуда вздрагивала на немъ, звеня, сквозь говоръ сосѣдей и рулады бродячаго тріо. Передъ собой я видѣлъ какъ бы сквозь дымку широкое лицо Боллини, кивавшее моимъ разсказамъ подобно фарфоровому болванчику. Я сознавалъ, что въ хмельной моей болтовнѣ качусь по наклонной плоскости. Другая часть сознанія убѣждала, однако, что Боллини былъ безопасенъ на этотъ разъ. Пресмыкаясь въ кизинахъ Неаполя, какъ могъ бы проникнуть онъ въ тѣ эмпиреи, гдѣ обитало мое божество! Съ презрѣніемъ замѣчалъ я, кромѣ того, что содержимое моего кошелька интересуетъ его больше моихъ разсказовъ.

Среди горестныхъ и самолюбивыхъ признаній я увидѣлъ вдругъ подлѣ себя рыжую голову, также кивавшую въ тактъ моимъ словамъ. Третій собутыльникъ подсѣлъ съ нѣкоторыхъ поръ къ нашему столику. Столы и стулья, стаканы и лампы, все колебалось въ моихъ глазахъ. Покончивъ съ Везувіо мы давно перешли на крѣпкій и густой апулійскій мускатъ. Тріо умолкло, остерія пустѣла, двѣ женщины громко бранились въ углу, готовыя вцѣпиться другъ другу въ волосы или пустить въ ходъ лезвіе бритвы. Хозяинъ, ворча, приближался къ столику, грозясь вытолкать насъ вонъ. Я поднялся, чтобы достойно отвѣтить ему на его дерзость. Боллини обнялъ меня, умоляя простить грубіяна. Угадавъ снѣдавшее меня одиночество, онъ клялся, что мы не разстанемся болѣе и изрыгалъ при томъ всяческую хулу на порочность и безчувственность обманувшей меня знати. Онъ предложилъ мнѣ закончить вечеръ и скрѣпить возобновленную дружбу тѣмъ, что мы отправимся къ сестрамъ Джачинто. Я смутно догадывался, что имя это принадлежало рыжеволосому неаполитанцу, юлившему вокругъ насъ искательно и неотступно.

Увязая по щиколку въ грязи, мы брели по совершенно темнымъ улицамъ. Съ проворствомъ кошки Джачинто находилъ дорогу въ ихъ неописуемомъ лабиринтѣ; Боллини нѣжно поддерживалъ меня подъ локоть. Мы вступили, наконецъ, въ гулкій свѣтящійся единственнымъ фонаремъ корридоръ, пронизывающій толщу многоэтажнаго дома, и поднялись по лѣст-

ницѣ. Джачинто толкнулъ дверь, мы очутились въ просторной комнатѣ, являвшей соединеніе салона, столовой и спальни. Огромная кровать красовалась на самомъ видномъ мѣстѣ, у изголовья ея возвышалась большая кукла мадонны съ золоченой короной на головѣ, разодѣтая въ шелкъ и кружева. Лампады, зажженныя передъ ней, и вѣтки цвѣтущихъ деревьевъ, вставленныя въ фарфоровыя вазы, изобличали благочестіе хозяевъ. Уставленный бутылками и сластями столъ въ углу свидѣтельствовалъ объ ихъ предусмотрительномъ гостепріимствѣ.

Двѣ молодыя женщины, блондинка и брюнетка, картинно обнявшія другъ друга за талію, появились въ дверяхъ. Боллини выказалъ свое близкое съ ними знакомство, поцѣловавъ ихъ въ губы одну за другой. Со мной обмѣнялись онѣ привѣтствіемъ, не лишеннымъ, напротивъ, церемонности. Всѣ мы усѣлись за столъ и наполнили стаканы. Боллини и его пріятельницы усердно подчивали меня. Хитрый флорентіецъ не замѣчалъ однако того, что вино перестало уже оказывать на меня дѣйствіе: я постепенно трезвѣлъ. Вѣроятно болѣе чѣмъ виномъ я былъ опьяненъ своими признаніями; прервавъ ихъ нить, я сдѣлался молчаливъ и возвратилъ себѣ способность наблюдать происходящее вокругъ меня. Одна изъ сестеръ взяла гитару, другая запѣла пріятнымъ голосомъ. Слушая ихъ, я впалъ въ задумчивость, потомъ въ дремоту.

Меня разбудила холодная вода, плеснутая мнѣ въ лицо изъ стакана. Открывъ глаза, я увидѣлъ передъ собой дѣвочку лѣтъ двѣнадцати, въ короткой юбочкѣ, составлявшей почти единственное ея одѣяніе; она смѣялась совершенной ею шалости. Боллини, Джачинто и обѣ сестры куда то исчезли. Безъ дальныхъ околичностей маленькая соблазнительница усѣлась ко мнѣ на колѣни, ея полудѣтская грудь, открытая моему любопытству, подымалась часто и неровно; глаза искрились дерзостью, на смуглыхъ щекахъ лежалъ густой слой бѣлилъ и румянца. Я сдѣлалъ движеніе, чтобы удалить ее, но маленькая бестія крѣпко прижалась ко мнѣ, обхвативъ меня руками за шею. Я повторилъ свое усиліе, въ отвѣтъ на него негодяйка пребольно укусила мнѣ кончикъ уха. Между нами завязалась борьба, окончившаяся однако не тѣмъ, чего желала моя искусительница и тѣ, кто подослали ее. Я бросилъ ее на

кровать и, поднявъ юбчонку, произвелъ надъ ней заслуженную ею экзекуцію, съ помощью послужившаго мнѣ розгой пучка вѣтвей, украшавшихъ куклу мадонны. На крикъ наказанной мошенницы прибѣжалъ Джачинто, не попытавшійся впрочемъ остановить меня, полагая очевидно, что у его гостей могутъ быть всякіе способы развлекаться. Но когда я отбросилъ розги и рѣшительно направился къ двери, онъ поспѣшно загородилъ мнѣ дорогу. Отъ прежней его униженности не осталось и слѣда, глаза его загорѣлись какъ у волка, и глотка его рождала хриплыя проклятія; въ рукѣ его блеснулъ складной ножъ. Быть можетъ я спасъ свою жизнь тѣмъ, что кинулъ на столъ кошелекъ. Пока Джачинто устремился на него, какъ звѣрь на добычу, я выбѣжалъ вонъ не оглядываясь, скатился по лѣстницѣ и миновалъ корридоръ, свѣтившійся единственнымъ фонаремъ.

На улицѣ я испыталъ благодѣтельное облегченіе и нѣсколько разъ вздохнулъ глубоко, держась рукой за стѣны. Изъ лабиринта улицъ пытался я выбраться наугадъ, не имѣя ни малѣйшаго представленія о мѣстѣ, гдѣ находился, и притомъ весьма плохо зная городъ. Послѣ этихъ блужданій ощупью, въ темнотѣ, занявшихъ часъ или два времени, я очутился на склонахъ Пиццофальконе. Я чувствовалъ себя превосходно и былъ доволенъ концомъ своего приключенія. Я не боялся и встрѣчъ съ ворами послѣ того, какъ освободился отъ кошелька. Нѣсколько разъ я останавливался по дорогѣ и хохоталъ, вспоминая учиненную мною расправу. Я съ удовольствіемъ возвратился бы вспять, чтобы продолжить ее надъ самимъ синьоромъ Джачинто и надъ его благочестивыми сестрами!

Свѣтлѣло небо, близилось утро, освѣжительный бризъ тянулъ съ моря. Я присѣлъ на каменную скамью, наслаждаясь солеными его вѣяніями. Въ городѣ стали замѣтны признаки пробужденія. Подымаясь къ дворцу Патернополи, я встрѣчался со стадами козъ и верениицами ословъ, нагруженныхъ вязанками дровъ или корзинами овощей. Я былъ необычайно взволнованъ происшествіями этой ночи и во всемъ моемъ существѣ ощущалъ крайнее возбужденіе. Никогда я не чувствовалъ съ такой осязательностью избытокъ силъ своей молодости. Въ тѣ мгновенія я сознавалъ себя способнымъ преодо-

лѣть величайшія трудности, совершить необыкновенные подвиги, пуститься въ опасныя предпріятія. Проникнуть въ свою комнату сквозь запертыя со всѣхъ сторонъ двери палаццо казалось мнѣ легкимъ дѣломъ въ сравненіи съ этими неисчерпаемыми возможностями. Не задумываясь я перелѣзъ черезъ стѣну и очутился въ саду.

Утренній ароматъ олеандровъ, жасмина, глициній и розъ былъ настолько крѣпокъ, что я вновь испыталъ головокруженіе. Я провелъ рукой по кустамъ, осыпаннымъ мелкими брилліантами росы и освѣжилъ ею лобъ. Мнѣ помнилось, что окно моей комнаты, находившейся съ этой стороны на уровнѣ сада оставалось открытымъ, и я расчитывалъ войти въ него безъ помѣхи и безъ шума. Одно открытое окно въ самомъ дѣлѣ выдѣлялось среди другихъ своими раздвинутыми жалюзи и колеблемой вѣтромъ занавѣской. Я смѣло отстраннлъ ее рукой и шагнулъ впередъ. Я оказался въ чужой комнатѣ, полуодѣтая женщина глядѣлась въ тускло сіявшее зеркало, испустивъ при моемъ появленіи невольный крикъ. Въ таинственномъ свѣтѣ ранняго утра я узналъ Мадлэну. Камеристка также узнала меня и оправилась отъ испуга; лицо ея улыбнулось. Я видѣлъ тѣни ея голыхъ плечей, бѣлизну груди, гибкость таліи, розовѣвшей сквозь тонкую рубашку. «Синьоръ Орсо, я не ожидала отъ васъ этого», сказала она медленно и совершенно спокойно. Соблазнительно разрѣзанный ея ротъ продолжалъ улыбаться, и глаза говорили мнѣ: «какъ ты былъ глупъ, что до сихъ поръ меня не замѣтилъ»!

Но ее замѣтилъ, давно замѣтилъ тотъ скрытый отъ дневного сознанія двойникъ нашего я, который живетъ въ каждомъ изъ насъ и лишь ждетъ своей очереди, чтобы вырваться изъ неволи и завладѣть нашими дѣйствіями. Въ невѣдомыхъ мнѣ самому глубинахъ моего существа давно отпечатлѣлся томящій призывъ всѣхъ жестовъ искусной въ томъ парижанки, всѣхъ шороховъ ея платья, всѣхъ шаговъ ея кокетливо обутыхъ ногъ. Дрожь пронизала меня, мои зубы стучали. Мадлэна отступала въ глубину комнаты, и, какъ бы притягиваемый магнитомъ, я послѣдовалъ за ней. Остановясь у открытой своей постели, она опрокинулась на нее естественнымъ и беззаботнымъ движеніемъ, и, опустившись подлѣ нея, я прильнулъ къ ея обнажившимся нѣжнымъ колѣнямъ.

Приступъ неутоленной страсти, похожій на приступъ отчаянія, заставилъ меня позабыть міръ и людей. Я пробуждался, чтобы снова искать забытья и, найдя его, вновь пробудиться. Въ концѣ концовъ я вѣроятно надолго потерялъ сознаніе, потому что очнулся, когда Мадлэна, разжавъ мои зубы, влила мнѣ въ ротъ нѣсколько капель виноградной водки. Взошедшее солнце окрасило сквозь занавѣску багрянымъ свѣтомъ комнату, безпорядочно разметанную постель и склонившееся надо мной усталое лицо парижанки. Она длительно и влажно поцѣловала меня, затѣмъ, неохотно оторвавшись отъ моихъ губъ, зѣвнула и произнесла довольнымъ и пресыщеннымъ голосомъ: «Я все-таки одѣваюсь, надо торопиться, графиня хотѣла меня рано послать сегодня къ своему любовнику».

Когда я вспоминаю теперь событія этой ночи, я не могу не подумать безъ нѣкоторой гордости о томъ присутствіи духа, съ какимъ я принялъ ужасныя для меня слова Мадлэны. Не задавъ ей ни единаго вопроса и тщательно скрывъ родившееся во мнѣ отвращеніе, я вышелъ отъ нея. Не подозрѣвая ничего, она весело захлопнула позади меня дверь, въ то время какъ я входилъ въ свою комнату, будучи менѣе живымъ, чѣмъ мертвымъ. Моимъ первымъ движеніемъ было запереться на ключъ, послѣ чего все смѣшалось въ моемъ мозгу, огненный вихрь объялъ меня, и я съ глухимъ стономъ упалъ на кровать, чтобы оказаться во власти безконечныхъ кошмаровъ.

Я проснулся, когда уже стало смеркаться въ моей мастерской. Съ первымъ лучемъ сознанія возвратилось ко мнѣ воспоминаніе о всемъ, что произошло. Я вскочилъ на ноги и жадно выпилъ воды; ноги мои подкашивались, и лихорадка била меня при мысли, что я еще нахожусь подъ этой кровлей. Открывъ дверь я прислушался; затѣмъ, набросивъ плащъ и взявъ шляпу, тайно, какъ воръ, выбрался изъ дворца.

Безъ цѣли бродилъ я долго по улицамъ Неаполя, чуждый обычному ихъ оживленію. Мысли мои пришли въ нѣкоторый порядокъ, я пробовалъ найти систему въ терзавшихъ меня чувствахъ. Слова камеристки, сообщили ли мнѣ они нѣчто новое, неожиданное? Не лучше ли всякаго иного долженъ былъ я предугадать, что рано или поздно, ей ли, другимъ ли

кѣмъ либо, они будутъ произнесены! Жюльетта любила, и упрекать ее въ томъ было не мнѣ, попавшему въ сѣть самыхъ низкихъ соблазновъ. Я могъ бы давно прочесть свою судьбу въ ея измѣнившемся ко мнѣ отношеніи. Слѣпота моя не имѣла оправданій. Жюльетта могла не повѣрить искренности моего затменія и счесть меня себялюбцемъ, который ради мелкихъ удобствъ жизни предпочитаетъ но видѣть и не понимать, что происходитъ вокругъ. Но съ этимъ надо было покончить: я далъ себѣ слово не возвращаться подъ кровъ дворца Патернополи. Я рѣшилъ въ ту же ночь отправиться въ Римъ пѣшкомъ. Ощупавъ карманы, нашелъ я однако, что они были пусты: я не захватилъ съ собой денегъ. Это, маловажное по существу, обстоятельство заставило меня сильно упасть духомъ.

Ища выхода, я перебиралъ въ головѣ множество самыхъ нелѣпыхъ плановъ. Я былъ готовъ даже пуститься на поиски Боллини и обѣихъ сестеръ Джачинто. Въ огромномъ и многолюдномъ городѣ я испытывалъ полнѣйшее одиночество. Помню, я остановился передъ входомъ кукольнаго театра, голосъ Пульчинеллы доносился до меня, прерываемый хохотомъ зрителей. Нѣчто въ родѣ сочувствія мелькнуло во мнѣ ко всѣмъ тѣмъ бѣднымъ глупцамъ, которые тѣшатъ міръ своими несчастіями. Новая мысль ужалила меня въ эту минуту съ такой силой, что я застоналъ. Спѣшившая къ зрѣлищу простолюдинка поглядѣла на меня со страхомъ и, обративъ противъ меня свои два пальца, защитилась отъ моей бѣды.

Кто мнѣ сказалъ, что любовникомъ Юліи Даленъ былъ Карлъ Старре? Камеристка не произнесла его имени, и я былъ такъ благороденъ, что не набросился на нее съ разспросами. Прекрасно! Пусть же не слишкомъ дешевой цѣной достанется мнѣ мое благородство! Похожъ ли былъ Старре на счастливца, достигнувшаго цѣли своихъ желаній? Его ли общества искала Жюльетта въ эти недѣли неаполитанской весны? Воображеніе мое вызвало рядъ новыхъ фигуръ: великолѣпный въ своей беззаботности Кастродіана смѣялся мнѣ торжествующе, открывъ рядъ ослѣпительно бѣлыхъ зубовъ; польскій выходецъ Чарни двусмысленно улыбался своимъ дѣвически свѣжимъ лицомъ. Я вспомнилъ инвективы противъ знати, которыя произносилъ за виномъ Боллини, желая мнѣ угодить.

Кое что въ словахъ этого плута могло быть святой истиной. Кто знаетъ, на что способны эти недоступныя съ виду сѣверныя графини! Мнѣ надо было спросить у Мадлэны, къ которому изъ своихъ любовниковъ собиралась послать се ея госпожа!

Ослиный голосъ Пульчинеллы снова долетѣлъ до меня, заглушенный стукомъ палочныхъ ударовъ и хохотомъ довольнаго зала. Отъ этого позорнаго финала вѣчныхъ несчастливцевъ бѣжалъ я внизъ, пока не очутился на спускѣ къ Санта Лучія. Открывшееся зрѣлище заняло на время мое вниманіе. Жестикулирующая и говорливая толпа тѣснилась на морскомъ берегу вокругъ продавцовъ всякой дряни и всякой снѣди. Въ голубизнѣ вечера свѣтились ряды огней, клубился багряный дымъ многихъ жариленъ. Падкіе до потѣхъ неаполитанцы пускали ракеты въ честь одного изъ своихъ безчисленныхъ святыхъ, и толпа замирала, глядя какъ разсыпались онѣ мелкими звѣздочками въ глубокой синевѣ неба.

Острота, съ которой я ощутилъ тутъ свое одиночество, довела меня до отчаянія. Я подошелъ къ обрыву, внизу плескалось море, колебля рыбачьи лодки. Я перегнулся и поглядѣлъ па камни, высота берега была достаточна, чтобы, бросившись внизъ, разбить себѣ голову. Мои руки похолодѣли и сердце исполнилось жалостью къ самому себѣ. Горе тому, кто окажется одинокъ и утратитъ мѣсто свое среди себѣ подобныхъ! Я по своей винѣ лишился крова, друзей, связей и средствъ существованія, и, казалось, земля готова была извергнуть меня въ пучину моря. Я вѣроятно совершилъ бы задуманное, если бы крѣпкая рука не легла мнѣ на плечо. Оглянувшись, увидалъ я шевалье Аркаса, серьознаго, ласковаго, слегка взволнованнаго. «Я наблюдаю за вами уже четверть часа», сказалъ онъ тихо и добавилъ не допускающимъ возраженія голосомъ: »поѣдемъ ко мнѣ, мой экипажъ ожидаетъ па перекресткѣ».

VIII.

Мы прогуливались съ шевалье передъ длиннымъ фасадомъ его виллы въ одинъ этажъ, выдѣлявшейся оранжевой краской среди темной зелени лавровъ на склонахъ Позилиппо. Огромный городъ раскидывалъ передъ нами свой изрѣзанный трещинами улицъ амфитеатръ; ширилось блѣдно-сиреневое море

первыхъ часовъ тихаго лѣтняго вечера; конусъ Везувія дѣятельно клубился чернымъ дымомъ съ рыжеватыми просвѣтами, распространяя надъ всѣми окрестностями легкій запахъ сѣры.

Незамѣтно прошло два мѣсяца съ того дня, какъ я сдѣлался обитателемъ виллы Ромитаджіо. Шевалье былъ для меня радушнымъ хозяиномъ, заботливымъ старшимъ другомъ, искуснымъ утѣшителемъ и мудрымъ наставникомъ. Я былъ обязанъ ему, быть можетъ, жизнью; онъ спасъ утлый корабликъ моей судьбы, застигнутый внезапной бурей, и вѣрной рукой направилъ его въ свое убѣжище. Посредство, взятое имъ на себя между мною и недавними моими покровителями, осуществилъ онъ съ рѣдкой деликатностью. Онъ избавилъ меня отъ тягостныхъ встрѣчъ съ графиней Юліей и отъ тѣхъ объясненій, которыя вынужденъ былъ бы я дать графу Фредерику. Я былъ увѣренъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что благодаря ему мое бѣгство изъ дворца Патернополи не будетъ сочтено дерзостью и не дастъ повода къ обиднымъ для меня предположеніямъ. Несложный мой скарбъ былъ переправленъ вскорѣ на Позилиппо. Отъѣздъ графа и графини Даленъ въ охотничій замокъ Делла Торре близъ Кастелламаре облегчилъ наступленіе столь необходимой для меня разлуки.

Я жилъ на виллѣ Ромитаджіо спокойно и бездѣятельно. Шевалье Аркасъ проводилъ утро, запершись въ своей библіотекѣ, или уѣзжалъ искать въ свѣтѣ новыя черты людской глупости и слабости, не перестававшія питать его саркастическій умъ. Снисходительный ко мнѣ, онъ былъ безпощаденъ съ другими. Я привыкъ быть внимательнымъ слушателемъ его разсказовъ, заключавшихъ неистощимый запасъ наблюденій. Въ его отсутствіе я довольствовался обществомъ тугого на ухо и словоохотливаго нормандца, носившаго странную кличку Лугару, отставного матроса, исполнявшаго на виллѣ Ромитаджіо двойную роль: слуги и садовника. Подрѣзая кусты и подметая аллеи, онъ предавался восноминаніямъ о пережитыхъ имъ битвахъ и кораблекрушеніяхъ. Морщинистое лицо его оживало, выцвѣтшіе глаза молодѣли, коричневая рука изображала въ воздухѣ проворство маневра или бѣшонство абордажа. Остановивъ его росказни, я вдругъ прислушивался: шорохъ колесъ по гравію и храпъ лошадей, взбиравшихся на крутой

подъемъ виллы, доносились до меня явственно. Лугару бросалъ свои ножницы или метлу, устремляясь открыть ворота. Спустя мгновеніе шевалье Аркасъ появлялся у входа въ домъ, сухой, маленькій, быстрый и легкій въ движеніяхъ, улыбающійся мнѣ однимъ угломъ топко очерчеппаго рта, кидающій на ходу два слова привѣтствія и вслѣдъ затѣмъ кидающій трость своему странному слугѣ, который привыкъ ловить ее на лету съ неожиданной ловкостью.

Въ тѣ дни, когда шевалье проводилъ вечеръ на виллѣ Ромитаджіо, я былъ его нѣмымъ собесѣдникомъ. Я удовлетворялъ потребности его имѣть подлѣ себя молчаливаго и не разсѣяннаго учепика накоплепныхъ имъ съ годами житейскихъ познаній. Вокалъ вина, которымъ онъ копчалъ нашъ поздній обѣдъ, приводилъ его въ задумчивое состояніе. Передъ нами дымился душистый кофе въ маленькихъ золотыхъ чашечкахъ. Шевалье усмѣхался своимъ собственнымъ мыслямъ и вглядываясь въ замкнутое золотымъ ободкомъ черное зеркальце излюбленнаго напитка какъ будто бы видѣлъ въ немъ отраженія разнообразныхъ фигуръ, населявшихъ его память. Одинъ анекдотъ свѣтской или придворной жизни порождалъ въ видѣ своей противоположности другой; одна исторія звала другую именами лицъ, игравшихъ въ первой лишь второстепенную роль. Воспоминанія дѣтства смѣнялись впечатлѣніями странствій, событія государственныя переплетались съ дѣлами личными, комедіи ближнихъ сосѣдствовали съ собственными драмами. Сквозь тѣ и другія являло свое остріе разъѣдающее и вѣчное сомнѣніе; калейдоскопъ движеній и чувствъ исчезалъ, чтобы оставить лишь горечь разочарованія. Шевалье Аркасъ былъ вѣренъ своему облику мизантропа и оригинала, покинувшаго столицу Франціи ради безвѣстной виллы на берегахъ залива.

Я любилъ эти вечера на Позилиппо. Ѣдкость сужденій и безнадежность выводовъ разсказчика были для моей души цѣлительнымъ бальзамомъ. Итакъ то, что случилось со мной, не было уродливымъ исключеніемъ въ опытѣ жизни, но скорѣе неукоснительнымъ его правиломъ. Ореолъ, которымъ окружаемъ мы предметъ нашей страсти есть лишь иллюзія, длящаяся мѣсяцы или годы. Счастье, какого стремимся мы достигнуть цѣною жертвъ и опасностей, перестаетъ существо-

вать въ то самое мгновеніе, когда оно, наконецъ, дается намъ въ руки и мы убѣждаемся тогда, что счастья нѣтъ, если только нѣтъ счастья жертвовать и рисковать. Судьба разыгрываетъ свою вѣчную партію, послушный ея капризамъ, совершаетъ безцѣльные ходы на предопредѣленныхъ ему бѣлыхъ и черныхъ квадратахъ. Блаженъ, кто раньше другихъ былъ снятъ съ шахматной доски, оставшись зрителемъ и не участвуя больше въ игрѣ, въ которой нѣтъ ни выигравшихъ, ни проигравшихъ...

Мы продолжали прогуливаться въ аллеяхъ виллы, тщательно выметенныхъ рукой неутомимаго Лугару. Огни отдаленнаго города зажглись въ наступившей темнотѣ, въ то время какъ надъ убѣгающими внизъ виноградниками вспыхивали и погасали зеленоватыя искры летающихъ свѣтляковъ. Багряныя зарницы озаряли невидимую болѣе вершину Везувія. «Я не всегда былъ ворчливымъ и празднымъ старикомъ, годнымъ лишь на то, чтобы удержать молодого человѣка, готоваго совершить прыжокъ въ неизвѣстность» — такъ началъ шевалье Аркасъ одинъ изъ запомнившихся мнѣ разсказовъ. «Въ ваши годы я былъ сподвижникомъ великаго Дюплекса. Почетная и славная карьера моряка была открыта передо мной, и я уже успѣлъ послужить родинѣ пролитой кровью двукратныхъ раненій. Семилѣтняя война снова застала меня въ Индіи. Незначительность силъ, защищавшихъ владѣнія Франціи, вынуждала насъ, моряковъ, дѣйствовать иногда на берегу. Мнѣ было дано порученіе привести къ покорности раджу Явліора, уличеннаго въ сношеніяхъ съ англичанами. Выступивъ съ небольшимъ отрядомъ матросовъ, я совершилъ три утомительныхъ перехода въ жестокій зной среди болотъ, дышащихъ нездоровыми испареніями. Влажный закатъ обрисовалъ, наконецъ, причудливыя формы дворцовъ и храмовъ Явліора передъ горстью французовъ, еле живыхъ отъ усталости.

Къ счастью, намъ не съ кѣмъ было вступать въ бой: Явліорскій раджа бѣжалъ, не дожидаясь нашего прихода, захвативъ съ собой приближенныхъ и уведя свое войско. Дворецъ оказался пустъ, въ храмахъ брамины продолжали совершать варварскія служенія, въ городѣ перепуганные жители ожидали съ трепетомъ своей участи. Я убѣдился вскорѣ, что у

насъ не было иныхъ враговъ кромѣ солнца и лихорадки. Экспедиція, начатая въ предвидѣніи кровопролитной борьбы, закончилась неожиданнымъ и столь необходимымъ для всѣхъ насъ отдыхомъ. Моимъ подчиненнымъ я внушилъ потребную бдительность, собираясь, впрочемъ, быть милостивымъ и справедливымъ къ своимъ новымъ подданнымъ.

Я ошибался, какъ вы это увидите, когда въ числѣ опасностей, грозившихъ мнѣ, полагалъ лишь болѣзни и климатъ. Въ одномъ изъ зданій дворца мы открыли десятка два молодыхъ женщинъ, сидѣвшихъ на полу въ покорной и іератической позѣ. То были баядерки, составлявшія гаремъ раджи, и въ то время исполнявшія священныя пляски въ храмахъ Явліора. Мы распредѣлили ихъ между собой по праву завоеванія, и прекраснѣйшая досталась мнѣ, какъ начальнику. Я не былъ новичкомъ въ любви диковинной и заморской; въ своихъ плаваніяхъ я знавалъ женщинъ желтыхъ, коричневыхъ и совершенно черныхъ. Сита поразила меня, однако, съ перваго мгновенія своимъ взглядомъ умершей царицы, своими движеніями ожившей богини. Передо мной была живая бронза, погружавшая въ созерцательный экстазъ того, кто видѣлъ ее неподвижной; нечеловѣческая, неимовѣрная въ той гибкости, съ какой ступали ея ноги, двигались руки, сжимались и разжимались длинные заостренные пальцы. Лицо моей маленькой богини не выражало ничего, языкъ, на которомъ она могла бы говорить, былъ непонятенъ, и въ то же время не было ничего болѣе говорящаго, чѣмъ линіи ея плечъ, торса, и бедеръ, и не было ничего могущественнѣе, чѣмъ языкъ ея тѣла.

Ради одной мысли, одной цѣли, одного желанія, одного дѣйствія произвела природа на свѣтъ это тѣло. Женщины Индіи искусны въ любви, баядерки лелѣютъ тѣ тысячи ухищреній, которыя много вѣковъ назадъ записаны браминами въ священной ихъ Кама-Сутра. Вооруженная знаніемъ ученыхъ и древнихъ соблазновъ, Сита легко овладѣла всѣмъ моимъ существомъ. Мое бытіе было теперь цѣликомъ поглощено сплетавшимъ меня съ ней воедино объятіемъ. Единственнаго мгновенія я ждалъ теперь во всѣ иныя мгновенія моихъ дней и ночей. Я пребывалъ въ вѣчномъ томленіи, въ ненасытимыхъ алканіяхъ, прерываемыхъ сномъ, не при-

носившемъ мнѣ ни отдыха, ни забвенія. Я вскорѣ потерялъ всякое представленіе о мѣстѣ и времени. Бремя государственныхъ заботъ и военныхъ тревогъ свалилось съ меня, и я изнемогалъ лишь подъ тягостью наслажденій. Я потерялъ сознаніе долга и чувство отвѣтственности. Дисциплина и бдительность были утеряны въ нашемъ отрядѣ. Тѣмъ временемъ врагъ не дремалъ. Въ одну ночь Явліоръ оказался захваченъ врасплохъ англичанами, и знамя Франціи было спущено надъ его дворцомъ, чтобы уступить мѣсто британскому льву.

Майоръ Смитъ, командовавшій англійскимъ полкомъ, нашелъ меня не на посту военачальника, но въ маленькомъ садовомъ павильонѣ, въ сладостномъ забытьѣ, оплетеннымъ цѣпкими какъ ліаны руками бронзовой женщины. Лучъ зари освѣтилъ мой позоръ и пробудилъ въ истощенномъ мозгу блѣдный проблескъ сознанія катастрофы. Я сдѣлался плѣнникомъ и былъ подвергнутъ суровому заключенію. Разлука, отторгнувшая меня отъ моей темной возлюбленной причинила мнѣ невыносимыя страданія. Равнодушный къ судьбѣ соотечественниковъ, я унизился до того, что умолялъ британскаго офицера вернуть мнѣ Ситу. Презрительный отвѣтъ его привелъ меня въ состояніе буйнаго помѣшательства. Быть можетъ, ручные кандалы, надѣтые на меня спасли мнѣ жизнь, которой я былъ готовъ лишиться въ припадкѣ безумія.

Дни и недѣли заключенія постепенно вернули мнѣ разсудокъ. Время простерло надо мной свою исцѣляющую руку. Воспоминаніе о Ситѣ все еще вызывало во мнѣ жгучую боль, но эта боль уже мѣшалась съ человѣческими чувствами стыда и раскаянія. Майоръ Смитъ заботился, чтобы заключеніе не сломило въ конецъ мои силы. Молодой индіецъ, служившій садовникомъ, приносилъ мнѣ по его приказанію здоровую пищу и свѣжую воду. Исполнивъ свои обязанности, онъ садился подъ окномъ моей комнаты и извлекалъ глухія и жалобныя ноты изъ тростниковой свирѣли.

Мелодіи садовнической флейты казались мнѣ голосомъ міра, забытаго мной въ душныхъ объятіяхъ баядерки. Мнѣ чудились въ нихъ рокотъ морей, говоръ листвы, шорохъ вѣтра. Видѣніе далекой родины возникало передо мной; мнѣ грезились лица близкихъ людей, улицы Парижа, поля Франціи. Майоръ Смитъ, зашедшій взглянуть на меня, нашелъ во мнѣ

значительную перемѣну. Съ этого дня онъ не забывалъ навѣщать меня, обращая ко мнѣ отеческія и безхитростныя поученія честнаго солдата. Однажды онъ протянулъ мнѣ руку и поздравилъ меня съ полученнымъ имъ приказаніемъ отправить меня въ Мадрасъ. Я былъ радъ покинуть мѣсто моего паденія, и все же легкій уколъ пронизалъ мнѣ сердце при этомъ извѣстіи. Послѣ нѣкотораго колебанія я попросилъ у британца позволенія обойти передъ отъѣздомъ дворецъ Явліора и проститься съ его садами. Съ едва замѣтной усмѣшкой майоръ Смитъ согласился на это, прибавивъ, что будетъ самъ моимъ спутникомъ.

Эта послѣдняя прогулка наполнила меня волненіемъ, которое я, однако, старался сдерживать. Влажные и напитанные дурманящимъ ароматомъ цвѣтовъ сады Явліора вливали въ меня вновь свою отраву. Крикъ священныхъ обезьянъ, доносившійся изъ сосѣдняго храма, заставилъ меня задрожать всѣмъ тѣломъ: сколько разъ слышалъ я этотъ изступленный крикъ сквозь изступленіе страсти! Майоръ Смитъ поглядѣлъ на меня и улыбнулся. Къ моему изумленію я видѣлъ, что онъ охотно ведетъ меня къ тому павильону, который чаще всего бывалъ мѣстомъ моихъ наслажденій. Мы приблизились къ входу, рѣшительнымъ движеніемъ мой спутникъ отдернулъ ткань, служившую занавѣской. Въ знакомой мнѣ полутѣни увидѣлъ я бронзовое тѣло Ситы, слившееся въ одно, не имѣющее имени, цѣлое съ такимъ же бронзовымъ тѣломъ молодого садовника, утѣшавшаго мое заключеніе своей свирѣлью. Изъ груди моей вырвался крикъ, я поднялъ руку, готовый разить въ гнѣвѣ и ярости. Въ ту же минуту я увидалъ неподвижное, изваянное, равнодушное лицо Ситы, лицо идола, пустоту ея огромныхъ и косо разрѣзанныхъ глазъ, въ которыхъ никогда не отразилась ни одна человѣческая мысль, не мелькнуло ни одно человѣческое чувство. Волна отвращенія отбросила меня отъ дверей павильона и вскорѣ послѣ того навсегда унесла отъ береговъ Индіи».

IX.

Посѣтители были рѣдкимъ явленіемъ на виллѣ Ромитаджіо. Не безъ удивленія я встрѣтилъ поэтому у дверей библіотеки шведскаго посланника барона Экстрома. Холерическій

дипломатъ привѣтствовалъ меня веселымъ возгласомъ, быстро смѣнившимъ озабоченное до того за минуту выраженіе его лица. Полушутя, онъ повторилъ мнѣ обычное свое предложеніе: отправиться въ Швецію въ качествѣ гравера его величества короля Густава III. Судя по хлопотливымъ обязанностямъ барона Экстрома, я могъ бы составить странное представленіе о назначеніи дипломата. Повинуясь нетерпѣнію сѣвернаго монарха, посланникъ его былъ всецѣло поглощенъ выборомъ пѣвцовъ и приглашеніемъ танцовщицъ для далекой Стокгольмской оперы. Покои занимаемаго имъ палаццо походили на комнаты импрессаріо. Теноръ и сопрано подвергались въ нихъ испытаніямъ, которымъ въ поспѣшности аккомпанировалъ онъ иногда самъ, садясь къ клавесину. Балерины наполняли пріемныя залы своимъ щебетаніемъ, шорохомъ газа и стукомъ легкихъ туфелекъ, и съ миной серьезной на красномъ своемъ лицѣ, холерическій дипломатъ короля Густава судилъ искусство ихъ, убѣждаясь пальцемъ въ упругости икръ, тонкости пиколотокъ и твердости носка.

Что могло привести шведскаго дипломата на уединенную нашу виллу, не скрывавшую въ прохладныхъ своихъ комнатахъ ни виртуозовъ, ни танцовщицъ? Не будучи любопытнымъ, я тѣмъ не менѣе задавалъ себѣ этотъ вопросъ, удивленный продолжительностью бесѣды за запертыми дверьми библіотеки. Баронъ исчезъ, не пожелавъ остаться къ завтраку, и, составляя всегдашнее общество шевалье Аркаса, я наблюдалъ болѣе чѣмъ обычное оживленіе въ его лицѣ. Одинъ или два раза взглянулъ онъ на меня, подвигавъ ртомъ, какъ бы желая сообщить нѣчто, отъ чего, по нѣкоторомъ размышленіи, предпочелъ воздержаться. Руководясь смутнымъ инстинктомъ, я неожиданно спросилъ его, какого онъ мнѣнія о Карлѣ Старре. Брови шевалье высоко поднялись и онъ посмотрѣлъ на меня такъ, какъ если бы я угадалъ его мысли. «Баронъ Старре» — отвѣтилъ онъ — «фигура временъ Карла XII. Онъ честенъ, суровъ, пылокъ. Квадратная голова его способна вмѣщать въ себѣ лишь одну думу, и сердце его бьется въ тактъ лишь одному желанію. Нашъ утомленный вѣкъ забылъ предоставить ему поле для подвиговъ, и оттого въ нашемъ обществѣ является онъ гостемъ неудобнымъ, быть можетъ опаснымъ. Мнѣ кажется, что онъ кончитъ насильственной

смертью. Меня еще ни разу не обманывали эта складка у рта и это выраженіе глазъ, читающихъ, не зная того, въ минуты задумчивости роковой приговоръ». Шевалье остановился и заглянулъ въ черное зеркальце кофейной чашки, будто надѣясь увидѣть въ немъ таинственныя письмена чужой судьбы. «Мы рискуемъ не скоро увидѣть барона Старре» продолжалъ онъ инымъ тономъ. «Экстромъ разсказалъ мнѣ, что извѣстія, полученныя изъ Швеціи, вынуждаютъ его просить нашего друга графа Даленъ, въ качествѣ вѣрноподданнаго, навсегда закрыть свои двери для этого носителя зловѣщихъ предзнаменованій».

Я не успѣлъ обдумать какъ слѣдуетъ слова моего многоопытнаго въ дѣлахъ жизни хозяина, когда мнѣ пришлось убѣдиться, что онъ ошибся въ послѣдней и наименѣе трагической части своихъ предположеній. Мы увидѣли Карла Старре гораздо скорѣе, чѣмъ онъ думалъ и какъ разъ тогда, когда я меньше всего этого ожидалъ. Черезъ три дня послѣ визита посланника я поднялся рано, чтобы совершить прогулку пѣшкомъ въ Поццуоли. Способность работать еще не возвратилась ко мнѣ, но глаза мои уже были открыты созерцанію вещей меня окружавшихъ. Оставивъ пока безъ употребленія карандашъ рисовальщика и иглу гравера, я тѣмъ не менѣе возвращался на виллу, неся въ головѣ своей планы работъ.

Обычная тишина нашего жилища наполнила меня предвкушеніемъ сладостнаго отдыха. Лугару яростно подметалъ цвѣтникъ передъ залитымъ солнцемъ фасадомъ. Я остановился подлѣ него, когда услыхалъ голоса, долетѣвшіе изъ огражденнаго трельяжемъ лозъ уголка, гдѣ каменная скамья столько разъ служила убѣжищемъ для моей праздности. Подойдя ближе, я различилъ надтреснутый голосъ шевалье Аркаса, дающій кому то пространную отповѣдь. Я выступилъ изъ кустовъ и оказался въ обществѣ моего новаго покровителя и его двухъ гостей, въ одномъ изъ которыхъ узналъ Карла Старре. Мы обмѣнялись вѣжливыми поклонами; въ замѣшательствѣ не успѣлъ я удалиться прежде, чѣмъ шевалье указалъ мнѣ недопускающимъ возраженія жестомъ на свободный соломенный стулъ.

«Тираннія не имѣетъ болѣе никакихъ оправданій» говорилъ шевалье Аркасъ. «Никто не вѣритъ въ божественныя

права Маріи Антуанетты послѣ того, къ чему пріучила насъ Помпадуръ и Дю Барри. Королевская власть была готическимъ ритуаломъ, затѣмъ торжественной оперой, разыгрываемой подъ пушечный громъ побѣдъ Людовика XIV. Неприличный фарсъ смѣнилъ оперу и самъ смѣнился маленькой и прозаической комедіей нынѣшняго дня. Зрители скучаютъ, но для актеровъ нѣтъ ничего опаснѣе скуки. Гдѣ та Эгерія, которая шепчетъ эту истину на ухо королю? Увы, эта кроткая и благоразумная нимфа забыта навсегда вмѣстѣ съ другими вымыслами древности»....

Пока шевалье произносилъ свою рацею, я холодѣя всматривался въ лицо Карла Старре. Прислушиваясь къ словамъ моего покровителя, онъ не переставалъ глядѣть на приведеннаго имъ второго гостя съ тѣмъ обожаніемъ, съ какимъ смотритъ маленькій школьникъ на старшаго своего товарища. Въ наружности незнакомца не было однако ничего, что объясняло бы это обожаніе. Очень высокій, рыжеватый и тощій, съ лицомъ некрасивымъ и освѣщеннымъ тусклыми голубыми глазами, онъ слушалъ шевалье, скрывая въ учтивости свое нетерпѣніе. Какъ мало подозрѣвалъ онъ ту радость, которую породилъ во мнѣ обращенный къ нему взглядъ Карла Старре, ибо во взглядѣ этомъ я безошибочно прочелъ рѣшительное «нѣтъ» всѣмъ истерзавшимъ меня предположеніямъ и догадкамъ. Да! въ эту минуту были, безъ всякаго сомнѣнія, за тысячу верстъ отъ Юліи Даленъ мысли того, въ чьей упрямой головѣ, по мѣткимъ словамъ шевалье Аркаса, могла умѣщаться лишь одна мысль.

Незнакомецъ поднялся на ноги, послѣдуемый въ этомъ движеніи его спутникомъ. «Политика давно перестала быть дѣломъ благожелательныхъ нимфъ. Никакія Эгеріи не спасутъ королей отъ роковой ихъ участи. Иная богиня явится на свѣтъ, держа въ одной рукѣ кинжалъ тиранно-убійцы, въ другой факелъ мстителя», проговорилъ онъ съ сильнымъ и варварскимъ акцентомъ, глядя съ высоты своего роста куда то вдаль и поверхъ головы вскочившаго съ мѣста маленькаго шевалье. Владѣлецъ виллы Ромитаджіо проводилъ своихъ гостей къ выходу, горячась и жестикулируя. «Убейте тиранна», восклицалъ онъ, «развѣ не останется жива тираннія, смѣнившая правленіе одного правленіемъ многихъ? Въ основѣ чело-

вѣческой натуры лежитъ неистребимое зло, и власть надъ себѣ подобными есть худшій видъ этого зла. Жестокость и глупость присущія одной коронованной головѣ составляютъ неотъемлемое достояніе всего многоголоваго чудовища, именуемаго народомъ!» Я слѣдовалъ за ними нѣсколько поодаль, весьма мало заинтересованный этимъ философическимъ споромъ и переполненный возникшей во мнѣ робкой надеждой. Лугару открылъ и снова заперъ ворота; карета маркиза Виллламарина, привезшая иностранцевъ, тронулась съ мѣста. Шевалье Аркасъ еще пылалъ жаромъ словесныхъ битвъ, когда я задалъ ему вопросъ о неожиданныхъ посѣтителяхъ. «Брутъ и Кассій» — отвѣтилъ онъ и разразился саркастическимъ смѣхомъ.

Чѣмъ болѣе вспоминалъ я въ теченіе всѣхъ послѣдующихъ дней выраженіе лица Карла Старре и малѣйшія подробности скупой его мимики, тѣмъ прочнѣе убѣждался, что все это время былъ во власти химеры, созданной моимъ воображеніемъ. Какъ могъ я довѣриться случайному возгласу камеристки послѣ того, какъ ошибся однажды въ своемъ собственномъ опытѣ? Парижанка судила по себѣ самой о своей госпожѣ; человѣческія чувства и отношенія казались изображаемы простымъ и грубымъ въ своей откровенности словомъ ея низменному разсудку. Вольно же мнѣ было въ угарѣ ночныхъ подвиговъ искать утѣшеній въ ея, многимъ доступныхъ, объятіяхъ и истины въ ея лукавыхъ устахъ! Разсужденія шевалье Аркаса, упомянувшаго нимфу Эгерію, вновь обрисовали мнѣ сцену въ гротѣ на берегахъ Алмоне. Ревнивая фантазія заставила меня тогда сыграть смѣшную и плачевную роль непрошеннаго соглядатая. Не убѣдился ли я въ тотъ день, что существующая между Жюльеттой и другомъ ея дѣтства связь не имѣетъ ничего общаго со связью любовной! Ограниченный умъ наемной камеристки естественно долженъ былъ принять одну изъ нихъ за другую.

Я подолгу раздумывалъ теперь о природѣ тревогъ, которыя страннымъ и мало понятнымъ мнѣ образомъ соединяли Карла Старре съ Юліей Даленъ. Мнѣ вспоминались отдѣльныя слова ихъ бесѣдъ, и я пытался связать ихъ съ тѣмъ отрывкомъ спора, который засталъ недавно на виллѣ Ромитаджіо. Новое происшествіе дало вскорѣ обильную пищу мо

имъ размышленіямъ. Возвратясь однажды изъ города шевалье разсказалъ, что весь Неаполь взволновапъ дерзкимъ покушеніемъ, жертвой котораго едва не сдѣлались баронъ Старре и недавно пріѣхавшій къ нему шведскій дворянинъ, соблюдавшій строгое инкогнито. Пятеро вооруженныхъ напали на нихъ въ темномъ переулкѣ подозрительнаго квартала. Присутствіе духа иностранцевъ и замѣчательное умѣніе Старре владѣть шпагой спасло имъ жизнь. Злоумышленники бѣжали, наказанные за свою попытку потерей одного изъ нихъ, который остался на мостовой, проколотый мастерскимъ ударомъ барона. Осмотрѣвъ его карманы Карлъ Старре нашелъ въ нихъ больше золота, чѣмъ сколько было въ его собственномъ, не слишкомъ туго набитомъ кошелькѣ добровольнаго изгнанника. Цѣлью покушенія не былъ очевидно простой грабежъ.

На слѣдующій день шевалье Аркасъ сообщилъ мнѣ о поспѣшномъ возвращеніи графини и графа Даленъ во дворецъ Патернополи. Я не рѣшался спросить у него объясненія всѣхъ этихъ событій. Прихлебывая послѣ обѣда кофе, онъ самъ частью поднялъ завѣсу надъ привлекавшей меня съ недавняго времени тайной. «Нашъ Брутъ поторопился уѣхать, оставивъ здѣсь Кассія», сказалъ онъ съ иронической усмѣшкой. Я догадался, что послѣднимъ изъ двухъ классическихъ именъ обозначилъ онъ Карла Старре. «Это дѣло рукъ Экстрома» продолжалъ шевалье. «Короли стали предусмотрительны, для нихъ видимо не пропали даромъ нѣкоторые уроки исторіи. Густавъ III, котораго я видѣлъ въ Парижѣ подающимъ большія надежды молодымъ человѣкомъ, надѣлалъ себѣ въ концѣ концовъ много хлопотъ. Восемь лѣтъ тому назадъ онъ разогналъ шведскій сенатъ, захватившій въ свои руки всю власть въ государствѣ. Переворотъ былъ недурно разыгранъ имъ и обошелся безъ кровопролитія. Напрасно онъ думалъ бы почить на лаврахъ этого легкаго успѣха! Недовольные по сей день многочисленны въ Швеціи. Быть можетъ честнѣйшіе изъ нихъ предпочли добровольное изгнаніе, какъ нашъ Старре. Другіе притаились и окружаютъ короля въ самой его столицѣ. Есть еще третьи, которые заражены общимъ броженіемъ умовъ нашей эпохи; и это наиболѣе опасные. Вы слышали здѣсь рѣчи одного изъ нихъ. Съ фигурой пилигримма, съ лицомъ святоши колеситъ

онъ по Европѣ, пророчествуя о временахъ грядущихъ, сѣя бурю, которая смететъ однажды насъ всѣхъ. Экстромъ пытался оказать большую услугу не только своему королю, но и всему человѣчеству. Онъ прибѣгнулъ къ старинному итальянскому средству устранять опасныхъ лицъ съ путей исторіи. Къ сожалѣнію, все идетъ на убыль въ нашъ вѣкъ, въ томъ числѣ и проворство наемныхъ брави. Дипломатъ попалъ въ неловкое положеніе. Онъ озабоченъ теперь, какъ отвести отъ своей особы невыгодные для нея толки. Въ Неаполѣ усиленно говорятъ, что баронъ Старре едва не сдѣлался жертвой супружеской ревности графа Даленъ или жертвой соперничества съ польскимъ выходцемъ, именующимъ себя графомъ Чарни. Я убѣжденъ, что эти слухи идутъ именно изъ посольства, гдѣ ласковый Экстромъ экзаменуетъ своихъ безногихъ танцовщицъ и безголосыхъ пѣвцовъ.

Я выслушалъ шевалье Аркаса со все болѣе и болѣе возраставшимъ во мнѣ удовлетвореніемъ. Какое мнѣ было дѣло до сущности политическихъ страстей, раздѣлившихъ вѣрныхъ и невѣрныхъ подданныхъ Густава III! Мнѣ было достаточно убѣдиться въ наличіи ихъ и еще въ томъ, что всецѣло захваченъ ими оказывался тотъ, кого я считалъ поглощеннымъ иною страстью. Пусть Карлъ Старре и его фантастическій сообщникъ совершатъ свое роковое дѣло, какъ имъ того хочется, съ кинжаломъ тираноубійцы въ одной рукѣ и съ факеломъ мстителя въ другой, или пусть погибнутъ они въ замышленномъ предпріятіи. Жюльетта прольетъ пожалуй слезу о несчастномъ спутникѣ своего дѣтства и, быть можетъ, вздохнетъ облегченно, когда навсегда скроется тѣнь, столь зловѣще отброшенная имъ на ея жизнь. Возродившаяся во мнѣ надежда заставляла меня жаждать только однихъ свѣтлыхъ и безоблачныхъ мгновеній. Желаніе прежней близости воскресло во мнѣ съ особенной силой. Я ждалъ чудесъ, скептическіе уроки шевалье Аркаса разсѣялись внезапно какъ дымъ. Взбираясь на холмъ Позилиппо, старался я различить въ морѣ крышъ раскинувшагося внизу города крышу дворца Патернополи, и пока узнавалъ я золотистый отливъ черепицъ выдѣлявшихся на фонѣ темнѣвшаго позади сада, сердце мое билось такъ громко, что я невольно придерживалъ его рукой.

Приближалась осень, насталъ одинъ изъ тѣхъ удивительныхъ дней, которые внушили древнимъ сказку о дняхъ Аль-

ціоны. Зарумянился листъ на убѣгавшихъ по склону виноградникахъ, велика была прозрачность воздуха и полная неподвижность его, не нарушенная ни малѣйшимъ дыханіемъ вѣтра. Въ утренней блѣдности покоилось море, сливавшееся на горизонтѣ съ небомъ, омытымъ первыми ночными дождями. Конусъ Везувія выдѣлялся отчетливо, не увитый на этотъ разъ хотя бы тончайшей струйкой дыма. Проводивъ шевалье, обѣщавшаго возвратиться къ обѣду, я стоялъ подлѣ стараго Лугару, поливавшаго изъ лейки нашъ скромный цвѣтникъ. Водяныя брызги искрились въ воздухѣ и скатывались какъ живое серебро по шероховатымъ листьямъ геліотропа. Я услышалъ шуршаніе колесъ по гравію и стукъ экипажа, взбиравшагося на крутой подъемъ виллы. Лугару опустилъ свою лейку и также прислушался. Странное предчувствіе овладѣло мною, пока онъ побѣжалъ отворять ворота. Я почти не удивился, увидѣвъ вступавшую въ наши аллеи Жюльетту.

Она направилась прямо ко мнѣ, блистающая и тихая, какъ этотъ день Альціоны, слегка насмѣшливая и нѣжная вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ въ первыя наши встрѣчи. Сѣрые глаза обратились ко мнѣ, съ полной щедростью изливая свой свѣтъ, тысячи разнообразныхъ движеній лица соединились въ одной великодушной улыбкѣ. «Я хочу возстановить прежнюю дружбу, синьоръ Вендоло» — Жюльетта протянула мнѣ обѣ руки, и я покрылъ ихъ поцѣлуями. «Сядемъ» продолжала она, увидѣвъ скамью, «поговоримъ о томъ, что случилось и о томъ, что еще можетъ случиться. Мадлена призналась мнѣ».... Услышавъ глухое восклицаніе, вырвавшееся у меня, и увидѣвъ краску стыда, залившую мои щеки, Жюльетта не могла удержаться отъ смѣха. «Успокойтесь», сказала она и ласково коснулась моего обшлага. «Я не принадлежу къ числу тѣхъ женщинъ, которыя думаютъ, что графиня всегда лучше своей камеристки. Мадлена красивѣе меня, я говорила это многимъ и кажется забыла сказать только вамъ». — «Графиня, умоляю васъ», пробормоталъ я. Былъ такъ забавенъ навѣрно мой видъ, что она опять разсмѣялась.

Ея смѣхъ однако вдругъ оборвался. «Я пришла говорить о вещахъ серьезныхъ и вмѣсто того смѣюсь!» воскликнула она съ обращеннымъ къ себѣ упрекомъ. «Что бы ни случилось», начала она съ новой твердостью, «я знаю истинныя

ваши чувства. Я не сомнѣвалась въ нихъ даже въ эти дни, поколебавшіе для меня всѣ привязанности. Вы знаете, что произошло съ Карломъ Старре»... Графиня Юлія пріостановилась, въ то время какъ я преисполнился крайней настороженностью. «Я внезапно увидѣла себя запутанной въ сѣти интригъ и предательства. У меня есть неопровержимыя доказательства, что Экстромъ устроилъ эту засаду. Я не берусь взвести на Фредерика тягостнѣйшее обвиненіе. Вѣрю, что онъ не участвовалъ въ заговорѣ, но онъ зналъ о немъ. Быть можетъ, онъ мало виноватъ передъ тѣмъ, кого, таясь отъ меня, ненавидѣлъ смертельной и слѣпой ненавистью. Онъ виноватъ передо мною! Подумать, что столько лѣтъ онъ лгалъ мнѣ и меня обманывалъ. Я видѣла низкую радость въ его лицѣ, когда распространился слухъ о гибели Старре. Онъ слишкомъ поторопился обрадоваться! За все это Фредерикъ долженъ поплатиться такъ, какъ того заслужилъ».

Въ волненіи Юлія Даленъ поднялась со своего мѣста и сдѣлала нѣсколько шаговъ взадъ и впередъ. «Мой милый синьоръ Орсо», обратилась она ко мнѣ съ необычайной пылкостью. «Въ одну изъ важныхъ минутъ моей жизни, я вновь прошу васъ объ услугѣ, которую вы одинъ во всемъ свѣтѣ можете мнѣ оказать. Два дня не пытайтесь видѣть меня, не справляйтесь обо мнѣ, не говорите о моемъ появленіи. На третій день передайте вотъ это письмо съ глазу на глазъ, изъ рукъ въ руки Карлу Старре во дворцѣ Вилламарина». Прежде чѣмъ я успѣлъ отвѣтить, письмо въ голубомъ конвертѣ очутилось у меня въ рукахъ. Графиня Юлія отвернулась отъ меня, и когда я заглянулъ въ ея лицо, я увидѣлъ, что ея глаза наполнились слезами. «Вы плачете», воскликнулъ я, «Боже мой, если бы это письмо принесло намъ всѣмъ больше счастья, чѣмъ то, которое сжегъ баронъ Старре на лѣстницѣ альберго Монте д'Оро. Но я свято исполню все то, что вы мнѣ сказали». Жюльетта медленно коснулась своихъ глазъ сжатымъ въ комокъ платочкомъ и вновь обратила ко мнѣ улыбку, въ которой угадывалъ я теперь нѣкую грусть, не имѣвшую иного предмета кромѣ меня. Я ожидалъ словъ, могущихъ навсегда рѣшить мою участь. Далекій бой башенныхъ часовъ долетѣлъ въ эту минуту до нашей виллы, повторенный въ разныхъ концахъ огромнаго города. «Полдень», встрепенулась

Жюльетта, «мнѣ пора». Протянувъ мнѣ еще разъ обѣ свои руки, она прибавила тихо: «прощайте».

Серебристый шелкъ ея плáтья скользилъ передо мною въ аллеѣ. Она пріостановилась, повстрѣчавъ Лугару; золотая монета блеснула и перешла въ коричневую руку стараго мореплавателя; Жюльетта глядѣла поверхъ низкихъ кустарниковъ на великолѣпный заливъ, на дремлющій мирно Везувій, на пестрѣющій свѣтомъ и тѣнью Неаполь, раскинувшійся у ея ногъ. «Какъ хороша Италія!» сказала она съ глубокимъ вздохомъ. «Вы помните утро въ ущельѣ Фонди?» шепнула она, и бросивъ мнѣ эту послѣднюю милостыню, блеснувшую передо мною какъ золотая монета передъ лицомъ Лугару, она быстро направилась къ выходу. Дверца экипажа скрыла ее отъ меня, и раздѣлила насъ рѣшетка захлопнувшихся со стукомъ воротъ.

Среди зелени благоухающаго сада я стоялъ вновь предоставленный своимъ мечтамъ и надеждамъ, похожій на мальчика тѣхъ сказокъ, какія разсказывала мнѣ мать въ дѣтствѣ, на маленькаго бѣдняка, которому однажды явилась фея, чтобы умчаться спустя мгновеніе въ своей золотой каретѣ.

Какъ странно устроенъ человѣкъ! Точь въ точь такое же порученіе, какъ то, которое долженъ былъ теперь исполнить я самъ, послужило источникомъ столькихъ моихъ страданій лишь оттого, что вообразилъ его на свой ладъ развращенный умъ парижанки! Съ величайшимъ равнодушіемъ ожидалъ я предстоящей мнѣ встрѣчи, съ глазу на глазъ, съ барономъ Старре. Меня удивительно мало затронуло и то, что я услышалъ о графѣ Даленъ. Моя былая симпатія къ нему оказалась вдругъ такой малозначительной по сравненію съ чувствомъ, переполнявшимъ меня въ эти дни. Въ эти памятные два дня я могъ бы понять боговъ, ступающихъ по облакамъ и странствующихъ въ эмпиреяхъ. Я былъ вознесенъ на высшій уровень бытія, откуда взиралъ чужимъ окомъ на людскія волненія, даже если то были волненія мои собственныя. Способность думать оставила, наконецъ, меня, чтобы уступить мѣсто катившимся сквозь мое сердце волнамъ небесной музыки.

Я возвратился съ неба на землю, лишь когда входилъ въ сумрачный вестибюль готическаго дворца Вилламарина. Карлъ Старре и пріютившій его у себя болѣзненный неаполитанскій маркизъ были заняты игрой въ шахматы въ полутѣни

обширной столовой. Узнавъ, что я имѣю къ нему особое порученіе, баронъ выразилъ волненіе, невольно смѣшавъ всѣ фигуры на бѣлыхъ и черныхъ квадратахъ доски. Мы остались одни, я вынулъ письмо и положилъ его среди шахматъ. Со страннымъ превосходствомъ глядѣлъ я, какъ дрожали руки Старре, разрывая конвертъ. Онъ быстро пробѣжалъ немногія повидимому строки письма. Лицо его выразило удивленіе, затѣмъ гнѣвъ. «Почему, чортъ возьми, принесли вы мнѣ это сегодня?» вскрикнулъ онъ, позабывъ учтивость. «Таково было желаніе графини», отвѣтилъ я.

Я не видалъ ни разу Карла Старре въ такомъ бѣшенствѣ. На поблѣднѣвшемъ его лицѣ выступили красныя пятна; онъ задыхался, внезапнымъ движеніемъ разорвалъ онъ воротъ своей рубахи, послѣ чего, взявъ съ собою письмо, выбѣжалъ вонъ изъ комнаты. По прошествіи нѣсколькихъ минутъ онъ появился, одѣтый къ выходу и вернувшійся къ обычной своей сдержанности. «Ѣдемъ» сказалъ онъ мнѣ коротко, и я едва успѣлъ спуститься вслѣдъ за нимъ по лѣстницѣ, къ подъѣзду, гдѣ ждалъ уже насъ легкій экипажъ.

Горячія неаполитанскія лошади быстро доставили насъ ко дворцу Патернополи. Мы проникли въ двери, закрытыя для насъ химерой любви или политики. Съ первыхъ шаговъ палаццо внушилъ мнѣ предчувствіе особенныхъ происшествій. Мы не встрѣтили слугъ въ передней, и въ пустотѣ комнатъ откуда то долетѣлъ тревожный крикъ любимаго попугая графини. У входа въ салонъ мы натолкнулись на стараго Каспара, несущаго бокалъ ледяной воды на кругломъ подносѣ. Увидѣвъ моего спутника, онъ попятился точно отъ выходца съ того свѣта и выронилъ изъ рукъ свою ношу. Я снова едва поспѣвалъ за Карломъ Старре, стремившимся не колеблясь впередъ. Мы оказались у двери въ библіотеку, и онъ отворилъ ее, толкнувъ безъ предупрежденія. Графъ Фредерикъ Даленъ сидѣлъ у стола, опустивъ голову на руки. При видѣ насъ онъ поднялся съ мѣста. Лицо его выразило никогда не виданное мной изумленіе, близорукіе глаза, казалось, готовы были выскочить изъ орбитъ. Карлъ Старре подошелъ вплотную къ столу. Графъ Фредерикъ отвѣтилъ ему не дожидаясь его вопроса: «Она исчезла!» вскричалъ онъ и повалился въ кресло, закрывъ лицо руками.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Сначала въ воздухѣ рѣяли бѣлыя мухи, затѣмъ повалилъ снѣгъ хлопьями, устлавшій вскорѣ улицу мягкимъ ковромъ, послушно отпечатлѣвавшемъ шаги прохожихъ. Я стоялъ у окна гостиницы «Четыре Времени Года» и глядѣлъ на это новое для меня зрѣлище со смѣшаннымъ чувствомъ любопытства и нѣкоторой робости. Итакъ мнѣ пришлось къ извѣстнымъ мнѣ тремъ временамъ года присоединить въ своемъ опытѣ и это четвертое, отъ знакомства съ которымъ я былъ до сихъ поръ избавленъ благословеннымъ климатомъ Рима! Снилось ли мнѣ, что я увижу зиму на улицахъ далекаго Кенигсберга, и что я буду стоять у опушеннаго снѣгомъ окна, дожидаясь того часа, когда перестанетъ храпѣть и проснется мой случайный спутникъ, французъ, спѣшащій въ поискахъ счастья ко двору Екатерины! Быть можетъ, дальнѣйшее путешествіе суждено будетъ и мнѣ и ему совершить на саняхъ, закутанными съ ногъ до головы въ мѣха, удерживающими готовое замерзнуть дыханіе, похожими во всемъ на тѣхъ лапландцевъ, которыхъ видѣлъ я въ дѣтствѣ на картинкѣ поучительнаго альманаха.

Я сдѣлался настоящимъ путешественникомъ, не тѣмъ, какимъ былъ я, когда, глядя изъ Кори на гору Цирцеи, угадывалъ за нею иностранныя государства, и даже не тѣмъ, какимъ, отвернувшись отъ жестикулировавшихъ рядомъ со мной неаполитанцевъ, смотрѣлъ сквозь стекло дорожной кареты на сѣть весенняго дождя, раскинутую надъ равнинами Аверсы. Менѣе всего въ этой рѣшительной перемѣнѣ образа жизни было повинно, впрочемъ, собственное мое желаніе. Игра событій оказывалась важнѣе моихъ намѣреній и сильнѣе моей

воли. Происшествія, описанныя мной, еще разъ показали, въ какой малой степени былъ я хозяиномъ своихъ поступковъ. Жюльетта исчезла, и я отправился на поиски ея не по своей охотѣ, но по стеченію обстоятельствъ и по рѣшенію, принятому за меня другими.

Мимическая драма, разыгравшаяся на моихъ глазахъ въ библіотекѣ дворца Патернополи, смѣнилась долгой бесѣдой двухъ ея участниковъ за запертыми дверьми и внѣ моего присутствія. Дожидаясь ея исхода, я сидѣлъ въ опустѣломъ салонѣ, сразу пріобрѣвшемъ грустный оттѣнокъ и оглашаемомъ безпокойнымъ крикомъ любимаго попугая графини. Изъ насъ троихъ я былъ менѣе остальныхъ пораженъ и встревоженъ случившимся. Превосходство, съ какимъ я глядѣлъ на Карла Старре, смѣшавшаго передо мной фигуры на шахматной доскѣ Вилламарина, не только оставило меня, но еще укрѣпилось и распространилось теперь на Фредерика Даленъ, безпомощнаго въ явномъ своемъ отчаяніи. Ни тотъ, ни другой изъ столкнувшихся нынѣ соперниковъ не видѣли лица Жюльетты такимъ, какимъ видѣлъ его я на холмѣ Позилиппо въ незабвенный для меня день Альціоны. Вспоминая ее, я зналъ, что она не могла совершить ничего дурного. Жюльетта покинула насъ съ неизвѣстной мнѣ цѣлью и по невѣдомымъ мнѣ побужденіямъ, но она осталась собой, въ этомъ я былъ готовъ поручиться. Въ часъ нашей послѣдней встрѣчи явилась она самой нѣжной, самой свѣтлой, самой доброй и самой простой изъ всѣхъ Жюльеттъ, какихъ зналъ я съ той уже далекой минуты, когда передо мной раскрылась бѣлая дверь въ малыхъ апартаментахъ дворца Альдовити. Я вѣрилъ, любить — значитъ вѣрить для иныхъ натуръ; я принадлежалъ къ ихъ числу.

Мнѣ нечего в сущности было ждать отъ результатовъ совѣта въ библіотекѣ: я ни о чемъ не любопытствовалъ и ни на что не надѣялся. Спустя нѣкоторое время Карлъ Старре показался въ дверяхъ и прошелъ мимо, не удостоивъ меня ни малѣйшимъ знакомъ вниманія. Графъ Фредерикъ проводилъ его до самыхъ ступеней лѣстницы; возвращаясь, онъ повстрѣчался со мной, глаза его взглянули въ сторону, но я уловилъ въ нихъ блескъ вражды и досады. Впервые подумалъ я о своей роли въ печальномъ отнынѣ дворцѣ Патернополи: смутившись,

я поспѣшилъ направиться къ выходу и миновалъ главный подъѣздъ съ тѣмъ, чтобы никогда болѣе въ него не вернуться.

Шевалье Аркасъ ожидалъ меня на виллѣ съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ, готовый усѣсться за нашъ поздній обѣдъ. Погруженный въ свои мысли и ощущенія, я не замѣтилъ его испытующихъ взглядовъ. Два или три раза я позабылъ подать ему реплику, обычную въ нашихъ застольныхъ бесѣдахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по разсѣянности понятной въ моемъ положеніи, я усердно поглощалъ все то, что оказывалось передо мной на тарелкѣ, производя, вѣроятно, со стороны впечатлѣніе человѣка съ отличнымъ аппетитомъ. Я не видалъ, что шевалье, удивленный такимъ поведеніемъ, самъ отложилъ въ сторону ножикъ и вилку и уставился въ меня взоромъ, въ которомъ иронія скоро смѣнила простую наблюдательность, и сама смѣнилась несомнѣнной симпатіей. Когда Лугару подалъ намъ кофе, онъ, наконецъ, не выдержалъ. «Гдѣ бы по вашему мнѣнію могла находиться теперь графиня Даленъ»? спросилъ онъ съ внезапностью, составлявшею одну изъ любимыхъ его манеръ. Въ умѣ моемъ уже давно мелькало названіе монастыря терезитокъ, расположепіе котораго хвалила мнѣ неоднократно Жюльетта, какъ мѣста, внушающаго склонность къ уединенію. «Въ Сантъ Аньяно, быть можетъ?» отозвался я безъ особенной впрочемъ увѣренности. Шевалье толкнулъ свое кофе, изображая комическое изумленіе. «Что за спокойствіе, Боже!» воскликнулъ онъ и, обращаясь ко мнѣ, прибавилъ: «но вѣдь не думаете же вы, что среди набожныхъ дѣвъ скрывается и тотъ, кто именовалъ себя Чарни и кто пропалъ вмѣстѣ съ графиней?» Слова собесѣдника не дошли до моего сознанія, все еще полнаго музыкой, какую породило въ немъ послѣднее явленіе Жюльетты. «Я мало знаю Чарни и ничего не хочу о немъ знать», отвѣтилъ я съ твердостью, пожимая плечами. Въ невиданномъ мною весельѣ шевалье Аркасъ вскочилъ изъ за стола и, наклонившись ко мнѣ, расцѣловалъ меня въ обѣ щеки.

По образу своему и подобію мы создаемъ тѣхъ, кого любимъ и кому желаемъ блага. Шевалье повергнулъ въ восторгъ мой стоицизмъ; кажущееся мое философическое спокойствіе свидѣтельствовало, по его мнѣнію, о хорошо усвоенныхъ мною урокахъ жизненной мудрости. Все это было разумѣется чистѣй-

шей его фантазіей. Если я что либо могъ поставить себѣ въ заслугу въ томъ, какимъ образомъ откликнулся я на исчезновеніе Жюльетты, — такъ это мое безграничное довѣріе къ ней и совершенное по отношенію къ ней безкорыстіе. По молодости своей или по способности сердца быть преданнымъ до конца, я съ уваженіемъ относился къ ея поступку, хотя онъ былъ для меня непонятенъ и причинилъ мнѣ самому боль разлуки. Обстоятельства показали, что далеко не такимъ было отношеніе къ этому поступку другихъ.

Графъ Фредерикъ Даленъ выступилъ передо мною въ нѣсколько иномъ освѣщеніи, чѣмъ то, въ какомъ я до сихъ поръ видѣлъ его. Куда дѣвались его прежнее мягкосердечіе, его ласковость, дѣтская счастливость розовыхъ щекъ и незлобивость близорукихъ глазъ. Есть люди, которые являютъ лучшія стороны своего «я» лишь въ согласіи съ собою и со своими домашними, въ уютѣ своихъ комнатъ, въ правильномъ круговоротѣ своихъ обычныхъ занятій и дѣлъ. Воздухъ несчастья губителенъ для этихъ людей, онъ мѣняетъ ихъ до неузнаваемости, отравляетъ ихъ умъ, изсушаетъ сердце, подтачиваетъ волю. Когда все рушится вокругъ нихъ, они тщетно хватаются руками за обломки, пытаясь удержать иллюзію, непрочность которой во время не успѣли предугадать. Бѣда застаетъ ихъ врасплохъ; не вѣдавшіе до сей поры приливовъ зла, они въ отчаяніи бросаются внизъ головой въ его пучины.

Графъ Фредерикъ былъ кромѣ того супругомъ Жюльетты. Въ немъ оказались задѣты себялюбивыя ощущенія главы семейства. Терзаясь мыслью о томъ, что будетъ съ нею, онъ въ сущности былъ полонъ заботой лишь о себѣ. Въ тяжеломъ испытаніи, наставшемъ для нихъ обоихъ, онъ начиналъ считать только одного себя потерпѣвшимъ. Жюльетта исчезла, бросивъ его въ жертву сожалѣніямъ друзей, пасмѣшкамъ свѣта, пересудамъ челяди. Она приняла на свою долю болѣе возвышенную часть домашней трагедіи, замкнутую въ кругу внутреннихъ чувствъ и скрытую отъ глазъ толпы, тогда какъ на его долю досталось все унижающее, внѣшнее, открытое чужому любопытству и граничащее съ комедіей. Говорливый, праздный, жадный до зрѣлищъ Неаполь сдѣлался для него нестерпимъ. Съ лихорадочной торопливостью графъ Фредерикъ заканчивалъ свои приготовленія къ спасительному отъѣзду.

Онъ былъ не такимъ человѣкомъ, чтобы искать одиночества въ эти критическія для себя минуты. Онъ нуждался въ помощи и въ совѣтѣ: шевалье Аркасъ взялъ на себя роль его исповѣдника, обогащая тѣмъ запасъ скептическихъ своихъ наблюденій. Это обстоятельство отразилось самымъ неожиданнымъ образомъ на моей судьбѣ. Я рисовалъ, предаваясь съ необыкновеннымъ рвеніемъ занятію, вновь обрѣтенному мной въ самый день исчезновенія Жюльетты, когда вдругъ шевалье положилъ мнѣ на плечо руку, сообщивъ, что графъ Фредерикъ Даленъ ожидаетъ въ саду, желая со мной переговорить. На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ видѣлъ я недавно Жюльетту, нашелъ я теперь ея супруга, шагавшаго взадъ и впередъ въ явномъ волненіи. Мы обмѣнялись поклонами, не лишенными холодности. Графъ Фредерикъ сдѣлалъ надъ собой усиліе и высказался.

«Дорогой синьоръ Вендоло», началъ онъ: «я получилъ извѣстіе о графинѣ. Ее видѣли на пути въ Анкону, гдѣ въ настоящую минуту она, вѣроятно, уже сѣла на корабль. Я безъ труда могу угадать цѣль ея неожиданнаго путешествія. Она потеряла мать, будучи еще ребенкомъ, отца ея съ недавняго времени также нѣтъ въ живыхъ. Графиня питаетъ самую нѣжную привязанность къ своей единственной теткѣ, проживающей нынѣ въ предѣлахъ Лифляндіи. Туда рѣшила она укрыться отъ волненій, созданныхъ отчасти ея чрезмѣрно пылкимъ воображеніемъ, отчасти дѣйствительными посягательствами на ея душевный покой» ... Графъ Фредерикъ запнулся и пе окопчилъ фразы. Я пересталъ смотрѣть въ синеватыя дали осенняго утра, сгустившаго ряды облаковъ надъ Неаполемъ, и взглянулъ ему въ лицо. На его поблѣднѣвшихъ щекахъ выступили красныя пятна; онъ откашлялся нѣсколько разъ, затѣмъ продолжалъ измѣнившимся голосомъ:

«Слѣдуетъ ли мнѣ убѣждать васъ въ добротѣ сердца графини Юліи? Покинувъ свой домъ, она страдаетъ не меньше, чѣмъ я. Но она сумасбродна и упряма. Въ письмѣ, обращенномъ ко мнѣ, она опредѣлила срокъ своего отсутствія въ три года, если никто не будетъ преслѣдовать ее, угрожая въ противномъ случаѣ худшимъ. Я хорошо знаю, что, однажды написавъ это, она способна сдержать свое слово и въ томъ и въ другомъ случаѣ. И я знаю въ то же время, что у нея булутъ

мгновенія грусти и раскаянія. Ради нея самой мы должны воспользоваться этими мгновеніями. Я подчинился ея желаніямъ, я не стремлюсь, какъ вы видите, догнать ее и возвратить силою».... Мое лицо выразило вопросъ, немедленно угаданный супругомъ Жюльетты. «Баронъ Старре», сказалъ онъ съ нелегко давшейся ему простотой, «согласился подчиниться тѣмъ же желаніямъ и не предпринимать ничего безъ моего вѣдома. Я извѣстилъ его въ свою очередь о попыткѣ, которую дѣлаю сегодня, обращаясь къ вамъ. Всѣ, кому такъ или иначе не безразлична судьба графини, должны удостовѣриться, что ея опасное путешествіе пришло къ благополучному концу. Вы раньше другихъ могли бы убѣдиться въ томъ, послѣдовавъ за ней и достигнувъ избраннаго ей для себя временнаго пріюта. Я ожидалъ бы извѣстій отъ васъ съ хорошо понятнымъ вамъ нетерпѣніемъ. Кромѣ того, возвращаюсь къ только что сказанному мной, необходимо, чтобы подлѣ графини Юліи былъ человѣкъ въ тѣ минуты, которыя она сама сочтетъ минутами слабости, но которыя явятся, конечно, минутами истиннаго благоразумія. Шевалье далъ самый лестный отзывъ о твердости вашего характера, и мнѣ извѣстно давнишнее расположеніе, которое къ вамъ питаетъ графиня. Вы поможете ей перемѣнить рѣшеніе, подсказанное гнѣвомъ, и освободиться отъ страннаго искуса, наложеннаго на себя въ пылу ссоры. Мнѣ нечего говорить о вѣчной признательности, готовой скрѣпить, въ случаѣ вашего согласія, уже испытанную нашу дружбу».

Послѣднія слова графа Фредерика, несмотря на смыслъ ихъ, прозвучали такъ же холодно, какъ холоденъ былъ нашъ первый въ тотъ день поклонъ. Но я не вслушивался ни въ интонацію его фразъ, ни даже въ ихъ значеніе. Я понялъ только одно: спустя мѣсяцы или недѣли я увижу Жюльетту. Волненіе мое было такъ неподдѣльно, что въ выраженіяхъ сбивчивыхъ и безсвязныхъ я поспѣшилъ дать свое согласіе, рискуя тѣмъ опровергнуть лестный отзывъ о моемъ хладнокровіи.

Когда я вошелъ въ домъ, шевалье угадалъ результатъ нашей бесѣды съ перваго взгляда. Онъ приказалъ Лугару принести бутылку шипучаго вина, чтобы отпраздновать предстоявшее мнѣ путешествіе. Подойдя къ моему покровителю, я, несмотря на сопротивленіе съ его стороны, поцѣловалъ его ма-

ленькую, сухую и навсегда сохранившую загаръ южныхъ солнцъ и морей руку.

Корабликъ моей судьбы, который въ минуту опасности нашелъ для себя убѣжище на виллѣ Ромитаджіо, былъ вновь обреченъ на волю душевныхъ бурь и волненій житейскаго моря. Шевалье Аркасъ былъ слишкомъ хорошимъ морякомъ, чтобы дать какому бы то ни было килю обрасти раковинами застоя, и какимъ бы то ни было снастямъ придти въ ветхость бездѣйствія. Теорію его выводовъ, усвоенныхъ мною за чашкой кофе, я долженъ былъ провѣрить на практикѣ своего личнаго опыта. Онъ самъ совершилъ слишкомъ много путешествій и пережилъ слишкомъ разнообразныя приключенія, чтобы не пожелать для меня нѣкоторой доли и тѣхъ и другихъ. Равнодушный къ намѣреніямъ графини Даленъ и ея супруга, онъ воспользовался ими для цѣлей своеобразнаго моего воспитанія, занявшаго его пытливый и саркастическій умъ.

Онъ не скрылъ отъ меня обстоятельства, о которомъ нашелъ нужнымъ умолчать графъ Даленъ. Я оказался не вовсе неправъ, когда въ связи съ исчезновеніемъ Жюльетты упомянулъ названіе монастыря терезитокъ Сантъ Аньяно. Графиня путешествовала подъ видомъ аристократической аббатиссы, посылаемой орденомъ въ далекія сѣверныя страны и сопровождаемой блестящимъ польскимъ магнатомъ, который служилъ ей съ рыцарской предупредительностью. Шевалье сообщилъ мнѣ объ этомъ безъ прежней своей насмѣшливости; въ словахъ его звучало предчувствіе серьезныхъ опасностей, какими чревата была для меня, еще не выясненная во всемъ этомъ дѣлѣ, роль Чарни. Тѣмъ болѣе горячо обнялись мы на прощаніе. Мой покровитель сунулъ мнѣ въ руку наполненный золотомъ кошелекъ и отвернулся смахнуть слезу, быть можетъ, единственную, пролитую имъ въ теченіе десятилѣтій.

Я вспомнилъ о немъ съ благодарностью и печалью, катясь вмѣстѣ съ графомъ Фредерикомъ въ столь хорошо мнѣ знакомой колясккѣ англичанина по не менѣе намъ обоимъ знакомой римской дорогѣ. Графъ Даленъ рѣшилъ провести зиму въ уединеніи виллино Ангвиллара. Я долженъ былъ въ теченіе недѣли повидаться съ родными и закончить приготовленія къ ожидавшимъ меня странствіямъ. Мы такъ торопились достигнуть Рима, что обѣдали и отдыхали, не выходя изъ экипажа.

останавливаясь лишь, чтобы перемѣнить лошадей. Погруженные въ размышленія, мы обмѣнивались только отрывистыми замѣчаніями, но я всѣмъ существомъ ощущалъ, какъ съ каждымъ часомъ дороги въ моемъ спутникѣ накипали недобрыя ко мнѣ чувства. Его несчастье состояло въ томъ, что онъ умѣлъ вѣрить и не вѣрилъ теперь ни графинѣ Юліи, ни Карлу Старре, ни мнѣ. Богъ знаетъ до чего могла бы довести его подозрительность, если бы совмѣстная наша поѣздка продлилась. Съ чувствомъ величайшаго облегченія услыхалъ я, какъ загромыхали колеса экипажа по римскимъ улицамъ.

Никогда мой родной городъ не казался мнѣ такъ прекрасенъ, какъ въ эту послѣднюю недѣлю передъ ожидавшей меня съ нимъ разлукой. Если бы путешествію моему суждено было продолжиться даже многіе мѣсяцы и годы, гдѣ встрѣтилъ бы я что либо равное величію его торжественныхъ зрѣлищъ и прелести его любимыхъ мной съ дѣтства жизненныхъ чертъ? Гдѣ я нашелъ бы небеса, могущія соперничать съ синевой его неба, сады, превосходящіе роскошью его виллы, и воды, осмѣливающіяся спорить со свѣжестью его фонтановъ? Что мнѣ могло бы замѣнить перспективы его улицъ и пейзажи его руинъ, какіе звуки сдѣлались бы для меня пріятнѣе, чѣмъ крикъ бродячаго торговца, арія черноволосой моей соотечественницы и речитативъ возвращающагося домой ночного гуляки!

Я позналъ чувство родины и съ новымъ вниманіемъ вглядывался въ лица родныхъ. Отецъ почти не выходилъ теперь изъ дому и на склонѣ дней возвратился къ занятію молодыхъ лѣтъ, вновь мастеря механическія игрушки. Веселая и дѣловитая Маріуччія царила въ капитолійской лавкѣ, привлекая столько покупателей своей улыбкой, сколько не могъ ихъ привлечь ни одинъ изъ мраморныхъ или бронзовыхъ раритетовъ. Соръ Паоло и Целестина повторяли среди полей и виноградниковъ сказку о Филемонѣ и Бавкидѣ, тогда какъ, напротивъ, ожесточилось съ годами сердце Терезы, рядомъ съ ея впавшимъ въ окончательную неподвижность Фантокки, котораго не могли расшевелить теперь даже предметы кухоннаго обихода, летѣвшіе ему въ голову въ пылу домашнихъ сваръ. Веселыхъ и унылыхъ, добрыхъ и сердитыхъ, счастливыхъ и несчастныхъ, я любилъ ихъ всѣхъ, чувствуя въ эти дни нашу

связь неразрывной. Они платили мнѣ тѣмъ же и, слыша о предстоявшемъ мнѣ путешествіи, сначала охали и бранили меня, потомъ, повздыхавъ и махнувъ рукой, благословили ласковымъ поцѣлуемъ.

Необыкновенно плодотворны оказались эти короткіе дни для избраннаго мной ремесла живописца и гравера. Среди знакомыхъ развалинъ Рима, среди пространствъ Кампаньи, отдѣлявшихъ виллино Ангвиллара отъ винья Минньятелли, я проходилъ, не выпуская изъ рукъ карандаша и альбома. Я зарисовывалъ и зачерчивалъ все то, что наблюдалъ мой глазъ, какъ бы спѣша удержать на бумагѣ видѣнія, которымъ предстояло вскорѣ быть довѣренными только одной моей памяти. Не докончивъ вполнѣ приготовленій къ отъѣзду, я засѣлъ за офортъ, давно привлекавшій мое воображеніе. Я помѣстилъ въ немъ руину, именуемую гротомъ нимфы Эгеріи, съ ея колеблемыми вѣтромъ дикими травами и трещинами старинной ея кладки. Въ тѣни свода бѣлѣла статуя мраморной нимфы, обнимавшей символическую урну источника. Сгущавшіяся въ небѣ черты офорта указывали на предвѣстіе надвигавшейся грозы. Проникнутый тревогой мнѣ чудившагося бурнаго вечера, я изобразилъ нѣсколько фигуръ, обмѣнивающихся безпокойными или зловѣщими жестами у входа въ развалину. Одну изъ нихъ моя игла очертила лежащей, въ позѣ, свойственной раненному или умирающему. Самъ удивленный тѣмъ, что я сдѣлалъ, я съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ всматривался въ свой первый листъ, какъ бы стремясь разглядѣть лицо лежащаго въ скудномъ свѣтѣ, вливавшемся сквозь окно капитолійской лавки.

Я не замѣтилъ приближающагося ко мнѣ посѣтителя. Обернувшись на звукъ его шаговъ, я узналъ Карла Старре. Ограничившись легкимъ кивкомъ, онъ заявилъ, что спѣшилъ застать меня въ Римѣ. Я выжидалъ дальнѣйшихъ объясненій, боясь ихъ прочесть въ его лицѣ, мрачномъ, усталомъ, застывшемъ въ гримасѣ снисходительнаго презрѣнія. Изъ внутренняго кармана онъ досталъ небольшой предметъ и попросилъ вручить его графинѣ Даленъ. То былъ флаконъ прихотливо изогнутой формы, сдѣланный изъ тяжелаго и тускло отливавшаго розовымъ цвѣтомъ камня. Восковая печать скрывала его содержимое, которое могло бы быть одной изъ тѣхъ ароматическихъ эссенцій, какія изготовляетъ Востокъ. Я воздержался

отъ всякихъ вопросовъ, и Карлъ Старре передалъ мнѣ свой амулетъ, предварительно завернувъ его въ бумагу, на которой рука его вывела синимъ карандашомъ и рѣшительнымъ почеркомъ: «Для одного изъ трехъ».

II.

Если шевалье дѣйствительно желалъ, чтобы я испыталъ одно изъ такихъ приключеній, какія образуютъ характеръ молодого человѣка, то желаніе это осуществилось въ болѣе чѣмъ достаточной мѣрѣ. Происшествіе, которое надолго измѣнило намѣченный мною маршрутъ и нарушило всѣ предвидѣнные мной сроки, было настолько необыкновенно, что я не могу не описать его здѣсь съ нѣкоторыми подробностями. Во всякомъ испытаніи, какое посылаетъ судьба одному изъ насъ, есть что либо поучительное и для другихъ. Читатель увидитъ кромѣ того, что пережитыя мной злоключенія одной своей частью касаются самыхъ мрачныхъ тайнъ недавней исторіи, проливая на нихъ неожиданный свѣтъ.

Я былъ исполненъ примѣрнымъ благоразуміемъ, когда катился по содержимымъ въ отличномъ порядкѣ дорогамъ Ломбардіи. Суровые ландшафты Альпъ вызвали вскорѣ во мнѣ удивленіе, напомнивъ разсказы отца о родномъ гнѣздѣ всей нашей семьи, которое для моихъ сестеръ и для меня такъ и осталось чужбиной. Звукъ нѣмецкой рѣчи не былъ, однако, мнѣ чуждъ: мнѣ слышались въ немъ слова пѣсенъ, какія намъ пѣла въ дѣтствѣ мать, а вглядываясь въ загорѣлыя лица встрѣчавшихся горныхъ поселянокъ, я узнавалъ въ нихъ иногда ея черты.

Съ нѣсколько большей теперь долей здраваго смысла я раздумывалъ объ ожидавшемъ меня будущемъ. Жюльетта встрѣтитъ меня ласково и будетъ мнѣ рада, я въ этомъ не могъ сомнѣваться. Появленіе мое не возбудитъ въ ней гнѣва и не заставитъ ее бросить новый вызовъ судьбѣ. Какъ ни былъ я молодъ, я не обманывался насчетъ того мѣста, какое занималъ я въ ея жизни. Самое постоянство удѣленныхъ мнѣ чувствъ не свидѣтельствовало ли какъ разъ о нихъ малой значительности? Выполняя данное мнѣ порученіе, не былъ ли я только третьимъ лицомъ, какимъ въ цѣляхъ своихъ пользуются главныя дѣйствующія лица — тѣмъ вводнымъ персо-

нажемъ, котораго изобрѣтаетъ авторъ, чтобы облегчить развязку и который, явившись иа сценѣ лишь на одинъ мигъ, въ слѣдующее же мгновеніе долженъ исчезнуть и уступить свое мѣсто другимъ? Что сказали бы зрители, если бы этотъ скромный наперсникъ и незамѣтный компаньонъ не пожелалъ бы во время удалиться на вадній планъ и возомнилъ бы себя настоящимъ героемъ!

Героемъ той драмы, которую заблагоразсудилось разыграть при моемъ слабомъ участіи графинѣ Юліи, былъ Карлъ Старре. Ея бѣгство было величайшимъ его тріумфомъ. Я вспомнилъ выраженіе ея лица, въ то время какъ говорила она объ угрожавшей ему опасности. Завѣса спала внезапно съ моихъ глазъ, и, переставъ предаваться собственнымъ ощущеніямъ, переполнявшимъ меня со дня нашей послѣдней встрѣчв, я понялъ, наконецъ, еще недавно необъяснимую для меня причину страннаго поступка Жюльетты. Ея супругъ былъ тысячу разъ слѣпъ, не видя, что вспышка ея была послѣднимъ, быть можетъ, усиліемъ привязанности къ нему, послѣдней данью благополучію совмѣстно съ нимъ прожитыхъ лѣтъ. Не на него, но на самое себя налагала она придуманный ею трехлѣтній искусъ. Ея воля переломилась въ ту самую минуту, когда она узнала, что Карлъ Старре лишь чудомъ остался въ живыхъ. Она устрашилась своей слѣдующей мысли, своего неизбѣжнаго отнынѣ шага, своего завтрашняго дня. Она искала спасенія отъ себя самой и нашла его въ бѣгствѣ.

Загадкой оставалась для меня роль графа Чарни. Оказался ли онъ только случайнымъ спутникомъ графини или, напротивъ, былъ заранѣе избраннымъ ея сообщникомъ? Какія цѣли преслѣдовалъ онъ подъ видомъ тѣхъ рыцарственныхъ услугъ, о которыхъ дошли до насъ слухи? Невысоко стояла репутація этого баловня снисходительныхъ неаполитанскихъ салоновъ въ глазахъ шевалье. Мой покровитель сомнѣвался въ знатности его происхожденія и въ безпристрастіи благоволившей ему за карточнымъ столомъ Фортуны. Самое имя его казалось похожимъ на тѣ псевдонимы, которыми обозначаютъ себя невѣдомо откуда взявшіеся иностранцы, являющіеся въ обществѣ, чтобы блистать въ немъ короткое время роскошью жизни, обиліемъ слугъ, разнообразіемъ связей и легкостью успѣховъ. Такъ называемый графъ Чарни былъ одной изъ бродячихъ

звѣздъ, зажигающихъ свой ослѣпительный и обманчивый фейерверкъ среди свѣтскаго небосклона.

Въ то время какъ я безропотно принялъ открывавшееся мнѣ торжество Старре въ сердцѣ Жюльетты, мысль о какой бы то ни было близости ея къ польскому графу, предопредѣленной совмѣстнымъ ихъ путешествіемъ, заставляла меня теперь жестоко страдать. Друга юношескихъ лѣтъ Жюльетты, соотечественника, волнуемаго общими политическими страстями, обожателя, доказавшаго способность пожертвовать ради нея своимъ благомъ, я не могъ устранить изъ ея жизни цѣною какихъ угодно усилій съ моей стороны. Но что могло бы соединить ее, хотя бы на короткое время, съ этимъ не имѣющимъ ни имени, ни родины, ни возраста искателемъ приключеній, котораго представлялъ я такимъ, какимъ видѣлъ не разъ на пріемахъ во дворцѣ Патернополи — улыбающимся приторно и равнодушно, позволяющимъ любоваться собой, въ то время какъ унизанная кольцами его рука небрежно бросала золото на карточный столъ!

Я не стыжусь здѣсь признаться, что эти оскорблявшія мою память картины неожиданнымъ образомъ повліяли на собственное мое поведеніе во время дороги. Я не пытался, разумѣется, сравняться съ графомъ Чарни въ его искусственной красотѣ и показной роскоши. Но я былъ молодъ и, продолжая кипѣть негодованіемъ на того, кто явился какъ бы похитителемъ Жюльетты, я самъ оказывался зараженнымъ его тщеславіемъ. Во мнѣ обнаружилась невѣдомая до того страсть къ щегольству. Благодаря добротѣ шевалье Аркаса и щедрости графа Даленъ, я былъ болѣе чѣмъ достаточно экипированъ для ранга, занимаемаго мною въ обществѣ, но самолюбіе мое тѣшилось всѣмъ, что могло бы поставить меня въ глазахъ другихъ въ высшій разрядъ. Я избѣгалъ пользоваться общественными экипажами и совершалъ переѣзды изъ города въ городъ, возсѣдая съ нѣкоторой торжественностью одинъ въ наемной каретѣ. Если у меня не было собственнаго слуги, я стремился занять заботами о своей особѣ всѣхъ слугъ, какихъ мнѣ могло доставить мѣсто отдыха или ночлега. Я былъ проникнутъ сознаніемъ особенной выпавшей на мою долю миссіи и въ разговорахъ со встрѣчными путешественниками держался значительно и непроницаемо, отвѣчая уклончиво на самые невин-

ные ихъ разспросы. Хуже всего было то, что я стѣснялся своей профессіи и сторонился всего, что могло бы напомнить о моемъ ремеслѣ.

Въ такомъ расположеніи духа, простительномъ развѣ только въ тогдашнемъ моемъ возрастѣ, приближался я къ городу, сдѣлавшемуся театромъ почти роковыхъ для меня событій. Читатель очень скоро пойметъ, отчего я не могу произнести здѣсь его имени и, я полагаю, охотно согласится вмѣстѣ со мной замѣнить это настоящее имя вымышленнымъ названіемъ Хелленбургъ. Преисполненный неловкой важности, церемонный съ самимъ собою, лишь украдкой позволялъ я себѣ взглянуть въ окно кареты на ряды старыхъ липъ городского предмѣстья, ронявшихъ пожелтѣлые листья на камни пустынной улицы. Съ громыханіемъ, производившимъ на прохожихъ внушительное впечатлѣніе, мы въѣхали въ болѣе центральную часть города. Вывѣска лучшей гостиницы уже протянулась передъ нами, поддерживая на своемъ концѣ спѣшившій зажечься фонарь. Кучеръ обернулся ко мнѣ съ козелъ, ожидая естественныхъ приказаній, но глупое нежеланіе разстаться съ позой знатнаго иностранца, мелькающаго въ окнѣ кареты передъ глазами оторопѣлаго пѣшехода, заставило меня высокомѣрно и отрицательно шевельнуть пальцемъ.

Въ то же мгновеніе замѣтилъ я фигуру въ дверяхъ гостиницы, наполовину скрывавшуюся въ нихъ, наполовину выступавшую изъ ихъ полутѣни. Я различилъ высокій ростъ, сутуловатыя плечи, сѣдину волосъ, восковое, тонко вылѣпленное лицо. Блестящіе, круглые, близко посаженные другъ къ другу глаза оглядѣли меня съ нѣкоторымъ любопытствомъ. Вслѣдъ затѣмъ незнакомецъ досталъ изъ кармана своихъ панталонъ носовой платокъ и взмахнулъ имъ передъ самымъ окномъ моего экипажа. Послышался трескъ, ось переломилась какъ щепка, и далеко отскочило въ сторону одно колесо. Пока кучеръ удерживалъ перепуганныхъ лошадей, сидѣніе накренилось вмѣстѣ со мной, распахнулась дверца, и я кубаремъ вылетѣлъ изъ нея, перемѣнивъ свою церемонную позу на унизительную позицію человѣка, растянувшагося на животѣ передъ входомъ въ гостиницу.

Вспоминая событіе, занявшее въ общемъ не болѣе двухъ минутъ, я умышленно располагаю отдѣльныя части его въ той

послѣдовательности, въ какой явили мнѣ ихъ зрѣніе и слухъ. Провѣряя свою память я и теперь готовъ поклясться, что взмахъ носового платка передъ окномъ экипажа на нѣсколько секундъ предшествовалъ треску ломавшейся оси. Если это была лишь иллюзія, то во власти ея оказались какъ разъ тѣ органы, которые даны намъ, чтобы отличать дѣйствительность отъ иллюзіи. Я, впрочемъ, былъ мало занятъ подобными соображеніями, пока поднимался на ноги и отряхивалъ пыль съ рукавовъ. Тщеславіе мое было уязвлено самымъ жестокимъ образомъ, и я готовъ былъ разразиться мало мнѣ свойственнымъ гнѣвомъ на свидѣтеля катастрофы, если бы онъ не успѣлъ скрыться, и если бы вмѣсто него не появились хозяинъ и слуги гостиницы, выражавшіе мнѣ свое непритворное, самое почтительное и самое дѣятельное соболѣзнованіе.

Съ ихъ помощью я былъ водворенъ въ лучшей комнатѣ «Золотого Лебедя», гдѣ, пообчистившись и поглядѣвшись въ зеркало, быстро вернулъ себѣ самообладаніе, подкрѣпленное тѣмъ разсужденіемъ, что единственнымъ зрителемъ моего паденія былъ выглядывавшій изъ дверей старикъ неопредѣленнаго вида и званія. Сидя въ столовой и уничтожая жаренаго гуся, я счелъ все же нелишнимъ спросить о немъ ухаживавшаго за мной хозяина. Тотъ не успѣлъ раскрыть рта, какъ уже знакомая мнѣ фигура появилась въ дверяхъ. Рискуя испортить мнѣ аппетитъ, свидѣтель моей комической метаморфозы усѣлся напротивъ за уже заранѣе приготовленный для него приборъ. Нѣсколько минутъ прошло въ молчаніи, въ продолженіи котораго я лучше успѣлъ разглядѣть его, съ глухой антипатіей отмѣчая желтизну щекъ, впалость висковъ и синеву дурно выбритаго подбородка. Незнакомецъ отпилъ изъ стакана глотокъ чистой воды и вытеръ свои увядшія губы салфеткой, послѣ чего обратился ко мнѣ на весьма сносномъ итальянскомъ языкѣ, съ достаточной учтивостью, спрашивая, не ушибся ли я, и предлагая свои услуги въ качествѣ доктора.

Я отвѣчалъ ему; стараясь быть вѣжливымъ, я прибавилъ комплиментъ его знанію нашей рѣчи. «Мнѣ извѣстны всѣ языки, живые и мертвые», отозвался онъ со скользнувшей улыбкой. «Жалѣю синьоръ, что мнѣ пришлось быть невольной причиной случившагося съ вами приключенія». Лицо мое выразило понятное удивленіе; замѣтивъ его, онъ вновь улыб-

нулся и продолжалъ. «Я услышалъ стукъ вашей кареты, когда вы только что покинули С.» — онъ назвалъ городъ, расположенный въ трехъ часахъ пути отъ Хелленбурга. «Я началъ васъ поджидать, для большей вѣрности спустившись вскорѣ къ дверямъ гостиницы. Знакъ, поданный вами кучеру, заставилъ меня непрошеннымъ образомъ вмѣшаться въ ваши планы. Я сдѣлалъ это, пожертвовавъ новенькой осью превосходнаго экипажа».

Собесѣдникъ мой явно наслаждался произведеннымъ на меня впечатлѣніемъ. «Если это шутка» отвѣтилъ я, стараясь вникнуть въ смыслъ его басни, «я не могу назвать ее приличной случаю». Мнѣ показалась иронія во взглядѣ незнакомца и превосходство, съ которымъ старшій въ лѣтахъ обращается къ младшему. Я долженъ былъ дать ему понять, что путешествіе мое преслѣдовало особыя цѣли, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ совмѣстимыя съ моимъ возрастомъ. «Вы пожалѣли бы больше о моемъ дорожномъ несчастьѣ», сказалъ я съ намѣренной важностью, «если бы знали, какой досадной помѣхой отзовется въ моихъ дѣлахъ каждый часъ промедленія». Старикъ перегнулся ко мнѣ черезъ столъ, прищурилъ свой правый глазъ и шепнулъ: «докторъ Либеліусъ знаетъ о вашихъ дѣлахъ, дорогой синьоръ, гораздо больше, чѣмъ вы это думаете». Онъ оглянулся, хозяинъ гостиницы вертѣлся подлѣ буфета, гремя тарелками и нагружая посудой передникъ разбитной служанки. Сгущались сумерки, насталъ часъ, когда поблескиваютъ предметы, возвращая угасающему дню заимствованный у него свѣтъ.

«Глядите», властно сказалъ докторъ Либеліусъ. Онъ сдернулъ съ раздѣлявшей насъ части стола скатерть и открылъ передо мной его полированную поверхность. Повинуясь его приказанію, но сохраняя недовѣріе къ этой новой выходкѣ, я всматривался въ тускло сіявшее передо мной импровизированное зеркало. Я уже готовъ былъ пожать плечами, когда различилъ очертанія пятенъ, отливавшихся на моихъ глазахъ въ формы предметовъ. Съ несказаннымъ изумленіемъ я увидалъ уходящую въ глубину перспективу узкой и мрачной комнаты, заставленной въ безпорядкѣ дорожными сундуками. Человѣкъ, стоявшій на колѣняхъ и видимый мнѣ со спины, рылся въ одномъ изъ нихъ съ лихорадочной торопливостью, то погру-

жая въ него свою голову, то поднимая ее, чтобы прислушаться и взглянуть на дверь. Руки и ноги мои похолодѣли отъ страха; я предчувствовалъ, что если этотъ человѣкъ обернется, я узнаю въ немъ графа Чарни. Онъ продолжалъ между тѣмъ свое странное дѣло; вытащивъ изъ сундука женскій нарядъ, онъ грубымъ движеніемъ сорвалъ съ него кружево; его руки двигались съ обезьяньимъ проворствомъ. Внезапно онъ вскочилъ на ноги, дверь отворилась, я угадалъ, что въ зеркало стола сейчасъ вступитъ Жюльетта! Я испустилъ невольный крикъ и закрылъ рукою глаза.

Когда я открылъ ихъ, доктора Либеліуса не было въ комнатѣ. Лишь недопитый стаканъ съ водой и смятая салфетка свидѣтельствовали о дѣйствительности его недавняго присутствія. Хозяинъ «Золотого Лебедя» почтительно приближался ко мнѣ, подводя незнакомаго слугу, блиставшаго позументами. Я прочиталъ поданное мнѣ письмо. Содержаніе его было таково, что не могло не польстить ребяческому моему тщеславію. Бургомистръ Хелленбурга, освѣдомнившись о постигшемъ меня маленькомъ бѣдствіи, выражалъ почти извиненіе за плохое состояніе городской мостовой. Раздѣляя мою досаду, онъ не скрывалъ, однако, удовольствія, которое причиняла ему задержка, оправдывавшая приглашеніе отужинать и провести вечеръ въ его домѣ. Я далъ согласіе съ величайшей охотой, стараясь разсѣяться и забыть взволновавшій меня магнетическій фокусъ.

Домъ бургомистра былъ помѣстителенъ и ярко освѣщенъ. Владѣлецъ его встрѣтилъ меня на площадкѣ парадпаго входа, проявляя самое неподдѣльное радушіе во фразахъ довольно запутаннаго французскаго привѣтствія, въ широко расплывшейся улыбкѣ лунообразнаго своего лица, въ движеніи рукъ, распростертыхъ передо мной и какъ бы приглашавшихъ меня упасть на сиреневый жилетъ, стягивавшій солидную полноту главы Хелленбурга. Еще молодая, высокая и бѣлая его супруга открыла навстрѣчу мнѣ рядъ ровныхъ зубовъ, изображая улыбку; стукнувъ вѣеромъ по плечу мужа, прервала она нашъ затянувшійся обмѣнъ любезностями. Веселое и оживленное общество уже собралось въ столовой. Я различилъ много дамъ, двухъ аббатовъ, нѣсколькихъ провинціальныхъ чиновниковъ и саксонскаго офицера въ мундирѣ съ голубымъ

отворотомъ. Сосѣдкой моей за ужиномъ оказалась хозяйка дома; поставивъ на столъ свой обнаженный локоть и слегка склонивъ ко мнѣ голову, безъ словъ прислушивалась она къ разсказамъ, въ которыхъ я съ нѣкоторой горячностью передавалъ новости Рима и живописалъ свое путешествіе. Въ первый разъ въ жизни я чувствовалъ себя центромъ вниманія пріятнаго общества. Я былъ въ ударѣ, мои замѣчанія были мѣтки, намеки остры, шутки умны и заразительны. Раскаты смѣха прерывали не разъ мою рѣчь: грохоталъ бургомистръ, взвизгивали отъ удовольствія дамы, давились кашлемъ аббаты и апплодировалъ мнѣ саксонскій офицеръ съ голубымъ отворотомъ. Лишь одна моя сосѣдка оставалась безмолвной, время отъ времени открывая въ мою сторону рядъ ровныхъ зубовъ и лѣниво опираясь на столъ обнаженнымъ локтемъ.

И вмѣстѣ съ тѣмъ, именно, ради нея разсыпалъ я все свое краснорѣчіе! Однажды, начавъ признанія въ постыдныхъ моихъ промахахъ, я не боюсь здѣсь сознаться, что обнаженный локоть жены Хелленбургского бургомистра оказалъ на меня необычайное дѣйствіе. Напрасно рисовался мнѣ недавно угаданный въ магическомъ зеркалѣ образъ Жюльетты. Видѣніе оставалось блѣднымъ, далекимъ, въ то время какъ въ такой соблазнительной близости отъ моего лица опиралась на столъ эта неподвижная и лѣниво дремлющая въ своей бѣлизнѣ, ласкаемой золотымъ отблескомъ канделябра, рука.

Шумно двигая стульями, общество встало изъ за стола и перешло къ картамъ. Саксонскій офицеръ держалъ банкъ, двѣ дамы понтировали, жеманясь и перешептываясь. Одинъ изъ молчаливыхъ чиновниковъ послѣдовалъ за ними, бургомистръ бросилъ на столъ тяжелый свой кошелекъ. Слуги принесли свѣчи, серьезная игра началась. Я никогда не игралъ въ своей жизни и терпѣть не могу картъ. Мнѣ показалось, однако, что положеніе мое въ этомъ обществѣ обязывало меня къ участію въ его развлеченіяхъ. Воспоминаніе о ненавистномъ Чарни снова ужалилю меня, и, однажды усѣвшись за карточный столъ, я глупо старался подражать всѣмъ его замашкамъ.

Увы! не въ моихъ силахъ было привлечь на свою сторону счастье въ игрѣ, которое неизмѣнно сопутствовало польскому игроку. Я могъ такъ же небрежно какъ онъ выбрасывать на столъ кучки золота, но эти кучки не увеличивались передо

мной, а таяли съ поразительной быстротой; мой проигрышъ возрасталъ. Вниманіе всего общества, вновь обращенное на меня, досталось на этотъ разъ мнѣ поистинѣ недешевой цѣной. Полагая, что я вполнѣ доказалъ свою расточительность, я былъ готовъ встать, жена бургомистра очутилась въ эту минуту рядомъ со мной, еще тѣснѣе приблизивъ ко мнѣ свой голый локоть и склонивъ мнѣ почти на плечо свою ищущую опоры голову.

Я продолжалъ играть, міръ заключился для меня между голубымъ отворотомъ саксонскаго офицера и обнаженной женской рукой. На нѣкоторое время фортуна повернула свое колесо: я началъ отыгрываться. Я ставилъ нерасчетливо, безпорядочно и вновь проигралъ все, что выигралъ. Сдѣлавъ надъ собой усиліе, я пожелалъ подняться. Колѣно сосѣдки смѣло коснулось меня подъ столомъ и я ощутилъ сквозь платье его полированность и круглоту. Маленькая нога оперлась невидимо для другихъ на мою ногу, приковавъ меня къ полу и утверждая мой невыгодный плѣнъ. Я игралъ еще часъ или два и проигрался до тла. Кошелекъ шевалье Аркаса раздѣлилъ участь дареній графа Даленъ и собственныхъ моихъ сбереженій, и все же я оставался еще должникомъ банкомета. Когда я поднималъ глаза, головы зрителей, столпившихся вокругъ стола, гримасничали передо мной и танцовали. Я потерялъ всякое представленіе о мѣстѣ и времени и не замѣтилъ даже, когда внезапно покинула меня моя сосѣдка. Саксонскій офицеръ заявилъ, наконецъ, что прекращаетъ игру; поднявшись со стула, онъ довольно зѣвнулъ, потянулся, затѣмъ, еле сдерживая насмѣшливость, учтиво со мной раскланялся. Я стоялъ какъ вкопанный и позабылъ даже отвѣтить ему. Оглянувшись замѣтилъ я, что общество порѣдѣло: двѣ дамы обнявшись шушукались между собой въ углу, не обращая болѣе на меня вниманія, бургомистръ храпѣлъ на софѣ, искренно или притворно, скрестивъ на животѣ руки. Догорали свѣчи, брезжило утро. Плохо держась на ногахъ я направился къ двери, ни съ кѣмъ не прощаясь. На лѣстницѣ живость движеній вернулась ко мнѣ, я быстро скатился внизъ и вышелъ на улицу.

По пути къ «Золотому Лебедю» я разговаривалъ самъ съ собой вслухъ, стараясь ободрить себя и удерживаясь, чтобы сразу не впасть въ отчаяніе. Я помню, что даже пытался на-

свистывать арію. Въ уныло освѣщенной разсвѣтомъ моей комнатѣ я быстро утратилъ и тѣнь самообладанія. Огромность постигшей меня катастрофы вырисовалась съ такой очевидностью, что волосы зашевелились у меня на головѣ. Съ безсмысленной торопливостью вывертывалъ я свои карманы и выкладывалъ содержимое ихъ на столъ. Изъ всего моего эфемернаго богатства осталось немногое: нѣсколько серебрянныхъ и мѣдныхъ монетъ, двое часовъ и карандашъ въ золотой оправѣ, подарокъ Жюльетты. Флаконъ Карла Старре расположился въ ряду этихъ послѣднихъ моихъ сокровищъ.

Съ вывернутыми карманами я стоялъ и раздумывалъ, съ досадой взирая на день, свѣтлѣвшій за окнами. Мысль о томъ, что съ помощью часовъ и съ продажей кое какого имущества я могу заплатить долгъ, не облегчила меня. Разбитная служанка постучалась и вошла въ дверь съ вязанкою дровъ. Она затопила каминъ, затѣмъ, подойдя къ моей нераскрытой постели, стала смѣяться и тараторить, взбивая руками подушки. Я не спѣшилъ выгнать ее, присутствіе ея было скорѣй мнѣ пріятно. Оставшись одинъ, я продолжалъ безсмысленно стоять у стола, не зная, что предпринять. Незамѣченная мною до той поры боковая дверь отворилась, докторъ Либеліусъ мягко вступилъ въ комнату.

Приблизившись ко мнѣ, онъ взглянулъ мнѣ въ глаза, затѣмъ оглядѣлъ брошенныя на столъ вещи и деньги. Флаконъ Карла Старре заставилъ его слегка вздрогнуть и протянуть къ столу руку. Движеніе это, какъ и непрошенное вторженіе въ столь ранній часъ, привели меня въ ярость. Я былъ готовъ разразиться вспышкою гнѣва. Понявъ это чувство, мой гость измѣнилъ свое намѣреніе. Онъ еще разъ оглядѣлъ меня и, замѣтивъ мои вывернутые карманы, одобрительно покачалъ головой. Рука его взяла со стола три мѣдныхъ монеты. «Прошу вниманія», сказалъ онъ, стараясь заинтересовать меня своими дѣйствіями. Взятыя имъ монеты онъ посыпалъ бѣлымъ порошкомъ изъ маленькой фарфоровой коробочки и отнесъ въ каминъ. Я не успѣлъ шевельнуться, какъ изъ каминной золы онъ вытащилъ щипцами три новенькихъ золотыхъ, и перебрасывая ихъ съ ладони на ладонь, дуя на нихъ и обжигаясь, кинулъ ихъ передо мною на столъ. «Для доктора Либеліуса легко возвратимо все, кромѣ вѣчнаго спасенія», про-

изнесъ опъ торжественнымъ голосомъ и положилъ мнѣ на плечо свою руку. Подъ тяжестью этой властной руки, подъ дѣйствіемъ этой новой невѣроятности, переполнившей чашу моихъ исnытаній, я какъ безжизненное тѣло опустился на стулъ.

III.

Я затрудняюсь вѣрно изобразить здѣсь то состояніе духа, въ которое впалъ подъ вліяніемъ постигшаго меня бѣдствія. Несомнѣнно одно, что я сильно преувеличивалъ истинные размѣры своего несчастья. Положеніе мое казалось мнѣ и унизительнымъ и безнадежнымъ. Очутиться въ чужой странѣ, почти не зная ея языка и обычаевъ, не имѣя ни друзей, ни связей, ни денегъ, прервать столь благополучно начатое путешествіе, отказаться отъ мысли увидѣть предметъ великой своей любви, обмануть довѣріе пославшихъ меня и предоставить Жюльетту на волю грозящихъ ей опасностей — и все это изъ за глупаго и мальчишескаго тщеславія, приведшаго меня въ концѣ концовъ къ позорному проигрышу.

Бѣда моя не ограничивалась однимъ только этимъ. Рядомъ со мной выросъ изъ земли человѣкъ, поразившій мое уже затуманенное воображеніе своими необъяснимыми дѣйствіями, нарушавшими самые естественные законы природы. Я не пытался даже разобраться, что въ дѣяніяхъ этихъ принадлежало ловкости престидижитатора, и что тайной наукѣ мага. Докторъ Либеліусъ пріобрѣлъ надо мной необыкновенную власть. Угнетеніе мое было таково, что ему не приходилось подчинять меня силою магнетизма. Я покорно слушался малѣйшаго его слова и малѣйшаго жеста, какъ слушался бы впрочемъ въ тѣ дни всякаго, кто выразилъ бы желаніе придти мнѣ на помощь.

Мнѣ представлялось, что докторъ Либеліусъ выручилъ меня изъ сѣтей, въ которыя попалъ я благодаря собственной неосторожности. Въ самомъ дѣлѣ, онъ очень скоро помогъ мнѣ расплатиться со всѣми моими долгами, какъ по игрѣ, такъ и по гостиницѣ, причемъ сдѣлалъ это не повторяя своего обращенія въ золото мѣдныхъ грошей, но ограничившись болѣе обыкновеннымъ превращеніемъ въ тотъ же металлъ послѣднихъ остатковъ моего достоянія. Повинуясь безпрекословно его авторитетнымъ приказамъ, произносимымъ обычно вполголоса,

я перемѣнилъ свое щегольское платье на другое, сшитое простымъ покроемъ изъ грубаго сукна. Я переселился послѣ того въ указанный мнѣ домъ на окраинѣ, иодлѣ городской стѣны, гдѣ хозяйкой моей явилась нѣмая старуха, не выкупавшая этотъ недостатокъ и тѣмъ, что содержала въ клѣткѣ говорящаго скворца.

Подъ однообразные выкрики ученой птицы началась для меня странная жизнь. Не болѣе разнообразны были тѣ рѣчи, съ какими обращался ко мнѣ навѣщавшій меня ежедневно докторъ Либеліусъ. Постигшему меня злоключенію старался придать онъ болѣе значительный смыслъ полнаго нравственнаго паденія. Какъ будто бы разстался я не только съ тѣмъ, что дѣлаетъ для насъ болѣе пріятнымъ и легкимъ жизнь земную, но и съ тѣмъ, что сулитъ радости загробнаго существованія. Точно великій грѣшникъ былъ я низринутъ въ бездну, откуда обѣщала меня вывести рука доктора. Пользуясь временной слабостью моего разсудка, докторъ Либеліусъ внушалъ мнѣ мысль о подстерегающей мою душу окончательной гибели.

Я никогда до тѣхъ поръ не отличался особенной заботливостью о собственномъ спасеніи. Въ лонѣ истинной и святой католической церкви, бывшею вѣрою предковъ моихъ, пребывалъ я въ спокойствіи и довѣріи ребенка, полагающаго свой отчій домъ предѣломъ вселенной и не ищущаго за дверями его иныхъ храминъ. Я всегда думалъ, что лучшая вѣра, это вѣра рыбака, вспоминающаго о Божественномъ Промыслѣ лишь въ минуту опасности, но зато обращающагося къ нему тогда со всей пылкостью сердца не способнаго сомнѣваться. Всякія иныя мудрствованія, всякая пытливость, желающая проникнуть въ скрытую отъ насъ загадку бытія, всякое лукавство, стремящееся объяснить на ограниченномъ языкѣ человѣка неисповѣдимые пути Бога — не есть ли это подлинная суета суетъ, и предающійся ей не свершаетъ ли грѣхъ во много и много разъ большій, чѣмъ прегрѣшеніе мытаря или блудницы, триста шестьдесятъ четыре дня въ году мятущихся въ уличномъ прахѣ и на триста шестьдесятъ пятый останавливающихся на мгновеніе, чтобы преклонить колѣна передъ уличнымъ алтаремъ!

Тѣмъ болѣе страннымъ должно показаться овладѣвшее мною затменіе чувствъ, которое заставило меня выслушать

внимательно и покорно поученія непрошеннаго моего духовника. Отъ моей личной судьбы докторъ Либеліусъ перешелъ вскорѣ къ судьбамъ міра и человѣчества. Онъ изображалъ передо мною дѣла преадамитовъ и козни лемуровъ. Онъ повѣствовалъ о законѣ каббалы, скрытомъ въ основаніяхъ Соломонова святилища и объ искавшихъ его вольныхъ каменщикахъ, рыцаряхъ храма, кавалерахъ креста и розы. Небесная іерархія раскрывалась въ дерзкихъ его утвержденіяхъ, и ей отвѣчала въ точности субординація новаго ордена, насчитывающаго адептовъ своихъ во всѣхъ уголкахъ Европы. Боренія безплотныхъ силъ переносились въ сферу земныхъ противоборствованій, союзы духовъ воплощались въ политическихъ заговорахъ, спасеніе душъ переплеталось съ разрушеніемъ общественныхъ путъ, созданіе новаго Эдема предупреждалось уничтоженіемъ королей и первосвященниковъ.

Читатель пусть не поставитъ мнѣ въ упрекъ, что откровенія Либеліуса воспринималъ я отрывочно и безсвязно. Голова моя, устроенная для совершенно иныхъ мечтаній, никогда бы не могла усвоить ни одной системы ересей или вѣроученій. Извергавшимся на меня потокомъ библейскихъ текстовъ и каббалистическихъ формулъ я былъ оглушенъ и одураченъ настолько, что уста мои отказывались произнести какое либо вразумительное слово, и это состояніе въ глазахъ моего наставника было достаточнымъ свидѣтельствомъ готовности моей къ посвященію. Не знаю, однако, что именно дѣлало меня болѣе приличествующимъ роли неофита — оторопѣлость, съ какою выслушивалъ я разсужденія доктора или уныніе, поддерживаемое во мнѣ моимъ новымъ образомъ жизни, смѣнившимъ свободу путешественника заточеніемъ въ домѣ нѣмой старухи, веселые голоса большой дороги — безсмысленнымъ говоромъ ученаго скворца и сытные обѣды гостинницы горстью вареныхъ кореньевъ, поданныхъ мнѣ на оловянной тарелкѣ.

На нѣкоторые вопросы Либеліуса отвѣтилъ я тѣмъ, что объяснилъ ему причину моего путешествія. Многоопытный въ дѣлахъ человѣческихъ, на лету усвоилъ онъ все, что успѣлъ я ему сообщить, и догадался, быть можетъ, о прочемъ, что составляло предметъ моихъ умолчаній. Въ дальнѣйшихъ бесѣдахъ съ нимъ я уже не различалъ собственныхъ признаній отъ выводовъ его казавшейся мнѣ сверхестественной

проницательности. Какъ ни былъ я слѣпъ въ тѣ дни, я замѣтилъ все же чрезвычайный интересъ, выказываемый докторомъ къ исторіи моихъ шведскихъ друзей. Привыкшій къ обычнымъ его переходамъ съ неба на землю, къ его переплетенію людскихъ страстей съ извѣчными содроганіями космоса, я не придалъ этому обстоятельству особеннаго значенія.

Прошло десять дней; я похудѣлъ, притерпѣлся къ своей бѣдѣ и немного соскучился. Скука имѣетъ великую цѣлительную силу! Не замѣчая начала моего душевнаго выздоровленія, докторъ Либеліусъ однажды явился ко мнѣ въ большомъ возбужденіи. Онъ объявилъ мнѣ, что въ видѣ особенной милости я буду допущенъ сегодня присутствовать при одной изъ важнѣйшихъ церемоній ордена. Не будучи посвященъ до конца, я окажусь тѣмъ самымъ въ числѣ полупосвященныхъ. По наступленіи вечера мы вышли изъ дома старухи и направились въ пустынную часть города, возлѣ рѣки. Погода соотвѣтствовала нашему предпріятію: яростный вѣтеръ налеталъ порывами, теребя наши плащи и бросая въ насъ полосы осенняго дождя. Съ наслажденіемъ вдыхалъ я, однако, вольный воздухъ, пропитанный запахомъ влаги и прѣлаго листа, обращая лицо свое къ небу, покрытому грядами быстро катящихся тучъ.

У небольшой калитки въ длинной оградѣ Либеліусъ остановился, затѣмъ толкнулъ ее и ввелъ меня за собой. Мы спустились по лѣстницѣ и очутились въ сводчатомъ помѣщеніи, освѣщенномъ подвѣшаннымъ на крюкѣ фонаремъ. Я соображаю теперь, что то былъ рядъ обширныхъ подваловъ, служившихъ прежде для склада пива или зерна и приспособленныхъ фанатизмомъ для совершенно цныхъ цѣлей. Либеліусъ снялъ со стѣны два балахона и набросилъ одинъ изъ нихъ поверхъ платья. Я послѣдовалъ его примѣру; мы оказались оба въ одеждѣ кающихся, въ мѣшкахъ, скрывавшихъ голову и фигуру, подвязанныхъ веревкой и открывавшихъ два круглыхъ отверстія для глазъ.

Едва мы успѣли закончить этотъ трагическій туалетъ, какъ сводчатая комната наполнилась вновь вошедшими. Одни изъ нихъ появлялись изъ внутреннихъ помѣщеній и уже были наряжены такъ же какъ мы, другіе распахивали наружную дверь и привычнымъ движеніемъ протягивали руку за висѣв-

шимъ на стѣнѣ балахономъ. Образовались группы фантастическихъ персонажей, бесѣдующихъ между собою вполголоса. Либеліусъ переходилъ отъ одной изъ нихъ къ другой и, казалось, на время забылъ о моемъ присутствіи. Отодвинувшись въ уголъ, я наблюдалъ происходившую передо мною суету. Когда отворялась дверь, вѣтеръ колебалъ фонарь, заставляя вздрагивать его пламя; самыя причудливыя тѣни разбѣгались тогда по стѣнамъ подвала и по каменнымъ плитамъ его пола. Бѣлизна одеждъ выдѣлялась рѣзко, рядомъ съ пятнами глубокой и великолѣпной черноты. Мнѣ рисовался офортъ, изображащій эту сцену, и я мысленно наслаждался разительными его контрастами. На зрѣлище, способное всякому внушить только страхъ, глядѣлъ я глазами художника, и въ этомъ неожиданномъ возвращеніи къ своему ремеслу я нашелъ надежнѣйшее противоядіе вливавшейся въ мою душу отравѣ.

Либеліусъ едва ли предвидѣлъ ту прочную опору, которую мой разсудокъ нашелъ въ искусствѣ. Ему не могло придти въ голову и то соображеніе, что глазъ живописца вооруженъ наблюдательностью болѣе, чѣмъ обычной. Въ одной изъ фигуръ, несмотря на скрывавшій ее костюмъ, мнѣ почудилось нѣчто знакомое. Я узнавалъ эти плечи и этотъ контуръ обвисшаго живота. Движеніе рукъ окончательно выдало мнѣ Хелленбургскаго бургомистра. Странное подозрѣніе возникло во мнѣ, и я обрѣлъ въ себѣ способность насторожиться.

По одному или парами, живые призраки, окружавшіе меня, удалялись во внутреннюю дверь. Либеліусъ подалъ мнѣ знакъ, я присоединился къ нему, испытывая весьма жуткое ощущеніе, несмотря на недавній приливъ трезвости. Мы вступили въ просторный залъ и сѣли на одну изъ скамей, на которыхъ размѣстились рядами два или три десятка фигуръ въ такихъ же какъ мы одѣяніяхъ. На разстояніи было устроено возвышеніе, гдѣ стоялъ столъ, накрытый траурнымъ ковромъ; три съ виду подобныхъ намъ заговорщика возсѣдали за нимъ, изображая ареопагъ. Смолистые факелы, водруженные по сторс намъ стола, дымнымъ свѣтомъ своимъ освѣщали зрѣлище, какого не вообразитъ самый тяжелый сонъ. Стѣны и потолокъ зала были затянуты чернымъ сукномъ, съ нашитыми на немъ красными языками адскаго пламени и змѣями, разверзающими свою пасть. Треугольникъ изъ череповъ выдѣлялся на стѣнѣ

надъ трибуной, въ то время какъ у подножія ея были навалены груды человѣческихъ костей. Объемистыя книги въ кожаныхъ переплетахъ были разложены на столѣ передъ судьями, и на страницахъ тѣхъ изъ нихъ, которыя были раскрыты, виднѣлись странныя изображенія и каббалистическіе знаки.

По прошествіи нѣсколькихъ минутъ два брата въ одеждѣ кающихся ввели изъ боковой двери совершенно нагого человѣка. Мнѣ не было видно его лицо, я могъ разглядѣть лишь, что глаза его были завязаны алой повязкой, и что онъ, переступая невѣрными шагами, дрожалъ всѣмъ своимъ тѣломъ. Съ какимъ то смутнымъ волненіемъ всматривался я въ это тѣло, изобличавшее молодость того, кто готовился къ посвященію, и перенесенныя имъ лишенія поста. Въ рукѣ своей сжималъ онъ большое бронзовое распятіе; два другихъ брата внесли затѣмъ его платье, которое, какъ ветхое рубище міра, должно было быть предано уничтоженію въ огнѣ костра.

Костеръ уже запылалъ, когда я едва удержался, чтобы не испустить невольнаго крика. Пусть читатель разсудитъ, что испыталъ я, когда въ сжигаемомъ на моихъ глазахъ ветхомъ мірскомъ рубищѣ узналъ я свой собственный лучшій костюмъ, сшитый мнѣ для путешествія честнымъ римскимъ портнымъ Бенчетти! Невыразимое удивленіе овладѣло мной, мѣняясь съ негодованіемъ и съ предчувствіемъ еще болѣе роковыхъ сюрпризовъ. Я почувствовалъ однако, что Либеліусъ неотступно слѣдитъ за мной и не обнаружилъ своихъ чувствъ ни малѣйшимъ движеніемъ. Тѣмъ временемъ несчастный молодой человѣкъ, подведенный къ столу, подвергнулся новымъ искусамъ ритуала. На тѣлѣ его начертали кресты жидкостью, во всемъ похожей на кровь, послѣ чего заставили проглотить половину стакана этой жидкости. Остріе двухъ обнаженныхъ мечей было направлено ему въ грудь, и онъ безропотно вынесъ ихъ прикосновеніе. Его принудили затѣмъ опуститься на колѣни и громкимъ голосомъ прочитать чудовищныя слова присяги. «Во имя Распятаго, клянусь порвать плотскія узы, которыя соединяли меня съ отцомъ и матерью, братьями и сестрами, любовницей и супругой, друзьями и родственниками, королями и начальниками, покровителями и радѣтелями и вообще съ какимъ бы то ни было человѣческимъ существомъ, которому былъ бы обязанъ я вѣрностью, благодарностью или любовью.

Съ этого мгновенія я преступаю обѣтъ, данный мной роднѣ или закону. Клянусь разоблачать моему новому повелителю все, что увижу или услышу, узнаю или угадаю, прочту, получу и сдѣлаю, клянусь также высматривать и выспрашивать все, что было бы скрыто отъ меня другими. Обѣщаю чтить и превозносить Аква Тофана, как лекарство скорое, вѣрное и необходимое, дабы очистить нашу планету отъ всѣхъ, кто желаетъ исказить истину или вырвать ключъ къ ней изъ нашихъ рукъ!»...

Я не дослушалъ до конца всѣхъ этихъ мерзостей и кощунствъ. Когда дожидавшійся посвященія произнесъ названіе ужаснаго яда, совершившаго свой разрушительный путь чрезъ долгую исторію человѣчества, средній изъ трехъ членовъ ареопага поднялъ со стола незамѣченный мной до тѣхъ поръ предметъ и вознесъ его, какъ бы приглашая къ всеобщему ему поклоненію. Я узналъ розоватый флаконъ точно такой же формы, какъ тотъ, которымъ снабдилъ меня Старре въ послѣднюю минуту, съ просьбой вручить его Юліи Даленъ. Итакъ, не только я, уже попавшійся самымъ глупѣйшимъ образомъ въ тенета изувѣровъ, но и она, далекая покамѣстъ и свободная, оказывалась вовлеченной въ кругъ ихъ адскихъ махинацій! Я задыхался отъ безсильнаго гнѣва и холодѣлъ отъ сознанія опасности своего положенія. Капюшонъ сидѣвшаго рядомъ со мной Либеліуса казалось изображалъ своими круглыми отверстіями для глазъ отвратительную улыбку мертвой головы. Стѣны зала какъ будто сдвинулись тѣснѣе въ дымномъ воздухѣ, пропитанномъ удушливой гарью.

Церемонія заканчивалась на нашихъ глазахъ. Посвященный простерся крестомъ на полу передъ возвышеніемъ, получивъ три ритуальныхъ удара мечомъ плашмя. Тѣло его омыли кровью, затѣмъ теплой водой. Собираясь надѣть бѣлую рубаху неофита, онъ повернулся лицомъ ко мнѣ. Повязка была снята съ его глазъ, и я узналъ въ немъ теперь своего двойника! Разумъ мой не выдержалъ этого новаго испытанія. Съ ужаснымъ крикомъ я повалился ничкомъ со скамьи и лишился чувствъ.

Я очнулся въ маленькой комнатѣ, представлявшей подобіе кельи, на связкѣ соломы, брошенной на полъ въ углу. Открывъ на мгновеніе глаза я сейчасъ же изъ предосторожности снова

закрылъ ихъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ моего ложа я увидѣлъ доктора Либеліуса, тихо бесѣдующаго съ кѣмъ то, кто кивалъ ему въ отвѣтъ головой. Они оба были еще въ балахонахъ братьевъ, но также какъ и я съ откинутыми назадъ капюшонами. Посмотрѣвъ еще разъ, я безъ особаго удивленія призналъ въ сообщникѣ доктора того высокаго, тощаго и рыжеватаго гостя, котораго привезъ однажды на Позилиппо Карлъ Старре, и котораго окрестилъ Брутомъ добрый Аркасъ. Онъ также глядѣлъ мимо жестикулировавшаго передъ нимъ Либеліуса, какъ смотрѣлъ нѣкогда поверхъ головы горячившагося съ нимъ въ спорѣ маленькаго шевалье.

Обморокъ нечаяннымъ образомъ возвратилъ мнѣ прежнія силы. Я былъ снова полонъ бдительности, смѣлости, здраваго смысла. Рѣшеніе мое было принято, и я выжидалъ лишь случая, чтобы осуществить его. Либеліусъ взялъ подъ руку своего собесѣдника; оба взглянули на меня, я притворился лежащимъ замертво, и они вышли изъ комнаты. Не теряя ни минуты, я всталъ и однимъ прыжкомъ выскочилъ въ противоположную дверь. Я повернулъ нѣсколько разъ вправо и влѣво, оказался у ступеней лѣстницы и выбѣжалъ вонъ. Передъ оградой я скинулъ свой балахонъ, послѣ чего перемахнулъ черезъ нее, не пытаясь найти калитку. По улицамъ Хелленбургской окраины пустился бѣжать я, не ощущая ни осенняго дождя, ни ночного вѣтра.

Уже приближаясь къ дому нѣмой старухи сообразилъ я, что это было послѣднее мѣсто, гдѣ я долженъ былъ бы искать убѣжища. Желаніе освободиться отъ моего угнетателя было такъ велико, что я кинулся бы въ рѣку, если бы не видѣлъ иного пути къ спасенію. Я вспомнилъ обвалившуюся часть городской стѣны, какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ примыкалъ къ ней огородъ старухи. Съ какой радостью ухватился я за мысль оставить позади себя стѣны ненавистнаго мнѣ Хелленбурга! Цѣпляясь за кустарники, скользя по мокрымъ камнямъ, достигъ я цѣли моихъ желаній лишь съ величайшимъ трудомъ. Рискуя жизнью, скатился я въ ровъ, переполненный грязью. Я благополучно перебрался черезъ него и вставъ на колѣни, горячо поблагодарилъ Создателя. Послѣ чего оказался вскорѣ на убѣгавшихъ вдаль, какъ стрѣла, вольныхъ дорогахъ Германіи, истерзанный, промокшій до костей и счастливый, и до

какой же степени непохожій на того молодого тщеславца, который менѣе двухъ недѣль назадъ въѣзжалъ въ Хелленбургъ въ новенькой наемной каретѣ и въ своей напыщенности боялся шевельнуть головой!

IV.

Путешествіе мое продолжалось медленно, но непрерывно. Я совершалъ его пѣшкомъ, ночуя въ деревенскихъ харчевняхъ, питаясь кускомъ хлѣба и ломтикомъ колбасы. Еще не успѣло забрезжить первое утро моей свободы, какъ я внимательно изслѣдовалъ свои карманы. Въ одномъ изъ нихъ нашлось три золотыхъ, извлеченныхъ дьявольской ловкостью доктора изъ горящей печи. Я не сомнѣвался теперь, что Либеліусъ попросту вынулъ ихъ изъ своего кошелька, и мысль эта доставила бы мнѣ нѣкоторое хотя и весьма слабое удовлетвореніе, еслибы я не сообразилъ тотчасъ же, что туда перешла изрядная часть моего проигрыша. Во внутреннемъ карманѣ ощутилъ я флаконъ Старре. Моимъ первымъ движеніемъ было выбросить его вонъ. Я удержался, однако, отъ этого, рѣшивъ, что разсказъ мой Жюльеттѣ будетъ дѣйствительнѣе, подтвержденный вещественнымъ доказательствомъ участія Старре въ козняхъ иллюминатовъ. Мнѣ жаль было кромѣ того разстаться съ надписью, предназначавшей напитокъ смерти «для одного изъ трехъ». Однимъ изъ трехъ я полагалъ себя и счастливъ былъ даже цѣной этой угрозы присоединить судьбу свою къ судьбѣ Юліи Даленъ, не пугаясь пророчества женщины, произнесеннаго нѣкогда на улицѣ Веллетри.

Я далъ клятву во что бы то ни стало найти Жюльетту въ ея сѣверномъ уединеніи. Я чувствовалъ себя отнынѣ гонцомъ, въ самомъ дѣлѣ несущимъ извѣстія огромной для нея важности. Ограниченность ресурсовъ моихъ теперь тревожила меня, но не приводила въ отчаяніе. Съ легкимъ сердцемъ переносилъ я выпавшія на мою долю лишенія голода и холода. Сознаніе подлинной значительности моего предпріятія заставило меня быть осторожнымъ и осмотрительнымъ. Среди крестьянъ, ремесленниковъ, мелкихъ торговцевъ и трактирщиковъ, съ которыми сталкивался я теперь на большихъ дорогахъ и пѣшеходныхъ тропахъ, я не встрѣчалъ, впрочемъ, людей, покушавшихся тѣмъ или инымъ способомъ на нищенское мое благополучіе. Напротивъ, не приходилось ли мнѣ убѣждаться на

каждомъ шагу въ чувствительности и великодушіи простолюдина, черпая поучительнѣйшіе примѣры доброты человѣческаго сердца въ приглашеніи попутчика, взобраться на возъ съ сѣномъ, и въ сострадательномъ взглядѣ хозяйки, сующей въ руку лишній кусокъ!

Я приближался къ Лейпцигу. Толки о собиравшейся въ этомъ городѣ Михайловской ярмаркѣ возбудили во мнѣ нѣкоторыя надежды. Деньги мои подходили къ концу, мнѣ надлежало изыскать какія либо средства, которыя позволили бы мнѣ продолжать полуголодное мое путешествіе. Я зналъ, что въ дни ярмарки въ саксонскій городъ стекаются купцы всѣхъ странъ и отечествъ. Среди нихъ немалочисленны должны были быть мои соотечественники, стремящіеся закупить тамъ партію мѣховъ. Я рѣшилъ обратиться къ нимъ съ просьбой о помощи. Неужели хватило бы духу отказать мнѣ въ бездѣлицѣ даже у корыстнѣйшаго изъ венеціанскихъ мѣховщиковъ и расчетливѣйшаго изъ флорентійскихъ? Если же мнѣ посчастливится, если я встрѣчу согражданина, то поскупится ли онъ горстью серебра для того, кто родился въ приходѣ Санта Марія делла Паче и выросъ въ тѣни капитолійской лавки, содержимой, всему Риму извѣстнымъ, часовщикомъ и старьевщикомъ, Джованни Вендоло подъ вывѣской «Antichità»!

Ободренный такими ожиданіями, вступилъ я на улицы Лейпцига. Въ мѣстности близъ Стараго Рынка я принужденъ былъ прервать теченіе своихъ мыслей, едва не сбитый съ ногъ мальчишками, бѣснующимися въ уличной забавѣ. Нѣсколько сорванцовъ поднимали адскій шумъ вокругъ невысокаго деревца, на которое, какъ я увидѣлъ, спаслась отъ преслѣдователей бѣлая кошка. Цѣпляясь за сгибавшіяся подъ его тяжестью вѣтки, бѣдное животное дрожало всѣмъ тѣломъ и раскрывая маленькую пасть, испускало жалобныя мяуканья, неслышныя впрочемъ, такъ какъ ихъ заглушалъ лай двухъ натравленныхъ мальчишками псовъ. Я не люблю, когда мучатъ звѣрей и, кромѣ того, я самъ слишкомъ недавно избѣгнулъ жестокихъ рукъ, чтобы вполнѣ равнодушно отнестись къ судьбѣ бѣлой кошки. Я растолкалъ ребятъ и, подпрыгнувъ, наклонилъ къ себѣ вѣтку, служившую ей ненадежнымъ убѣжищемъ. Несмотря на судорожное сопротивленіе бѣглянки, я снялъ ее, стараясь дѣйствовать со всевозможной бережностью.

Въ эту минуту распахнулось со звономъ окно, во второмъ этажѣ расположеннаго насупротивъ дома. На одно мгновеніе передо мной мелькнулъ обликъ дамы, всплеснувшей руками при видѣ звѣрка, сидящаго у меня на плечѣ. Послышался крикъ, необыкновенной силой своей затмнвшій разнообразный шумъ города и поразившій меня не встрѣчающейся въ жизни высотой и полнотой звука. Вслѣдъ затѣмъ дама, закрывъ глаза и явно лишаясь чувствъ, повалилась назадъ на готовыя поддержать ее невидимыя руки. Изображая удивленіе я стоялъ и машинально гладилъ свою, вызвавшую такое волненіе, нечаянную добычу, разглядѣвъ только теперь, что то была кошка особой породы, съ пушистымъ хвостомъ, съ украшавшими концы ушей кисточками и разными по цвѣту глазами, однимъ зеленымъ и другимъ голубымъ.

Изъ за угла дома появился новый участникъ этой маленькой трагикомедіи. То была пожилая особа, спѣшившая ко мнѣ, переваливаясь па короткихъ ногахъ, и по своему наряду изобличавшая жизненное положеніе, во всякомъ случаѣ, близкое къ положенію наемной прислуги. Нѣчто знакомое почудилось мнѣ въ ея передникѣ и косынкѣ, въ то время какъ остановившись передо мною, она къ величайшему моему изумленію, вмѣсто человѣческой рѣчи, обратилась ко мнѣ на языкѣ живѣйшихъ мимическихъ тѣлодвиженій. Она проводила рукой, какъ будто бы гладя несуществующую кошку, показывала пальцемъ въ окно и при этомъ жеманно закидывала назадъ голову и открывала кружочкомъ ротъ, очевидно изображая пѣвицу. Съ весьма натуральной правдивостью представляла она подвижнымъ лицомъ горесть утраты и радость находки, и, опустивъ подъ передникъ руку, щедрымъ жестомъ раскрывала передо мною ладонь, любуясь на воображаемую монету предназначавшагося мнѣ вознагражденія.

Она уже взялась двумя пальцами за мой рукавъ, приглашая послѣдовать за собой, какъ внезапная догадка осѣнила мой умъ. «Не напрасно даете ли вы представленіе, синьора! — воскликнулъ я по итальянски, — когда было бы разумнѣе сказать мнѣ нѣсколько понятныхъ словъ!» «Тьфу», отозвалась она, «а я то разыгрываю передъ нимъ пантомиму! Такъ вы итальянецъ? Пойдемте, молодой человѣкъ», продолжала она съ важностью, забавно усиленной болонскимъ акцентомъ, «поторо-

питесь вернуть кошечку моей дочери, знаменитой примадоннѣ Аделаидѣ Пекорини, и, я ручаюсь, вамъ не придется обдумывать, гдѣ бы достать сегодня обѣдъ». И моя соотечественница оглядѣла при этомъ меня съ ногъ до головы, сожалительно прищелкнувъ языкомъ и покачавъ головой.

Движимый болѣе любопытствомъ, чѣмъ ожиданіемъ обѣщанной мнѣ награды, я повиновался. Мы обогнули уголъ и очутились у входа въ гостиницу «Трехъ Королей», передъ боковымъ фасадомъ которой разыгралась только что описанная мной сцена. Я былъ оглушенъ суматохой, царившей въ столовой, гдѣ собралась въ часъ обѣда вся оперная труппа Антоніо Фулинъ, осчастливившая Лейпцигъ своимъ прибытіемъ на осеннюю ярмарку, а гостиницу «Трехъ Королей» своимъ водвореніемъ. Сквозь дымъ и паръ, клубившіеся надъ блюдами свинины и кислой капусты, виднѣлись тенора и басы, хористки и танцовщицы, кассиры и гримеры, съ вилкой въ одной рукѣ, съ кружкой пива въ другой, набивавшіе рты, стучавшіе по тарелкамъ, чтобы подозвать слугу, перекликавшіеся изъ одного конца залы въ другой, хохотавшіе, спорившіе, бранившіеся или любезничавшіе другъ съ другомъ и иногда вдругъ покрывавшіе разноголосый шумъ столовой началомъ аріи или отрывкомъ речитатива.

Появленіе мое съ кошкою на плечѣ привлекло всеобщее вниманіе, шутки посыпались на меня градомъ, и я подвергся опасности не разъ споткнуться о коварно подставленную мнѣ ногу, пока не добрался до знаменитой примадонны, сидѣвшей поодаль за особымъ столомъ и съ помощью флакона англійской соли возстанавливавшей свои чувства послѣ недавняго потрясенія. Аделаида Пекорини вскинула на меня свои очи, въ то время какъ словоохотливая ея родительница свидѣтельствовала передъ ней о моемъ подвигѣ. Рука пѣвицы протянулась къ сумочкѣ, служившей ей кошелькомъ. Комическая сторона моего положенія готова была поглотить въ глазахъ всѣхъ присутствующихъ сторону невѣдомую имъ и трагическую, и я сдѣлалъ отчаянное усиліе, чтобы этому помѣшать.

«Нѣтъ, синьорина» воскликнулъ я, «мнѣ не нужна ваша милостыня. Я обращаюсь къ доброму сердцу всѣхъ здѣсь сидящихъ, взывая о помощи соотечественнику, который силою роковыхъ обстоятельствъ претерпѣлъ бѣдствіе, не соотвѣтствую-

щее ни его наклонностямъ, ни его воспитанію».... Оттѣнокъ искренности, звучавшій въ моихъ словахъ, заставилъ труппу Антоніо Фулинъ замолчать и прислушаться. Пользуясь этимъ затишьемъ я назвалъ себя, обозначивъ свою профессію и описалъ начало моего путешествія, скрывъ, разумѣется, истинную его цѣль. Я разсказалъ злоключеніе, постигшее меня въ Хелленбургѣ, опустивъ тѣ подробности, какія могли имѣть отношенія къ моимъ сѣвернымъ друзьямъ. Живое актерское воображеніе было захвачено фантастической частью моего разсказа. Любовники и благородные отцы, служанки и героини повскакали со своихъ мѣстъ и окружили меня, внимая мнѣ съ явнымъ сочувствіемъ. Я закончилъ тѣмъ, что высказалъ просьбу дать мнѣ возможность дождаться отвѣта на посылаемое отцу письмо, отвѣта, какъ я предполагалъ, въ видѣ денежной суммы, которая позволила бы мнѣ скромнымъ образомъ продолжать путешествіе. Въ видѣ залога я предложилъ единственное, чѣмъ теперь обладалъ, мои познанія въ ремеслѣ живописца.

Всѣ заговорили сразу, когда я окончилъ; одни одобрительно похлопывали меня по плечу, другіе тащили ко мнѣ недоѣденный кусокъ ветчины и недопитый стаканъ пива; наиболѣе растроганные рылись въ своихъ кошелькахъ, убѣждаясь съ досадой въ скудости ихъ содержанія. Повелительный голосъ призвалъ всѣхъ къ молчанію: Антоніо Фулинъ выросъ передо мной, разглядывая меня маленькими, безпрерывно мигающими острыми глазками, посаженными на лицѣ, покрытомъ неописуемой сѣтью морщинъ. Висѣвшая мѣстами кожа этого лица сложилась послѣдовательно складками по нѣсколькимъ направленіямъ. Беззубый ротъ венеціанскаго импресаріо началъ затѣмъ странный монологъ, произнесенный вначалѣ тихимъ, спокойнымъ голосомъ, перешедшимъ однако вскорѣ въ crescendo и разразившимся бурнымъ финаломъ съ неистовой жестикуляціей.

«Ты видишь», говорилъ Антоніо Фулинъ, обращаясь къ самому себѣ, «ты видишь этого молодца съ большой дороги? Что, собственно, ты знаешь о немъ, кромѣ того, что онъ подобралъ съ улицы кошку Ла Пекорини и еще того, что разсказалъ онъ сейчасъ о себѣ, похожаго больше на басню, нежели на истинное происшествіе? Ты не ошибаешься въ одномъ, Фулинъ: молодой человѣкъ твой соотчичъ и онъ несчастенъ.

Не все ли тебѣ равно, какимъ именно образомъ постигло его несчастье! Не говоритъ ли тебѣ довольно его видъ, что не онъ укралъ, но его обокрали? Судьба учитъ глупцовъ, и этому она дала видимо изрядный урокъ. Не хочешь ли ты прибавить ему затрещину отъ себя или дать ему подъ задъ колѣнкой? Если онъ заслужилъ и то и другое, не получилъ ли онъ этого въ достаточной мѣрѣ? Не пора ли протянуть ему руку и помочь ему встать на ноги? Нѣтъ Фулинъ, ты не оттолкнешь его, какъ не отталкивалъ никого въ своей жизни. И кромѣ того, что отвѣтилъ тебѣ Пинкетти, который подписалъ съ тобой контрактъ писать декораціи? Мошенникъ и не думаетъ трогаться изъ Дрездена и заламываетъ все новую и новую цѣну. Не пришло ли тебѣ само небо на помощь и не понялъ ли ты этого съ первыхъ словъ бѣдняги, стоящаго передъ тобой разиня ротъ? Браво, Фулинъ! Утри носъ Пинкетти, дай теплую постель и тарелку супу гостю съ большой дороги. За дѣло, синьоръ Орсо Вендоло: если вы дѣйствительно когда либо держали циркуль и кисть въ рукахъ, мы удостовѣримся въ томъ и заставимъ васъ проелозить штаны, ползая по разложеннымъ по полу декораціямъ!»

Рѣчь импресаріо была покрыта громомъ рукоплесканій, и я такимъ образомъ сдѣлался театральнымъ живописцемъ въ труппѣ Антоніо Фулинъ. Колесо моей фортуны мгновенно перевернулось и вновь вознесло меня на нѣкоторую высоту. Съ величайшимъ рвеніемъ принялся я за порученную мнѣ работу. Мнѣ посчастливилось также найти приказчика одной изъ крупныхъ фирмъ, который отправлялся въ Неаполь и взялся какъ доставить мои письма отцу и шевалье Аркасу, такъ и привезти ожидаемый мною отвѣтъ.

Я окунулся тѣмъ временемъ съ головой въ бурлящій котелъ актерской и театральной жизни. Труппа Фулинъ состояла въ большинствѣ своемъ изъ венеціанцевъ, добрыхъ ребятъ, желающихъ черезъ полчаса послѣ перваго знакомства свести съ вами дружбу. Неугомонный синьоръ Антоніо носился надъ въ мукахъ рождавшейся оперой, точно духъ Божій надъ первозданнымъ хаосомъ бытія. Вытирая съ лица потъ въ самые холодные дни, перебѣгалъ онъ отъ музыкантовъ къ пѣвцамъ и отъ бутафора къ машинисту, суетясь, хватаясь за голову, поощряя и проклиная, упрашивая и угрожая, готовый

то разразиться обращеннымъ къ самому себѣ монологомъ, то растоптать ногами сорванный съ себя въ гнѣвѣ парикъ. Одинъ изъ его острыхъ глазъ, засѣвшихъ въ сѣти мелкихъ морщинъ, слѣдилъ за мной, недовѣрчиво вначалѣ, снисходительно потомъ, когда импресаріо убѣдился въ моемъ усердіи и въ моихъ способностяхъ. Дѣло театральнаго декоратора далось мнѣ съ самого меня изумившей легкостью. Очевидно, для меня не пропали даромъ ни солидныя наставленія Дженнаро Фантокки, ни вдохновенные уроки геніальнаго Пиранези. Я не забылъ геометріи и перспективы, впервые преподанныхъ мнѣ въ кельи іерусалимита, я вспомнилъ все, что узналъ въ архитектурѣ, состоя въ управленіи водъ. Великій Джованни Баттиста научилъ меня мастерски распоряжаться свѣтомъ и тѣнью, природный талантъ мой къ живописи довершилъ остальное.

Съ искреннимъ увлеченіемъ предавался я созданію міра, который въ мастерской театральнаго живописца слагается днемъ изъ обрывковъ холста, отрѣзковъ картона, пятенъ краски и кусковъ дерева, съ тѣмъ, чтобы въ магическомъ свѣтѣ рампы являть по вечерамъ великолѣпныя иллюзіи. Мы ставили серьезныя оперы въ старинномъ родѣ и болѣе легкія новинки съ плѣнительной музыкой Паизіелло и Чимарозы. Для первыхъ воздвигалъ я перспективы классическихъ дворцовъ, уходившихъ своими ломающимися фронтонами въ театральную безконечность, которую на дѣлѣ могъ бы измѣрить каждый изъ насъ, сдѣлавъ десятокъ шаговъ. На выступахъ и карнизахъ ставилъ я моихъ вырѣзанныхъ изъ картона боговъ и героевъ, драпировавшихся въ тоги съ той величавостью, съ какой не умѣли драпироваться въ нихъ передъ зрителемъ наши актеры. Я сооружалъ тріумфальныя арки и трофеи, гробницы и портики, костры и алтари, готовый умѣстить весь римскій форумъ и агору Аѳинъ въ предѣлахъ оперной сцены. Для вторыхъ искалъ я ресурсовъ въ своей фантазіи. Я строилъ изъ вызолоченныхъ деревянныхъ планокъ серали и разстилалъ въ нихъ написанные на грубомъ холстѣ роскошные ковры. Я изображалъ на картинѣ прозрачную воду купаленъ и зелень китайскихъ садовъ, скрывавшихъ кровли китайскихъ павильоновъ, изогнутыя и чешуйчатыя точно спина дракона. На фонѣ ложныхъ небесъ выростали по волѣ моей минареты Стамбула, обе-

лиски Египта, пагоды Индіи, и лѣса двухъ Америкъ, окрашенные всѣми огнями никогда не встававшихъ надъ вселенной театральныхъ солнцъ.

Успѣхи мои были оцѣнены всей труппой, но въ лицѣ ея примадонны снискалъ я себѣ съ перваго дня особую покровительницу. Аделаида Пекорини, извѣстная въ театрѣ какъ Ла Пекорина, вмѣщала въ себѣ рѣдкое сочетаніе разнообразныхъ противорѣчій. Они начинались съ самого ея имени. Дѣйствительно, что могло быть болѣе противоположнымъ кроткой «овечкѣ», чѣмъ знаменитая пѣвица, повергавшая своимъ запальчивымъ нравомъ въ трепетъ всякаго, кто къ ней приближался, не исключая и видавшаго виды Антоніо Фулинъ! Необыкновенно высокая и не отличавшаяся полнотой, Ла Пекорина, при всей своей худобѣ, обладала силою гренадера и буйностью пандура. Горе тому, кто попадался въ недобрую минуту ей подъ руку! Разсказывали о соперницахъ, сбитыхъ ею съ ногъ однимъ щелчкомъ, и объ аккомпаніаторахъ, выброшенныхъ въ окошко однимъ взмахомъ. Съ этой боевой натурой пѣвица соединяла даръ голоса ангельской нѣжности и чувствительнѣйшую слабость къ маленькимъ живымъ игрушкамъ. Собачки и кошки, канарейки, морскія свинки и обезьяны составляли ея необходимую свиту, съ которой она не желала разстаться даже въ путешествіи, и безъ которой отказывалась наотрѣзъ пѣть. Бранясь за глаза и угрожая исподтишка кулакомъ, бѣдные импресаріо должны были однако переносить ея капризы. Безумецъ, который рискнулъ бы посягнуть на одно изъ тявкающихъ, мяукающихъ, щебечущихъ и посвистывающихъ вокругъ примадонны существъ, увидѣлъ бы, какъ загораются гнѣвомъ обведенные темными кругами черные глаза Ла Пекорины, какъ подымается твердая ея рука, готовая поразить оскорбителя, и какъ въ изнеможеніи опускается затѣмъ плоское и длинное, какъ доска, ея тѣло въ объятія болонской маменьки, всегда оказывающейся тутъ, чтобы ее поддержать.

Спасши одного изъ любимыхъ звѣрьковъ пѣвицы, я самъ очутился на положеніи ея звѣрька. Ла Пекорина стояла за меня горой и осыпала меня проявленіями своей милости. Къ моимъ знакомствамъ и дружбамъ въ труппѣ Фулинъ она выказывала мало понятную и еще менѣе удобную мнѣ ревность, подсылая слѣдить за мной свою расторопную родительницу. Одна изъ

маленькихъ нашихъ актрисъ, миловидная венеціанка Анзолетта заинтересовалась моей особой не столь платонически, какъ неприступная ни для кого изъ смертныхъ примадонна. Несмотря на то, что я и не думалъ отвѣчать на это иначе, чѣмъ проявленіями самой безобидной симпатіи, бѣдняжка жестоко поплатилась за свои, обращенные ко мнѣ, какъ впрочемъ и ко многимъ другимъ, авансы. Оказавшись однажды съ ней рядомъ на сценѣ Ла Пекорина пребольно ущипнула ее; не докончивъ своей аріетты, венеціанка взвизгнула, точно ужаленная и къ превеликому скандалу зрителей спаслась за кулисы.

Этотъ скандалъ былъ однако ничто въ сравненіи съ другимъ, косвенной причиной котораго послужила моя разсѣянность. Если грозная примадонна могла мнѣ простить два три перемигиванія или рукопожатія съ Анзолеттой, то строжайшимъ образомъ наблюдала она, чтобы я не имѣлъ ни малѣйшаго общенія съ нашимъ primo uomo, синьоромъ Ораціо Баффи. Прославленный своимъ неподражаемымъ контральто, именуемый не иначе какъ чудо природы, пѣвецъ отличался такою же мало естественной женственностью, какой мужественностью отличалась его соперница. Двѣ звѣзды равной величины сіяли въ небосклонѣ нашей оперы, неукоснительно слѣдя, чтобы ни одна изъ нихъ не могла затмить другую. Ла Пекорина ненавидѣла и презирала маленькаго пухлаго Баффи, вѣчно брюзжащаго на свое здоровье и кутающаго шею въ теплый шарфъ. Она завидовала ему настолько, что съ удовольствіемъ подсыпала бы въ одну изъ его неизбѣжныхъ микстуръ, если не яду, то по крайней мѣрѣ слабительнаго. Женоподобный виртуозъ мстилъ тѣмъ, что жаловался на нее всѣмъ встрѣчнымъ и поперечнымъ и нанималъ адвокатовъ, чтобы затѣять противъ нея судебный процессъ.

Въ зрительномъ залѣ образовались партіи примадонны и primo uomo, раздѣленныя пропастью вражды во время соотвѣтственныхъ соло и сливавшіяся въ общемъ взрывѣ восторговъ лишь послѣ дуэта. Что это были за дуэты! Меломаны долго будутъ вспоминать сладостность ихъ, но мы, люди кулисъ, давясь отъ сдерживаемаго хохота, прислушивались, какъ шептала Ла Пекорина въ мгновеніе паузы страстно сжимаемому ею въ объятіяхъ Баффи, «кастратъ, недоносокъ, мокрая ку-

рица», и какъ отвѣчалъ онъ ей: «долговязая жердь, кобыла, гладильная доска»....

Мы ставили въ первый разъ «Переполохъ в гаремѣ». Сцена третьяго акта изображала султанскій садъ, объятый ночной темнотой, и круглый павильонъ, гдѣ происходитъ свиданіе юнаго Баязида съ отважной Гюльпарой. Скрытый въ глубинѣ павильона синьоръ Баффи уже пропѣлъ въ окошко свое знаменитое соло съ трелями соловья, ожидая возлюбленную. Ла Пекорина появилась на авансценѣ и здѣсь, прямая какъ метла, разводя невпопадъ длинными руками и закатывая подъ лобъ дико вращающіеся глаза, еще разъ изумила весь свѣтъ кристальностью одного изъ лучшихъ сопрано Италіи. Отдохнувъ отъ браво и аплодисментовъ, обѣ партіи зала съ нетерпѣніемъ ждали дуэта. Примадонна приближалась къ дверямъ павильона. Спѣша постановкой, Фулинъ провелъ всѣ репетиціи оперы безъ окончательной мизансцены. Несчастная моя разсѣянность помѣшала мнѣ посчитаться при построеніи павильона съ нечеловѣческимъ ростомъ Ла Пекорины. Тщетно пыталась она войти въ низенькую дверь. Уже болѣе чѣмъ сколько слѣдовало разъ повторилъ Баязидъ свое нѣжное «приди, приди». Произошло замѣшательство, оркестръ въ недоумѣніи растягивалъ такты. Гюльнара убѣдилась, что могла бы проникнуть въ павильонъ любви лишь вставъ спиной къ зрителямъ на четвереньки! Въ бѣшенствѣ выпрямилась она и съ высочайшимъ «иду, иду!» принялась колотить руками и ногами хрупкое мое сооруженіе. Картонъ его иллюзорныхъ стѣнъ прорвался, досчатыя колонки вылетѣли вонъ подъ мощными ударами разгнѣванной примадонны. Еще мгновенье и крыша павильона рухнула, погребая барахтавшагося среди обломковъ въ своей голубой курточкѣ и персиковыхъ чулкахъ синьора Орацiо Баффи.

V.

Скандалъ, которымъ благодаря моей разсѣянности закончился «Переполохъ въ гаремѣ», лишилъ меня покровительства знаменитой Аделаиды Пекорини мгновенно и безповоротно. Я могъ почитать себя еще счастливымъ, что отдѣлался сравнительно дешево: гнѣвъ примадонны былъ смягченъ тѣмъ обстоятельствомъ, что по моей винѣ въ смѣшномъ положеніи передъ

публикой оказалась не она одна, и что участь ея раздѣлилъ, даже еще въ большей степени, ненавистный ей виртуозъ. Что же касается нашего Антоніо Фулинъ, то у него не было основаній для неудовольствія. Хорошій скандалъ въ театрѣ не вредитъ ни сборамъ, ни репутаціи импрессаріо, даже если имѣетъ дѣло съ нѣсколько флегматическимъ нѣмецкимъ зрителемъ, не столь падкимъ до всякихъ сюрпризовъ, какъ зритель Венеціи или Милана.

Всѣ эти соображенія утратили для меня скоро особую важность, такъ какъ я получилъ отвѣтъ на свои письма и именно въ той формѣ, въ какой и желалъ. И мой отецъ и шевалье Аркасъ, оба прислали мнѣ нѣкоторое количество денегъ и благословили меня на дальнѣйшія странствія. Отецъ сообщалъ кратко, что дѣла капитолійской лавки идутъ благополучно въ счастливыхъ рукахъ Маріуччи и со свойственной его воображенію легкостью совѣтовалъ мнѣ, разъ я забрался уже такъ далеко, направиться прямикомъ въ Санктъ Петербургъ, искать богатства и славы при дворѣ Екатерины. Шевалье, напротивъ, какъ бы сожалѣлъ, что я долженъ былъ удалиться отъ мѣста моихъ опасныхъ знакомствъ, но впрочемъ выражалъ не очень обрадовавшую меня увѣренность въ еще предстоящихъ мнѣ встрѣчахъ съ иллюминатами. Къ своему письму онъ присоединилъ полезную для меня рекомендательную записку на имя одного изъ знатнѣйшихъ землевладѣльцевъ Курляндіи.

Итакъ, я снова былъ снабженъ деньгами и облеченъ довѣріями. Путешествіе мое могло возобновиться въ условіяхъ естественныхъ и спокойныхъ. Не безъ нѣкоторой грусти разстался я съ труппой Антоніо Фулинъ. Со стороны этихъ превосходныхъ людей, пріютившихъ меня въ бѣдственную минуту, мнѣ было оказано до самого послѣдняго дня дружеское вниманіе. На прощаніе каждый изъ нихъ старался выразить мнѣ свои чувства какъ могъ. Импресаріо обнялъ меня и расцѣловалъ, разсчитавшись со мной великодушнѣйшимъ образомъ. Маленькіе пѣвцы и пѣвицы устроили въ мою честь пирушку, въ продолженіе которой Анзолетта сидѣла у меня на колѣняхъ, шепча мнѣ на ухо совѣтъ, быть умнѣе и до конца воспользоваться ея расположеніемъ. Ла Пекорина простила мое прегрѣшеніе и подарила мнѣ свой портретъ, осыпанный брилліантами, увы, фальшивыми! Взволнованный, растроганный, благодар-

пый, готовый и плакать и смѣяться актерскимъ ужимкамъ, скрывавшимъ подлинное добросердечіе, не думалъ я въ тѣ минуты, что труппѣ Фулинъ суждено будетъ оказать мнѣ услугу еще болѣе дѣйствительную и неоцѣненную.

Я миновалъ Берлинъ, Штеттинъ и Данцигъ. Въ Маріенвердерѣ я встрѣтился съ французомъ Дюраномъ, архитекторомъ садовъ и парковъ, отправлявшимся на службу ко двору русской Семирамиды. Мы согласились вмѣстѣ совершить предстоявшую намъ общую часть пути. Суровая зима застала насъ въ Кенигсбергѣ, и мы двигались далѣе въ саняхъ, одѣтые въ шубы и укутанные въ мѣховыя покрывала. Лѣса, осыпанные снѣгомъ, блиставшіе морозомъ, искрившимся въ лучахъ низкаго и красноватаго солнца, разступались по сторонамъ нашей дороги, подобные сказочнымъ садамъ, созданнымъ феей, далеко превосходящей въ изобрѣтательности своей искусство моего спутника. Не обращая, однако, вниманія ни на что окружающее, онъ пилъ французскую водку, бранился съ кучерами и спалъ непробуднымъ сномъ, колыхаясь, точно безжизненное тѣло, при каждомъ толчкѣ нашего скользящаго экипажа.

Мы разстались въ Митавѣ. Я прибѣгнулъ здѣсь къ указаніямъ, даннымъ мнѣ графомъ Даленъ и пустилъ въ ходъ рекомендательную записку шевалье Аркаса. Мнѣ предстояло нѣсколько дней пути на сѣверъ, которые провелъ я въ легкихъ одиночныхъ саняхъ, запряженныхъ рѣзвой лошадкой и управляемыхъ аборигеномъ, не изъяснявшимся ни на одномъ изъ языковъ извѣстныхъ цивилизацій. Мы проѣзжали рѣки, о существованіи которыхъ можно было лишь догадываться по скрипу полозьевъ о ледъ, и селенія, которыя не отмѣтилъ въ своемъ маршрутѣ ни одинъ путешественникъ. Снѣжныя пустыни разстилались вокругъ, безвѣстныя, необитаемыя, оглашенныя унылымъ гудѣніемъ вѣтра и далекимъ воемъ волковъ.

Солнце пряталось за плотной пеленой облаковъ, тусклый день возникалъ неохотно, чтобы черезъ нѣсколько часовъ уступить мѣсто ночи. Я былъ на концѣ свѣта, если только у свѣта есть конецъ, недоступный корысти или нуждѣ человѣка.

Нетерпѣніе мое все возрастало, пока, наконецъ, однажды вечеромъ, ливонецъ, возсѣдавшій на передкѣ саней, не обернулся ко мнѣ и не показалъ кнутомъ, промолвя «Веллинъ». Я съ напряженіемъ вглядывался въ сумеречныя равнины, но не разли-

чилъ ничего. Спустя нѣкоторое время передо мной вырисовались темныя массы построекъ и сада. Я увидалъ нѣсколько оконъ уже освѣщенныхъ огнемъ. Среди этихъ необозримыхъ снѣговъ, въ странѣ суровой и дикой, между народовъ, забытыхъ Богомъ и людьми, живетъ ли та, кого я видѣлъ столько разъ на фонѣ зрѣлищъ Рима и ландшафтовъ Неаполя? Я вспомнилъ съ ужаснымъ смущенiемъ миражъ, пригрезившiйся мнѣ въ магическомъ зеркалѣ Либелiуса. Не прiоткрывалъ ли онъ нѣчто изъ тѣхъ опасностей, которыя подстерегали на каждомъ шагу Жюльетту въ лицѣ сообщника ея бѣгства? Я былъ готовъ отдать полжизни, чтобы только не испытать этой минуты жестокихъ сомнѣнiй. О, если бы можно было вычеркнуть послѣднiе мѣсяцы изъ нашихъ судебъ и возвратиться къ счастливымъ временамъ палаццо Альдовити!

Встрѣченные лаемъ собакъ мы въѣхали въ открытыя ворота помѣстья и оказались на обширномъ, занесенномъ снѣгомъ дворѣ. Я вылѣзъ изъ саней и нерѣшительно направился къ главному подъѣзду, темнѣвшему среди скромнаго господскаго дома въ два этажа, съ возвышавшейся на одномъ изъ его угловъ пристройкой на подобiе башни. Скрипнула дверь на боковомъ крыльцѣ, женская фигура показалась на его ступеняхъ, придерживавшая рукой воротъ накинутой на плечи шубки. Еще прежде чѣмъ услышалъ я голосъ, звавшiй собакъ, я узналъ Жюльетту. Я бросился къ ней, проваливаясь по колѣна въ глубокiй снѣгъ. «Боже» вскричала она, узнавъ меня въ моемъ нарядѣ лапландца. «Орсо Вендоло? Что это значило бы? Скажите скорѣй, дурныя или хорошiя вѣсти?» Не дожидаясь отвѣта, она указывала мнѣ путь. «Правѣе, еще правѣе, теперь прямо», командовала она неловкими моими движенiями. Первое изумленiе было забыто; надъ продѣланнымъ мною въ снѣгу медвѣжьимъ танцемъ Жюльетта смѣялась беззаботно и весело, какъ въ былые дни.

Она еще смѣялась, протянувъ мнѣ для поцѣлуя обѣ руки, когда я взобрался, наконецъ, на боковое крыльцо. «Все благополучно тамъ» увѣрялъ я, «но вы, графиня... Сколько волненiй заставили вы насъ всѣхъ испытать!» Она вглядѣлась въ меня пристальнѣе въ невѣрномъ свѣтѣ зимнихъ сумерекъ. «Все тотъ же!» вздохнула она, улыбаясь. Милой рукой коснулась она моихъ глазъ, закрывая восхищенный ихъ взглядъ.

«Нельзя, здѣсь надо быть благоразумнѣе», сказала она тихо и ласково. Мы вошли въ домъ.

Мыза Веллинъ была однимъ изъ владѣній барона Руновъ, разбросанныхъ по Курляндіи и Лифляндіи, и именно тѣмъ, куда предпочелъ онъ удалиться на покой, оставивъ службу при Митавскомъ дворѣ. Разочарованіе герцогствомъ заставило его поселиться въ предѣлахъ сосѣдней Имперіи, гдѣ нетревожимый никакими обязанностями могъ онъ свободно предаться своему излюбленному занятію астрономіей, прерываемому лишь перепиской съ выдающимися научными умами Европы. Супруга его, сестра покойнаго отца графини Юліи, дѣлила его уединеніе, освѣщая своей ранней сѣдиной и молодымъ лицомъ, съ ясными живыми глазами, уютъ деревенскаго дома, исполненнаго радушія, достоинства и простоты.

Кто не живалъ зимой въ этихъ далекихъ сѣверныхъ помѣстьяхъ, рисующихся нашему воображенію мѣстами ссылки или изгнанія, тотъ даже не можетъ представить себѣ всей прелести жизни въ нихъ. Заканчивая мой первый вечеръ на мызѣ Веллинъ, я со слегка кружившейся отъ счастья головой сидѣлъ въ столовой, увѣшанной трофеями давнишнихъ охотъ, передъ камнномъ, гдѣ жарко горѣли цѣлые стволы деревъ. Снисходительная баронесса поставила передо мной кружку горячаго грога. Ученый супругъ ея, обрадованный рѣдкимъ гостемъ изъ странъ, напоминавшихъ путешествія его молодости, торопился задать мнѣ вопросъ за вопросомъ, на которые я старался отвѣчать какъ то позволяло мое невѣжество. Жюльетта, поставивъ локти на столъ и оперевъ на голову руки, глядѣла на меня слегка насмѣшливо, по своему обыкновенію, и ободрительно въ то же время, прислушиваясь къ нашей не совсѣмъ вразумительной бесѣдѣ и болѣе того къ собственнымъ мыслямъ.

Баронъ Руновъ совершенно оживился, когда узналъ, что я былъ въ молодости ученикомъ отца Маурнціо. Онъ произнесъ восторженную похвалу іерусалнмиту, посвятившему меня нѣкогда въ тайны математическихъ наукъ и уже собрался вести меня въ библіотеку, чтобы показать труды ученаго монаха, вышедшіе въ свѣтъ лишь послѣ его кончины. Вмѣшательство дамъ освободило меня: слуга ожидалъ въ дверяхъ приказанія отвести меня наверхъ, въ предназначенную

мнѣ спальню. Мы поднялись въ комнаты для пріѣзжающихъ. Та изъ нихъ, которая отведена была мнѣ, призывала къ отдыху изгибами обитыхъ зеленымъ сафьяномъ креселъ, свѣжей бѣлизной откинутой постели, золотыми углями, тлѣвшими на рѣшеткѣ камина. Слуга поставилъ на столъ свѣчу и удалился, пожелавъ мнѣ спокойной ночи. Я оглядѣлся кругомъ. На бѣлыхъ стѣнахъ комнаты я увидѣлъ обведенныя тонкими золотыми рамками гравюры Джованни Баттиста — Понте Лукано, храмъ Весты, пирамиду Цестія, мавзолей Адріана. На нѣкоторыхъ изъ нихъ я могъ бы узнать черты своей иглы и найти слѣдъ своихъ травленій! Потрясенный этой неожиданной встрѣчей съ незабвеннымъ моимъ прошлымъ и предчувствіемъ радостныхъ дней, предстоявшихъ въ будущемъ, я повалился въ кресло и закрылъ руками лицо, мокрое отъ счастливыхъ слезъ.

Среди снѣжныхъ пустынь и необозримыхъ лѣсовъ, подъ кровлей жилища, отдѣленнаго днями пути отъ большихъ городовъ, встрѣтить произведенія нашего геніальнаго Пиранези — это ли не свидѣтельство великой силы народа, говорящаго на томъ языкѣ, который былъ языкомъ моихъ предковъ! Отъ альпійскихъ вершинъ до береговъ полуночнаго моря сыны нѣмецкой націи, настойчивые, неприхотливые, взращенные неблагодарной почвой и негостепріимной стихіей, шагъ за шагомъ осуществляютъ свое историческое призваніе, неся начала образованности въ среду полудикихъ племенъ. Ганзейскій купецъ ведетъ свой корабль въ ледяныхъ волнахъ Балтики, ремесленникъ насаждаетъ полезный трудъ въ недавнихъ селеніяхъ, во всемъ уподобляющихся городамъ его старой родины. Фермеръ проводитъ дороги и воздѣлываетъ поля, подавая примѣръ своему только что пріобщенному къ цивилизаціи сосѣду, и землевладѣлецъ, собирающій книги, картины и музыкальные инструменты въ стѣнахъ родового замка, создаетъ въ немъ оазисъ искусствъ и науки.

Однимъ изъ такихъ оазисовъ была мыза Веллинъ. Баронъ Руновъ ввелъ меня на слѣдующеѳ утро въ тишину ея библіотекъ, заключавшихъ рядъ свѣтлыхъ комнатъ во второмъ этажѣ господскаго дома. Молодой человѣкъ съ коротко остриженной головой и въ золотыхъ очкахъ, прикрывавшихъ добродушные подслѣповатые глаза, поклонился мнѣ изъ за стола, заваленнаго бумагами. Владѣлецъ Веллина рекомендовалъ мнѣ своего

секретаря Готфрида Кремке, въ то время какъ съ расположенныхъ между шкапами колонокъ и консолей взирали на меня гипсовые бюсты Лейбница, Эйлера, Даламбера и Ньютона. Мы поднялись въ домашнюю обсерваторію, сооруженную увлеченіемъ барона въ нарочно для того пристроенной башнѣ. Ученый мой собесѣдникъ съ гордостью положилъ руку на мѣдное тѣло значительнаго телескопа, объясняя мнѣ свои труды и открытія. Онъ жаловался лишь на постоянную облачность неба Прибалтики, никогда не бывшей обѣтованной страной астрономическихъ наблюденій. Легкіе шаги послышались въ эту минуту на винтовой лѣстницѣ; еще мгновеніе и голова Жюльетты явилась на уровнѣ пола, озаряющая сумрачность книгъ и холодность приборовъ ученаго кабинета, подобная солнцу, встающему изъ низкихъ равнинъ ея родины.

На склонѣ того же дня Жюльетта расположилась въ углубленіи одного изъ оконъ гостиной, съ рукодѣліемъ въ рукахъ, готовая выслушать мой разсказъ. Сосредоточенная, спокойная, поглощенная казалось въ равной мѣрѣ движеніемъ своей спицы и теченіемъ моихъ словъ, она слушала меня, не прерывая и лишь изрѣдка поднимая голову, чтобы бросить на меня бѣглый взглядъ Я изложилъ событія, послѣдовавшія въ Неаполѣ за ея отъѣздомъ, и обстоятельства, сопровождавшія мое путешествіе. Я изобразилъ во всѣхъ подробностяхъ приключеніе, постигшее меня въ Хелленбургѣ, и описалъ свое пребываніе въ труппѣ Фулинъ. Къ величайшему моему удивленію именно эта часть моего разсказа болѣе всего заинтересовала Жюльетту. Она отложила въ сторону свое кружево, глаза ея свѣтились удовольствіемъ въ сгущавшихся сумеркахъ. Нарушивъ молчаніе, она принялась разспрашивать меня о причудахъ Ла Пекорины и слабостяхъ Ораціо Баффи. Скандалъ, какимъ завершился «Переполохъ въ гаремѣ», привелъ ее въ самое веселое расположеніе духа. Смѣясь до упаду воскликнула она, откинувшись на спинку кресла: «Ахъ дорогой синьоръ Орсо! Чего не доставало мнѣ здѣсь, это такого смѣха! Фредерикъ отлично сдѣлалъ, что прислалъ васъ сюда».

Я былъ немного смущенъ и раздосадованъ тѣмъ оборотомъ, какой вдругъ приняла наша бесѣда, казавшаяся мнѣ важной и нѣсколько торжественной. Разсказъ мой, содержавшій быть можетъ черты комизма тѣхъ или иныхъ дорожныхъ встрѣчъ,

въ основѣ своей заключалъ многое, что не заслуживало бы беззаботнаго отношенія. Желая вернуть Жюльетту къ тревожнымъ мыслямъ, не переставшимъ меня волновать, я вынулъ изъ кармана флаконъ Карла Старре, жегшій мнѣ грудь сквозь полотно рубахи догадкой о его содержимомъ. Прежде чѣмъ я успѣлъ опомниться, рука Жюльетты завладѣла имъ. Я попытался противиться, но холодноватый камень вскорѣ выскользнулъ изъ моихъ пальцевъ. «Графиня», вскрикнулъ я почти угрожающе, «вы нарушаете волю судьбы, рукой барона Старре назначившей этотъ смертельный напитокъ для одного изъ насъ троихъ». Юлія Даленъ выпрямилась передо мной во весь ростъ, далеко отбросивъ мирную свою работу, меча молніи глазъ въ полутьмѣ вечера. «Вы ошибаетесь», произнесла она съ запальчивымъ высокомѣріемъ, «ни одной минуты Старре не думалъ о васъ!» Она нѣсколько смягчилась вслѣдъ затѣмъ и добавила обычнымъ своимъ голосомъ, «послушайтесь предупрежденія данного вамъ, забудьте то, что видѣли вы и слышали. Станьте въ сторону и ждите, пока совершится судъ Божій!»

Проводя дни на мызѣ Веллинъ, я тщетно подстерегалъ бы признаки, которые могли мнѣ напомнить, что пребываніе здѣсь Юліи Даленъ не было естественнымъ и простымъ дѣломъ. Лишь въ особливой ласковости и какъ бы осторожности, съ какой обращалась къ своей любимой племянницѣ добрая баронесса Руновъ, могъ ощутить я слѣдъ тѣхъ волненій, которыя путешествіе Жюльетты причинило ея близкимъ и ей самой. Объ этомъ путешествіи она не пожелала сказать мнѣ ни одного слова. Видя ее подлѣ себя живой, веселой и здоровой, я съ легкомысліемъ, свойственнымъ мнѣ, не возвращался къ сомнѣніямъ и тревогамъ, мучившимъ меня во время разлуки. Я не задавалъ вопросовъ, на которые ей не хотѣлось бы отвѣчать. Покорно я подчинялся и мудрости даннаго мнѣ совѣта: характеръ мой не долго тяготѣетъ къ впечатлѣніямъ мрачнымъ; разъ только сотни миль отдѣлили меня отъ мѣста моего искуса и никакія видимыя опасности не угрожали ни мирному Веллину, ни дорогой моему сердцу его обитательницѣ, я былъ готовъ доставить удовольствіе иллюминатамъ и чистосердечно забыть объ ихъ безсмысленныхъ угрозахъ и клятвахъ.

Я съ наслажденіемъ предался жизни изо дня въ день ря-

домъ съ тою, кого любилъ. Въ углубленіи окна гостиной вели мы нескончаемыя бесѣды, не прерывавшіяся больше борьбой изъ за флакона Старре, который пересталъ вдругъ тревожить мое воображеніе и рисовался мнѣ теперь безобиднымъ и какъ бы утратившимъ смертельную свою силу, лежа среди бездѣлушекъ, гдѣ либо на туалетѣ графини. Я любилъ вечера, когда зажигались огни, комнаты наполнялись тепломъ и уютомъ. Баронесса, соединявшая разсудительность примѣрной хозяйки съ талантомъ отличной музыкантши, садилась за клавикордъ, и добродушный Готфридъ Кремке натиралъ канифолью смычекъ своей скрипки, готовясь къ сонатамъ. Вздыхая на облачность неба, спускался къ намъ со своей вышки владѣлецъ Веллина, и пасторъ Гуде, поддерживавшій связь помѣстья съ внѣшнимъ міромъ, спѣшилъ утѣшить его объемистымъ свердкомъ ученой корреспонденціи. Старики усаживались за обычную партію въ пикетъ, Жюльетта располагалась въ углу дивана, задумчивая, утихшая, взволнованная музыкой, и я глядѣлъ на нее, боясь шепнуть слово, боясь пошевелиться и тѣмъ нарушить нѣжность этихъ минутъ.

Мнѣ не приходила въ голову мысль о неизбѣжномъ въ концѣ концовъ отъѣздѣ. Миссія графа Даленъ и другая, болѣе важная, которую возложилъ я самъ на себя послѣ происшествія въ Хелленбургѣ, обѣ были мной выполнены въ бесѣдахъ у зимняго окна. Но въ противоположность тому, что ощущалъ я на дорогахъ, приведшихъ меня сначала въ труппу Фулинъ, а затѣмъ подъ кровъ Веллина, мнѣ казалось теперь, что на мнѣ и не лежало никакихъ особенныхъ миссій. Я чувствовалъ себя такъ, какъ если бы добрался до цѣли всѣхъ своихъ намѣреній. Въ ожиданіи блаженныхъ для меня сумерокъ у зимняго окна, я проводилъ утро въ библіотекѣ барона Руновъ. Не будучи силенъ въ математическихъ выкладкахъ, я помогалъ ученому тѣмъ, что составлялъ для него чертежи. На картахъ неба я изображалъ фигуры, которыя воображеніе древнихъ желало видѣть въ расположеніи, созвѣздій — Водолея съ его опрокинутой урной. Стрѣльца, въ видѣ кентавра, натягивающаго лукъ, Дѣву, сгибающую колосъ, Близнецовъ, братски обнявшихъ другъ друга. Несложные эти рисунки пробудили во мнѣ страсть къ моему ремеслу. Замѣтивъ мою наклонность, Жюльетта предложила мнѣ исполнить съ нея портретъ.

Я не былъ до сей поры портретистомъ и не писалъ изображеній живыхъ существъ, иначе какъ въ маленькихъ фигуркахъ, населявшихъ мои ландшафты. Незнакомому и заманчивому дѣлу я предался со всѣмъ увлеченіемъ новичка. Оно доставляло мнѣ помимо того возможность проводить и утренніе часы наединѣ съ Жюльеттой! Я работалъ въ залѣ, мало служившей моимъ, давно отказавшимся отъ большихъ пріемовъ, хозяевамъ и почти вовсе не посѣщаемой ими въ эти суровые зимніе мѣсяцы. Позировавшая для меня графиня не могла бы однако пожаловаться на холодъ избраннаго мной мѣста сеансовъ, потому что я задумалъ написать ее такой, какой увидѣлъ впервые на крыльцѣ дома — придерживающей рукой воротъ наброшенной на плечи мѣховой шубки.

Въ этомъ бѣгломъ движеніи, въ этомъ быстромъ поворотѣ было нѣчто вѣчно присущее Жюльеттѣ! Мнѣ приходилось имѣть дѣло съ одной изъ труднѣйшихъ натуръ, когда либо искушавшихъ опытность настоящаго портретиста. Смѣняемость выраженій этого лица могла бы и не одного меня привести въ отчаяніе. Глаза Жюльетты глядѣли прямо, но тысячи мыслей и чувствъ скользили въ ихъ синевато-сѣрой глубинѣ, какъ тѣни проплывающихъ кораблей на днѣ моря. Впервые я изучалъ теперь отдѣльныя ея черты, всегда сливавшіяся для меня прежде въ сіяющемъ образѣ внутренняго видѣнія. Быть можетъ, онѣ не отличались правильностью, эти черты, и знатокъ идеальной красоты поставилъ бы въ упрекъ моему идеалу пропорціи слишкомъ твердо очерченнаго большого рта или излишне сильную моделировку щеки. Какъ живописецъ, я былъ болѣе всего занятъ цвѣтомъ лица Жюльетты. Не будучи ни блондинкой, ни брюнеткой, она не отличалась ни сѣверной бѣлизной, ни смуглотой кожи. Окраска лепестковъ розовой и желтой розы мѣшалась въ ея открытыхъ платьемъ плечахъ. Покрывъ ихъ мѣховымъ воротникомъ шубки, я малодушно пожелалъ выйти изъ непреодолимаго для меня затрудненія. Мѣхъ голубой лисицы, пепельность слегка напудренныхъ волосъ и цвѣтъ сѣрыхъ глазъ дали мнѣ рядъ согласныхъ между собою оттѣнковъ, расцвѣченныхъ нѣжнымъ и яркимъ пятномъ искусственнаго по модѣ румянца.

Портретъ мой былъ далеко не законченъ. Въ одно изъ утръ, которымъ я не упомню теперь счетъ, Жюльетта хмури-

лась, лицо ея казалось вдругъ похудѣвшимъ; нервнѣе чѣмъ всегда запахивала она рукой воротъ своей шубки. Я былъ доволенъ работой, и, не замѣчая ничего, пребывалъ въ самомъ радужномъ состояніи духа. Воспользовавшись паузой, Жюльетта попросила передать ей со стола круглое зеркальце. Она взглянула въ него, и вслѣдъ затѣмъ оно выпало изъ ея безпомощныхъ въ тотъ день пальцевъ и, скользнувъ по атласу шубки, стукнуло о коверъ. Я бросился поднимать его; очутившись у маленькихъ ногъ Жюльетты я былъ пораженъ печальнымъ ихъ выраженіемъ. Я цѣловалъ ихъ, стараясь согрѣть сквозь шелкъ чулокъ. Легкое содроганіе ихъ отозвалось огненной волной в моей крови; я бросилъ кисть, сердце мое пьянѣло, и голова сладко кружилась.

Жюльетта коснулась рукой моего лба. «Встаньте» проговорила она, и голосъ ея прозвучалъ такъ особенно, что я повиновался. Я былъ изумленъ происшедшей въ ея лицѣ перемѣной. Глаза ея темнѣли, глядя въ пространство, рѣзкія тѣни легли на блѣдность щекъ, подчеркнутую пятномъ румянца. «Выслушайте меня» сказала она, «вы единственный человѣкъ, которому я могу разсказать все.»

«Вы не думаете, конечно, что путешествіе мое было увеселительной прогулкой! Вы знаете тотъ приступъ отчаянія, который заставилъ меня кинуться головой внизъ. Я оказалась стоящей между двухъ существъ, близкихъ мнѣ одинаково и по разному. Оставаясь въ такомъ положеніи, я питала собой смертельную вражду ихъ другъ къ другу. Каждый изъ нихъ былъ готовъ совершить преступленіе, и графъ Фредерикъ, какъ слабѣйшій, первый уступилъ искушенію. Я рѣшила бѣжать отъ него. Могла ли я искать помощи у людей разсудительныхъ и честныхъ? Я обратилась къ Чарни: онъ не нуждался ни въ какихъ объясненіяхъ и оправданіяхъ».

«Я вступила на скользкій путь обманщицы и авантюристки. Мнѣ пришлось притворяться и лгать. Я узнала низость переодѣванія въ чужое платье и существованія подъ вымышленнымъ именемъ. Компаньонъ мой оказался достойнымъ меня. Бѣглый должникъ, нечестный игрокъ, быть можетъ воръ, таковъ былъ на дѣлѣ графъ Чарни, любимецъ неаполитанскихъ женщинъ! Я ѣхала по Италіи въ качествѣ самозванной аббатиссы; послѣ переѣзда въ Тріестъ, во время скитаній по вен-

герскимъ городамъ и замкамъ, этотъ человѣкъ потребовалъ отъ меня, чтобы я разыгрывала роль его жены».

Я сдѣлалъ невольное движеніе, Жюльетта остановила меня знакомъ руки и продолжала свое признаніе. «Не знаю», сказала она, «какимъ волшебствомъ показалъ вамъ этотъ Либеліусъ сцену въ магическомъ зеркалѣ, но такая сцена была въ моей жизни. Тотъ, кого знаемъ мы всѣ подъ именемъ Чарни, оказался снѣдаемъ одной лишь страстью, невѣроятной у искателя приключеній, существовавшаго своей ловкостью въ картахъ — страстью испытывать настоящее счастье въ игрѣ, не прибѣгая къ обычнымъ уловкамъ. Онъ плутовалъ за карточнымъ столомъ въ одномъ городѣ лишь для того, чтобы честнымъ образомъ проиграться до тла въ другомъ. Все, что онъ вывезъ съ собой изъ Неаполя, онъ оставилъ въ Тріестѣ. Труды его мошенничествъ подготовляли для него пиры подлиннаго азарта. Въ тѣхъ случаяхъ немилость фортуны заставляла его идти на все, кромѣ обращенія къ своему ремеслу. Онъ продавалъ или закладывалъ свои драгоцѣнности. Однажды очередь дошла до моихъ шкатулокъ и до моихъ сундуковъ . . . Я не знаю, чѣмъ все это кончилось бы, если бы Чарни не былъ внезапно арестованъ въ Силезіи. Я могла раздѣлить его участь въ качествѣ сообщницы, но случайность спасла меня. Внезапно я оказалась свободной, и вы можете повѣрить, что я хорошо поняла то мѣсто вашего разсказа, гдѣ вы благословляли свободу, явившуюся къ вамъ въ нищенскомъ рубищѣ у стѣнъ Хелленбурга. Остатокъ пути я, какъ и вы, совершила съ помощью добрыхъ и простыхъ людей. Однажды утромъ я взошла на порогъ Веллина и упала въ объятія моей не подозрѣвающей ничего о всѣхъ этихъ похожденіяхъ тетки!»

Жюльетта умолкла; проникнутый жалостью и потрясенный, я вновь опустился на колѣни подлѣ ея маленькихъ ногъ. Она вновь остановила меня, болѣе рѣзкимъ, чѣмъ прежде движеніемъ. «Это не все», проговорила она, «я хотѣла уйти отъ Фредерика, и меня избавили отъ него безконечныя протяженія дорогъ всей Европы, извѣданныя мной въ горечи каждаго шага и каждаго оборота колеса. Я обязана была удалиться отъ Старре и положить предѣлъ его вѣрѣ въ меня, нежелающей знать помѣхъ времени или разстоянія. Синьоръ Орсо! Я стала любовницей Чарни!»

VI.

Когда графъ Фредерикъ назвалъ единственной привязанностью своей супруги ея тетку, извѣстную теперь мнѣ баронессу Руновъ, онъ былъ правъ только отчасти. Онъ забылъ упомянуть не менѣе нѣжно любимую Жюльеттой съ дѣтскихъ лѣтъ сверстницу свою и подругу, Марію Руновъ, въ замужествѣ Эрфельденъ. Уже нѣсколько лѣтъ дочь владѣлицы Веллина сопровождала своего мужа, полковника русской службы въ неизмѣримыхъ пространствахъ Имперіи. По послѣднимъ извѣстіямъ она жила въ Москвѣ, дожидаясь супруга, пребывавшаго въ одной изъ южныхъ армій императрицы.

На другой день послѣ описанной сцены сеансъ нашъ по молчаливому соглашенію обоихъ не состоялся. Сойдя къ завтраку я засталъ внезапной гостьей ту, кого Жюльетта люби-
втраку я засталъ внезапной гостьей ту, кого Жюльетта люби-
ла называть русской кузиной. Я былъ представленъ пріѣзжей молодой дамѣ, явной сѣверянкѣ въ своемъ снѣжномъ цвѣтѣ лица и ясности голубыхъ глазъ съ длинными какъ у ребенка рѣсницами. Во всѣхъ словахъ и движеніяхъ Марія Эрфельденъ производила впечатлѣніе мужественной твердости и спокойной силы характера. Жюльетта, сохранившая въ своемъ взглядѣ и впалости щекъ слѣдъ вчерашняго возбужденія, казалась рядомъ съ нею усталой, менѣе увѣренной, болѣе хрупкой и быть можетъ надломленной.

Все свое вниманіе теперь графиня Юлія удѣляла русской кузинѣ. Я былъ, пожалуй, доволенъ неожиданной диверсіей, позволившей мнѣ сосредоточиться на новыхъ моихъ ощущеніяхъ. Я удивлялся сложности ихъ и многосторонности. Признаніе Жюльетты не заставило меня въ первую же минуту провалиться сквозь землю въ ледяной Тартаръ ея Гипербореи. Языкъ мой не повернулся, чтобы произнести слова угрозы или упрека. Я уже вышелъ изъ того возраста, когда себялюбіе молодости мѣшаетъ намъ чувствовать и страдать за другихъ, даже за тѣхъ, кого мы любимъ. Безконечная жалость къ Жюльеттѣ пронизала точно иглой мое сердце. Ради нея самой я не хотѣлъ слышать дальнѣйшихъ признаній. Я сжалъ ея руки и произнесъ со всей силой убѣжденія, какая была мнѣ дана: «не говорите, прошу васъ, не говорите мнѣ больше ничего» Жюльетта поняла меня и благодарно отозвалась слабымъ пожатіемъ. Она отвернулась въ сторону, гордыя слезы

ея закапали на атласъ шубки. Сдерживая крикъ состраданія, я поспѣшилъ удалиться.

Предоставленный съ пріѣздомъ Маріи Эрфельденъ вновь самому себѣ, я имѣлъ досугъ предаться менѣе безкорыстнымъ волненіямъ. Подъ предлогомъ необходимости работать надъ портретомъ наединѣ, я перенесъ его къ себѣ наверхъ. Тамъ проводилъ я часы въ странномъ бездѣйствіи, не прикасаясь къ краскамъ, вопрошая изображеніе, стоявшее передо мной на мольбертѣ, о томъ, о чемъ я не рѣшился бы громко спросить самого себя. Я зналъ, что Жюльетта любила Карла Старре, и что мѣрою ея любви къ нему было все отчаяніе ея поступка. Но если бы ея мрачный герой и отступилъ передъ разбившей всѣ его надежды измѣной, перемѣнилось ли бы отъ того что нибудь въ сердцѣ моей героини? Свободнѣе ли стала бы Жюльетта въ своихъ предпочтеніяхъ и въ большей ли степени могла бы отнынѣ принадлежать себѣ? Свидѣтельство страха ея передъ собственной слабостью, было важнѣе для меня совершеннаго ею признанія. Въ единоборствѣ со своимъ безпощаднымъ противникомъ Жюльетта сочла себя побѣжденной и напрасно пыталась она противопоставить велѣнію чувствъ жалкую преграду поступковъ!

Я могъ бы убить Чарни, если бы встрѣтилъ его въ тѣ дни, и въ то же время я отлично понималъ его ничтожную и случайную роль. Съ лицомъ красивой куклы и съ повадками продажной женщины, польскій выходецъ сдѣлался игралищемъ чужихъ страстей. Я ненавидѣлъ его лишь за то, что онъ оказался на дорогѣ Жюльетты въ роковую для нея минуту. Я усмѣхался тому униженію, которымъ былъ для него ничѣмъ не заслуженный имъ успѣхъ. Другія и болѣе отравленныя мысли терзали, однако, мой умъ, перемежаясь съ этими размышленіями. Я не сомнѣвался въ правдивости словъ Жюльетты, но я зналъ темную силу иныхъ мгновеній, ускользающихъ изъ подъ опеки нашей воли и изъ подъ власти разсудка. Бросая задуманный вызовъ любви и ревности Старре, не испытала ли она преступнаго и сладостнаго томленія хотя бы въ тотъ единственный мигъ, когда приближались къ ней дѣвически нѣжныя руки и яркія губы презрѣннаго баловня картъ и вѣтренницъ! Глубина человѣческаго сердца полна слабостей и противорѣчій, неизобразимыхъ правдивымъ словомъ. Я самъ въ эти дни но-

ваго испытанія не служилъ ли тому примѣромъ, переполненный жалостью къ Жюльеттѣ, готовый пожертвовать жизнью ради ея спокойствія и въ то же время никогда не жаждавшій такъ страстно ея близости, купленной какой угодно цѣной, пусть даже цѣной ея любви, отданной навѣки другому. Волна желанія, рожденная случайностью послѣдняго сеанса, еще кипѣла во мнѣ и не хотѣла утихнуть, не подчиняясь никакимъ доводамъ совѣсти. Съ глухимъ ощущеніемъ стыда я отмѣчалъ въ себѣ позоръ тайныхъ надеждъ, возникшихъ именно изъ несчастья Жюльетты!

Жюльетта тѣмъ временемъ, не переставая изумлять меня перемѣнчивостью, вернулась къ прежней своей беззаботности. Я не видалъ человѣка, который, казалось, умѣлъ забывать такъ искренно и такъ прочно, какъ она. Видя, что я сторонился ея, она бросала мнѣ взгляды, краснорѣчивые неподдѣльнымъ ихъ изумленіемъ. Она какъ бы недоумѣвала и спрашивала меня, что же случилось! Мнѣ оставалось пожать плечами и перестать хмуриться, что я и сдѣлалъ однажды вечеромъ, рѣшительно присоединившись къ обществу кузинъ въ уголкѣ гостиной, къ великому удовольствію доброй баронессы, уже начавшей посматривать на меня обезпокоеннымъ окомъ. Я заговорилъ о предстоящемъ отъѣздѣ. Жюльетта не обратила на мои слова ни малѣйшаго вниманія. Марія Эрфельденъ въ промежуткахъ прекрасныхъ сонатъ баронессы разспрашивала меня о Римѣ, какъ старая знакомая. Жюльетта наблюдала за нашей бесѣдой слегка насмѣшливо, лукаво улыбаясь своимъ затаеннымъ мыслямъ.

Досуги мои вновь перестали быть одинокими. Иногда неразлучныя между собой спутницы ихъ увлекали меня въ снѣжное поле. Держа въ рукахъ охотничьи ружья, Марія и Юлія пылали веселой живостью морозныхъ и солнечныхъ дней, сопровождаемыя сворой лающихъ и скачущихъ вокругъ нихъ псовъ, ловкія и смѣлыя среди родной стихіи. Предоставляя мнѣ рѣшать, которая изъ нихъ больше подобна Діанѣ, онѣ оглашали молчаніе равнинъ ненужнымъ выстрѣломъ по исчезающему вдали зайцу. Не будучи участникомъ охоть, я больше любилъ, когда спускались онѣ на расчищенную для ихъ забавъ ледяную поверхность озера. Участіе мое ограничивалось и здѣсь лишь тѣмъ, что я помогалъ надѣть коньки обѣимъ. Ни пригла-

шенія, ни насмѣшки не могли заставить меня испытать свое проворство въ головоломномъ увеселеніи сѣверянъ. Марія и Юлія скользили передо мной, взявшись за руки, легко вычерчивая ножками на гладкомъ стеклѣ катка фигуры, подобныя тѣмъ, надъ которыми корпѣлъ въ библіотекѣ подслѣповатый Кремке, изображая вращеніе сферъ и бѣгъ созвѣздій. Расшалившись какъ дѣти, онѣ увлекали меня за собой на ледъ, и я дѣлалъ смѣшившія ихъ усилія, боясь свалиться. Однажды я принялъ участіе въ катаніи съ горы на лыжахъ. Марія и Юлія промчались мимо меня точно стрѣлы, и я попытался послѣдовать ихъ примѣру, предавшись на волю Божію. Увы! дощечки лыжъ мгновенно выскочили у меня изъ подъ ногъ и уже самостоятельно продолжали свое движеніе, въ то время какъ я погружался головой въ снѣжный сугробъ, слыша издалека звонкій хохотъ Жюльетты.

Наступившая весна положила конецъ этимъ зимнимъ увеселеніямъ. Однажды побурѣло небо, подулъ вѣтеръ съ запада и снѣгъ, падавшій утромъ, превратился къ вечеру въ дождь. Природа начала съ того дня свою неумолчную работу надъ окутывавшимъ поля бѣлымъ покровомъ. Ручьи бѣжали по склонамъ, и воды скоплялись въ низкихъ мѣстахъ, подергиваясь въ еще морозныя ночи ломкою пленкой льда. Выглянувшее изъ за облаковъ солнце пригрѣвало съ каждымъ днемъ сильнѣе и сильнѣе. Выходя на террасу, скоро очистившуюся отъ снѣга, я впивалъ воздухъ, полный несказанныхъ призывовъ и удивлялся видѣнному мной въ первый разъ явленію сѣверной весны.

По сравненію со своей итальянской сестрой, насколько была она полна непрестанпымъ шумомъ и непрекращающимся движеніемъ! Я засыпалъ подъ лепетъ капель, падавшихъ с крыши, и просыпаясь и отворяя окно слышалъ крикъ перелетныхъ птицъ и ревъ весеннихъ потоковъ. Я узналъ то особое волненіе, съ какимъ ступаетъ нога на обнажившуюся отъ снѣга и покрытую прошлогодней травой землю. Окрестности мѣнялись на моихъ глазахъ и становились неузнаваемы. Въ одну ночь наша рѣчка съ грохотомъ взломала свой ледъ и широко разлилась вокругъ Веллина, затопляя луга. Въ блѣдномъ зеркалѣ этихъ сѣверныхъ лагунъ отразилось небо, то усѣянное звѣздами, то громоздящее облака, освѣщенныя багрянымъ огнемъ

закатовъ. Приглядываясь къ драматическому дѣйствію необыкновенной для меня сѣверной весны, дѣлящемуся на рядъ послѣдовательныхъ актовъ или картинъ, я угадывалъ нѣчто въ характерѣ тѣхъ, кто долженъ былъ измѣрять свои годы ея возвращениями. Я понималъ ихъ долгія томленія и ихъ нервическія предчувствія, ихъ сознаніе неволи и ихъ жажду освобожденія, ихъ смѣлость въ противоположностяхъ, отсутствіе мѣры въ поступкахъ и неувѣренность въ радостяхъ. Мнѣ представлялось, что я лучше узнавалъ Жюльетту.

На исходѣ одного изъ ясныхъ дней, ожившій вмѣстѣ съ возвратомъ незатуманенныхъ небесъ, баронъ Руновъ пригласилъ насъ подняться въ обсерваторію. Титулованный астрономъ обѣщалъ намъ рѣдкую возможность наблюденій Венеры, рождавшейся въ зеленоватомъ небѣ весенняго вечера, почти надъ тѣмъ мѣстомъ, куда заходило солнце. Жюльетта, Марія и я, одинъ за другимъ взглядывали мы въ стеклышко трубы и видѣли маленькій дискъ, приводившій ученаго въ непонятный для насъ восторгъ. Виднѣвшаяся прямо сквозь открытую филенку купола вечерняя звѣзда, носящая имя богини, производила на насъ большое впечатлѣніе своимъ тяжелымъ и желтымъ блескомъ. Со старомодной учтивостью баронъ шутилъ съ дамами, увѣряя, что изъ всѣхъ планетъ Венера должна быть для нихъ наиболѣе привлекательной. Краснѣющій Кремке отзывался на астрономическія остроты чистосердечнымъ смѣхомъ. «О чудодѣйственной силѣ Венеры спросите синьора Вендоло», воскликнула вдругъ Жюльетта, указывая на меня, «онъ въ качествѣ ревностнаго поклонника ея можетъ многое вамъ разсказать».

Итакъ, она еще шутила божествомъ, жестокость котораго успѣла испытать на себѣ! Готовя отвѣтъ, я взглянулъ на нее, но она уже отвернулась, поглаживая рукой холодную мѣдь телескопа. Въ сумеркахъ обсерваторіи, въ странномъ свѣтѣ, который лила пылающая надъ деревьями сада Венера, одолѣвая розовый отблескъ зари, я увидалъ лицо Маріи Эрфельденъ, обратившей ко мнѣ внимательный, сочувственный и нѣсколько грустный взглядъ. Въ короткую долю секунды я понялъ тогда тысячу вещей. Въ глубинѣ моей памяти освѣтились забытые разсказы Жюльетты о томъ, что русская кузина несчастна въ замужествѣ. Я угадалъ также, что Марія Эрфельденъ

знаетъ обо мнѣ все, что могла ей сообщить Юлія Даленъ. Я понялъ безошибочнымъ знаніемъ сердца, что пріобрѣлъ въ это мгновеніе новаго друга.

Цѣнность моего пріобрѣтенія я очень скоро почувствовалъ самымъ дѣйствительнымъ образомъ въ дни болѣзни. Неосторожный съ коварствами сѣверной весны, я слегъ въ постель послѣ одной вечерней прогулки. Приглашенный докторъ опредѣлилъ воспаленіе легкихъ. Сильный жаръ мучилъ меня, но я не терялъ сознанія и лишь по ночамъ грезилъ то математическими выкладками отца Мауриціо, то видѣніями нѣмецкихъ иллюминатовъ. Заботливая баронесса сначала ухаживала за мной, но потомъ передала меня всецѣло въ руки Маріи, которая охотно взяла на себя роль сидѣлки. Что же касается Юліи, то она искренно признавалась, что не любила зрѣлища болѣзни ни въ себѣ, ни въ другихъ.

Понемногу я сталъ поправляться. Марія Эрфельденъ читала мнѣ книги, которыхъ я впрочемъ не слушалъ. Я просилъ ее разсказывать мнѣ о Россіи, и она описывала Петербургъ, возникшій среди болотъ по мановенію императорскаго жезла, и Москву, съ ея тысячами причудливой формы церквей. Она изображала безконечность степей, среди которыхъ двигались русскія арміи въ своихъ походахъ на хана или султана. Въ тѣ ночи мнѣ снились татары, поднимавшіе надъ моей головой свои кривыя сабли, и турки, угрожавшіе мнѣ серпомъ своихъ ятагановъ. Эти тревожные сны смѣнялись мирными бодрствованіями. Казалось, я не только выздоравливалъ послѣ болѣзни, но и отдыхалъ отъ всѣхъ треволненій моего путешествія. Веллинскіе дни, утишенные свѣтлымъ и ласковымъ лицомъ Маріи, такъ дѣтски сосредоточеннымъ, когда отсчитывала она изъ пузырька положенное мнѣ число капель, не повторились болѣе на непостоянныхъ путяхъ моей жизни.

Я выздоравливалъ безъ особой охоты. Насталъ, наконецъ, день, когда я спустился въ столовую, привѣтствуемый добрыми моими хозяевами, точно родной въ ихъ прекрасной и благородной семьѣ. Въ солнечные дни я уже выходилъ на террасу. Время года сильно шагнуло впередъ. Верхушки черныхъ липъ сада поднимались осыпанныя зеленой пылью къ облакамъ, сіяющимъ жемчужнымъ свѣтомъ; запахъ прѣлаго листа смѣшивался съ ароматомъ молодой травы; пѣнье невидимыхъ въ вы-

сотѣ жаворонковъ доносилось съ полей. Жюльетта, садившаяся со мной рядомъ и молчаливо составлявшая мое общество, поражала меня своей блѣдностью, безпокойной рѣзкостью движеній и недоброжелательнымъ оттѣнкомъ произносимыхъ въ мою сторону отрывистыхъ словъ.

Привыкнувъ за эти недѣли къ своей комнатѣ, я проводилъ въ ней теперь вечера, грѣясь у камина, все еще топившагося у меня по приказанію снисходительной къ моимъ слабостямъ баронессы. Однажды отворилась дверь и вошла Жюльетта, неожиданная гостья въ столь поздній уже часъ. Я поспѣшилъ усадить ее въ лучшее мое кресло, но она скоро встала и взявъ въ руки свѣчу принялась разглядывать стѣны комнаты, увѣшанныя гравюрами Пиранези. Останавливаясь передъ каждой изъ нихъ, она задумчиво читала сопровождавшія ихъ внизу легенды: «Понте Лукано», «Храмъ Сивиллы», «Вилла Эсте». «Я пришла къ вамъ посмотрѣть Пиранези», промолвила она и добавила: «разскажите мнѣ о немъ».

Жюльетта усѣлась въ кресло, и я сталъ говорить о великомъ моемъ учителѣ. Оживившись воспоминаніями, я разсказывалъ о нашихъ странствіяхъ въ римской Кампаньѣ. Я называлъ имена мѣстъ, изъ которыхъ каждое вызываетъ въ воображеніи то исполненную историческаго значенія руину, то меланхолическій въ своей прелести пейзажъ. Жюльетта слушала меня и мечтала; грудь ея дышала ровнѣе, выраженіе лица смягчилось. Одна мечта объ Италіи уже освобождала ее отъ тягости оплетавшихъ ее узъ! «Какъ хорошо у васъ, не хочется уходить», воскликнула она, прерывая меня и отзываясь собственнымъ мыслямъ. Она вновь встала и обошла комнату. Вниманіе ея привлекъ обращенный къ стѣнѣ ея портретъ. Она взяла его и долго разсматривала. Я стоялъ за ея плечомъ, и когда она обернулась и взглянула мнѣ прямо въ глаза, я вздрогнулъ и зашатался. Лицо ея приняло странное выраженіе; она прислушалась; гдѣ то далеко скрипнула дверь; все было тихо въ домѣ въ этотъ поздній часъ. Какъ тогда, въ аллеяхъ виллы на Позилиппо, стояла она передо мной, готовымъ упасть на колѣни, снова согласная бросить мнѣ милостыню. «Скажите, и я не уйду» прошептала она. Говорятъ, болѣзнь перерождаетъ тѣлесную природу человѣка. Моя болѣзнь очистила мнѣ душу и влила въ нее новыя силы: я былъ недоступенъ болѣе тѣмъ тай-

нымъ надеждамъ, которыхъ недавно стыдился, глядя на этотъ портретъ. Я нашелъ въ себѣ твердость молча опустить голову и поднять ее лишь тогда, когда легкій шорохъ платья возвѣстилъ объ уходѣ Жюльетты.

На слѣдующее утро, прогуливаясь среди взрытыхъ клумбъ цвѣтника, я встрѣтилъ пастора Гуде, проникшаго въ ограду Веллина со стороны сада. Въ этотъ необычный для него часъ онъ имѣлъ видъ смущенный и озабоченный. Послѣ нѣкотораго колебанія онъ сообщилъ мнѣ, что ищетъ графиню Даленъ, желая передать ей полученное особымъ путемъ письмо. Я взялся помочь ему въ этомъ, и онъ вручилъ мнѣ конвертъ съ видимымъ облегченіемъ. Жюльетту нашелъ я у окна гостиной за книгой, которую она врядъ ли читала. «Графиня» сказалъ я съ нѣкоторой ироніей, «я исполняю обычную подлѣ васъ роль и передаю вамъ это посланіе». Она взглянула на меня съ особенной, иногда свойственной ей кротостью и, взявъ у меня письмо, попросила: «Останьтесь!» Спустя мгновеніе конвертъ скользнулъ на полъ. «Графъ Фредерикъ въ Стокгольмѣ, онъ зоветъ меня», проговорила Жюльетта.

«Вы не знаете,» обратилась она ко мнѣ, «что я писала ему еще прежде, чѣмъ вы появились въ Веллинѣ». Я пожалъ плечами раздосадованный этимъ нѣсколько позднимъ освѣдомленіемъ, которое мѣняло весь смыслъ принятой мной на себя миссіи. «Мое намѣреніе давно перемѣнилось», продолжала Жюльетта. «Вашъ разсказъ объ иллюминатахъ и вещь, посланная мнѣ Старре, заставили меня ускорить рѣшеніе. Я нашла случай написать еще разъ Фредерику. Онъ отвѣчаетъ мнѣ и зоветъ меня въ Швецію. Я должна забыть теперь о себѣ. Я не только невѣрная жена графа Даленъ, но и дочь совѣтника короля Густава, помогшаго ему совершить переворотъ. Память отца велитъ мнѣ исполнить свой долгъ, когда опасность грозитъ королю. Мы увидимъ, можетъ ли что нибудь сдѣлать слабая женщина. Я ѣду, и берегитесь баронъ Старре, если судьба столкнетъ насъ съ вами на узкомъ пути!»

Юлія Даленъ постепенно оживлялась, произнося эту рѣчь. Она поднялась съ кресла, ея брови нахмурились, глаза сверкали гнѣвомъ. Рѣзкимъ движеніемъ она какъ бы уже низвергала своего воображаемого противника. Робѣя, любовался я моей сѣверной героиней. Она между тѣмъ ласково положила

мнѣ на обшлагъ рукава свою руку. «Будьте моимъ спутникомъ, милый Орсо!» воскликнула она. «У меня нѣтъ иныхъ друзей. Съ графомъ Даленъ разумъ мой совершаетъ отнынѣ холодную сдѣлку, которую велитъ честь, но въ которой не участвуетъ сердце». Жюльетта осталась все же вѣрной себѣ и, глядя на меня, не могла не пошутить и не разсмѣяться. «Чтобы вамъ не было скучно, русская кузина поѣдетъ со мной», сказала она лукаво. «Графиня», отвѣтилъ я, цѣлуя ея руку, коснувшуюся меня какъ въ самый первый день нашей встрѣчи, «графиня! Вашимъ довѣреннымъ, вашимъ тѣлохранителемъ, вашимъ слугой готовъ я слѣдовать за вами до скончанія моихъ дней и хоть на край свѣта».

Спустя двѣ недѣли мы покинули Веллинъ. Птицы, уже свившія гнѣзда на высокихъ липахъ его стараго сада, провожали насъ своимъ крикомъ. Баронъ Руновъ долго смотрѣлъ намъ вслѣдъ съ крыльца, и долго кивала намъ расплакавшаяся его супруга, и уже не видя подслѣповатыми глазами исчезавшій нашъ экипажъ еще долго добрый Кремке подавалъ намъ прощальный знакъ своимъ фуляромъ. Въ Ригѣ мы сѣли на датское судно, погода обѣщала намъ благопріятный и скорый переѣздъ. Взойдя на палубу «Ульрики-Анны», вдыхая запахъ смолы и соли, я думалъ: что сказалъ бы шевалье Аркасъ, увидя меня въ роли мореплавателя!

Я оказался однако плохимъ мореплавателемъ. Унизительный и несносный недугъ, именуемый морской болѣзнью, избралъ меня своей жертвой, какъ только «Ульрика-Анна» миновала заливъ и вышла въ открытое море. Я проклиналъ свою судьбу и давалъ слово не измѣнять болѣе своей, очевидно, вполнѣ сухопутной природѣ. Безошибочный инстинктъ говорилъ мнѣ въ то же время, что заключенный въ каютѣ, служившей для меня мѣстомъ пытки, я не долженъ былъ безпокоиться ни о здоровьѣ, ни о расположеніи духа обѣихъ моихъ спутницъ. Когда волненіе, наконецъ, улеглось, когда въ виду нашего судна уже показались плоскіе берега Швеціи, я выбрался нетвердыми шагами наверхъ, чтобы найти тамъ Марію и Юлію, обнявшихся въ невольной общности чувствъ, счастливыхъ, растроганныхъ и благоговѣйныхъ передъ этой унылой полоской земли, передъ этимъ блѣднымъ небомъ, знаменовавшими для одной изъ нихъ родину, для другой — отечество.

VII.

Однажды я соберусь привести въ порядокъ другія записки, чтобы составить изъ нихъ «Описаніе Швеціи». Въ этой далекой и мало кому извѣстной странѣ мнѣ суждено было прожить болѣе года. Я видѣлъ ея суровую природу и хорошо узналъ ея обитателей. Я былъ безпристрастнымъ наблюдателемъ стокгольмскаго двора и незаинтересованнымъ судьей нравовъ сѣверной столицы. Среди военныхъ и гражданскихъ чиновъ государства, среди людей науки и церкви, среди титулованныхъ дамъ, украшавшихъ своимъ присутствіемъ развлеченія короля Густава, я снискалъ многочисленныя знакомства. Ничто не препятствовало мнѣ, съ другой стороны, присматриваться къ жизни горожанъ и купцовъ или распространять свою любознательность на обиходъ шведскаго крестьянина.

Сужденія мои были настолько полны, что имъ слѣдуетъ когда нибудь подвести итогъ. Здѣсь, на страницахъ изображающихъ частныя судьбы и болѣе всего мою собственную судьбу, я воздержусь однако отъ какихъ бы то ни было отступленій, способныхъ затемнить мой разсказъ. Я ограничусь лишь замѣчаніемъ, необходимымъ для насъ, жителей юга, ошибочно рисующихъ себѣ характеръ сѣверянина. Шведъ гордъ и пылокъ въ проявленіяхъ своей любви и ненависти. Необузданность нрава скрывается зачастую подъ ледяною его наружностью. Этотъ народъ не дешевой цѣной покупаетъ привитыя ему начала цивилизаціи. Покорность закону воспитываетъ онъ въ себѣ упорнымъ трудомъ смѣняющихся поколѣній. Законодатель, стремящійся къ общему благу, не долженъ ожидать въ Швеціи скорыхъ и дѣйствительныхъ результатовъ своихъ заботъ. Одолѣвая сопротивленіе умовъ недовѣрчивыхъ и мятежныхъ, онъ, какъ показалъ примѣръ Густава III, рискуетъ поплатиться за то самой своей жизнью.

Страсть къ независимости, приверженность къ дикимъ преданіямъ старины таитъ современный шведъ подъ учтивой и даже изнѣженной оболочкой тѣхъ свѣтскихъ обычаевъ, какія насаждаетъ нынѣ столица Франціи по всей Европѣ. Въ стокгольмскомъ обществѣ пріѣзжій чувствуетъ себя такъ же, какъ въ Римѣ или Парижѣ. Я былъ пораженъ той непринужденностью, съ какой маленькій дворъ короля Густава повторялъ уже видѣнныя мною черты неаполитанскаго двора. Я слышалъ

вокругъ разговоры о тѣхъ же балахъ и церемоніяхъ, врѣлищахъ и концертахъ, пикникахъ и охотахъ. Среди блѣдныхъ озеръ и гранитныхъ скалъ поспѣшно воздвигались или перестраивались дворцы и виллы, отражавшіе внѣшностью и внутреннимъ убранствомъ послѣднюю моду нашего вѣка. Открытый съ величайшимъ торжествомъ оперный театръ могъ бы соперничать если не размѣрами, то блескомъ своего зрительнаго зала съ неаполитанскимъ Санъ Карло. Не выходя изъ разгоряченной атмосферы вечернихъ увеселеній шведской столицы, не переставая вдыхать воздухъ, туманящійся запахомъ пудры, свѣчей и человѣческихъ испареній, я могъ бы забыть и различіе простиравшихся надъ моей головой небесъ.

Различенъ оказался лишь образъ жизни, какой мнѣ пришлось вести въ Стокгольмѣ, по сравненію съ тѣмъ, который выпалъ на мою долю въ Неаполѣ. Я не былъ болѣе безвѣстнымъ маленькимъ живописцемъ, существующимъ лучше своихъ многочисленныхъ итальянскихъ собратьевъ лишь по милости щедраго и гостепріимнаго сѣвернаго графа. Я не былъ теперь никому не нужнымъ молодымъ человѣкомъ, расплачивающимся одинокими и бездѣятельными томленіями подъ кровлей дворца Патернополи за мгновенный и скоро забытый капризъ знатной иностранки. Я не былъ робкимъ ученикомъ, выслушивающимъ чужіе уроки житейской мудрости и постигающимъ опытъ жизни лишь въ словахъ мизантропическаго шевалье. Страна графини Юліи приняла меня какъ желаннаго и даже почетнаго гостя. На землю Швеціи я вступилъ въ качествѣ нѣкоторой художественной знаменитости. Если бы я стремился къ богатству и славѣ, судьба не могла бы послать мнѣ лучшаго случая. Шуточныя предложенія Экстрома обратились въ дѣйствительность: отъ меня самого зависѣло теперь одѣлаться граверомъ шведскаго короля. Ко мнѣ обращались со всѣхъ сторонъ съ предложеніями архитектурныхъ плановъ и просьбами помочь въ выборѣ обстановки. И если бы мнѣ пришла фантазія продолжать свои опыты въ ремеслѣ портретиста, я былъ бы положительно заваленъ самыми выгодными и лестными заказами.

Пусть не подумаетъ читатель, что я хоть на минуту былъ обольщенъ такимъ удивительнымъ расцвѣтомъ доселѣ скромной моей репутаціи. Для того чтобы вознести ее на неожн-

данную высоту, я не ударнлъ нальцемъ о налецъ. Швеція, не слишкомъ богатая всѣми другими дарами боговъ, бѣдна природнымъ своимъ художествомъ. Иностранные архитекторы и живописцы не посѣщаютъ ее съ той же охотой, какъ великолѣпный дворъ русской императрицы. Заѣзжій артистъ является здѣсь болѣе или менѣе рѣдкимъ событіемъ, и ничто не препятствуетъ ему занять тутъ позицію, съ излишкомъ вознаграждающую его за отпущенные ему небомъ таланты.

Что касаестя меня, я не страшился ввести въ заблужденіе гостепріимныхъ ко мнѣ сѣверянъ. Изъ всѣхъ широко открытыхъ передо мною возможностей моей профессіи я избралъ тѣ, съ которыми столкнуло меня дорожное приключеніе. Познанія, пріобрѣтенныя мною въ труппѣ Антоніо Фулинъ, въ качествѣ театральнаго живописца, не пропали даромъ и нашли себѣ теперь самое счастливое примѣненіе. Кто дышалъ хоть однажды воздухомъ кулисъ, тотъ навсегда сохранитъ тяготѣніе къ иллюзорности чувствъ и зрѣлищъ театра. Меня не пришлось особенно уговаривать сдѣлаться однимъ изъ декораторовъ королевской оперы. Мои постановки имѣли успѣхъ, король Густавъ III, самъ великій знатокъ и любитель театра, выказывалъ мнѣ благосклонность. На мою долю выпала высокая честь писать декораціи и для домашней сцены, на которой ставилъ онъ собственныя свои комедіи.

Мои встрѣчи съ королемъ въ Грипсхольмскомъ замкѣ, являвшемся любимой его лѣтней резиденціей, или въ той комнатѣ въ стѣнахъ опернаго театра, которая служила въ разгаръ сезона дѣловымъ его кабинетомъ, сдѣлались заурядньмъ событіемъ въ моей жизни. Я помню, какъ въ первый разъ былъ представленъ ему. Густавъ III всталъ изъ за стола и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ мнѣ навстрѣчу. Живые глаза на молодомъ и подвижномъ лицѣ блеснули передо мной, въ то время, какъ опустивъ голову въ глубокомъ поклонѣ, я видѣлъ сверкнувшій голубой лучъ рѣдкаго брилліанта, украшавшаго королевскую руку. Я былъ принятъ королемъ Густавомъ съ ободряющей ласковостью и великодушной простотой. Я не могъ не оцѣнить разнообразныя познанія высокаго моего собесѣдника въ искусствѣ строительномъ или сценическомъ. О покойномъ моемъ учителѣ Густавъ III отзывался съ величайшимъ уваженіемъ и выказалъ себя ревностнымъ собирателемъ

его произведеній. Уже при этомъ первомъ нашемъ свиданіи онъ подѣлился со мной излюбленными своими предположеніями и заказалъ мнѣ представить планъ новаго лѣтняго замка въ мѣстности, называемой Хага.

Быть можетъ республиканская кровь, текущая въ моихъ жилахъ, обезпечиваетъ мнѣ полную свободу сужденія о томъ, кто въ теченіе двадцати лѣтъ былъ повелителемъ шведовъ. Король Густавъ III имѣлъ всѣ качества, чтобы быть любимымъ своими подданными. Почитаемый тѣми, кто видѣлъ его только издали и зналъ его лишь по государственнымъ дѣламъ и заботамъ, онъ не внушалъ симпатіи тѣмъ, кто по праву рожденія находился въ числѣ его приближенныхъ и окружающихъ. Если исключить небольшое количество до конца приверженныхъ ему друзей, король Густавъ былъ одинокъ среди своего, съ виду безпечнаго и преданнаго разсѣянности двора. Будучи стороннимъ наблюдателемъ, я замѣчалъ недоброжелательный шопотъ въ кругу придворныхъ дамъ, блиставшихъ обнаженными плечами и высокомѣрными профилями. Я слышалъ глухіе намеки непримиримыхъ аристократовъ и видѣлъ, какъ невольно сжимала иная рука эфесъ шпаги, въ то время какъ хмурились брови на суровомъ лицѣ, не размягченномъ ни звуками чужеземной оперы, ни рѣчью національной комедіи. Судьба несчастнаго короля Швеціи не была въ концѣ концовъ для меня неожиданностью. Карлъ Старре пытался совершить, а Іоганнъ Анкарстремъ совершилъ то, о чемъ втайнѣ мечтали многіе другіе. Густавъ III испыталъ обычную участь всякаго, кто пытается вести людей къ благу путями, какими они менѣе всего желаютъ идти. Человѣкъ дорожитъ самыми заблужденіями своими и предразсудками и не желаетъ пожертвовать ими даже ради обѣщаннаго ему въ будущемъ благополучія. Монархи, подобные королю Густаву, въ просвѣщенномъ своемъ деспотизмѣ, способны снискать въ одинаковой мѣрѣ спокойную похвалу исторіи и слѣпую ярость современниковъ.

Не слѣдуетъ думать, что мрачныя предчувствія, только что отмѣченныя мной, вліяли въ какой бы то ни было степени на образъ жизни шведской столицы. Внѣшность вещей имѣетъ сама по себѣ огромную силу и не только скрываетъ внутренній смыслъ ихъ, но и споритъ, по моему глубокому убѣжденію, съ истиннымъ ихъ значеніемъ. Не заставила ли меня позабыть

кажущаяся сторона той жизни, какую вели въ Стокгольмѣ графиня Юлія и графъ Фредерикъ о другой ея сторонѣ, невѣдомой, быть можетъ, свѣту, но отлично извѣстной мнѣ? Призывая счастливыя времена палаццо Альдовити, не возвратился ли я дѣйствительно къ нимъ въ стѣнахъ старинняго дома графовъ Даленъ, заключавшихъ теперь, какъ и тогда, веселый хаосъ новаго водворенія? Не поблѣднѣли ли въ моей памяти передъ зрѣлищемъ этой счастливой и согласной съ виду жизни супруговъ всѣ драматическія обстоятельства, которыя привели ихъ однажды къ разрыву, всѣ несчастья, въ какихъ мнѣ призналась Жюльетта, всѣ злоключенія, которыя испыталъ я самъ ради нея и даже всѣ намѣренія, съ какими покинула она миръ Веллина для бореній столицы.

Въ стѣнахъ своего фамильнаго жилища графъ Фредерикъ сосредоточилъ мраморы и картины, книги и музыкальные инструменты, вывезенные имъ изъ Италіи. Встрѣтивъ меня съ первыхъ же дней самымъ сердечнымъ образомъ, хозяинъ дома Даленъ велъ меня анфиладой, гдѣ узнавалъ я то листы гравюръ, вышедшіе изъ мастерской Джованни-Баттиста, то античные торсы, украшавшіе нѣкогда капитолійскую лавку. Съ невольнымъ восхищеніемъ остановился я передъ холстомъ Клода Лоррена, найденнымъ нами когда то въ заброшенныхъ апартаментахъ дворца Ангвиллара. Бериллъ Соракта, меандры Тибра, осыпанные золотымъ свѣтомъ дубы Римской Кампаньи ущемили сердце мое тоской по родинѣ. Я размышлялъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, объ охотничьемъ приключеніи, свидѣтелемъ котораго были эти красныя скалы Грота Росса. Кинжалъ неаполитанских брави былъ лишь отвѣтомъ на выстрѣлъ охотничьяго ружья Старре. Соперники, повстрѣчавшіеся въ молодости своей въ открытомъ и честномъ поединкѣ, не сосчитались ли они между собой цѣною хотя бы двухъ, отведенныхъ рукою судьбы, покушеній? Отдыхъ, разлитый въ прекрасномъ пейзажѣ Лоррена, среди котораго ничтожнымъ эпизодомъ является само «Нападеніе разбойниковъ», давшее имя картинѣ, не взывалъ ли онъ къ примиренію, къ забвенію дикихъ соревнованій и преступныхъ страстей? Я перевелъ глаза на Жюльетту, стоявшую рядомъ со мной, мнѣ показалось, что она поняла мои мысли и раздѣлила ихъ.

Мнѣ было предложено помѣститься въ домѣ Даленъ.

Помня урокъ неаполитанской жизни, я отклонилъ это предложеніе и нанялъ верхній этажъ у зажиточнаго купца Алоизіуса Кунда, проживавшаго въ мѣстности подлѣ мясного торга. Занятія мои и развлеченія сдѣлали меня плохимъ домосѣдомъ. Въ горячкѣ работъ мнѣ случалось иногда заночевать въ стѣнахъ Большого театра или воспользоваться королевскимъ гостепріимствомъ въ отражающемъ въ глади озеръ свои красныя башни старомъ Гринсхольмѣ. Посѣщая увеселенія двора и столицы я встрѣчался въ обществѣ съ Юліей Даленъ. Я любилъ эти встрѣчи, и какъ ничто иное онѣ волновали меня бѣглымъ взглядомъ, непримѣтнымъ для другихъ движеніемъ головы или рукъ, говорившимъ мнѣ такъ много и такъ краснорѣчиво. Жюльетта была не той, какой заставляла она меня молчаливо страдать въ Неаполѣ. Мы могли недѣлями не видѣться съ ней наединѣ, и я все же зналъ, что ни одной минуты не переставалъ существовать для ноя, и что среди единоплеменниковъ своихъ и родныхъ она не могла бы назвать болѣе близкаго друга.

Когда Жюльетта шутила, что русская кузина поможетъ мнѣ меньше скучать на чужбипѣ, она не пыталась конечно предугадать, чѣмъ сдѣлается для меня Марія Эрфельденъ. Направляясь къ старинному дому Даленъ, я зналъ, что если не застану тамъ Юлію, то найду Марію. Милое и строгое лицо улыбнется мнѣ въ ореолѣ свѣтлыхъ волосъ и окрасится легкимъ румянцемъ. Въ любимомъ своемъ уголкѣ библіотеки русская кузина будетъ журить меня ласково за безпечность и лѣность, или разспрашивать о планахъ моихъ работъ. Въ противоположность Юліи Даленъ, привыкшей глядѣть на мои занятія разсѣянно и лишь снисходительно, Марія Эрфельденъ серьезно интересовалась моимъ дѣломъ и гордилась моими художественными завоеваніями. Я любилъ внимательное и загорающееся воодушевленіемъ выраженіе лица, съ которымъ разглядывала она мои офорты или рисунки, медленно перебирая ихъ листы тонкими пальцами. Я уважалъ молчаніе, въ которомъ смотрѣла она на картины знаменитаго мастера или на мраморы, выкопанные въ итальянской землѣ. Какъ всѣ обойденные жизнью, поставленные судьбой въ сторонѣ отъ ея эфемерныхъ успѣховъ, она была предана искусствамъ съ единственнымъ безкорыстіемъ.

Въ стокгольмскомъ обществѣ я прослылъ вскорѣ ея cavaliere servente. Молва эта благопріятствовала въ одинаковой степени видамъ графини Юліи, самолюбію графа Фредерика и затаенности моихъ настоящихъ чувствъ. Самой нѣжной и самой спокойной привязанностью отвѣчалъ я на дружбу Маріи Эрфельденъ, и это чувство легко уживалось во мнѣ рядомъ съ любовью къ Жюльеттѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, сама не зная того, русская гостья была ангеломъ, хранившимъ меня отъ тѣхъ мимолетныхъ и постыдныхъ, въ концѣ концовъ, увлеченій, какимъ такъ благопріятствуютъ кулисы театра. Подлѣ Маріи Эрфельденъ умолкали желанія, которыя слишкомъ легко кружатъ наши умы и тѣшатъ воображенія. Она принадлежала къ числу тѣхъ женщинъ, отъ которыхъ вѣетъ дыханіемъ чистоты, разрѣженнымъ и недосягаемымъ какъ воздухъ горныхъ высотъ. Мы готовы молиться на нихъ и благословлять ихъ въ нашемъ воспоминаніи, храня незапятнаннымъ видѣніе ихъ и не размышляя, насколько сами онѣ несчастны. Съ какой охотой иныя изъ нихъ промѣняли бы свое возвышающее насъ вліяніе на то воздѣйствіе весьма невысокаго свойства, силой котораго обладаетъ любая изъ обольстительницъ, сдѣлавшихъ любовь своимъ ремесломъ! Ибо любовь, увы, соединяетъ не только души, и единственно подлинная, страстная любовь питается алой кровью, сокомъ нервовъ, мозгомъ костей.

Я не посмѣю коснуться здѣсь природы чувствъ, какія питала ко мнѣ Марія Эрфельденъ. Истина, которая не будучи мною доказана, дала бы поводъ обвинять меня въ самомнѣніи, открылась мнѣ значительно позднѣе, чѣмъ въ стокгольмскіе дни, когда мнѣ некогда было заниматься еще этими сантиментальными наблюденіями. Съ меня было довольно тѣхъ, къ которымъ давало поводъ супружество Даленъ! Графъ Фредерикъ вновь порозовѣлъ, и вновь близорукіе его глаза глядѣли на міръ съ благодушіемъ. Среди своихъ картинъ и книгъ, среди вещей, напоминавшихъ на каждомъ шагу знатность рода, богатство дома и спокойствіе семьи, онъ снова казался счастливымъ. Графиня Юлія жила рядомъ съ нимъ на своей половинѣ, неизмѣнно привѣтливая къ нему, удовлетворенная, казалось, этимъ обрѣтеннымъ ею покоемъ, нѣсколько сдержанная въ быломъ своемъ оживленіи, впадающая въ задумчивость, какъ только оставалась одна или со мной Въ этомъ

хорошо мнѣ знакомомъ лицѣ, въ которомъ привыкъ я ловить слѣдъ бѣглыхъ мыслей и смѣняющихся ощущеній, я подозрѣвалъ теперь одинъ замыселъ, одну мечту. Юлія Даленъ ничего не забыла и ни отъ чего не отказалась и къ намѣченной ею цѣли она шла своимъ путемъ.

Графъ Фредерикъ былъ пріятно пораженъ той готовностью, съ какой супруга его помогла ему сдѣлаться однимъ изъ ближайшихъ къ королю Густаву людей. Графиня Юлія воспользовалась для этого славой своего отца, бывшаго одной изъ опоръ королевскаго переворота. Общность занятій и вкусовъ связывала кромѣ того графа Даленъ съ любившимъ искусства монархомъ. Среди обитателей шведской столицы графъ Фредерикъ не могъ бы сыскать лучшаго знатока и цѣнителя вывезенныхъ имъ изъ Италіи сокровищъ. Ему одному довѣрялъ король Густавъ III свои художественныя сомнѣнія и его нерваго дѣлалъ критикомъ собственныхъ пьесъ. Со своимъ пристрастіемъ ко всяческимъ инкогнито, этотъ сѣверный Гарунъ аль Рашидъ бывалъ запросто въ домѣ Даленъ. Допущенный въ общество высокаго гостя, я изумлялся вниманію, какое съ небывалой для нея настойчивостью выказывала ему Жюльетта. Для меня было однако ясно, что она лишь играла нѣкоторую роль, и я удивлялся этимъ инстинктивнымъ и вѣчно женскимъ талантамъ ея въ большей мѣрѣ, чѣмъ чѣмъ, за какіе аплодировало ей избранное общество, когда выступала она въ качествѣ настоящей актрисы, въ одной изъ королевскихъ комедій на сценѣ Грипсхольма.

Быть можетъ я одинъ во всей шведской столицѣ могъ правильно истолковать болѣе чѣмъ вѣрноподданническія увлеченія графини Даленъ. Угадывая ихъ, я затруднялся бы только назвать ихъ по имени, и это сдѣлала за меня молва, избравшая Жюльетту предметомъ своего злословія и едва ли предполагавшая, что самый правдивый смыслъ могутъ имѣть иныя слова, произносимыя въ свѣтѣ съ улыбкой ироніи. Я дожидался однажды въ импровизированной пріемной, служившей преддверіемъ къ той комнатѣ въ зданіи Большого театра, которую король Густавъ сдѣлалъ своимъ кабинетомъ. Маскированный балъ окончился, былъ поздній часъ, дѣловой аудіенціи дожидались, однако, вмѣстѣ со мной нѣсколько важныхъ сановниковъ и придворныхъ. Одни изъ нихъ мирно дремали въ крес-

лахъ, тогда какъ лица другихъ выражали сдерживаемое негодованіе. Испытывавшая наше терпѣніе дверь наконецъ отворилась, фигура дамы скользнула мимо насъ въ темноту полуосвѣшенной лѣстницы. Не я одинъ узналъ въ ней Юлію Даленъ, несмотря на скрывавшую ея лицо черную полумаску. Въ сопровождавшемъ ее шопотѣ я услыхалъ произнесенное болѣе громко и явно насмѣшливо: «Эгерія!».

VIII.

Коротенькая записка извѣщала, что графъ Фредерикъ Даленъ желаетъ имѣть со мной безотлагательную бесѣду. Былъ майскій вечеръ, близилась удивительная, тревожная и безсонная, весенняя сѣверная ночь. Въ ряду моихъ оконъ блѣднымъ зеркаломъ простиралось озеро Меларъ, отражавшее отблескъ медлившаго въ небѣ заката. Спустя три четверти часа я входилъ въ занавѣшенный тяжелыми портьерами и ярко освѣщенный кабинетъ. Графъ Фредерикъ шагалъ взадъ и впередъ въ задумчивости; увидѣвъ меня, онъ остановился и протянулъ мнѣ руку. Лицо его выразило искусственную веселость. «Баронъ Старре у нашихъ границъ!» воскликнулъ онъ безъ дальнѣйшихъ околичностей. «Дорогой синьоръ Вендоло, я получилъ сегодня вызовъ и намѣренъ принять его. Старре находитъ, что я нарушилъ данное мною слово и напоминаетъ заключенный между нами договоръ. Онъ не можетъ простить мнѣ законнаго счастья этой вновь мирной жизни, онъ не желаетъ видѣть графиню Даленъ вернувшейся къ своему положенію и своимъ обязанностямъ. Я готовъ дать ему удовлетвореніе Синьоръ Вендоло, съ этимъ надо покончить разъ навсегда. Я долженъ положить предѣлъ дерзкимъ вторженіямъ въ мою жизнь и охранить покой Жюльетты. Мы оба изнемогаемъ отъ посягательствъ этого человѣка; цѣною опасности, силой оружія я рѣшилъ избавиться отъ него!»

Графъ Фредерикъ продолжалъ ходить изъ угла въ уголъ по комнатѣ. На щекахъ его загорѣлись красныя пятна, глаза сверкали нескрываемой болѣе ненавистью. Я раздумывалъ о причинахъ его конфиденціи. У графа Даленъ не могло быть недостатка въ секундантахъ, имѣющихъ по своему рожденію больше правъ, чѣмъ я, на эту мало завидную для меня роль.

Мой собесѣдникъ какъ будто бы угадалъ мои мысли. «Вы знаете», нродолжалъ онъ, «что Старре воспрещенъ въѣздъ въ границы королевства. Онъ можетъ проникнуть сюда лишь подъ чужимъ именемъ. Я постараюсь облегчить ему эту возможность. Я вынужденъ позаботиться о мѣстѣ, гдѣ онъ могъ бы скрываться въ дни дуэли и о всѣхъ могущихъ возникнуть въ ея результатѣ послѣдствіяхъ. Пусть не сомнѣвается Старре, что я приложу къ этому дѣлу всѣ заботы», воскликнулъ графъ Фредерикъ съ почудившейся мнѣ насмѣшливостью. Онъ остановился тѣмъ временемъ передо мной. «Могли бы вы дать ему пріютъ у себя?» спросилъ онъ. «Не думайте объ остальпомъ, въ случаѣ вашего согласія вы однажды увидите у себя мрачнаго гостя». Я не имѣлъ никакихъ причинъ отказаться, и графъ Фредерикъ зналъ это. Дождавшись моего отвѣта, онъ закивалъ головой и крѣпко пожалъ мнѣ руку. Мнѣ тягостенъ былъ испытующій взглядъ его близорукихъ глазъ; считая, что наша бесѣда окончена, я поспѣшилъ удалиться. Я шелъ по улицѣ, неся на своихъ плечахъ необыкновенное бремя. Зданіе новаго благополучія Жюльетты, казавшееся мнѣ недавно столь прочнымъ, готово было разрушиться какъ карточный домикъ! Сама не вѣдая того, приближалась она къ послѣднему и роковому испытанію. Побѣдой своей или пораженіемъ въ предназначенномъ поединкѣ Карлъ Старре одинаково разрушалъ убѣжище, въ которое думала укрыться она отъ смущавшихъ ея душу волненій. Грубой рукой судьба готовилась разорвать всѣ завѣсы и обнажить безжалостно остовъ ея трагедіи.

Въ послѣдніе дни я былъ отвлеченъ отъ этихъ печальныхъ мыслей неожиданной и пріятной встрѣчей. Антоніо Фулинъ появился въ Стокгольмѣ, искать счастія при дворѣ короля Густава со своей труппой, въ которой не было, правда, ни Аделаиды Пекорини, ни Ораціо Баффи, но въ которой я нашелъ немало друзей. Встрѣтясь съ венеціанцемъ на ступеняхъ театральнаго подъѣзда, мы обнялись и облобызались, и растроганный моей блестящей карьерой старикъ проронилъ слезу. Я могъ теперь отплатить ему за его доброту и я сдѣлалъ это, пустивъ въ ходъ всѣ связи. Мы ознаменовали нашу встрѣчу долгой бесѣдой въ кофейнѣ; отхлебывая хересъ и ломая бисквитъ, синьоръ Антоніо разсказалъ мнѣ о всѣхъ

перемѣнахъ въ труппѣ, случившихся послѣ того, какъ вѣчное соревнованіе примадонны и primo uomo закончилось настоящей ихъ потасовкой на сценѣ Гамбургскаго театра.

Анзолетта по прежнему оказалась въ труппѣ Фулинъ и при первомъ же нашемъ свиданіи кинулась мнѣ на шею. Смѣясь, отводилъ я руки маленькой венеціанки, въ то время какъ смущенный ея поведеніемъ, учтиво рекомендовался мнѣ, въ качествѣ ея супруга, незнакомый мнѣ басъ. Плутовка любила, по его словамъ, старыхъ друзей и позволяла себѣ по отношенію къ нимъ невинныя шалости. Я сдѣлался съ той поры завсегдатаемъ моихъ милыхъ пѣвцовъ и комедіантовъ. Отстаивая ихъ выгоды всѣми возможными для меня средствами, я зачастую распутывалъ сложныя нити вѣчно гнѣздящихся въ кулисахъ театра интригъ. Въ качествѣ высокой ихъ покровительницы я привлекъ на ихъ сторону графиню Юлію. Жюльетта отъ души смѣялась моимъ разсказамъ о нихъ. Она пожелала увидѣть синьора Фулинъ; венеціанецъ былъ мною представленъ ей, потѣшивъ ее своими церемонными гримасами и благодарственными монологами.

Прошелъ мѣсяцъ съ того дня, какъ я получилъ коротенькую записку отъ графа Даленъ. Въ отличномъ расположеніи духа я возвращался изъ театра къ себѣ, напѣвая арію одной изъ послѣднихъ оперъ сезона. Свѣтъ въ окнахъ моего домохозяина показался мнѣ страннымъ въ эту бѣлую лѣтнюю ночь и мало обыкновеннымъ для его патріархальныхъ привычекъ. Алонзіусъ Кундъ повидимому самолично дожидался меня, потому что, какъ только стукнула открытая мною дверь, онъ появился на площадкѣ перваго этажа, въ мягкихъ туфляхъ, въ ночномъ колпакѣ и со свѣчей въ рукѣ. Явленіе это показалось мнѣ столь комичнымъ, что я не могъ удержаться отъ смѣха. Лицо моего честнаго купца приняло между тѣмъ необычайно таинственное выраженіе. Онъ удержалъ меня за рукавъ и произнесъ шопотомъ: «онъ здѣсь!» — «Кто здесь, и что съ вами, почтенный господинъ Кундъ?» спросилъ я, недоумѣвая и вмѣстѣ съ тѣмъ начиная догадываться. Мой домохозяинъ вглядывался въ меня долго и пристально. Съ нескрываемымъ нетерпѣніемъ я повторилъ свой вопросъ. Алоизіусъ сдѣлалъ очевидно нѣкоторыя умозаключенія изъ своихъ наблюденій и внезапно перемѣнилъ тонъ. «Наверху васъ дожидается пріѣзжій», ска-

залъ онъ съ непроницаемой холодностью и, повернувъ ко мнѣ спину, захлопнулъ за собой дверь.

Взбѣгая по лѣстницѣ я не имѣлъ времени задуматься о томъ собственномъ интересѣ, какой проявилъ мой домохозяинъ къ прибытію однажды возвѣщеннаго мнѣ гостя. Я засталъ Старре у окна; сложивъ на груди руки, восхищенно смотрѣлъ онъ на воды и земли шведской столицы. «Я родился и выросъ здѣсь, синьоръ Вендоло!» воскликнулъ онъ такъ просто, какъ если бы мы видѣлись съ нимъ только вчера. «Я вижу отсюда кровлю дома, гдѣ умеръ мой отецъ, сенаторъ Старре, не снеся позора своего ареста и своей отставки, спустя недѣлю послѣ совершеннаго тираномъ переворота. Все тотъ же городъ: я не забылъ его и безъ труда нашелъ къ вамъ дорогу. Предполагали ли вы, что въ моемъ родномъ Стокгольмѣ будете принимать меня какъ бѣглеца и чужестранца!»

Я не узнавалъ Карла Старре. Лицо его выражало общительность, довѣріе, доброту. Я видѣлъ чудо родного воздуха, смягчившаго это гранитное сердце. Надо было подумать однако объ его устройствѣ. Я помѣстилъ гостя въ обширной мансардѣ, служившей хозяйственнымъ складомъ для купца Алоизіуса и превращенной мной въ мастерскую, изобильную свѣтомъ, лившимся въ нее изъ трехъ большихъ чердачныхъ оконъ стараго времени. Въ своемъ возбужденіи Карлъ Старре не собирался спать. «Я обманулъ графа Даленъ», воскликнулъ онъ весело, «хотя и не такъ коварно, какъ онъ обманулъ меня. Противникъ мой ждетъ меня послѣзавтра, но какъ только у меня явилась возможность ступить ногой на эти берега, я потерялъ всякое терпѣніе. Мнѣ такъ захотѣлось увидѣть мой городъ и пройти по его улицамъ, какъ никогда и ничего на свѣтѣ». — «Вы не должны выходить», прервалъ его я, «иначе графъ Даленъ не будетъ въ состояніи соблюсти обѣщанную вамъ безопасность». Старре сдѣлалъ рукой неопредѣленный жестъ. Лицо его вдругъ приняло наивное въ своей напряженности выраженіе. «Есть еще и другое», пробормоталъ онъ. «У меня была надежда на васъ», произнесъ онъ негромко и вдругъ неожиданно взялъ обѣ мои руки въ свои и крѣпко сжалъ ихъ. «Скажите ей, что я здѣсь, я хочу увидѣть ее, быть можетъ, въ послѣдній разъ Синьоръ Вендоло! У меня нѣтъ ничего, и пожалуй черезъ два дня я перестану быть въ числѣ живыхъ.

Живымъ или мертвымъ, я буду вашимъ слугой, и вы знаете, что благодарность мертвыхъ сильнѣй благодарности живыхъ!»

Желая сохранить за собой свободу рѣшенія, я тихо высвободилъ руки и отступилъ нѣсколько въ сторону. Что могъ отвѣтить я этому безумцу, жалкому и безпомощному въ приведшихъ его къ моему порогу иллюзіяхъ и страстяхъ? Мнѣ стало вдругъ ясно то, о чемъ до сихъ поръ я не думалъ: Жюльетта не проститъ мнѣ тайны этого пріѣзда и этого поединка. Она была не изъ такихъ женщинъ, которыя способны идти къ своей участи съ завязанными глазами. «Я исполню ваше желаніе», сказалъ я «и вмѣстѣ съ тѣмъ исполню свой долгъ, сообщивъ графу Даленъ о вашемъ преждевременномъ прибытіи. Ложитесь, баронъ Старре, вамъ нуженъ отдыхъ и, если возможно, покой.»

Читатель пойметъ, что въ ту ночь я самъ, не смыкая глазъ, напрасно искалъ отдыха и покоя. Уже близилось утро, когда я услыхалъ, какъ внизу глухо стукнула дверь. Это вернуло мои мысли къ встрѣчѣ на лѣстницѣ, я вновь увидалъ передъ собой Алоизіуса, его колпакъ и туфли, его свѣчу, и точно эта свѣча въ разгоряченномъ моемъ воображеніи освѣтила нѣкоторыя сомнѣнія, нѣкоторыя догадки. Я не могъ ошибаться: въ моемъ гостѣ купецъ узналъ не простого и не случайнаго гостя. Я вспомнилъ, какъ измѣнился его взглядъ и тонъ его обращенія. Онъ встрѣтилъ меня, будто сообщника, но быстро перемѣнилъ это мнѣніе. Я предчувствовалъ теперь нѣчто недоброе, невольныя подозрѣнія закрались мнѣ въ душу. Чей посланецъ стучалъ въ поздній часъ патріархальной дверью Алоизіуса? Ворочаясь съ боку на бокъ, я измѣнилъ рѣшеніе, недавно мной принятое и возвѣщенное нѣсколько менторскимъ тономъ бѣдному Старре. Пусть Жюльетта узнаетъ о его появленіи, но я долженъ еще провѣрить, не освѣдомленъ ли уже о томъ особенными путями графъ Фредерикъ!

Служанка купца, прислуживавшая также и мнѣ, принесла намъ на утро завтракъ. Карлъ Старре имѣлъ бодрый видъ и насвистывалъ пѣсню, хотя я готовъ былъ биться о закладъ, что онъ не ложился вовсе. Я взялъ съ него слово не выходить изъ дому до моего извѣщенія; онъ продолжалъ быть покорнымъ и охотно мнѣ подчинился. Со смѣшанными чувствами глядѣлъ я на этотъ рѣзкій профиль, на эту упрямую голову, спо-

собную, по мѣткому выраженію шевалье Аркаса, вмѣщать лишь одну мысль. Болѣе чѣмъ кто либо другой, я долженъ былъ бы желать смерти Карла Старре, но видитъ Создатель, я не желалъ ея! Задумавшись о перипетіяхъ поединка, я спросилъ его, какъ ускользнетъ онъ, если останется живъ. Вмѣсто отвѣта Старре взялъ меня за руку и подвелъ къ окну. Молча указалъ онъ мнѣ въ сторону Кастельхольмена, гдѣ дрейфовала въ заливѣ небольшая и стройная яхта. «Они будутъ ждать меня три дня», сказалъ онъ, «и если я не вернусь, приспустятъ флагъ и уйдутъ въ море».

Выйдя на улицу, я остерегся идти въ домъ Даленъ. Если подозрѣнія мои справедливы, не сдѣлается ли сразу извѣстной тамъ встрѣча моя съ Жюльеттой? Я послалъ изъ театра ловкаго мальчика съ запиской къ Маріи Эрфельденъ. Въ задней комнатѣ знакомаго кондитера я назначалъ ей свиданіе, героемъ и героиней котораго, увы, не были ни я, ни она! Я разсказалъ ей все, кромѣ родившихся въ моемъ умѣ сомнѣній. «Не надо, чтобы графъ Фредерикъ узналъ о пріѣздѣ Старре», рѣшительно сказала она. «Это отлично, что онъ явился сюда двумя днями раньше. У насъ есть время помѣшать дуэли, и надо сдѣлать это во что бы то ни стало. Я слишкомъ люблю Юлію, чтобы позволить ей сдѣлаться жертвой мужскихъ самолюбій. Намъ, впрочемъ, и не придется особенно хлопотать. Я скажу ей, сегодня же вечеромъ она повидается съ вашимъ гостемъ, и, я увѣрена, сумѣетъ мирно направить его къ инымъ берегамъ. Графъ Фредерикъ поплатится новымъ разочарованіемъ за намѣреніе дѣйствовать втайнѣ отъ той, кого его дѣйствія касаются больше всего».

Я всегда изумлялся самостоятельности этихъ сѣверныхъ женщинъ. Своими мужьями, своими возлюбленными желаютъ руководить онѣ въ дѣлахъ жизни, точно маленькими дѣтьми. Рѣшеніямъ своей привыкшей повелѣвать кузины Марія Эрфельденъ придавала куда больше значенія, чѣмъ, взятымъ вмѣстѣ, пылкости Карла Старре и ненависти Фредерика Даленъ. Что могъ бы я возразить ей, кромѣ тѣхъ подозрѣній, которыя выговорить отказывался мой языкъ? «Повѣрьте», продолжала моя собесѣдница, протянувъ мнѣ свою нѣжную руку, «повѣрьте, трагедія не такъ ужасна, и развязка ея не такъ близка, какъ это вамъ кажется. Возвращайтесь къ своимъ

кулисамъ, что касается меня, то я хорошо знаю моихъ актеровъ!»

Я никогда не былъ склоненъ смотрѣть на вещи слишкомъ мрачно. Во мнѣ зашевелилась надежда, что все разрѣшится именно такъ, какъ говорила Марія. Вздохнувъ, поцѣловалъ я обѣ руки моей Минервы и устремился сообщить Старре объ ожидавшемъ его въ тотъ вечеръ посѣщеніи. Русская кузина увѣрила меня, что Юлія Даленъ найдетъ способъ никѣмъ незамѣченной проникнуть въ мое убѣжище. Съ тѣхъ поръ какъ мнѣ открылась возможность мирнаго исхода событій, присутствіе Старре сдѣлалось для меня несноснымъ. Наивная радость, которую выражалъ онъ въ отвѣтъ на мое извѣстіе, оскорбляла меня, и благодарность его казалась мнѣ нестерпимой. Я вновь отмѣчалъ въ немъ всѣ тѣ недостатки, которые дѣлали его въ моихъ глазахъ послѣднимъ изъ завсегдатаевъ дворца Альдовити. Въ этотъ важнѣйшій моментъ своей жизни вновь выказывалъ онъ незамысловатость ума и несложность чувствъ! Я спѣшилъ сократить свое пребываніе въ стѣнахъ купеческаго дома, давшаго ему убѣжище и, распорядившись, чтобы служанка принесла ему обѣдъ, отправился самъ обѣдать въ театральную кофейню.

Фулинъ подошелъ къ моему столику, разсказывая о предстоящемъ на дняхъ, по случаю окончанія сезона, отплытіи всей его труппы. Венеціанецъ, положа руку на сердце, пустился въ пространныя изліянія своей благодарности. Онъ не могъ пожаловаться теперь на Фортуну и хорошо помнилъ, что роль министра этой капризной богини здѣсь сыгралъ для него я. Я слушалъ его разсѣянно и нѣсколько сумрачно. Что то препятствовало мнѣ вернуться къ моей беззаботности. Какая то мысль, какое то бѣглое впечатлѣніе, сейчасъ же забытыя мной, тревожили меня, и я напрасно силился возстановить ихъ въ памяти. Добрый импрессаріо смотрѣлъ на меня съ недоумѣніемъ, въ то время какъ я подавалъ ему весьма несвязныя реплики. Въ смущеніи досталъ старикъ свою табакерку, и въ тотъ же мигъ ясное видѣніе озарило мой умъ. Спѣша удалиться отъ дома, гдѣ Старре ожидалъ Жюльетту, я, повернувъ за уголъ, едва не сбилъ съ ногъ подозрительнаго индивидуума, собиравшагося поднести къ носу щепотку табаку. Этого же самаго человѣка я уже встрѣтилъ утромъ, какъ разъ у своихъ

дверей! Сомнѣніе не могло быть, за нашимъ домомъ слѣдили, и если бы Старре вышелъ на улицу, онъ былъ бы арестованъ на мѣстѣ. Но кто знаетъ, быть можетъ онъ уже арестованъ сейчасъ въ моей комнатѣ, кляня мое предательство и ложное мое гостепріимство? Я могъ оказаться въ его глазахъ доносчикомъ изъ ревности или, что хуже того, изъ корысти. Графъ Фредерикъ Даленъ! Найдется ли мѣра низости вашихъ поступковъ...

Вскочивъ, я едва не опрокинулъ столикъ и выбѣжалъ въ дьерь, оставивъ расплачиваться огорошеннаго такимъ поведеніемъ венеціанца. Наступилъ невидимый для глазъ вечеръ, надвинувшіяся тучи сѣяли тихій и теплый дождь. Я предпочелъ бы этому удары грома и неистовство бурь. Я задыхался въ медленныхъ туманахъ сѣвера, смѣшивающихъ день и ночь, землю и небо въ одной, не имѣющей названія, стихіи. Перейдя мостъ я углубился въ малолюдныя улицы стараго города. Замѣченнаго мною соглядатая я не нашелъ на прежней позиціи, и уже слабая надежда возникла во мнѣ. Но въ то же мгновеніе послышался издали свистокъ, ему отвѣчалъ другой, третій. Мой слухъ уловилъ мѣрный шагъ быстро приближавшагося отряда солдатъ. Я пустился бѣжать; входную дверь я заложилъ за собой засовомъ и взлетѣлъ вверхъ по лѣстницѣ. Карлъ Старре выступилъ мнѣ на встрѣчу, лицо его дрогнуло и пріобрѣло умоляющее выраженіе. «Спасайтесь, баронъ Старре», воскликнулъ я, «домъ окруженъ, нельзя терять ни одной минуты». Онъ молча бросилъ на меня страшный взглядъ, въ которомъ смѣшивались любовь, тревога, гнѣвъ и отчаяніе. Внизу послышался стукъ, сопровождаемый хриплыми криками: въ нашу дверь ломились, засовъ ея готовъ былъ уступить настойчивымъ ударамъ прикладовъ.

Карлъ Старре не торопясь направился къ окну и широко раскрылъ его. Перекинувъ черезъ подоконникъ одну ногу, онъ измѣрилъ взглядомъ разстояніе, отдѣлявшее его отъ расположенной внизу сосѣдней крыши. «Я вѣрю вамъ», сказалъ онъ, обернувшись ко мнѣ, «я вѣрю вамъ, но она — она предала меня!» — «Это заблужденіе, баронъ Старре», крикнулъ я. Было поздно для объясненій. Схватившись сильными руками за рамку окна, мой несчастный гость повисъ въ воздухѣ. Въ слѣдующее затѣмъ мгновеніе онъ оттолкнулся ногой отъ стѣны, я успѣлъ

халъ глухой стукъ его паденія вмѣстѣ съ грохотомъ слетѣвшей внизу съ петель двери. У меня хватило догадливости захлопнуть снова окно.

Моя комната наполнилась вооруженными и невооруженными людьми. Прошло нѣкоторое время, прежде чѣмъ полицейскій офицеръ, начальствовавшій ими, понялъ способъ побѣга. Часть его людей устремилась по лѣстницѣ внизъ, другіе рылись въ моихъ пожиткахъ. «Вы намъ отвѣтите за это», сказалъ онъ мнѣ возбужденно и угрожающе. Я пожалъ плечами и отказался отвѣчать на вопросы, въ качествѣ иностранца. Двое солдатъ съ заряженными ружьями наблюдали за мной; я протестовалъ однако и противъ ареста и противъ производившагося у меня обыска. Внутренняя увѣренность говорила мнѣ, что Старре на этотъ разъ благополучно избѣгъ своихъ преслѣдователей.

Я не ошибся, я слышалъ докладъ отправившагося въ догонку за нимъ патрульнаго. Прибрежные обитатели сообщили ему, что невѣдомый человѣкъ завладѣлъ лодкой у хлѣбной пристани и скрылся въ туманѣ, устилавшемъ заливъ. Я былъ теперь совершенно спокоенъ, вспоминая яхту, дежурившую въ виду Кастельхольмена. Ей не придется уйти въ море, неся печальную вѣсть и приспустивъ флагъ! Разъяренный неудачей, полицейскій офицеръ сталъ выводить свой отрядъ на улицу и предложилъ мнѣ слѣдовать за нимъ. Дѣлая надъ собой усиліе онъ возвратился, однако, къ достодолжной учтивости, заявивъ мнѣ, что стража будетъ идти за нами въ нѣкоторомъ разстояніи, и что такимъ образомъ въ глазахъ встрѣчныхъ мы можемъ сойти за двухъ добрыхъ пріятелей, совершающихъ прогулку безъ всякаго эскорта. Мнѣ это было рѣшительно безразлично, голова моя была полна въ ту минуту иными заботами. Мы сошли по лѣстницѣ мимо злорадно выглядывавшаго въ полуоткрытую дверь купца Алоизіуса. Сообщникомъ какихъ грядущихъ бѣдствій являлся этотъ доносчикъ, несомнѣнно мирный въ своихъ привычкахъ и честный въ сдѣлкахъ, питающій, однако, какъ всѣ люди подобнаго рода, неистребимую вражду къ тому, что выходитъ изъ границъ ихъ зауряднаго существованія! Мы не успѣли пройти двухъ улицъ, какъ намъ повстрѣчался легкій экипажъ, запряженный маленькой финской лошадкой. Марія Эрфельденъ правила имъ, ря-

домъ съ Юліей Даленъ, одѣтой для поѣздки въ деревню. Быстрая въ проницательности своей и въ рѣшеніяхъ, Жюльетта соскочила, замѣтивъ насъ; лицо кузины ея покрылось блѣдностью.

«Что это значитъ, Венкстернъ?» спросила она, обращаясь къ моему спутнику съ высокомѣрной рѣзкостью. «Я исполняю данное мнѣ приказаніе, графиня», отвѣтилъ онъ, изображая военный поклонъ. Мы остановились; солдаты стали, какъ вкопанные, въ двадцати шагахъ сзади насъ. «Освободите его», сказала Юлія Даленъ, показавъ на меня пальцемъ. «Но приказаніе короля, графиня»... возразилъ растерянный офицеръ. «Освободите его», повторила Жюльетта, въ нетерпѣніи топнувъ ногой. «Я отвѣчаю за него и за васъ передъ его величествомъ. Синьоръ Вендоло останется подъ домашнимъ арестомъ и дастъ вамъ въ томъ свое слово, этого съ васъ достаточно. Синьоръ Вендоло, дайте мнѣ руку». Бѣдный Венкстернъ умолкъ и остался стоять съ открытымъ ртомъ, въ то время какъ моя избавительница, со мной подъ руку, направилась къ дому купца. Солдаты покорно разступились передъ нами. Несмотря на недавнее происшествіе, положеніе мое показалось мнѣ столь комическимъ, что я былъ готовъ расхохотаться. Я сдержалъ свою веселость, взглянувъ на Жюльетту. Я увидалъ то, чего я еще никогда не видѣлъ: изъ глазъ ея обильно катились тихія крупныя слезы. Быстро коснувшись лица платкомъ, она вдругъ остановилась и выпустила мою руку. «До завтра», прошептала она, «спасся ли онъ?» Я отвѣтилъ ей кивкомъ головы и отправился въ домашнее свое заключеніе.

На другое утро я получилъ приказъ оставить въ сорокъ восемь часовъ предѣлы шведскаго королевства. Я усмѣхнулся презрительно и подумалъ, что безъ малѣйшаго сожалѣнія покину я эти тусклыя небеса, эти голыя скалы и эти холодныя воды для великолѣпной моей родины. Шагая взадъ и впередъ по мастерской, я ждалъ Жюльетту. Она явилась блѣдная, наружно спокойная, внутренно кипящая гнѣвомъ и рѣшимостью. Я разсказалъ ей все. Обманутый ея кажущейся твердостью, я не скрылъ отъ нея тѣхъ словъ, какія произнесъ Старре, готовясь совершить свой смѣлый прыжокъ. Вспоминая подчасъ объ ошибкахъ, совершенныхъ мною въ жизни, я менѣе всего готовъ простить себѣ это признаніе, имѣвшее такія неисчисли-

мыя послѣдствія. Ударъ оказался слишкомъ силенъ! Жюльетта опустилась въ кресло и закрыла лицо руками. Снова и снова сотрясались ея плечи несдерживаемыми больше рыданіями. Я пытался приблизиться къ ней. «Оставьте меня одну», воскликнула она; я повиновался и сошелъ въ свою спальню.

Прошло не мало времени прежде чѣмъ Жюльетта, вернувшись къ нѣкоторому самообладанію, позвала меня. «Вы ѣдете завтра?» спросила она и добавила: «Я ѣду съ вами. Я уѣзжаю навсегда, синьоръ Вендоло», повторила она. «Ничто въ мірѣ не можетъ больше соединить меня съ Фредерикомъ Даленъ. Я проклинаю его и жажду его смерти!» Она вскочила съ кресла и выпрямилась обычнымъ своимъ движеніемъ. «Помогите мнѣ», сказала она почти угрожающе, «я должна бѣжать. Если откажетесь вы, гдѣ мнѣ искать новаго Чарни?» Лицо Жюльетты дрогнуло горькой усмѣшкой. «Я родилась очевидно бѣглянкой. Скитаться изъ города въ городъ, жить подъ чужимъ именемъ, вотъ истинное мое призваніе, и я напрасно хотѣла укрыться отъ этой участи. У меня отнынѣ нѣтъ дома, синьоръ Орсо, придумайте же, что дѣлать съ той, кто ввѣряется вамъ. Я не буду вамъ въ тягость, я еще достаточно богата для этого»... Я прервалъ ее жестомъ. «Графиня», сказалъ я, «я присягнулъ вѣрно служить вамъ на всѣхъ путяхъ вашей жизни. Ваше желаніе — законъ для меня. Я счастливъ, что новыя испытанія, свалившіяся на насъ, будутъ вмѣстѣ съ тѣмъ испытаніемъ и моихъ къ вамъ чувствъ. Положитесь на силу той преданности и любви, которая не ждетъ ни награжденія, ни отвѣта».

Жюльетта простилась со мной утешенная, возвратившаяся къ довѣрію. Для меня же паступилъ часъ жестокихъ сомнѣній, который протянулся до сумерекъ, заставшихъ меня шагающимъ взадъ и впередъ по комнатѣ и не предпринимающимъ рѣшительно ничего. Одно дѣло дать выходъ въ словахъ искреннѣйшимъ своимъ чувствамъ и подлиннѣйшимъ намѣреніямъ и другое — ринуться съ головой въ хаосъ поступковъ и дѣйствій, именуемый жизнью. Мнѣ жаль было разставаться съ бездѣятельнымъ и замкнутымъ отъ всего свѣта уединеніемъ моей мастерской. Блуждая, какъ маятпикъ, въ стѣнахъ ея, я вспоминалъ свою жизнь. Судьба совершила то, о чемъ я когда то мечталъ, и изъ тѣни кулисъ выдвинула меня, второ-

степеннаго до сихъ поръ актера, на авансцену. Мнѣ надлежало двигаться, жестикулировать и говорить въ качествѣ главнаго партнера моей героини. Годился ли я для этой новой роли? Смутныя сожалѣнія возникали во мнѣ, напоминавшія тѣ, которыя нѣкогда заставляли подгибаться мои колѣни и заплетаться ноги, когда направлялся я съ письмомъ Жюльетты къ гостиницѣ Монте д'Оро. Честолюбивый миражъ моего путешествія давно успѣлъ разсѣяться съ тѣхъ поръ, какъ при дворѣ короля Густава могли бы осуществиться безъ всякаго труда тщеславнѣйшія изъ юношескихъ надеждъ. Я позналъ благо покоя; вознаградить за его утрату, способна ли сама, обѣщанная мнѣ новыми обстоятельствами, близость къ Жюльеттѣ?

Былъ уже вечеръ, когда я вышелъ изъ дому и направился въ гавань. Мнѣ предстояла нелегкая задача; ломая голову, какъ разрѣшить ее, напрасно вглядывался я въ очеркъ покачивающихся въ виду пристани кораблей, ожидая, что чудо подаритъ мнѣ достаточно смѣлаго для моихъ цѣлей ливорнца или генуэзца. Повсюду читалъ я лишь имена балтійскихъ городовъ и различалъ одни только флаги сѣверныхъ націй. Въ изнеможеніи присѣлъ я на бочку съ солью, когда мой насторожившійся слухъ уловилъ итальянскую рѣчь. Я не узналъ сперва Антоніо Фулинъ въ дорожномъ плащѣ и морской шляпѣ. Само небо послало мнѣ въ тотъ вечеръ добраго венеціанца! Еще разъ ему суждено было въ моей жизни исполнить роль Провидѣнія.

Прежде чѣмъ мы успѣли выйти изъ сомнительной харчевни, привлекшей насъ своимъ унылымъ желтымъ фонаремъ въ компанію чужеземныхъ матросовъ, нашъ планъ былъ готовъ во всѣхъ подробностяхъ. На слѣдующій день труппа Фулинъ въ полномъ составѣ отправлялась на англійскомъ суднѣ въ Любекъ, по пути въ южную Германію. Юлія Даленъ и я должны были присоединиться къ ней подъ видомъ актеровъ. Кому могло бы придти въ голову пересчитывать и провѣрять всѣхъ этихъ веселыхъ и шумныхъ дѣтей Италіи, столько недѣль тѣшившихъ шведскую столицу пѣніемъ своимъ и игрой? Импрессаріо обѣщалъ мнѣ уладить все безъ малѣйшей заминки. Его наклонный къ фантазіи умъ былъ очарованъ театральностью моего приключенія. Бѣднякъ, подобранный имъ на улицахъ нѣмецкаго города, не только привлекаетъ въ

отплату за то благоволеніе короля на его голову, но и обращается къ нему за помощью, желая похитить сѣверную графиню! Подъ личиною скромныхъ комедіантовъ, высокіе и таинственные персонажи будутъ искать убѣжища у Антоніо Фулинъ — это ли не сюжетъ для отличной пьесы, которую венеціанецъ, какъ всякій прирожденный актеръ, былъ не прочь разыграть въ своей жизни!

Бездѣятельность минувшаго дня смѣнилась у меня на слѣдующее утро лихорадочною предпріимчивостью. Благодаря находчивости актеровъ и пособничеству Маріи Эрфельденъ, я нашелъ возможность извѣстить Жюльетту о способѣ нашего бѣгства. Графъ Фредерикъ былъ далекъ отъ какихъ либо подозрѣній. Въ чудовищномъ ослѣпленіи онъ полагалъ, что Жюльетта, смирившаяся и благоразумная, увидитъ въ приготовленной имъ западнѣ скорѣе заботу о безопасности короля, нежели желаніе избавиться отъ вѣчнаго своего соперника. Давая ей время придти добровольно къ этому заключенію, онъ избѣгалъ встрѣчи съ ней въ тѣ дни. Почти не скрываясь могла покинуть она домъ Даленъ и направиться въ гавань, сопровождаемая вѣрной подругой и носильщикомъ, тащившимъ на спинѣ лишь самый необходимый багажъ. Антоніо и я дожидались ее въ лодкѣ, мѣрно поднимавшейся и вновь опускавшейся вмѣстѣ съ вздыхавшимъ у пристани моремъ. При взглядѣ на венеціанца я не могъ удержать смѣха: старикъ позаботился о своей неузнаваемости, онъ закутался въ плащъ и надвинулъ до самыхъ бровей морскую шляпу, жалѣя, что не можетъ надѣть еще маску. Въ тотъ свѣжій день волны и вѣтра мой смѣхъ оборвался дрожью, рожденной не столько дыханіемъ сѣверныхъ водъ, сколько пронизывавшимъ меня волненіемъ. Жюльетта появилась внезапно надъ нами и вспрыгнула въ лодку, прежде чѣмъ импрессаріо успѣлъ протянуть ей руку. Багажъ ея послѣдовалъ за ней, гребцы взялись за весла, мы отчалили. Вставъ на ноги и снявъ шляпу глядѣлъ я на Марію Эрфельденъ, оставшуюся на берегу безъ словъ и движеній. Улыбка ея освѣтила этотъ тайный отъѣздъ, какъ лучъ солнца среди тревожныхъ тучъ. «Вы въ траурѣ!» восиликнулъ я, только теперь замѣтивъ ея нарядъ. «Ея мужъ скончался, она свободна», отозвалась мнѣ Жюльетта и тихо добавила, «вернитесь къ ней, она васъ любитъ». И волны залива раздѣлили насъ, болѣе невозвратныя, чѣмъ воды Стикса.

IX.

Уже за очертаніями изображенныхъ здѣсь мною ообытій я вижу вдали взволнованныя сцены ихъ неизбѣжной развязки. Настанетъ время, когда вновь удалится на задній планъ тотъ Орсо Вендоло, кого читатель только что видѣлъ въ роли невольнаго похитителя знатной дамы, увлекаемой имъ по сѣвернымъ морямъ къ неизвѣстному для обоихъ предназначенію. Придетъ часъ, когда онъ снова явится почти лишь стороннимъ наблюдателемъ происшествій, безсильнымъ измѣнить ихъ теченіе или нарушить ихъ смыслъ. Пока этого не случилось, пусть будетъ ему позволено разсказать чудеснѣйшее изъ ниспосланныхъ ему судьбой приключеній, наименѣе, быть можетъ значительное для тѣхъ, кто читаетъ эти записки, какъ свидѣтельство о недавней исторіи, небезразличныя однако для каждаго, кто въ личныхъ признаніяхъ другого ищетъ провѣрить блаженный или печальный опытъ своей любви.

Послѣ благополучнаго и даже веселаго переѣзда, мы вмѣстѣ съ труппой Антоніо Фулинъ высадились въ Любекѣ, безъ какихъ бы то ни было помѣхъ. Ничто не препятствовало намъ продолжать и дальнѣйшее путешествіе въ обществѣ услужливыхъ и добрыхъ людей, нравъ которыхъ мгновенно успѣла оцѣнить Жюльетта. Импрессаріо намѣревался выступить со своей труппой въ лѣтнихъ театрахъ нѣсколькихъ маленькихъ нѣмецкихъ столицъ, и моя спутница не торопилась покинуть страну, обѣщавшую, казалось, наибольшія возможности необходимаго ея раненному чувству свиданія.

Первыя недѣли Жюльетта пребывала въ вѣчномъ ожиданіи встрѣчи, которая сняла бы брошенный ей однажды страшный упрекъ. Она писала письма, не имѣвшія вѣрнаго адреса, и предпринимала поиски, не дававшіе никакихъ результатовъ. Я узналъ впослѣдствіи, что тайкомъ отъ меня она обращалась даже къ Хелленбургскому бургомистру, упрашивая навести ее на потерянный слѣдъ. Все было тщетно, Карлъ Старре исчезъ. Вокругъ насъ развертывалась тѣмъ временемъ мирная лѣтняя жизнь маленькихъ резиденцій, чуждая волненій или тревогъ. Густыя липы шумѣли вокругъ бѣлыхъ колоннадъ классическихъ гофъ-театровъ. Горожане стекались къ ихъ освѣщеннымъ фонарями портикамъ, и, подавая примѣръ скромности, владѣтельный герцогъ направлялся туда же, окруженный

своей свитой, съ тростью въ рукѣ. Цѣнители пѣнія замирали отъ восторга въ зрительномъ залѣ, слушая трели нашей новой дивы Менгоцци, будущіе музыкальные геніи водили палочкой за пюпитромъ капельмейстера; изъ глубины ложи, стоя за укрывавшейся въ тѣнь молчаливой и ушедшей въ себя Жюльеттой, я глядѣлъ съ законнымъ удовлетвореніемъ на эфектъ декорацій, вышедшихъ изъ моихъ искусныхъ теперь въ этомъ дѣлѣ рукъ.

Мы посѣтили Кассель, Майнцъ и Штутгартъ. Постепенно Жюльетта становилась спокойнѣе; она дышала свободнѣе и глубже тѣмъ воздухомъ иллюзорной, безпечной и кочующей жизни, который былъ родной стихіей для труппы Фулинъ. Глухая молва сопровождала ея инкогнито изъ города въ городъ; иные пожиратели сердецъ нѣмецкаго захолустья пытались найти доступъ къ таинственной дамѣ, совершавшей свое путешествіе среди бродячаго племени итальянскихъ актеровъ. Жюльетта со смѣхомъ разсказывала мнѣ о гарнизонномъ офицерѣ, дежурившемъ подъ ея окномъ всю ночь, или о служанкѣ гостиницы, неловко совавшей ей въ руку любовную записку.

Неузнаваемость тяготила Жюльетту и быть можетъ именно отъ того пожелала она превратить ее въ забаву. Одна изъ маленькихъ, но необходимыхъ пѣвицъ нашей труппы внезапно покинула насъ, увезенная своимъ обожателемъ. Импрессаріо посылалъ ей въ догонку напрасныя проклятія, потрясая въ воздухѣ кулакомъ и уже готовясь сорвать съ головы парикъ, въ знакъ послѣдняго негодованія. Когда я разсказалъ объ этомъ Жюльеттѣ, она предложала замѣнить собой измѣнницу. Но достаточны ли были для этой цѣли ея голосъ и ея талантъ актрисы, оцѣненные всѣми на сценѣ Грипсхольма? Справедливо предполагая, что новая выдумка развлечетъ ее, я не противился ея капризу.

Антоніо Фулинъ не переставалъ твердить, что Жюльетта и я принесли ему небывалое счастье. Дѣла его труппы шли превосходно, старикъ подумывалъ о возвращеніи въ свою родную Венецію и строилъ планы зимней антрепризы въ Италіи, для всякаго импрессаріо и болѣе заманчивой и болѣе трудной, чѣмъ артистическія завоеванія варварскихъ странъ. Мы были въ Зальцбургѣ, когда венеціанецъ со слезами на глазахъ убѣждалъ насъ не разставаться съ нимъ. Онъ звалъ

насъ въ Венецію, обѣщая принять на себя все бремя заботъ объ удобномъ и благополучномъ тамъ водвореніи. Гдѣ мы могли бы найти лучшее убѣжище, нежели въ городѣ, въ которомъ онъ зналъ, по его словамъ, всѣхъ и все? Гдѣ оказалась бы болѣе надежная защита для инкогнито Жюльетты, чѣмъ въ Республикѣ, умѣющей благоразумно блюсти чужія тайны, только съ однимъ условіемъ, чтобы эти тайны были извѣстны ей? И живописуя мудрость венеціанскихъ правителей, Антоніо Фулинъ твердилъ восторженныя похвалы своему отечеству, превознося величіе его исторіи, роскошь обычаевъ и гостепріимство нравовъ. Владычица морей не могла бы подослать намъ болѣе искусной сирены, и слушая монологи актера, мы испытывали на себѣ власть ея очарованія. Жюльетта легко склонилась на доводы старика: она знала, что Венеція ярмарка всей Европы и самой природой созданное мѣсто встрѣчъ неожиданныхъ и желанныхъ. Что касается меня, то мнѣ хотѣлось лишь одного, вновь видѣть надъ головой небо Италіи и слышать вокругъ итальянскую рѣчь.

Двадцать четвертаго ноября, тысяча семьсотъ восемьдесятъ второго года, въ день святой Екатерины, высадились мы впервые на берегъ Ріальто. Я не стану описывать первоначальныхъ хлопотъ нашего устройства, скажу лишь, что добрый Фулинъ превзошелъ въ своихъ заботахъ о насъ всѣ свои обѣщанія. Оставя въ сторонѣ собственныя дѣла, старикъ ради насъ стучался во всѣ двери, отъ апартаментовъ патриція, обѣщавшаго Жюльеттѣ свое покровительство, до бѣднаго жилья, откуда извлекалъ для нея преданныхъ и честныхъ слугъ. Въ Венеціи, несмотря на установленныя закономъ и обычаемъ перегородки сословій, какъ ни въ одномъ другомъ городѣ открыты взаимному довѣрію люди простые и знатные, богатые и неимущіе. Нашъ импрессаріо имѣлъ доступъ повсюду и, благодаря безчисленнымъ своимъ родствамъ и знакомствамъ, могъ оказать вліяніе на самыя отдаленныя, казалось бы, отъ его разумѣнія дѣла. Умилостивленная имъ La Serenissima, въ лицѣ важныхъ чиновъ своихъ, умѣющихъ быть снисходительными къ человѣческимъ слабостямъ, когда эти слабости ничѣмъ не угрожаютъ благополучію Республики, согласилась взглянуть сквозь пальцы на инкогнито иностранки,

поселившейся подъ именемъ маркизы Сантъ Аиьяно въ палаццо Реньеръ.

Рядомъ съ фасадомъ Сантъ Стае, палаццо Реньеръ отражаетъ въ водѣ Большого Канала узкіе три этажа. Круглыя арки его оконъ, опирающіяся на тонкія, почернѣвшія съ годами мраморныя колонки, говорятъ о старинныхъ временахъ. Ступени лѣстницы, омываемыя волной, и самый порогъ его двери покрыты зеленой плѣсенью, и въ трещинахъ карнизовъ его и среди золотистыхъ черепицъ кровли проросли сѣмена травъ и полевыхъ цвѣтовъ, занесенныхъ вѣтромъ съ твердой земли. Не будучи дряхлъ, палаццо Реньеръ каждымъ камнемъ своимъ свидѣтельствуетъ о медленномъ движеніи столѣтій. Послѣдніе годы, оспариваемый въ долгомъ судебномъ процессѣ, онъ стоялъ опустѣлымъ и заколоченнымъ.

Вмѣстѣ съ Жюльеттой, вмѣстѣ съ услугами и хлопотами неутомимаго импрессаріо жизнь возвратилась въ молчаливыя стѣны палаццо Реньеръ. Около pali, заново выкрашенныхъ въ синій и желтый цвѣта, покачивалась ея гондола, управляемая ловкимъ и вѣрнымъ Бенетто. Сѣдой Панталеоне готовился причалить ее своимъ крюкомъ или, удалившись въ полутѣнь вестибюля, лѣниво двигалъ метлой, взметая старую пыль, искрившуюся въ нѣжномъ лучѣ солнца. На залитомъ свѣтомъ дворѣ повариха звонко перекликалась съ прачками, и одна изъ двѣнадцати двоюродныхъ племянницъ Антоніо Фулинъ, Занетта, гордая званіемъ камеристки, присоединялась къ нимъ, просунувъ въ круглое окошечко лѣстницы свою голову рождественской куклы.

Избѣгавшая шума и суеты, маркиза Сантъ Аиьяно ограничивалась лишь самымъ необходимымъ количествомъ челяди. Содрагаясь въ торжественномъ холодѣ залъ главнаго этажа, спѣшила подняться она къ себѣ наверхъ. Анфилада небольшихъ комнатъ, съ низкими потолками, напоминала тамъ малые апартаменты дворца Альдовити. Восточные ковры устилали каменные полы, слишкомъ суровые для Жюльетты, привыкшей къ зимнему уюту и теплу Веллина. Многочисленныя зеркала въ прихотливо изогнутыхъ рамахъ темнѣли, матово сіяя, на обитыхъ выцвѣтшимъ шелкомъ стѣнахъ. Муранскія люстры свѣшивались съ потолковъ, играя переливами радугъ, хрустальныя подвѣски ихъ роняли внезапно тонкій, чуть слышный

звукъ, чувствительный къ малѣйшему движенію воздуха въ этой полной и сладостной тишинѣ венеціанскаго палаццо.

Погруженная въ покой своего едва пробужденнаго и все еще дремлющаго дворца, Жюльетта вела жизнь замкнутую и совершенно уединенную. Я былъ ея единственнымъ гостемъ и единственнымъ приглашеннымъ къ ея обѣду. Разсѣянная за маленькимъ столомъ, накрывавшимся для насъ двоихъ, укутанная мѣхомъ голубыхъ лисицъ въ своемъ удобномъ креслѣ, она медлила коснуться золотой чашечки кофе или бокала съ виномъ, заставляя меня разсказывать. Я былъ вѣстникомъ дѣйствительной жизни въ закрытыхъ отъ внѣшняго міра стѣнахъ палаццо Реньеръ. Я работалъ какъ живописецъ въ двухъ или трехъ театрахъ, посѣщалъ кофейни и казино, расширяя кругъ знакомствъ и сношеній. Всѣ новости венеціанскаго дня мнѣ становились понемногу извѣстны, и я посвящалъ въ нихъ Жюльетту. Я разсказывалъ о новинкахъ театровъ, интригахъ свѣта, появленіяхъ иностранцевъ. Жюльетта настораживалась въ предчувствіи встрѣчи, преслѣдовавшей ея воображеніе. Среди оживленныхъ французовъ или эксцентрическихъ англичанъ, увы, я не находилъ на пьяццѣ мрачной фигуры Карла Старре! Жюльетта вздыхала легче и разспрашивала меня болѣе свободно, снисходя въ своемъ дѣтскомъ любопытствѣ до вѣчной комедіи кулисъ и даже до скромнаго обихода моей собственной домашней жизни.

Предоставившій къ услугамъ новой маркизы Сантъ Аньяно цѣлый дворецъ, могъ ли затрудниться венеціанскій импрессаріо подысканіемъ приличествующаго жилища для ея покорнаго слуги? Если одна изъ его двѣнадцати двоюродныхъ племянницъ оказалась превосходной ея камеристкой, если заставилъ онъ свою родную тетку, почтенную сестру Агату, покинуть временно монастырь, чтобы занять постъ домоправительницы палаццо Реньеръ, неужели не нашлось бы у него въ запасѣ добраго свойственника, который согласился бы пріютить меня за справедливую плату? Неподалеку отъ дворца, занятаго Жюльеттой, на маленькой площадкѣ у Сантъ Кассіано прохожій замѣчаетъ на углу вывѣску: «Этторе Тревизанъ — пятновыводчикъ», сопровождаемую указательнымъ пальцемъ. Слѣдуя этому пальцу, посѣтитель, имѣвшій несчастье залить соусомъ новые шелковые панталоны, поднимается по лѣстницѣ

во второй этажъ. Старый Этторе встрѣчаетъ его тамъ прерваннымъ глубокой одышкой привѣтствіемъ и проницательнымъ взглядомъ, выражающимъ одновременно и легкое презрѣніе къ бѣдствіямъ тѣхъ, кто еще скитается изъ кофейни въ казино и изъ казино въ палаццо, и готовность выручить изъ бѣды.

Самъ Тревизанъ стяжалъ себѣ славу лучшаго пятновыводчика въ Венеціи, не выходя изъ каморки, служившей ему мастерской. Болѣзнь ногъ и тучность приковали его къ столу, гдѣ были брошены въ безпорядкѣ всѣ сорта платьевъ, созданныхъ венеціанскимъ тщеславіемъ, гдѣ громоздились раскаленные утюги и гдѣ стройными рядами располагались пузырьки съ чудодѣйственными жидкостями, составлявшими секретъ маэстро. Когда я впервые вступилъ на порогъ маленькой душной комнаты, Этторе Тревизанъ подиялъ отъ стола свою косматую голову и молча кивнулъ мнѣ, не раскрывая рта: его щеки были надуты, какъ у сѣдого тритона, трубящаго въ раковину въ свадебномъ поѣздѣ Галатеи. Прыснувъ водой на лежащій передъ нимъ жилетъ, онъ провелъ по немъ утюгомъ и лишь послѣ того хрипло проговорилъ «добро пожаловать». На зовъ его, тоненькая черноволосая и босоногая Розита скользнула въ дверь и провела меня внутренней лѣстницей наверхъ, гдѣ я безъ всякихъ трудностей былъ водворенъ въ двухъ чистыхъ комнаткахъ, глядящихъ своими окнами сквозь цвѣточные горшки прямо на фронтонъ Санъ Кассіано.

Немногословіе, проявленное моимъ хозяиномъ въ первый день нашего знакомства, было съ избыткомъ искуплено имъ въ послѣдующіе дни. Этторе Тревизанъ пріобрѣлъ въ своей вынужденной неподвижности ту мудрость, которой недостаетъ всѣмъ погруженнымъ въ суету жизни. Нерѣдко я бралъ соломенный стулъ и усаживался подлѣ его стола, гдѣ совлеченная съ плечъ ея носителей располагалась блистательная и эфемерная мишура свѣтской жизни. Старый Этторе, покачавъ головой, произносилъ надъ ней свои сентенціи, ожидая совершенныхъ его утюгами и жидкостями магическихъ метаморфозъ. Невольно сравнивалъ я примиренныя его разсужденія съ язвительными максимами шевалье Аркаса и зачастую отдавалъ имъ предпочтеніе. Не напрасно ли объѣхалъ весь свѣтъ мой скептическій шевалье, чтобы изъ заблужденій ума и обидъ сердца создать миражъ, болѣе обманчивый чѣмъ тѣ, которые

являли ему океанъ и пустыня! И то, что оставалось скрытымъ для него въ путяхъ человѣка, не угадывалъ ли старый Этторе, давно прикованный бѣдностью и болѣзнью къ своему столу?

Возобновившійся послѣ дня Епифаніи карнавалъ сдѣлалъ добровольное затворничество Жюльетты менѣе строгимъ. Венеціанскій обычай маски и домино даетъ возможность каждому, не будучи узнаннымъ, принимать равное участіе въ общественной жизни или по меньшей мѣрѣ быть ея непосредственнымъ наблюдателемъ. Ловкій Бенетто пересталъ вскорѣ жаловаться на бездѣйствіе своей гондолы. Надѣвъ традиціонныя бауты, мы садились на ея созданныя для лѣпи подушки. Бенетто, изогнутый на подобіе серпа, съ удовольствіемъ погружалъ свое весло въ упругія воды канала. Подобные другимъ маскамъ въ мимо скользящихъ гондолахъ, мы плыли къ Пьяццѣ. Мы смѣшивались здѣсь съ толпой, надъ который вечернее небо разстилало свой легкій пологъ, въ то время какъ зажигались первые огни подъ аркадами Прокурацій. Мы заходили въ кофейни и въ лавки, торгующія лакомствами и бездѣлушками. Существующіе лишь другъ для друга въ таинственности переодѣванія, мы посѣщали концерты въ монастыряхъ и оперы въ театрахъ. Развлеченная зрѣлищемъ кипѣвшей вокругъ праздничной жизни, Жюльетта крѣпче опиралась на мою руку; глаза ея блестѣли оживленіемъ сквозь прорѣзь маски; приподнявъ черное кружево смѣялась она выходкамъ бродячихъ комедіантовъ и апплодировала побѣдителямъ регатъ. Постепенно мы становились смѣлѣе: мы посѣтили однажды открытый балъ во дворцѣ Малипьеро, и, уступая желаніямъ моей повелительницы, я не побоялся ввести ея инкогнито въ казино знакомаго мнѣ венеціанца.

Приближалась весна, душистый горошекъ завилъ новые усики на моемъ окнѣ у Санъ Кассіано. Заманчивѣе сіяло солнце во дворѣ палаццо Реньеръ для тѣхъ, кто вступалъ, выйдя изъ гондолы, въ темный его вестибюль. Прогулки наши сдѣлались болѣе далекими и свободными: просторъ лагуны, теплый соленый вѣтеръ, играющій локономъ, выбившимся изъ подъ черной условленной шляпы, привлекали Жюльетту. Бенетто возилъ насъ въ Мурано, плавящее въ раскаленныхъ горнахъ хрупкое стекло, или въ сады на Джудеккѣ, зеленѣющіе молодой травой, чернѣющіе жирной землей свѣже

вырытыхъ клумбъ. Однажды нашъ гондольеръ предложилъ намъ отправиться на островокъ Сантъ Ладзаро. Былъ тихій, немного туманный день послѣдней недѣли венеціанскаго карнавала. Въ уединеніи лагунъ Жюльетта сняла свою маску. Я съ новымъ волненіемъ глядѣлъ на ея лицо, въ которомъ исчезли, казалось, послѣдніе слѣды мрачныхъ предчувствій или печальныхъ воспоминаній. Подражая моей спутницѣ, я скинулъ съ себя домино и снялъ шляпу. Приливъ неизжитыхъ мной чувствъ вновь возносилъ меня на вершину счастья. По своему прежнему обыкновенію Жюльетта слѣдила за мной ласково и насмѣшливо уголкомъ глазъ.

Сопровождаемые чернобородымъ лазаритомъ, мы обошли кіостро, перемежавшій блѣдныя тѣни и нѣжный свѣтъ сіявшаго сквозь дымку паровъ солнца. Привыкшій къ любопытству путешественниковъ армянскій монахъ учтиво отзывался на праздные наши вопросы. Его маленькіе, глубоко сидящіе подъ сѣдыми бровями глаза скользили иногда бѣглымъ и непроницаемымъ взглядомъ по лицу моей спутницы. Остановясь у водоема, гдѣ глухо ворковали два голубя, Жюльетта спросила его, тоскуетъ ли онъ по своей восточной родинѣ. На смугломъ лицѣ лазарита возникла двойственная усмѣшка; поглаживая свою черную какъ смоль бороду, отвѣтилъ онъ сдержанно, что Бога отцовъ своихъ носитъ въ себѣ.

Покинувъ Санъ Ладзаро, мы плыли вдоль узкой полосы земли, отдѣляющей лагуну отъ моря. Былъ слышенъ рокотъ адріатическаго прибоя на камняхъ, сложенныхъ трудолюбіемъ древнихъ венеціанцевъ. Бенетто пытался поставить парусъ, но складки его безпомощно упадали въ неподвижности воздуха. Дремали также рыжіе паруса рыбачьихъ судовъ, вышедшихъ въ лагуну изъ Пеллестрины и Маламокко, и рѣзвыя чайки съ крикомъ вились надъ смолистымъ кружевомъ влекомыхъ ими сѣтей. Откинувшись на подушки, полузакрывъ глаза, Жюльетта грезила, въ то время какъ проникнутый лихорадочнымъ возбужденіемъ я чувствовалъ, что въ эти глубокіе часы весенняго раздумья небесъ и земли рѣшается моя судьба.

Почти дѣтская веселость вернулась къ Жюльеттѣ, когда, по ея желанію, мы причалили къ Моло и вышли на плиты Пьяцотты. Удерживая меня за рукавъ, остановилась она передъ кукольнымъ театромъ, который показывалъ толпѣ про-

столюдиновъ проворный бергамаскъ. Она вслѣдъ затѣмъ насильно подвела меня къ лотку старухи, торговавшей незамысловатыми сластями улицы. Смѣясь приподняла она свою маску, откусывая розовый леденецъ. Я видѣлъ влажность ея губъ, бѣлизну зубовъ, нѣжность кожи. Я чувствовалъ въ ту минуту, что Жюльетта знаетъ испытываемое мной волненіе! Я бросилъ старухѣ золотой, и мы углубились въ затѣненность еще малолюдной въ тотъ часъ Мерчеріи. Между нами не было произнесено ничего, но я не сомнѣвался болѣе, что каждый шагъ приближалъ насъ теперь къ завѣтной чертѣ.

Бенетто ожидалъ на Ріальто; Жюльетта отдѣлилась отъ меня и спрыгнула въ гондолу, тихо сказавъ мнѣ «до вечера». Я поглядѣлъ вслѣдъ веслу гондольера, разсѣкшему на двѣ сверкающія струи спокойную поверхность канала. Медленно перешелъ я мостъ, чтобы пуститься въ знакомый мнѣ лабиринтъ переулковъ. Близость вечера уже наполнила ихъ свѣжестью, и звонче мнѣ слышался стукъ деревянныхъ подошвъ на ступеняхъ моста, изогнувшаго свою арку надъ узкимъ ріо. Невидимые голоса перекликались вокругъ, всплеснуло ведро, опущенное съ высоты верхняго этажа въ воду канала. Полоска неба надъ головой озолотилась теплымъ свѣтомъ, и перистое облако проплыло, зажженное огнемъ заката. Въ сгущавшихся внизу сумеркахъ летучая мышь едва не коснулась крыломъ своимъ моей шляпы.

Взойдя по лѣстницѣ дома у Санъ Кассіано, въ глубокомъ изнеможеніи я опустился на стулъ подлѣ стараго Этторе, разглаживавшаго утюгомъ патриціанскую мантію. Невольно я опустилъ голову, пятновыводчикъ по своему истолковалъ это движеніе. «Я самъ гляжу, синьоръ Вендоло», сказалъ онъ, «что число винныхъ пятенъ все увеличивается въ красныхъ складкахъ, которыя носитъ на своей груди Паоло Гравениго. Кто зналъ его молодымъ, какъ я, тотъ помнитъ, однако, сколько надеждъ было заключено въ немъ! Тотъ помнитъ, конечно, что Паоло Гравениго и Катерина Донà съ юныхъ лѣтъ любили другъ друга. Обычай, мѣшающій знатнымъ невѣстамъ вступать въ бракъ съ избранникомъ сердца, заставилъ Катерину Донà выйти замужъ за Пьетро Сормани. Это была одна изъ самыхъ пышныхъ свадьбъ, какія я видѣлъ на ступеняхъ Скальци, когда еще ходилъ на ногахъ.

На другое утро вся Венеція билась объ закладъ, сколько пройдетъ дней, прежде чѣмъ Паоло Гравениго станетъ любовникомъ Катерины Донà.» —

Тревизанъ стукнулъ утюгомъ и поднялъ отъ стола голову. «Этого не случилось до сего дня, дорогой синьоръ!» воскликнулъ онъ. «Глядя на винныя пятна, я убѣждаюсь въ томъ, хотя со времени свадьбы въ Скальцы прошло уже двадцать лѣтъ. И если вы спросите меня, отчего этого не случилось, я сошлюсь на лукавство женщины, которому нѣтъ границъ. Не былъ ли за всѣ эти двадцать лѣтъ Паоло Гравениго самымъ настойчивымъ изъ посѣтителей дома Сормани и самымъ усерднымъ изъ обожателей Катерины Донà? Не спѣшилъ ли онъ исполнить малѣйшую ея прихоть и по одному знаку ея не предпринималъ ли опасныя путешествія? Не пожертвовалъ ли онъ ради нея своею молодостью и своимъ именемъ, своимъ богатствомъ и своей славой? Онъ сдѣлалъ все это, и именно оттого Катерина Донà откладывала со дня на день исполненіе заслуженной имъ награды. Она знала, что женщина сильнѣе всего тогда, когда заставляетъ ждать; ожиданіе стало привычкой для Паоло Гравениго, и Катерина Донà сдѣлала эту привычку причиной большого для себя наслажденія, чѣмъ была бы сама любовь. Кромѣ того, она постарѣла за эти годы, Катерина Донà, какъ постарѣлъ ея Паоло Гравениго, облысѣвшій, отяжелѣвшій и впавшій въ неряшливость, и ничѣмъ больше не напоминающій блестящаго молодого нобиле, которымъ любовался я собственными глазами на ступеняхъ Скальци. Обвините ли вы ее, что она не желаетъ теперь явить уродливое подобіе тѣхъ блаженствъ, о какихъ нѣкогда вздыхала она въ дѣвической комнатѣ родового дворца? Вотъ почему, когда знакомый гондольеръ разсказываетъ мнѣ, какъ шепчетъ она «не сегодня», выйдя изъ гондолы и опираясь па дрожащую руку своего стараго друга, я жалѣю о бѣдномъ Паоло Гравениго и не браню Катерину Донà!»

Слова Этторе еще звучали въ моихъ ушахъ, когда, выждавъ должное время, я направлялся къ палаццо Реньеръ, и точно въ отвѣтъ ему мои губы шепнули «сегодня», какъ только увидѣлъ я со стороны двора узкій фасадъ, темнѣвшій одними окнами и лившій яркій свѣтъ изъ другихъ. Я никого

не встрѣтилъ на лѣстницѣ, Жюльетта услала слугъ, расположившихъ все необходимое на боковомъ столикѣ. Въ принужденномъ молчанiи мы сѣли за ужинъ, различая легкiй звонъ хрусталя и потрескиванiе углей въ маленькой жаровнѣ, на которой варилось кофе. Обычный мой аппетитъ мнѣ измѣнилъ на этотъ разъ, и Жюльетта не пожелала играть роль радушной хозяйки. Ослѣпительная въ своемъ тяжеломъ сверкающемъ платьѣ, открывавшемъ ей плечи, отбросившая обычный свой мѣхъ, чтобы жемчугъ, украшавшiй ея шею, полнѣе впивалъ блескъ свѣчей, она вновь показалась мнѣ далекой, холодной и высокомѣрной.

Я странно робѣлъ передъ ней, и когда наступила минута обычнаго для меня разсказа, я былъ обрадованъ случаемъ поворить о другомъ и повторить исторiю, изображенную мнѣ пятновыводчикомъ. Жюльетта выслушала меня, казалось, разсѣянно и равнодушно. Когда я кончилъ, она поднялась и, накинувъ на плечи мѣхъ, предложила мнѣ перейти наверхъ. Здѣсь у себя она какъ будто вздохнула свободнѣе, покойное кресло приняло ее въ свое убѣжище, маленькiя ноги углубились въ мягкiй коверъ, глаза полузакрылись, грудь подымалась и опускалась ровнѣе. Я остановился у зеркала, отражавшаго фарфороваго китайскаго бога. Его лысая голова блестѣла складками безчисленныхъ искусныхъ морщинъ, лицо его выражало гримасу радости или страданiя. Надъ чѣмъ смѣялся онъ своимъ беззубымъ ртомъ, надъ ожидающей насъ старостью или несбывшимся счастьемъ? Мнѣ послышался едва уловимый стукъ, я оглянулся. Жюльетта сняла съ шеи жемчугъ и бросила его на мраморъ стола, нить разорвалась и нѣсколько жемчужинъ скатилось на коверъ. Глаза ея глядѣли на меня пристально, темнѣя грознымъ своимъ выраженiемъ. Я опустился на колѣни подлѣ ея ногъ и, собирая разсыпавшееся ожерелье, цѣловалъ жемчужины, еще сохранившiя ея теплоту. Я почувствовалъ смертельную блѣдность въ своемъ лицѣ и испыталъ боль въ сердцѣ. Жюльетта склонилась ко мнѣ, улыбка скользнула вокругъ ея губъ. «Мой Орсоло», сказала она и прибавила едва слышно, «я не заставлю васъ ждать, какъ заставила Паоло Гравениго злая Катерина Донà!»

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Бронзовый фигурино потянулъ къ себѣ судорожнымъ движеніемъ молотокъ и вновь уронилъ его; звукъ колокола слетѣлъ съ Торре дель Ороложіо; часы пробили два. Я глядѣлъ изъ подъ аркадъ Флоріана на механическую игрушку Венеціи, вспоминая другія, с какими въ мастерской отца было неразлучно мое дѣтство. Я былъ далекъ отъ мысли, что стрѣлка венеціанскихъ часовъ переступила въ эту минуту какъ разъ ту черту, которая была границей моихъ счастливѣйшихъ дней и несчастнѣйшихъ. Переведя глаза я увидалъ двухъ людей, пересѣкавшихъ пьяццу. Я узналъ Карла Старре въ одномъ изъ нихъ, въ другомъ — Либеліуса.

Было второе октября тысяча восемьсотъ восемьдесятъ третьяго года. Венеція еще пустѣла, покинутая своими обитателями, искавшими деревенскихъ удовольствій на берегахъ Бренты и Силе. Я оставилъ Жюльетту на виллѣ, которую занимали мы въ продолженіи лѣта между Мирой и Доло, и находился въ городѣ, совершая необходимыя приготовленія къ возвращенію въ палаццо Реньеръ. Мои мирныя хлопоты были нарушены неожиданнымъ образомъ. Бросивъ все, я приказалъ гондольеру отвезти меня въ Местре. Полный смятенія, нанялъ я тамъ экипажъ и скакалъ въ вечернихъ туманахъ, поднявшихся какъ предчувствія осени, съ окрестныхъ рѣкъ и болотъ.

Мы были счастливы, Жюльетта и я, когда послѣ дня Вознесенія обычай позволилъ намъ покинуть городъ для сельскаго уединенія. Берега венеціанскихъ рѣкъ усѣяны лѣтними жилищами, которыя дѣлаетъ вкусъ ихъ хозяевъ то мѣстомъ шумныхъ увеселеній, то убѣжищемъ молчаливыхъ радостей. Забо-

тами Антоніо Фулинъ мы были водворены на виллѣ Бріули, какъ никакая иная отвѣтствовавшей этому послѣднему предназначенію. Въ глубинѣ заросшаго кустами жасмина двора розовѣетъ скромный фасадъ ея двухэтажнаго павильона. Одни его окна обращены въ плодовый садъ, тогда какъ виденъ въ другія парусъ судна, скользящаго по каналу Бренты. На откосѣ берега, противъ желѣзныхъ витыхъ воротъ, дѣлящихъ на двое ограду, уставленную каменными уродцами, старый тополь поднимаетъ къ небу свои вѣтви. Гребцы привязываютъ лодки къ его стволу въ часъ отдыха; перекликаясь завтракаютъ они въ его тѣни виномъ и хлѣбомъ, и голоса ихъ лѣниво раздаются надъ рѣкой, проникая въ прохладу комнатъ вмѣстѣ съ другими звуками лѣтняго полдня, съ гудѣніемъ пчелъ, визгомъ стрижей, звономъ косы, натачиваемой рукой невидимаго косца.

Какъ часто прислушивался я къ этимъ звукамъ въ бѣлѣющемъ чехлами, затѣненномъ опущенными жалюзи салонѣ виллы Бріули! Легкіе шаги Жюльетты, только что оставившей комнату, чтобы подняться къ себѣ, еще не успѣвали умолкнуть на лѣстницѣ. Я съ нѣжностью касался раскрытой книги брошенной ею въ углу софы, или кружева, забытаго на маленькомъ столикѣ. Присутствіе ея облекало меня и опьяняло своимъ ароматомъ. Когда я смыкалъ глаза, въ нихъ плыли волны, переливающіяся жемчужнымъ блескомъ, какъ чреда этихъ упоительныхъ дней. Мою грудь переполняло чувство, не изобразимое никакимъ человѣческимъ языкомъ. Въ волненіи я закрывалъ лицо руками, мокрое отъ блаженныхъ слезъ.

Жюльетта любила меня, я не переставалъ твердить эти удивительныя слова съ утра до вечера. Въ награду за мою преданность она принесла мнѣ себя въ великолѣпный даръ Я узналъ плѣнительную свѣжесть ея тѣла и могущественную ласковость ея души. Лицо ея свѣтилось мнѣ въ полутьмѣ спальни, куда пробирался я съ тѣми предосторожностями, какія не позволяли нашимъ свиданіямъ пріобрѣсти обыкновенность супружества. Усталая отъ любви она впадала въ дремоту, въ то время какъ лѣтній разсвѣтъ брезжилъ въ раскрытомъ окнѣ. Ея черты продолжали улыбаться мнѣ, грудь подымалась и опускалась спокойно. Кричалъ пѣтухъ, и я спѣшилъ оставить уже наводненную утреннимъ свѣтомъ комнату, унося на губахъ вкусъ поцѣлуевъ Жюльетты.

Въ теченіе всѣхъ этихъ райскихъ дней, она не отступила ни въ чемъ отъ счастливой своей ясности. Войдя на открывшуюся ей тропинку жизни, она шла по ней не оглядываясь назадъ. Мою страсть она встрѣчала съ открытой душой и честно стремилась раздѣлить ея восторги. Я не замѣчалъ въ ней ни трепета воспоминаній, ни тѣни предчувствій. Прошлое не имѣло власти надъ ней, и ни одно изъ нашихъ мгновеній не пожелала она принести въ жертву грядущему. Въ сѣрыхъ глазахъ, въ которыхъ привыкъ я угадывать отблески столькихъ мыслей, я не читалъ предательскихъ размышленій о томъ, что однажды всему приходитъ конецъ.

Я не искалъ полнаго равенства въ нашей любви. Что удивительнаго, если Жюльетта сохранила оттѣнокъ превосходства въ самой своей нѣжности ко мнѣ? Не была ли она старше меня, если не годами, то опытомъ, не питала ли она заботъ, мужественности и значительности которыхъ ничего равнаго не могла бы представить моя легкомысленная голова художника и бродяги? Не была ли она еще такъ недавно, на моихъ глазахъ, нимфой Эгеріей сѣвернаго короля! Я не забывалъ кромѣ того и различія нашихъ общественныхъ положеній. Предназначенная съ дѣтства занять свое мѣсто въ придворномъ кругу, она стояла выше меня на ступеняхъ человѣческой лѣстницы. Судьба, причудливо распорядившаяся моей любовью, не возбуждала во мнѣ никакого тщеславія тѣмъ, что своею возлюбленной я могъ называть графиню Юлію Даленъ. Она избавила меня однако и отъ какихъ бы то ни было самолюбивыхъ страданій. Великодушное сердце Жюльетты не пожелало знать между ею и мной житейскихъ препятствій и ложныхъ преградъ.

Но если бы эти преграды и были въ дѣйствительности, не разсыпались бы онѣ въ прахъ передъ силой волшебствъ венеціанскаго лѣта! Съ одинаковымъ наслажденіемъ мы погрузились оба въ глубокій покой деревни. Іюльское небо опрокидывало надъ нами синѣющія бездны, жаркое солнце пронизывало насъ легкимъ кипѣніемъ, отдохновенная прохлада струилась вокругъ насъ въ искрящейся прозрачной тѣни. Мы восхищались запахомъ нагрѣтой полднемъ земли или дыханіемъ вечернихъ цвѣтовъ. Мы слушали пѣніо птицъ, гнѣздившихся въ старыхъ кустахъ жасмина и ловили стукъ зрѣлыхъ

плодовъ, роняемыхъ деревомъ въ нашемъ саду. Трели лягушекъ возвѣщали намъ о приближеніи ночи; зажигались звѣзды, свѣтился фонарь на мачтѣ судна, беззвучно влекущагося въ каналѣ Бренты. Жюльетта разставалась со мной, коснувшись моей руки слабымъ пожатіемъ, воспламенявшимъ во мнѣ всю кровь. Волнуемый неумолчнымъ трескомъ цикадъ, я ждалъ подъ ея окнами таинственнаго крика маленькой совы, служившаго намъ условленнымъ сигналомъ.

Уединеніе наше могло быть полнымъ, но мы не скрывались и не бѣжали отъ людей. Въ виду виллы Бріули круглитъ свой небольшой черепичатый куполъ старинный лѣтній дворецъ Маріаго. Построенный въ шестнадцатомъ вѣкѣ по плану Палладіо для одного изъ роскошныхъ вельможъ Республики, онъ укрываетъ теперь въ своихъ обветшалыхъ стѣнахъ досуги патриція, еще принадлежащаго къ древнему венеціанскому роду. Альвизе Стено, владѣющій имъ, молодъ и одинокъ. Легкая хромота, соединенная съ безпечностью, мѣшаетъ ему посвятить себя государственной службѣ. Не подражая предкамъ, легко взбиравшимся на бортъ адмиральской галеры, синьоръ Альвизе предпочитаетъ не переступать порога своего дворца у Санъ Тома или своей виллы Маріаго. Службу отечеству замѣняетъ онъ охотно служеніемъ музамъ. Серьезнѣйшія и легчайшія изъ нихъ попеременно властвуютъ въ его садахъ, въ его библіотекахъ, на сценѣ его домашняго театра. Въ честь Кліо онъ пишетъ исторію генуэзской войны, но часто славитъ празднествами и Мельпомену и Терпсихору.

Альвизе Стено былъ частымъ гостемъ виллы Бріули, и мы охотно отплачивали ему присутствіемъ на его концертахъ. Въ иныя утра я навѣщалъ его одинъ, едва онъ успѣвалъ окончить свой туалетъ. Синьоръ Альвизе высвобождалъ, привѣтствуя меня, голую руку изъ подъ восточнаго шлафрока. Живые глаза на его твердо очерченномъ лицѣ латинянина взглядывали на меня привѣтливо. Владѣлецъ дворца Маріаго звалъ меня къ столу или приглашалъ дождаться его въ аллеяхъ сада. Искусство и нравы служили затѣмъ предметомъ нашихъ бесѣдъ. Погруженный въ исторію, Альвизе Стено любилъ взирать любопытствующимъ окомъ въ калейдоскопъ современности. Онъ увлекалъ меня въ зеленый лабиринтъ, устроенный изобрѣтательностью его садовника. Покорно слѣдоваль я за нимъ

между двухъ стѣнокъ буксуса, не пытаясь своей догадливостью найти въ нихъ дорогу. Альвизе Стено оживлялся, вспоминая пѣвца, услаждавшаго нѣсколько дней назадъ наше общество. Онъ останавливался вдругъ, переставая влачить больную ногу, опираясь рукой на толстую трость. Пріятнымъ басомъ онъ подражалъ воображаемымъ виртуозамъ и обрывалъ свою импровизацію раскатистымъ смѣхомъ.

Передъ Альвизе Стено мы не старались дѣлать тайны изъ нашей любви. Самъ испытавшій въ своей первой молодости порывы страстей, обрекшихъ его на раннее одиночество, не долженъ ли онъ былъ отнестись къ моему чувству благожелательно и даже сочувственно? Ни онъ самъ и никто изъ его друзей не рѣшились бы осудить инкогнито маркизы Сантъ Аньяно, приведшее ее къ уединенію вдвоемъ съ молодымъ живописцемъ, успѣвшимъ стяжать себѣ въ Венеціи маленькую извѣстность. Венеціанское общество, умудренное столѣтіями разнообразной жизни, не торопится клеймить воображаемый порокъ или превозносить кажущуюся добродѣтель. Снисходительное къ себѣ самому оно терпимо къ другимъ. Въ дѣлахъ любви оно чтитъ откровенность, уважаетъ капризъ и цѣнитъ свободу. На вечерахъ Маріаго, Жюльетта могла не опасаться ни злословія, ни клеветы. Стоя въ углу передней залы Альвизе Стено, я съ обожаніемъ слѣдилъ за ней, блистающей такъ безспорно въ кругу венеціанскихъ дамъ. Волненіе переполняло меня при видѣ моей Жюльетты. Я убѣгалъ съ непокрытой головой въ садъ и тамъ обращалъ странную молитву о ней къ высокимъ звѣздамъ, въ то время какъ лились въ широко открытое окно виллы Маріаго трели пѣвицъ, звуки віолъ и плески аплодисментовъ.

Сверкающей и почти высокомѣрной въ свѣтѣ, простой и нѣжной въ домашней тишинѣ я вспоминалъ ее, сжимаясь тоской, терзаясь желаніемъ вернуться вновь къ нашимъ безоблачнымъ днямъ, пока экипажъ, нанятый въ Местре, съ каждымъ оборотомъ колеса приближался къ виллѣ Бріули. Глухая ночь, раскинувшая кругомъ свой пологъ, печально откликалась моимъ мыслямъ. Не въ силахъ моихъ было изъять событіе сегодняшней встрѣчи со скрижалей нашей судьбы. Я зналъ, что послушная велѣнію причинъ, направляющихъ жизнь, Жюльетта захочетъ повиноваться и этому ихъ

знаку. Чуждая власти привычекъ, для другихъ образующихъ неразрывную сѣть ихъ существованія, прислушивающаяся лишь къ голосу собственной души, она не задумается въ одну минуту снести карточный домикъ нашего счастья такъ же естественно, какъ она позволила мнѣ построить его. Она даже не услышитъ меня, если я захочу ее убѣждать или упрашивать. Всесильная надо мной, она устранитъ меня мягко съ новыхъ своихъ путей и заставитъ послѣдовать за собой туда, куда заблагоразсудится ей, столь же влюбленнаго, столь же ей преданнаго, столь же несмѣлаго въ правахъ своихъ чувствъ, какъ въ самый первый день нашей встрѣчи!

Знакомый тополь на берегу канала вырисовался, наконецъ, передо мною на фонѣ усѣяннаго звѣздами неба. Вечерній туманъ разсѣялся, оставивъ послѣ себя вкусъ влаги. Я приказалъ остановиться противъ витыхъ воротъ виллы Бріули и былъ пораженъ смѣнившей шумъ колесъ торжественной тишиной. Надъ крышей нашего жилища я различалъ восходящія Плеяды и узнавалъ фигуру Тельца, повторяя уроки барона Руновъ. Воспоминанія вновь овладѣли мною, я испыталъ почти ребяческую слабость и медлилъ войти въ домъ, желая отдалить наступленіе тяжелой минуты. Жюльетта еще не спала, я видѣлъ свѣтъ въ ея верхнемъ окнѣ. Съ неизъяснимымъ ощущеніемъ глядѣлъ я на освѣщенный его четыреугольникъ. Въ немъ появились внезапныя тѣни, ровный его свѣтъ заколебался. Я понялъ, что Жюльетта, обезпокоенная шумомъ моего экипажа, зоветъ служанку или, быть можетъ, сама спускается внизъ. Мое сердце стучало сильно; я ждалъ, придерживаясь рукой за вѣтки кустарника.

Любила ли меня Жюльетта, или только позволяла себя любить? Догадка эта вдругъ пронизала меня иглой. Я испыталъ ледяной холодъ сомнѣній. Колѣнопреклоненно я принималъ эти мѣсяцы ту милостыню, которую отвергнулъ нѣкогда среди снѣговъ Веллина. Жюльетта не была обязана мнѣ больше ничѣмъ. О, какъ спѣшила она заплатить мнѣ полностью долгъ сердца! Я не осмѣлюсь теперь ни упрекнуть ее, ни посягнуть на ея волю. Натура не замедлитъ увлечь ее отъ тихихъ радостей къ опаснымъ соревнованіямъ. Въ явленіи Старре я боялся не столько соперника въ любви, сколько предвѣстника навсегда мнѣ чуждыхъ побужденій.

Беззвучная и бѣлая какъ видѣніе, Жюльетта выступила изъ тѣни полуколоннъ. «Я здѣсь!» воскликнулъ я, бросаясь къ ступенямъ входа. «Хорошія или дурныя вѣсти?» спросила она, вглядываясь въ темноту, какъ нѣкогда на крыльцѣ Веллина. Она старалась говорить весело, но голосъ ея слегка дрожалъ. Моя голова была у ея ногъ, приникнувъ къ нимъ я разсказалъ ей о сегодняшней встрѣчѣ. Жюльетта опустилась на плиты лѣстницы и, положивъ мнѣ на лобъ руку, заставила меня обратить къ ней мое полное грусти лицо. «Бѣдный другъ» вздохнула она, долго вглядываясь въ меня. Она откинулась затѣмъ къ столбу полуколонны, вычерчивавшему отчетливо своей бѣлизной ея рѣшительный сѣверный профиль. При свѣтѣ звѣздъ я видѣлъ усмѣшку, изогнувшую углы ея губъ. Я былъ отринутъ ею мгновенно, безповоротно. Она вскочила на ноги, повелительная, недосягаемая, несуществующая, какъ древняя статуя въ тѣни этого заимствованного у древности портика. «Не позже чѣмъ завтра, я должна вернуться въ палаццо Реньеръ», воскликнула она, кипя вызовомъ объявленной ею войны.

II.

Приказаніе Жюльетты было исполнено: съ величайшей поспѣшностью мы возвратились въ Венецію. Старый палаццо Реньеръ, казалось, упорствующій въ привычной ему необитаемости, неохотно открылъ ей навстрѣчу свои двери и распахнулъ свои окна. Что касается же меня, то я, по молчаливому между нами уговору, переселился въ домъ у Санъ Кассіано. Я нашелъ Этторе по прежнему словоохотливымъ и его босоногую Розиту удивительно выросшей и похорошѣвшей.

Для меня и для обезпокоенной маркизы началась теперь странная жизнь. Первое время пребывала она въ необыкновенномъ возбужденіи. Цѣлые дни я рыскалъ по городу, не то ища, не то избѣгая роковыхъ для меня и для нея встрѣчъ. Я разыскивалъ и допрашивалъ, съ тайной надеждой не допытаться и не найти. Немногіе знакомые, которыхъ я могъ застать, еще непробужденные отъ лѣтней спячки, лѣниво зѣвали въ лицо моей настойчивости и отворачивались, недоумѣвающе пожимая плечами. Всевѣдущій Фулинъ отсутствовалъ, гостиницы пустовали, дремало по лѣтнему око самой государственной инквизиціи. Все было будто тщетно: Карлъ Старре

и его сообщникъ исчезли, какъ будто бы никогда не появлялись въ Венеціи, и мнѣ начинало казаться, что фигуры ихъ на залитой солнцемъ пьяццѣ были созданы только моимъ воображеніемъ.

Каждый вечеръ я приходилъ усталый и волнуемый разнообразными чувствами съ отчетомъ въ палаццо Реньеръ. Жюльетта нетерпѣливо обращала ко мнѣ сверкающій лихорадкой ожиданія взглядъ. Я склонялъ передъ ней голову, вздыхая и безпомощно разводя руками. Печальные и разсѣянные мы садились за столъ. Добрый мой аппетитъ давно пропалъ; маркиза Сантъ Аньяно, досадуя торопила слугъ. Она спѣшила подняться наверхъ, и я несмѣло слѣдовалъ за ней. Въ низкихъ комнатахъ было душно, кружилась голова отъ запаха осеннихъ розъ, еще напоминавшихъ мнѣ виллу Бріули. Закрывъ глаза, Жюльетта предавалась сосредоточеннымъ мечтаніямъ, въ то время какъ, взявъ альбомъ, искалъ я убѣжища отъ терзавшихъ меня мыслей въ линіяхъ и краскахъ рисунка.

Благословляю цѣлительную силу искусства! Какъ нѣкогда въ Хелленбургскомъ подземельѣ, оно еще разъ нравственно спасло меня и вывело изъ мрака отчаянія на свѣтъ Божій. Какъ ни былъ я удрученъ новымъ поворотомъ Жюльетты, я не обманывалъ себя относительно того, что въ эти самые дни работалъ съ еще небывалымъ для меня вдохновеніемъ. Я очевидно не принадлежу къ числу тѣхъ людей, для которыхъ вмѣстѣ съ исчезновеніемъ улыбки на устахъ ихъ возлюбленной гаснетъ лучъ солнца, чернѣетъ лазурь неба и блекнетъ краска деревъ. Я отлично зналъ, что міръ равнодушенъ къ печальной моей участи, но имѣлъ достаточно мудрости не проклинать его за это. Нѣтъ, не утратилъ своей прелести тонкій свѣтъ венеціанскаго дня, и не лишился закатъ его своихъ розовато-перистыхъ облаковъ надъ лагуной и кобальтовыхъ далей Эвганейскихъ горъ. Въ невольныхъ скитаніяхъ по городу, въ преслѣдованіяхъ призрака Старре я забывалъ подчасъ о цѣли моихъ поисковъ, объ ожидавшихъ меня испытаніяхъ и даже о похищенной у меня любви. Я останавливался вдругъ пораженный самыми обыкновенными венеціанскими зрѣлищами: рыжей окраской стѣны рядомъ съ зеленой водой канала, движеніемъ фигуры, жестикулирующей на церковномъ фронтонѣ, чернымъ тѣломъ гондолы, углубляющейся подъ арку

мраморнаго моста. Я вспоминалъ берега Брепты, зелень садовъ, аркады виллъ, стрѣлу деревенской кампаниле, парусъ на горизонтѣ, усилія лодочниковъ, отталкивающихъ свое судно отъ узкихъ береговъ канала, и лагерь цыганъ, расположившихся на ночлегъ у полуразрушенной остеріи.

Въ рисункахъ своихъ я былъ безсиленъ удержать отнынѣ приливъ фантазіи. Венеція и Римъ, древность и современность, вымыселъ и дѣйствительность соединились въ нихъ самымъ причудливымъ образомъ. Уроки Пиранези переплетались съ воспоминаніями театральпыхъ кулисъ, контрасты свѣта и тѣни перемежались съ шелковымъ блескомъ венеціанскаго воздуха. Я изображалъ руины храмовъ, глядящіяся въ спокойныя воды, и развалины акведуковъ, перешагнувшихъ черезъ пустынный каналъ. Разбойники гнѣздились въ невѣдомыхъ Коллизеяхъ, облѣпленпыхъ домишками венеціанской окраины. Санта Марія делла Салюте возвышала свой куполъ надъ обломанными фронтонами и почернѣвшими отъ времени рострами. Пастухи Кампаньи пасли стада у подножія статуи великаго кондотьера, полуголыя дѣти рѣзвились на венеціанскомъ Кампо, вокругъ огромнаго античнаго саркофага. Мои пейзажи я населялъ племенемъ маленькихъ фигуръ, подвижпыхъ, встревоженныхъ, опасныхъ и подозрительныхъ: уродливыми нищими, дерзко протягивающими руку за подаяніемъ, масками, угрюмо кутающимися въ свои плащи, бродячими монахами, проповѣдующими, казалось, далеко не слова примиренія, служанками, двусмысленными въ своихъ тѣлодвиженіяхъ, фиглярами и солдатами, и тѣми персонажами въ одеждѣ кающихся, которые напоминали мнѣ нѣмецкихъ иллюминатовъ.

Эти вымыслы выражали, быть можетъ, горячечность моего воображенія. Они избавили меня, съ другой стороны, отъ прямыхъ заболѣваній, душевпыхъ или тѣлесныхъ. Лишенная той опоры, которую я нашелъ въ искусствѣ, Жюльетта занемогла самымъ дѣйствительнымъ образомъ. Предчувствуя недоброе я увидалъ въ певый разъ прикрытыя ставни въ верхнемъ этажѣ палаццо Реньеръ. Я поспѣшилъ взбѣжать по лѣстницѣ и засталъ маркизу Сантъ Аньяно уложенную въ постель заботами домоправительницы и камеристки. Сестра Агата, снявъ съ пояса ключи, вздыхая и перебирая четки, сидѣла у

изголовья больной. Жюльетта тусклымъ взоромъ окинула меня, ея сухія отъ жара губы беззвучно шевелились. Испустивъ восклицаніе, я устремился за докторомъ.

Мнѣ не составило никакого труда добыть облеченнаго этимъ званіемъ синьора Джакомо Цаппа, проживающаго въ собственномъ домѣ въ приходѣ Санъ Лука. Синьоръ Джакомо, являвшій собой маленького аккуратно выбритаго старичка, принялъ меня въ домашней аптекѣ и выслушалъ не особенно внимательно. Въ изнеможеніи отъ тревоги я бросился въ предложенное мнѣ кресло съ такой силой, что едва не опрокинулъ его. Докторъ Цаппа насмѣшливо покосился на меня, продолжая неторопливо отмѣривать свои порошки и переливать микстуры. Люди этого сорта предполагаютъ, что болѣзни существуютъ лишь для того, чтобы провѣрять правильность ихъ рецептовъ! Моя природная довѣрчивость не располагала меня впрочемъ къ сомнѣніямъ: на доктора, приближающагося къ больному, чтобы пощупать пульсъ, я привыкъ взирать какъ на всемогущее божество.

Джакомо Цаппа нашелъ вполнѣ правильнымъ ходъ той горячки, которая овладѣла бѣдной моей маркизой. Ни ей самой, ни мнѣ, проводившему подлѣ нея цѣлые дни, отъ этого не было сколько нибудь легче! Жюльетта больше не узнавала меня, томимая жаромъ и слабостью. Выздоровленіе не спѣшило положить ей на воспаленный болѣзнью лобъ свою прохладную и благодѣтельную руку. Если я допрашивалъ о томъ доктора Цаппа, онъ негодовалъ на мое нетерпѣніе, посягавшее, казалось ему, на самые законы его науки.

Нескоро наступилъ день, когда природа понемногу взяла свое. Горячка покинула, наконецъ, драгоцѣнную свою жертву. Жаръ спалъ, Жюльетта очнулась и начала различать окружающихъ; она жаловалась только на сильную головную боль. Я былъ готовъ прыгать отъ радости и не боялся того, что синьоръ Цаппа сталъ хмуриться и выказывать неудовольствіе: головная боль не входила въ его предвидѣнія. Мой докторъ былъ явно смущенъ. Однажды я засталъ его совѣтующимся подлѣ больной со своимъ соперникомъ въ ремеслѣ, сангвиническимъ и громогласнымъ Тарелли. Взгляды ученыхъ мужей выразили несказанное презрѣніе къ моему невѣжеству, когда я рѣшился задать имъ обычной вопросъ. Спустившись

въ галлерею дворца, они мѣрили нѣкоторое время взадъ и впередъ ея мозаическій полъ, заложивъ за спину руки и обмѣниваясь латинскими словами, въ своей звучности подобными заклинаніямъ.

Ученое недоумѣніе доктора Цаппа имѣло результатомъ самыя важныя послѣдствія. Свиданіе съ Тарелли не удовлетворило его, онъ сталъ искать иныхъ совѣтовъ. Спустившись однажды съ лѣстницы палаццо Реньеръ, я повстрѣчался въ вестибюлѣ носомъ къ носу съ Либеліусомъ, за которымъ въ припрыжку поспѣвалъ Джакомо Цаппа. «Э, синьоръ Вендоло», весело крикнулъ мнѣ медикъ, «мы венеціанцы не боимся учиться у чужеземныхъ свѣтилъ, если отъ этого есть польза для нашихъ больныхъ и науки». — Либеліусъ приподнялъ свою черную шляпу и взглянулъ на меня, не скрывая насмѣшки. «Синьоръ Вендоло», сказалъ онъ, «имѣлъ однажды случай убѣдиться въ моихъ скромныхъ талантахъ».

Я остановился какъ вкопанный у столба, дѣлившаго на двое арку входа. Я не вѣрилъ своимъ глазамъ, точно имѣлъ бы дѣло съ новой галлюцинаціей. Ненавистный Либеліусъ, такъ легко и естественно проникающій въ палаццо Реньеръ, послѣ того какъ я поклялся преградить туда ему путь! Докторъ Цаппа съ сожалѣніемъ взглянулъ на меня, по своему истолковывая мое замѣшательство. Онъ церемонно указалъ спутнику дорогу наверхъ, оба скрылись за поворотомъ лѣстницы. Моимъ первымъ движеніемъ было броситься вслѣдъ и схватить Либеліуса за полу его длиннаго по шарлатански кафтана. Меня смутила однако комическая сторона такого поступка. Старый Панталеоне шаркалъ у самыхъ моихъ ногъ своей ненужной метлой. Безсильный мой гнѣвъ излился вдругъ на него. Яростно оттолкнувъ его я выскочилъ вонъ.

Я съ нетерпѣніемъ ждалъ минуты, когда можно было бы безъ ущерба для моего достоинства предпринять второй визитъ въ палаццо Реньеръ. Близился вечеръ, я снова переступилъ его порогъ. Слуга поднялся наверхъ, но медлилъ сойти съ отвѣтомъ. Волнуясь ходилъ я взадъ и впередъ по галлереѣ, недавно видѣвшей размѣренную прогулку двоихъ ученыхъ. Сестра Агата беззвучно вступила на ея мозаическій полъ. Лицо старушки изображало на этотъ разъ особенное благочестіе. Опустивъ книзу

глаза, она заявила мнѣ, что маркиза спитъ, въ первый разъ, наконецъ, избавившись отъ головной боли. Синьоръ Джакомо Цаппа проситъ не безпокоить ее. Домоправительница прибавила къ этому нѣсколько похвалъ искусству нѣмецкаго доктора. Я не былъ обрадованъ, казалось, вполнѣ благопріятными извѣстіями. Смутное подозрѣніе ужалило мое сердце. Я жаждалъ увидѣть Жюльетту послѣ того какъ видѣлъ ее сообщникъ Старре. Дверь наверхъ темнѣла передо мной, но сестра Агата невольно заграждала ее, неприкосновенная и непоколебимая, какъ самъ камень вѣры. Мнѣ оставалось повиноваться.

Всю ночь я ворочался съ боку на бокъ. Тысячи мыслей тѣснились въ моемъ мозгу. Напрасно Либеліусъ взглянулъ на меня въ вестибюлѣ палаццо Реньеръ съ прежнимъ своимъ превосходствомъ. Я не собирался уступать дорогу тому, кто послалъ его стеречь драгоцѣнную для насъ обоихъ добычу. Я пріобрѣлъ много опыта съ тѣхъ поръ, какъ проигрался до тла нѣмецкимъ мошенникамъ. Меня было не такъ то легко теперь запугать, либо одурачить! Я не чувствовалъ себя кромѣ того въ Венеціи безпомощнымъ и одинокимъ. У моего высокаго друга Альвизе Стено не найду ли я всегда защиту, и не предоставитъ ли къ услугамъ моимъ всю свою изобрѣтательность вѣрный Антоніо Фулинъ? Надѣясь на другихъ, я былъ не менѣе того увѣренъ и въ собственныхъ силахъ. Замысламъ Старре и его темнаго приспѣшника я сумѣю положить предѣлъ вотъ этой рукой, готовой, если то неизбѣжно, нанести смертельный ударъ!

Полный рѣшимости вошелъ я на слѣдующее утро во дворецъ у Санъ Стае. Въ любимыхъ покояхъ маркизы я дожидался позволенія проникнуть въ ея спальню. Джакомо Цаппа появился въ дверяхъ, чисто выбритый и сіяющій. Увидѣвъ меня, онъ приложилъ палецъ къ губамъ и сдѣлалъ рукой нѣсколько шутовское движеніе. «Все идетъ превосходно, дорогой синьоръ Вендоло», замѣтилъ онъ, приблизившись ко мнѣ вплотную. «Черезъ два или три дня маркиза будетъ совершенно здорова. Но мы не должны безпокоить ее. Будемъ послушны предписаніямъ почтеннаго доктора Либеліуса. Еще немного терпѣнія, дорогой синьоръ»... Джакомо Цаппа обнялъ меня за талію. Кровь бросилась мнѣ въ голову. Невольно я оттолкнулъ старика. «Я хочу видѣть маркизу сейчасъ же!» воскликнулъ

я. «Къ чорту съ вашимъ Либеліусомъ!» Медикъ напрасно пытался удержать меня. Сестра Агата въ своемъ монашескомъ одѣяніи и камеристка съ лицомъ рождественской куклы явились ему на помощь.

Гнѣвъ мой разсѣялся при видѣ этого ополчившагося на меня воинства. Я былъ готовъ расхохотаться, но не оставилъ своихъ намѣреній. «Постойте, синьоръ Вендоло», кричалъ мнѣ Цаппа, «сама маркиза проситъ васъ не нарушать ея покоя». Онъ совалъ мнѣ въ руку записку. «Если вы желаете моего выздоровленія», было написано тамъ хорошо знакомымъ мнѣ почеркомъ, «не пытайтесь увидѣть меня, пока не позволятъ того обстоятельства. Докторъ Цаппа пользуется полнымъ моимъ довѣріемъ. Я позову васъ, когда это будетъ возможно». Туманъ застилалъ мнѣ глаза, пока я читалъ записку Жюльетты. Странная радость шевелилась вмѣстѣ съ тѣмъ въ моемъ сердцѣ. То, чего я такъ долго ждалъ и боялся, наконецъ наступило. Я ясно видѣлъ Жюльетту въ сѣтяхъ иллюминатовъ, которыхъ избѣгъ самъ однажды послѣ столькихъ опасностей. Раздумывать было некогда, необходимо было дѣйствовать. Къ чему повело бы, если бы я нарушилъ порабощенную отнынѣ волю Жюльетты! Я долженъ былъ иначе принять этотъ вызовъ моихъ враговъ. Изъ палаццо Реньеръ я ушелъ, неся въ головѣ готовый планъ.

Необходимо было узнать, гдѣ скрывается Старре. Я рѣшилъ выслѣдить для этой цѣли его компаньона. Скрывъ подъ плащемъ шпагу и положивъ въ карманъ маленькій пистолетъ, я нанялъ вольнаго гондольера. Изъ за опущеннаго felze его гондолы, причаленной по моему приказанію у сосѣдняго трагетто, я наблюдалъ за входомъ во дворецъ маркизы. Былъ холодный осенній день; сѣрое небо отражалось въ подернутой рябью дождя поверхности Большого Канала. Я видѣлъ тусклыя воды и слабо колеблющіеся стальные носы гондолъ, столпившихся у подмостковъ трагетто. Хозяева ихъ, чувствительные къ дождю, укрылись въ дощатую будку; накрывшись кожей, мой гондольеръ, привыкшій къ разнообразнымъ приключеніямъ своего ремесла, присѣлъ на кормѣ, философическій и нелюбопытствующій.

Близился вечеръ, первый огонь качнулся на противоположномъ концѣ трагетто, уронивъ золотой отблескъ въ потемнѣв-

шую воду канала. Я слышалъ ровный и настойчивый шумъ дождя. Глухія откашливанія давали мнѣ знать, что мой гондольеръ начиналъ терять, наконецъ, терпѣніе. Я самъ давно потерялъ его! Въ эту минуту я замѣтилъ нѣкоторое движеніе у porta d'acqua палаццо Реньеръ. Бенетто подавалъ тамъ знакомую мнѣ гондолу. Темная и высокая фигура спустилась въ нее неловкимъ движеніемъ, изобличающимъ чужестранца. Старый Панталеоне уперся въ бортъ крюкомъ, держа въ рукѣ шляпу, Бенетто двинулъ весло. Не теряя времени я подалъ знакъ, преслѣдованіе началось.

Мы скользили въ самой струѣ поспѣшающей впереди гондолы. Я выбралъ не плохо: мой гондольеръ хотя не молодой и не казистый на видъ, не отставалъ отъ сильнаго и ловкаго Бенетто. Арка Ріальто поглотила насъ почти одновременно; дурная погода и два опущенныхъ felze спасали меня отъ опасности быть узнаннымъ. Сумерки сгущались вокругъ, берега канала слились бы съ небомъ безъ линіи огней, обозначавшихъ ряды палаццо. Протяжный возгласъ Бенетто предупредилъ приказанный ему поворотъ. Мой гондольеръ догадливо не отозвался ему эхомъ, но мы повернули за гондолой маркизы въ узкое ріо Фрари.

Мы подвигались медленно въ полутьмѣ. Внезапная остановка дала мнѣ понять, что плаваніе наше окончено. Боясь упустить Либеліуса, я не заботился больше о томъ, что Бенетто узнаетъ меня: онъ не успѣлъ еще отчалить, какъ я, перескочивъ черезъ его гондолу, выбѣжалъ на площадку Фрари. Въ первую минуту у меня захватило духъ отъ волненія, я не видѣлъ нигдѣ знакомой фигуры. Бѣгомъ обогнулъ я уносящіяся въ высоту стѣны Санта Марія Глоріоза. Дождь хлесталъ мнѣ въ лицо, и мои ноги скользили на мокрыхъ плитахъ. Впереди ухо мое уловило звукъ шаговъ. Стараясь производить менѣе шума, я бросился въ томъ направленіи. Шляпа чернаго доктора мелькнула надъ взгорбленностью моста и исчезла по ту его сторону. Теперь я не боялся вновь упустить его!

Либеліусъ шелъ быстрымъ и ровнымъ шагомъ, не оглядываясь назадъ. Увѣренно повертывалъ онъ вправо и влѣво, какъ человѣкъ, знающій куда идетъ. Я слѣдовалъ за нимъ на разстояніи двадцати шаговъ, готовый принять видъ обыкновеннаго прохожаго на случай, если онъ обернется. Несмотря на

еще ранній часъ, мы не встрѣчали ни одной души: дурная погода удерживала общительныхъ венеціанцевъ въ стѣнахъ ихъ жилищъ. Цѣлые столбы дождя обрушились на насъ, когда мы пересѣкли пустынное въ тотъ вечеръ кампо Санта Маргерита. Либеліусъ прошелъ мимо Кармини, на мгновеніе полоска Калле Лунга, отражающей мокрыми плитами желтые огни лавокъ, открылась передо мною. Маршрутъ моего врага началъ внушать мнѣ сомнѣнія. Онъ слишкомъ долго былъ на ногахъ и страннымъ образомъ предпочиталъ въ ужасную погоду шагать въ томъ направленіи, куда могла бы доставить его безъ всякого труда гондола Бенетто.

Теперь онъ часто и круто поворачивалъ то вправо, то влѣво; мнѣ пришлось приблизиться къ нему на десять шаговъ. Утомленный преслѣдованіемъ, я былъ готовъ желать, чтобы онъ обернулся. Внезапно мы вышли изъ узкой щели въ открытыя, наполненныя влагой пространства, морской ветеръ пахнулъ мнѣ въ лицо. Прежде чѣмъ я успѣлъ сообразить, что мы оказались на Заттере, докторъ взошелъ на круто изогнутый мостъ и остановился. Онъ обратилъ свое лицо къ Джудеккѣ, и я понялъ, что онъ ждетъ гондолу, готовый на этотъ разъ окончательно ускользнуть отъ меня. Очевидно, по ту сторону канала иллюминаты свили свое проклятое гнѣздо.

Мнѣ не оставалось ничего болѣе какъ окликнуть врага. Либеліусъ вглядѣлся въ меня безъ особого удивленія. «Это вы, синьоръ Вендоло?» сказалъ онъ. «До свиданья, возвращайтесь домой, пока не наказаны вы за вашу нескромность!» Я услышалъ злобу въ этихъ словахъ, и она какъ ничто иное подбодрила меня и обрадовала. «Нѣтъ, милѣйшій докторъ!» воскликнулъ я, «вы не отдѣлаетесь на этотъ разъ отъ меня такъ дешево. Я не выпущу васъ пока не заставлю дать обѣщаніе разъ навсегда оставить въ покоѣ маркизу». Говоря это, я стоялъ на первой ступени моста, Либеліусъ возвышался передо мной опершись спиной на перила. Я видѣлъ мертвенныя черты его лица и фосфорическій блескъ глазъ. «Графиня Даленъ не желаетъ васъ больше знать, молодой человѣкъ», произнесъ онъ, явно желая вывести меня изъ терпѣнія. Онъ достигъ своей цѣли! Внезапная ярость овладѣла мной. «Молчи, шарлатанъ», воскликнулъ я, обнажая шпагу, «тебя не спасутъ теперь никакіе фокусы». — «Поединокъ!» усмѣхнулся онъ и

откинулъ плащъ. «Я готовъ къ нему, хотя безоруженъ». Я былъ настолько ослѣпленъ гнѣвомъ, что не оцѣнилъ всей справедливости словъ моего противника. Со шпагой въ рукѣ я устремился по ступенямъ на врага, вооруженнаго лишь одной тростью. Пусть оправданіемъ мнѣ послужитъ, что и въ такихъ обстоятельствахъ поединокъ нашъ былъ не равнымъ. Парируя ударъ, черный докторъ легко коснулся моей груди концомъ своей трости. Но этого было достаточно, чтобы я упалъ какъ пораженный громомъ — «упалъ какъ падаетъ мертвое тѣло».

III.

Докторъ Либеліусъ не испепелилъ меня послушнымъ ему адскимъ пламенемъ. Послѣдствія поединка оказались не менѣе отъ того для меня печальными. Я очнулся въ домѣ каноника Санъ Тровазо, проходившаго въ поздній часъ со святымъ Причастіемъ и подобравшаго меня на Заттере лишеннымъ чувствъ, промокшимъ до костей и въ довершеніи всего вывихнувшимъ лѣвую ногу. Не знаю, входило ли это несчастье въ расчетъ моего врага, или оно явилось случайнымъ результатомъ паденія съ мокрыхъ ступенекъ моста. Во всякомъ случаѣ, оно надолго вывело меня изъ строя и приковало къ постели въ самомъ безпомощномъ состояніи.

Терзаясь болью и сознаніемъ своего пораженія, задыхаясь отъ безсильнаго бѣшенства, лежалъ я въ маленькой комнатѣ у Этторе Тревизана. Розита съ заплаканнымъ отъ участія ко мнѣ лицомъ ухаживала за мной. При первой возможности я отправилъ съ ней три записки, одну въ палаццо Реньеръ, другую къ Альвизе Стено и третью къ Тарелли. Сангвиническій эскулапъ явился лѣчить меня безъ замедленія. Равнодушный къ моимъ проклятіямъ онъ объявилъ, что меня ожидаютъ добрыя двѣ недѣли въ постели. Какъ скоро затѣянная мной борьба повергла меня въ плачевную позицію побѣжденнаго!

Альвизе Стено навѣстилъ меня самъ въ скромномъ моемъ жилищѣ у Санъ Кассіано. Любившій разнообразныя зрѣлища нравовъ дорогой его сердцу Венеціи, онъ долго смотрѣлъ на стараго Этторе, справлявшагося на его глазахъ съ самыми упорными пятнами. Синьоръ Альвизе присѣлъ затѣмъ въ креслѣ подлѣ изголовья, выказывая мнѣ подлинное сочув-

ствіе. Ища его помощи я не видѣлъ другого исхода, какъ чистосердечно открыться ему. Волнуясь и путаясь иногда въ непривычномъ для меня долгомъ повѣствованіи, я раскрылъ ему инкогнито Жюльетты и разсказалъ обстоятельства, приведшія ее въ палаццо Реньеръ. Я описалъ заговоръ иллюминатовъ и изобразилъ всѣ опасности, грозившія мнѣ, кончая той, которая простерла меня бездыханнымъ на плитахъ Заттере. Не прерывая меня Альвизе Стено слушалъ, сладко зажмурившись въ проникавшихъ ко мнѣ лучахъ солнца. Розита, легко ступая маленькими босыми ногами, входила и выходила, поглядывая на насъ искоса большимъ чернымъ глазомъ, испуганнымъ и любопытнымъ.

Я окончилъ свое признаніе и умолкъ. Синьоръ Альвизе хлопнулъ себя по колѣнкѣ, громко воскликнувъ. «Какая плутовка, да вѣдь она создана, чтобы быть танцовщицей!» Съ досадой я убѣдился, что мой знатный гость менѣе слушалъ меня, чѣмъ наблюдалъ за Розитой. Онъ самъ спохватился, однако. «Послушайте, дорогой Вендоло», сказалъ онъ, «мнѣ кажется, вы преувеличиваете свою бѣду. Лихорадка, подхваченная вами въ скитаніяхъ подъ дождемъ, населила вашъ умъ видѣніями, подобными тѣмъ, какія насъ удивляли въ вашихъ офортахъ. У васъ, художниковъ, что за горячія головы! Но я не имѣю причинъ ни сомнѣваться въ затрудненіяхъ, испытываемыхъ графиней Даленъ, ни щадить шарлатана, носящаго имя, которое я уже гдѣ то слыхалъ. Если бы вашъ Либеліусъ совершилъ и одну десятую долю того, что приписало ему ваше воображеніе, этого было бы достаточно, чтобы очистить отъ него нашу Венецію. Республика, снисходительная къ надѣваемымъ для забавы маскамъ, не терпитъ личинъ, прикрывающихъ фанатика или злодѣя. Положитесь на меня», добавилъ Альвизе Стено, вставая и опираясь на трость, «извѣщайте меня обо всемъ, что произойдетъ, посылая ко мнѣ вотъ эту дѣвочку». И синьоръ Альвизе направился къ двери, обнявъ мимоходомъ прикрытую одной лишь рубашкой тонкую талію прижавшейся къ притолкѣ черноглазой Розиты.

Еще прежде чѣмъ посылать Розиту въ палаццо Стено у Санъ Томà, я отправилъ ее въ палаццо Реньеръ у Санъ Стае. Она оказалась достаточно ловка, чтобы исполнить возложенное на нее порученіе. Я больше всего желалъ знать, какъ

часто Старре посѣщаетъ дворецъ. Къ моему удивленію Розита возвратилась съ отвѣтомъ, что никакой иностранецъ, схожій съ даннымъ мной описаніемъ, ни разу не переступалъ порога дворца Реньера. Докторъ Либеліусъ, напротивъ, появлялся тамъ регулярно, дважды въ день и проводилъ часъ или два наединѣ съ маркизой.

Отсутствіе Старре показалось мнѣ непонятнымъ. Я терялся во всевозможныхъ предположеніяхъ. Сердито и недовѣрчиво я переспрашивалъ по нѣсколько разъ Розиту. Бѣдная дѣвочка со слезами на глазахъ повторяла отъ перваго до послѣдняго слова весь свой нехитрый разсказъ, наполняя мою комнату птичьимъ щебетаніемъ маленькой венеціанки. Въ правдивости ея я не могъ сомнѣваться. Я посылалъ ее и къ Альвизе Стено, по прогулка къ Санъ Стае сдѣлалась ея ежедневной обязанностью. Внучка стараго Этторе весьма кстати для меня сумѣла подружиться съ камеристкой маркизы. Однажды та передала ей записку своей госпожи. «Я выздоровѣла», писала Жюльетта, «и тѣмъ болѣе мнѣ грустно слышать, что вы больны. Вы сами виноваты въ этомъ. Я не считала васъ способнымъ напасть безъ всякаго повода на человѣка преклонныхъ лѣтъ, успѣвшаго заслужить мою благодарность и уваженіе. Пусть скука болѣзни накажетъ васъ за то и заставитъ одуматься. Да услышитъ Богъ ваше раскаяніе!».

Я скомкалъ записку и далеко отбросилъ ее. Я зналъ теперь мѣру власти, которую возымѣлъ надъ Жюльеттой ненавистный мнѣ лицемѣръ. Какъ мнѣ знакомъ былъ порядокъ этихъ, какъ будто имъ продиктованныхъ словъ, и само имя Божіе, стоявшее въ запискѣ, казалось мнѣ кощунственнымъ, подсказанное, какъ оно и было, лживымъ его языкомъ! Я много думалъ во время своей болѣзни, но разумѣется не о томъ, о чемъ предлагалъ мнѣ подумать Либеліусъ. Я старался проникнуть въ замыселъ иллюминатовъ, въ части его, которая касалась Юліи Даленъ. Подчиняя ея волю своей, они дѣйствовали, несомнѣнно, въ угоду Старре. Они желали выдать ее ему съ головой, беззащитную и приведенную къ покорности. Цѣною какого дьявольскаго условія могло быть подобное вознагражденіе? Мнѣ сталъ давно ясенъ заговоръ, направленный противъ жизни шведскаго короля. Карлъ Старре былъ намѣченъ какъ исполнитель задуманнаго покушенія. Однихъ

мстительныхъ чувствъ, гнѣздившихся въ его сердцѣ, было еще недостаточно! Иллюминаты воспользовались его страстью и окончательно поработили его обѣщанной ему наградой.

Я съ ужасомъ думалъ, что Юлія Даленъ, столь вѣрная своему королю, становится орудіемъ въ рукахъ его смертельныхъ враговъ. Магнетизмъ Либеліуса заставитъ ее сдѣлаться сообщницей ихъ преступленія! При всемъ моемъ уваженіи къ королю Густаву, я лично былъ достаточно равнодушенъ къ ожидавшей его участи. Пребываніе въ Швеціи еще не дало мнѣ смѣлости судить, правы ли тѣ, кто считаютъ его благодѣтелемъ народа, или, напротивъ, тѣ, кто видятъ въ немъ узурпатора народныхъ правъ. Мнѣ отвратительно однако всякое злоумышленіе, независимо отъ того, исходитъ ли оно отъ оскорбленнаго въ своей гордости аристократа, или отъ задыхающагося въ своей зависти демагога. Насильственныя революціи приводили ли когда либо къ благимъ результатамъ, и стало ли хоть на іоту счастливѣе человѣчество отъ того, что пролилась кровь великаго Цезаря или презрѣннаго Каракаллы?

Я зналъ чувства Жюльетты. Я понималъ теперь, что она была одной изъ тѣхъ женщинъ, которыя въ тайнѣ души дочери своихъ отцовъ болѣе, чѣмъ жены своихъ мужей или возлюбленныя своихъ возлюбленныхъ. Отстатокъ мужской воли, неизжитой до конца въ одной жизни, переходитъ въ нихъ и внушаетъ имъ мужественность. Умъ Юліи Даленъ способенъ гораздо глубже проникнуть въ важныя дѣла государства, чѣмъ поверхностный и ребячливый умъ ея супруга. Недавно ее называли Эгеріей. Она непохожа была на кроткую нимфу, сливавшую съ рокотомъ струй и шелестомъ листьевъ свои мудрыя наставленія Нумѣ Помпилію. Но если Густаву III заблагоразсудилось бы слушать ея совѣты, какой урокъ для себя почерпнулъ бы онъ въ ясности ея сужденій, твердости намѣренія и смѣлости дѣйствія!

Въ годовщину нашего прибытія въ Венецію я всталъ съ постели. За моимъ выздоровленіемъ, вѣроятно, слѣдили, потому что спустя два дня, неизвѣстный сунулъ на улицѣ въ руку Розиты записку, съ просьбой передать ее мнѣ. Особа, заботившаяся о моемъ благополучіи назначала мнѣ встрѣчу у статуи Коллеони, съ тѣмъ чтобы отправиться потомъ въ на-

дежное по моему выбору мѣсто, гдѣ могъ бы я выслушать важныя признанія. Къ пункту свиданія я долженъ былъ приближаться со всяческими предосторожностями.

Въ первое же мгновеніе я рѣшилъ, что докторъ Либеліусъ готовитъ мнѣ западню. Не глупо ли было поддаться на брошенную мнѣ приманку! Несмотря на недавнее пораженіе, я не боялся своего врага. Я презиралъ его шарлатанскія ухищренія. Не будучи суевѣренъ, я никакъ не могъ проникнуться убѣжденіемъ въ сверхъестественномъ могуществѣ чернаго доктора. Что изъ того, что на время ему удавалось дурачить того или другого изъ насъ, пользуясь безконечной слабостью человѣческаго существа. Если понадобится, круглая пуля пистолета избавитъ меня отъ него такъ же отлично, какъ и отъ всякаго иного разбойника, даже если не будетъ омыта передъ тѣмъ святой водой или осѣнена крестнымъ знаменіемъ!

Любопытство еще въ большей степени, чѣмъ исканіе опасности, заставляло меня не отклонять назначеннаго мнѣ свиданія. Какая то часть моего я не была увѣрена, что подъ высокимъ постаментомъ Коллеони меня будетъ ждать никто иной, какъ докторъ Либеліусъ или нанятый имъ головорѣзъ. Меня плѣняли смутныя надежды, въ которыхъ я не осмѣлился бы признаться самому себѣ. Это заставило меня отнестись съ особымъ вниманіемъ къ тому мѣсту, гдѣ я могъ бы услышать обѣщанныя мнѣ тайны. Оно отнюдь не рисовалось мнѣ сырымъ подземельемъ, откуда два заговорщика, едва успѣвъ обмѣняться немногими словами, спѣшатъ разойтись въ разныя стороны. Не располагая въ Венеціи ничѣмъ, кромѣ дома пятновыводчика, я, послѣ короткаго размышленія, рѣшилъ искать помощи у Альвизе Стено.

Въ холодный и солнечный день я спустился на улицу и съ удовольствіемъ ощущая, что силы мои вполнѣ возстановились послѣ болѣзни, прошелъ мимо Ріальто, оживленнаго обычной своей суетой. Жизнь была прекрасна — и въ этой простой участи венеціанца, торгующаго рыбой или толкающаго шестомъ барку, нагруженную овощами, и въ тѣхъ хитросплетеніяхъ судьбы, которыя скоро должны были привести меня на ночную пустынную площадь, гдѣ на тяжеломъ конѣ вѣчно сжимаетъ свой маршальскій жезлъ бронзовый Коллеони. Да, жизнь была прекрасна, если бы даже этотъ свѣжій и солнеч-

ный день начала зимы сдѣлался моимъ послѣднимъ днемъ на землѣ!

Въ отличномъ расположеніи духа я вступилъ въ палаццо Стено у Санъ Тома. Привѣтливый слуга указалъ мнѣ путь сквозь анфиладу главнаго этажа. Я проходилъ величественныя залы, увѣшанныя трофеями венеціанскихъ побѣдъ и оружіемъ предковъ. Въ одной изъ нихъ помѣщался украшенный рѣзнымъ львомъ Санъ Марко цѣлый носъ той самой галеры, на которой адмиралъ Энрико Стено присоединялъ къ своему отечеству таящіеся въ синевѣ дальнихъ морей древніе острова. Боги Тиціана, сенаторы Тинторетто, красавицы Веронеза попеременно глядѣли на меня со стѣнъ, смѣняясь старинными картами и полками, хранившими тысячи манускриптовъ и книгъ. Холодъ исторіи и холодъ зимы согласно царили здѣсь, и я былъ готовъ встрѣтить хозяина этихъ торжественныхъ покоевъ въ огромной мѣховой шубѣ, съ черной какъ смоль бородой и багровѣющимъ черепомъ надъ впадинами свѣтлыхъ пронзительныхъ глазъ, не тѣмъ, какимъ зналъ я его на виллѣ Маріаго, но уподобившимся внезапно своимъ стариннымъ портретамъ.

Слуга остановился передъ маленькой дверью между двухъ книжныхъ шкаповъ. Звукъ скрипки почудился мнѣ за ней. Я постучался; на зовъ синьора Альвизе вступилъ я въ жарко нагрѣтую и залитую солнцемъ комнату. Роскошный коверъ устилалъ ее почти цѣликомъ; зеленый трельяжъ прихотливо умножался въ безчисленныхъ зеркалахъ. Синьоръ Альвизе, облеченный въ пестрый шлафрокъ, поднялся со своего кресла и протянулъ мнѣ навстрѣчу обѣ руки. Музыкантъ, робко прижавшійся у окна, опустилъ свою скрипку. Напудренный старичекъ, не успѣвшій разпять ладони, которыми онъ только что отбивалъ тактъ, покосился на меня недовольно. Розита, маленькая Розита прервала свой урокъ танцевъ! Еще придерживаясь рукой за протянутую для нея веревку, она отвернулась къ стѣнѣ, смущенная своими голыми плечами и тонкими ножками, высоко открытыми короткой юбкой.

Альвизе Стено соединилъ въ своемъ радушіи привѣтствія мнѣ и похвалы талантамъ внучки стараго Этторе. Онъ настаивалъ, чтобы я собственными глазами видѣлъ ея урокъ. Замѣтивъ, что я занятъ другимъ, онъ перемѣнилъ намѣреніе

и безъ всякой церемоніи вытолкалъ Розиту и ея учителей за дверь. «Мой милый» сказалъ онъ, — «я могу сообщить вамъ сегодня хорошую новость. Вашъ пріятель взятъ на подозрѣніе. Два или три дерзкихъ мошенничества записаны на его счетъ. Черезъ нѣсколько дней онъ будетъ высланъ за предѣлы Республики, если самъ не пожелаетъ добровольно убраться отсюда»... Сомнѣній не было. Предчувствуя близкое свое изгнаніе, Либеліусъ готовилъ мнѣ ловушку. Я поспѣшилъ разсказать синьору Альвизе о назначенномъ мнѣ свиданіи. Онъ раздѣлилъ мои опасенія и предложилъ вмѣстѣ со мной отправить двухъ испытанныхъ слугъ. Я наотрѣзъ отказался. Альвизе покачалъ головой и промолвилъ. «Я понимаю васъ. Не въ моихъ привычкахъ также было въ свое время отказываться отъ свиданія или пытаться нарушить его условія. Что же касается до укромного мѣста, то мое казино къ вашимъ услугамъ, дорогой Вендоло. Вотъ его ключъ, и вы найдете тамъ все остальное, если фортуна ночныхъ приключеній пошлетъ вамъ болѣе пріятный сюрпризъ, чѣмъ тотъ, котораго вы ожидаете». Синьоръ Альвизе вернувшись къ своей веселости обнялъ и расцѣловалъ меня.

Я приготовился къ выходу въ тотъ памятный для меня вечеръ съ особенной тщательностью. Я положилъ въ карманы два пистолета и спряталъ за пазухой короткій стилетъ. Прежде чѣмъ выйти изъ дома пятновыводчика, я убѣдился, что никто не слѣдитъ за его дверью. Неторопливо я переѣхалъ каналъ съ помощью трагетто у Санъ Сильвестро и направился къ пьяццѣ по вечерѣющей Мерчеріи. Несмотря на зимній холодъ всегдашняя сутолока царила здѣсь. Я встрѣчалъ знакомыхъ, шутившихъ надъ внезапнымъ моимъ исчезновеніемъ. Съ однимъ адвокатомъ и завсегдатаемъ театровъ и игорныхъ залъ я зашелъ къ Флоріану, перенося на людяхъ легче внутреннее волненіе.

Когда приблизился условленный часъ я вышелъ на пьяццу. Изъ подъ вотъ этой аркады Прокурацій я увидѣлъ впервые моихъ враговъ, пересѣкавшихъ площадь. Какъ многое измѣнилось съ того дня и какъ вѣрно предчувствовалъ я тогда грозившія мнѣ перемѣны! Минуя Понте делла Каноника я направился къ Санъ Заккарія. Я рѣшилъ воспользоваться крытымъ проходомъ, который тамъ существуетъ, чтобы убѣдиться,

не слѣдуетъ ли кто либо за мной по пятамъ. Нѣсколько минутъ прождалъ я въ тѣни соттопортика, не преградивъ дорогу никому, кромѣ маленькой венеціанки, пугливо отпрянувшей отъ меня, въ то время какъ бахрома ея шали зацѣпилась за мой обшлагъ. Освободивъ и успокоивъ мою невольную плѣнницу, я описалъ большой кругъ и вышелъ на площадь Санти Джованни и Паоло, когда церковные часы ударили положенное число разъ.

Ставъ спиной къ постаменту фигуры, во избѣжаніе нападенія сзади, я ждалъ. Ночное небо, усѣянное звѣздами, разстилалось надъ моей головой. Время отъ времени слышался протяжный крикъ гондольера въ узенькомъ ріо, отворялись и затворялись съ шумомъ двери остерій; смѣхъ простолюдина, визгъ женщины, звонъ струны прорѣзывали тогда на мгновеніе темную площадь. Незамѣтно для себя я задумался. Мысли мои не успѣли принять опредѣленнаго направленія, но я могу назвать здѣсь то чувство, подъ тяжестью котораго тогда изнемогалъ. Моя любовь, мое счастье, моя судьба — все это было теперь страннымъ образомъ подчинено событіямъ, далеко вышедшимъ за предѣлы одной жизни. Муза исторіи подняла свой угрожающій перстъ, мало заботясь о томъ, что онъ знаменуетъ и мою катастрофу. Событія, не зависящія ни отъ моей страсти, ни отъ моей воли, готовы были раздавить меня тяжелой пятой. Фатальныя и огромныя, они высились надъ моей участью, какъ этотъ бронзовый всадникъ надъ моей головой.

Рука тихо легла мнѣ на плечо, я вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ. Задумавшись, я позабылъ всѣ предосторожности и былъ бы захваченъ врасплохъ, если бы кто покушался на мою жизнь. Спустя мгновеніе я узналъ Жюльетту. Она странно смѣялась, и глаза ея блеснули въ прорѣзяхъ маски; темный плащъ окутывалъ ее съ головы до ногъ. «Скорѣй», шепнула она, «идемъ, идемъ же». Фигура ея выражала крайнее безпокойство. Не раздумывая болѣе я подалъ ей руку и мы быстро направились въ сторону Понте дель Баратьеръ, гдѣ ожидало меня казино синьора Альвизе.

Я былъ такъ пораженъ всѣмъ случившимся, что, казалось, потерялъ способность человѣческой рѣчи. Я слишкомъ хорошо зналъ Жюльетту, чтобы не угадать ее вновь совершенно тою, какой я любилъ ее. Когда же успѣли распасться ея оковы и

отчего дурманы Лнбеліуса утратили надъ нею власть? «Вы кажется набрали въ ротъ воды, милый Орсоло», шептала она, еще продолжая оглядываться по сторонамъ. «Я пришла попрощаться съ вами, но чего это стоило мнѣ! Не огорчайтесь, сейчасъ вы узнаете все. Не молчите же такъ упорно, право вы должны оцѣнить мою вѣрность». Вмѣсто отвѣта я крѣпко сжалъ ея руку, удерживая рыданія.

Мы миновали сѣть пустынныхъ переулковъ и на нѣкоторое время погрузились въ безпечную толпу, не разстающуюся и въ холодъ и въ поздній часъ съ заманчивыми огнями Мерчеріи. Неподалеку отъ Понге дель Баратьеръ, въ мѣстѣ одновременно и людномъ и уединенномъ, я отыскалъ дверь, послушную повороту ключа, врученнаго мнѣ Альвизе Стено. Когда я поспѣшно вновь заперъ ее за собой, я услыхалъ какъ облегченно вздохнула моя спутница. «Мнѣ казалось, все время, что насъ преслѣдуютъ», сказала она. «Орсоло! мы опять вдвоемъ и подъ одной кровлей». Едва перешагнувъ порогъ я упалъ на колѣни и жадно цѣловалъ маленькія и повелительныя руки, снова державшія всю мою судьбу.

Мы взошли наверхъ по устланной ковромъ лѣстницѣ. Гостепріимство Альвизе Стено было тѣмъ болѣе тонкимъ, что оно избавляло насъ отъ докучливаго свидѣтеля. Служанка, вѣдавшая его убѣжищемъ, была невидима и неслышна. Присутствіе этой благодѣтельной феи угадывали мы лишь по зажженнымъ свѣчамъ въ канделябрахъ и по полному золотыхъ углей камину. Маленькій столъ былъ накрытъ на два прибора. Обильный холодный ужинъ дожидался насъ, рядомъ съ бутылкой огненнаго Кипра и вазой съ отборными плодами.

Жюльетта скинула маску и плащъ. Съ величайшимъ интересомъ оглядывала она пріютившее насъ казино. Все приводило ее въ восторгъ, и хлопая въ ладоши, какъ ребенокъ, она выражала свое удовольствіе. Казалось, она совершенно забыла о трагическихъ обстоятельствахъ нашей встрѣчи. Ее болѣе занимали рисованные пастелью портреты актрисъ и танцовщицъ, не перестававшіе отражаться въ тѣхъ зеркалахъ, мимо которыхъ сами онѣ скользили однажды, входя сюда въ качествѣ избранницъ сердца синьора Альвизе. Она дѣлала замѣчанія о наружности ихъ и костюмѣ. Туалетная комната привлекла послѣ того ея любопытство. Безъ ложнаго стыда она

вошла туда и смѣясь разглядывала фривольности китайцевъ и китаянокъ, какія заблагоразсудилось изобразить въ фаянсовыхъ плиткахъ, устилавшихъ стѣны и полъ, одному изъ сыновей великаго Тьеполо.

Жюльетта возвратилась къ столу и опустилась на софу, столькихъ другихъ до нея манившую своими искусными изгибами. Она высказала эту самую мысль съ обычной для нея прямотой. «Сколько ихъ лежало здѣсь, Орсоло!» воскликнула она. «Но я ничѣмъ не лучше ихъ и вполнѣ заслуживаю пойти по ихъ стопамъ. Сядьте», прибавила она, взявъ меня за руку. «Мое легкомысліе приводитъ васъ въ ужасъ. Сейчасъ мы поговоримъ о вещахъ серьезныхъ».

Жюльетта умолкла на одно мгновеніе и затѣмъ, взглянувъ мнѣ въ глаза, произнесла съ нѣкоторою важностью: «Король въ Италіи». Извѣстіе это не произвело на меня должнаго впечатлѣнія. Продолжая мысленно проклинать политику и исторію, я позволилъ себѣ нетерпѣливо пожать плечами. «Я знаю, что вамъ это безразлично», сказала Жюльетта съ легкимъ презрѣніемъ, «но подумайте обо мнѣ. Вы, кажется, рѣшили, что Либеліусъ покорилъ меня съ тою же легкостью, съ какой одурачилъ онъ однажды глупаго Орсоло, пораженнаго своимъ проигрышемъ у нѣмецкаго бургомистра?» Жюльетта торжествовала, лицо ея сіяло веселой насмѣшливостью. «О нѣтъ!» воскликнула она, «меня не такъ то легко привести въ повиновеніе. Вашъ иллюминатъ самъ попался мнѣ въ сѣти. Быть можетъ, онъ знаетъ ангеловъ и чертей, но онъ совсѣмъ не знаетъ женщинъ. Орсоло! Я сыграла самую трудную изъ всѣхъ моихъ ролей. Я увѣрена, что этотъ человѣкъ владѣетъ вліяніями въ самомъ дѣлѣ сверхъестественными, и я боялась его. Надо было не дать ему труда прибѣгнуть къ своему магнетизму. Я притворилась такой послушной, что онъ сразу оставилъ меня въ покоѣ и полѣнился обратить противъ меня силу внушеній, болѣе опасныхъ, чѣмъ словесныя наставленія. Они считаютъ меня своей!»

«Слушайте же теперь», продолжала она. «Они отправили Старре въ Пизу слѣдить за королемъ, живущимъ, не подозрѣвая ничего, на водахъ близъ этого города. Заговорщики ждутъ удобной минуты, и какъ только они прикажутъ, несчастный Старре совершитъ худшее изъ человѣческихъ злодѣяній. Не

хмурьтесь, я не видала его здѣсь, его уже не было въ Венеціи, когда вы искали его. Но я должна теперь увидѣть его. Я уѣзжаю въ Пизу, Либеліусъ сопровождаетъ меня. Я заговорщица противъ моего короля, снилось ли что либо подобное мнѣ, Орсоло! Они за это поплатятся. Войдя въ ихъ ряды я разстрою ихъ отвратительный планъ. Я спасу короля, и быть можетъ сохраню жизнь и честь безумнаго Старре».

Я слушалъ ея рѣчи какъ нѣкій тягостный бредъ, со все возрастающимъ ожесточеніемъ. Внезапный порывъ овладѣлъ мной. Взявъ руки Жюльетты въ свои, я заговорилъ горячо и разумно, убѣждая ее отказаться отъ задуманной ею борьбы. Я краснорѣчиво изображалъ тщету политики и ничтожество исторіи, призывая на помощь прелесть нашей сельской жизни, сладость любви, мудрость искусства, благость природы. Жюльетта высвободилась отъ меня съ замѣтной холодностью. «О чемъ говорить!» отозвалась она, вставая. «Я не способна быть пастушкой и съ милымъ пасти гусей. Все это рѣшено. Я не сказала вамъ только одного. Я разсчитывала на васъ. Проклинайте мою преданность королю, но будьте сами мнѣ преданы. Не забывайте вашей Жюльетты. Ровно черезъ двѣ недѣли будьте, какъ только закатится солнце, во флорентійскомъ соборѣ и ждите меня. Если вы окажетесь правы, я уйду съ вами. А теперь, Орсо, помните, что я пришла съ вами проститься. Я голодна и продрогла. Ужинъ добраго синьора Альвизе искушаетъ меня».

Умолкнувъ, я откинулся въ уголъ софы и закрылъ руками лицо. Я слышалъ легкій звонъ серебра и стекла, Жюльетта спокойно ужинала. «Вы никогда не любили меня» воскликнулъ я съ силой. Я почувствовалъ вслѣдъ за тѣмъ, какъ нѣжная рука отвела мои пальцы. «Выпейте глотокъ вина», шептала Жюльетта. Рядомъ съ моимъ лицомъ сіяло ея лицо, глаза метали искры несказанныхъ лукавствъ. «Я люблю васъ!» вырвалось у меня, и я обнялъ ее съ тѣмъ отчаяніемъ, съ какимъ прижимается къ мачтѣ потерпѣвшій кораблекрушеніе. Безъ колебаній Жюльетта прильнула своими губами къ моимъ.

IV.

Палаццо Реньеръ опустѣлъ. Ничто не удерживало меня болѣе въ Венеціи. Я безъ труда закончилъ свои дѣла и при-

готовился къ отъѣзду. Мнѣ оставалось совершить прощальный визитъ Альвизе Стено, что же касается Антоніо Фулинъ, то я разсчитывалъ застать его въ Падуѣ, гдѣ находился онъ со своей труппой.

Этимъ двумъ людямъ я былъ обязанъ многимъ изъ того, за что благословлялъ въ своемъ сердцѣ Венецію. Въ одномъ изъ нихъ я узнавалъ незлобивую, отзывчивую и дѣтски довѣрчивую душу ея народа. Въ другомъ, я угадывалъ теплѣвшій, какъ старое золото, отблескъ ея былыхъ славъ. Альвизе Стено являлъ въ моихъ глазахъ соединеніе ума, направленнаго къ вещамъ возвышеннымъ, и чувства широко открытаго всѣмъ вѣяніямъ жизни. Въ его присутствіи міръ мнѣ казался полнѣе — люди талантливѣе, небо благожелательнѣе, камни краснорѣчивѣе, вино ароматнѣе и любовь плѣнительнѣе. Будучи выше меня по своему происхожденію, оказываясь философомъ рядомъ со мной, маленькимъ невѣждой, онъ въ добротѣ своей умѣлъ обращаться ко мнѣ какъ равный.

Если бы благодарность моя синьору Альвизе и была менѣе постоянной, какъ я могъ бы забыть гостепріимство, которое оказалъ онъ мнѣ въ своемъ казино у Понте дель Баратьеръ! Зимняя ночь показалась мнѣ краткой какъ одно мгновеніе. Жюльетта, пришедшая проститься со мной, пила напитокъ любви полными и жадными глотками, счастливая той послѣдней щедростью, вслѣдъ за которой нечего больше дарить. Я былъ опаленъ ея необыкновеннымъ порывомъ, какъ молніей, долго зрѣющей въ сѣверномъ небѣ ея родины. На утро она оставила меня погруженнымъ въ безпамятство и ускользнула неизвѣстно когда. Придя въ себя, я нѣсколько разъ вдохнулъ воздухъ, еще сохранившій о ней воспоминаніе. Я глядѣлъ въ зеркала, недавно отражавшія ея тѣло и, быть можетъ, еще удерживавшія въ своей затѣненной глубинѣ частицу ея души. Я положилъ на ладонь ключъ отъ казино и долго не въ силахъ былъ разстаться съ маленькой, холодной и тяжелой вещицей, выйдя на улицу и заперевъ за собой тайную дверь.

Направляясь теперь въ Санъ Тома̀, я живо ощущалъ въ своей рукѣ этотъ ключъ, однажды данный мнѣ синьоромъ Альвизе. Мое сердце щемила грусть, когда я вступалъ въ торжественный вестибюль дворца Стено. Уже знакомымъ путемъ я направился въ частные его апартаменты. Я засталъ вене-

ціанца погруженнымъ въ чтеніе у окна. Забытая на креслѣ туфелька и легкая струя дѣвичьей свѣжести, торжествовавшей надъ запахомъ кожаныхъ переплетовъ и старыхъ тканей, свидѣтельствовала однако о недавнемъ присутствіи здѣсь иной музы. Наша встрѣча, наша бесѣда и наша разлука были сердечны. Синьоръ Альвизе предусмотрительно не пожелалъ дать мнѣ никакихъ совѣтовъ, зная всю безполезность неизжитыхъ самимъ собой опытовъ и всю тщету чужихъ словъ. Онъ вмѣсто того снабдилъ меня деньгами, въ которыхъ я сильно нуждался, и сдѣлалъ это такимъ незамѣтнымъ и простымъ образомъ, что отказаться было бы съ моей стороны черной неблагодарностью.

Съ искреннѣйшей печалью я попрощался съ венеціанскимъ моимъ другомъ и покровителемъ. Я проходилъ погруженную въ холодъ галлерею, увѣшанную трофеями побѣдъ и портретами предковъ, прислушиваясь къ звону своихъ шаговъ, когда мнѣ почудился странный звукъ. Подъ шлемомъ одной изъ фигуръ, составленной изъ рыцарскихъ вооруженій, блеснули живые и черные глаза. Въ слѣдующее за тѣмъ мгновеніе Розита выскочила изъ своей засады и бросилась мнѣ на шею. Плутовка, дрожа отъ стужи, дожидалась меня въ нѣдрахъ желѣзной куклы! Мнѣ трудно было разсердиться на нее, но и ея внезапная нѣжность произвела на меня малое впечатлѣніе. Я любилъ синьора Альвизе и былъ обязанъ беречь его сердечный капризъ. Не безъ усилія я отвелъ вцѣпившіяся въ меня дѣтскія руки и строгимъ голосомъ приказалъ негодницѣ возвратиться къ ея благодѣтелю.

Совѣсть моя не была однако спокойна, пока я направлялся къ дому Этторе Тревизана у Санъ Кассіано. Я не былъ смущенъ или взволнованъ столь неожиданно вызваннымъ мною и разумѣется вздорнымъ чувствомъ, не упрекалъ я себя и за то, что чѣмъ либо способствовалъ вступленію дѣвочки на скользкій жизненный путь. Мнѣ не хотѣлось все же, чтобы старый Этторе считалъ меня соблазнителемъ или сообщникомъ тѣхъ искушеній, которыя ожидали маленькую Розиту въ палаццо Стено. Я долженъ былъ раскрыть ему глаза и я сдѣлалъ это, присѣвъ къ его столу, на которомъ расположился онъ, вооруженный своимъ утюгомъ. Онъ набралъ въ ротъ воды и долго медлилъ прыснуть ею на приготовленное сукно, казалось довольный уловкою ремесла, избавлявшей его отъ необходимости

дать слишкомъ поспѣшный отвѣтъ. «Дорогой синьоръ», заговорилъ онъ, вновь пріобрѣтя эту возможность. «Для меня не новость то, что вы мнѣ разсказали. Я могъ бы ее удержать и я не сдѣлалъ этого. Розита не рождена для домашняго очага. Моя клѣтка слишкомъ тѣсна для такой птицы. Я понимаю кое что въ людяхъ и въ ихъ предназначеніяхъ. Тѣ успѣхи, которые подстерегаютъ ее, какъ вы говорите, въ ярко освѣщенныхъ театрахъ, не видѣлъ ли я ихъ, отдыхая и зажмуривъ глаза, пока слышалъ ея шаги на темной лѣстницѣ или невольный танецъ ея босыхъ ножекъ вокругъ моего стола? Пусть же идетъ все своимъ порядкомъ, и пусть все, что лишь грезилось моей немощи, совершится съ ея молодостью на яву!»

На другой день я покинулъ Венецію. Въ гондолѣ, управляемой двумя гребцами, я спустился по Большому Каналу и обогнувъ Догану, слѣдовалъ вдоль Джудекки, приближаясь къ Фузинѣ. Былъ солнечный и вѣтреный день: отраженія дворцовъ дробились и колебались во взволнованныхъ водахъ канала, постукивали бортъ о бортъ гондолы, причаленныя у трагетто, весело хлопали развернутые во всю ширину флаги. Фортуна на своемъ золотомъ шарѣ безпокойно вращалась, измѣнчивая и непостоянная какъ собственная моя судьба. Съ неизъяснимымъ чувствомъ я глядѣлъ на уходящій въ свѣтлое небо куполъ Салюте и отступающій въ даль очеркъ Санъ Джорджіо. Мнѣ стоило сойти съ каменныхъ плитъ Венеціи въ зыбкую лодку, чтобы все, что случилось со мной въ этомъ необыкновенномъ городѣ и самъ онъ — все стало лишь чудиться мнѣ, какъ миражъ или странная игра воображенія! Мы миновали темную зелень садовъ на Джудеккѣ, пустынная лагуна простиралась передъ нами, замкнутая неопредѣленно очерченной полоской твердой земли. Я оглянулся, чтобы еще разъ увидѣть линіи крышъ, верхи церквей, стрѣлу Кампаниле. Угадавъ мое желаніе, оба гондольера на короткое время оставили весла. Одинъ изъ нихъ полѣзъ за табакомъ, напѣвая негромко: «O, Venezia, benedetta! Non ti voglio piu lasciar»...

Я прибылъ въ Падую вечеромъ. Когда заходило солнце, я видѣлъ отблески послѣднихъ лучей въ окнахъ пустующей виллы Бріули. Одну минуту я хотѣлъ остановиться у стараго тополя и сойти на зеленый откосъ берега, но потомъ одумался и махнулъ рукой. Чувство большой усталости овладѣло мной.

Я былъ страннымъ образомъ радъ, что отошла одна полоса моей жизни, слишкомъ чреватая всяческими событіями, и обманывалъ себя предвкушеніемъ другой, меланхолической и обыкновенной.

Гостиницы были переполнены въ Падуѣ, по случаю праздника одного изъ мѣстныхъ святыхъ и сопряженной съ тѣмъ ярмарки. Въ недоумѣніи я раздумывалъ, что предпринять, не будучи увѣренъ найти въ этотъ поздній часъ добраго Антоніо. На порогѣ «Леонъ Бьянко» меня окликнулъ немного знакомый мнѣ по Венеціи аббатъ, маленькій, суетливый и обязательный. Узнавъ о моемъ затрудненіи, онъ безъ дальнѣйшихъ околичностей предложилъ мнѣ раздѣлить занимаемую имъ постель. Я не имѣлъ причинъ подозрѣвать дурного умысла въ этомъ приглашеніи и долженъ былъ на него согласиться. Сложивъ свой багажъ, я поспѣшилъ отправиться на поиски Антоніо Фулинъ; мнѣ сказали въ кофейнѣ Педрокки и подтвердили въ театрѣ, что импереосаріо уѣхалъ въ Тревизо за несговорчивой примадонной. Досада моя была велика, и я рѣшилъ было остаться въ Падуѣ на день или два. Срокъ встрѣчи моей съ Жюльеттой былъ обозначенъ однако огненными буквами въ моей памяти. Вздохнувъ, я возвратился въ «Леонъ Бьянко», гдѣ аббатино долго мѣшалъ мнѣ заснуть своими глупыми разговорами.

Путешествіе развлекало меня. Къ сожалѣнію я не имѣлъ мужества отказаться совершать ого въ обществѣ аббата Карлони. Онъ ѣхалъ въ Модену, и я со всѣми подробностями узналъ за дорогу цѣль этой поѣздки. Аббатъ прожужжалъ мнѣ уши своими успѣхами въ избранномъ имъ ремеслѣ. Когда наступало время совершать завѣщаніе, заинтересованный наслѣдникъ подсылалъ аббатино, чтобы склонить въ свою пользу волю завѣщателя. Карлони славился своимъ искусствомъ уговаривать скупыхъ старцевъ и упрямыхъ старухъ. Онъ приводилъ мнѣ въ примѣръ расщедрившихся, благодаря его краснорѣчію, перезрѣлыхъ дѣвъ, отцовъ, возвратившихъ свою благосклонность блудному сыну, супруговъ, простившихъ измѣну своей жены. Слушая его разсказы я изумился, кого только могъ убѣдить этотъ шутъ!

Мы прибыли въ Болонью, аббатино почувствовалъ себя здѣсь какъ дома. Дороги наши теперь расходились въ разныя

стороны, ничто не препятствовало мнѣ разстаться съ Карлони. Но я поддался непонятной слабости и въ отвѣтъ на его упрашиванія согласился остановиться съ нимъ въ одномъ альберго. Чѣмъ больше онъ суетился и сыпалъ словами вокругъ меня, тѣмъ меньше у меня было охоты двигаться и говорить. Я испытывалъ крайнее утомленіе, нелишенное своей сладостности. Я даже не любопытствовалъ пойти посмотрѣть городъ и ничего не возразилъ, когда аббатино, выбѣгая вонъ и вновь появляясь, подмигнулъ мнѣ особеннымъ образомъ и объявилъ, что мы останемся ужинать въ своей комнатѣ.

Столъ былъ накрытъ на четыре прибора, но я замѣтилъ это только тогда, когда двѣ красавицы показались въ дверяхъ. Слегка удивившись, я равнодушно готовъ былъ принять и это приключеніе. Я съ удовольствіемъ отдалъ дань вкуснымъ болонскимъ явствамъ и превосходнымъ винамъ, сопровождавшимъ ихъ въ изобиліи. Голодныя обольстительницы молча и прилежно слѣдовали моему примѣру. Карлони тараторилъ за всѣхъ троихъ. Его красныя щеки лоснились, маленькій носикъ втягивалъ лакомый запахъ блюдъ, бѣгающіе глаза блудливо замаслились. Спѣша взыскать плату за ужинъ, оплаченный кстати сказать изъ моего кармана, онъ увлекалъ свою сосѣдку въ дальній уголъ комнаты, не давъ ей доѣсть грушу и допить послѣдняго глотка вина. Расшатанная кровать сомнительнаго альберго засвидѣтельствовала вскорѣ своимъ усерднымъ скрипомъ о наслажденіяхъ аббатино. Оставшаяся свободной гостья пригласила меня послѣдовать примѣру моего компаньона и своей подруги.

Я не особенно ласково отстранилъ ее рукой и въ то же время прислушался. Мнѣ почудился осторожный шорохъ шаговъ въ корридорѣ. Еще мгновеніе и дверь широко распахнулась, цѣлая свора блюстителей нравственности ворвалась къ намъ въ комнату, съ хозяиномъ гостиницы во главѣ. Мошенникъ недаромъ постарался взять съ меня деньги впередъ за ужинъ! Я только теперь сообразилъ, что мы были во владѣніяхъ святого Престола, и что аббатъ Карлони долженъ былъ бы избрать какой угодно другой городъ для пѣтушиныхъ своихъ подвиговъ. Я не могъ безъ смѣха глядѣть на растерзанную иываленную въ пуху перинъ его фигуру. Два сбира, взявъ аббатино подъ локти, безъ церемоніи вытолкали его за

дверь. Другіе завладѣли женщинами, посмѣиваясь и грозясь не оставить ихъ въ эту ночь безъ работы. Что касается меня, то меня спасло объявленное мной мое ремесло живописца. Посовѣтовавшись между собой, ночные гости рѣшили оставить меня на мѣстѣ, заперевъ однако дверь на ключъ и приказавъ дожидаться вызова въ качествѣ свидѣтеля.

Я оказался теперь арестованнымъ въ комнатѣ съ неубраннымъ столомъ и измятой постелью. Приключеніе мое имѣло свою комическую сторону, но оно могло стать для меня и трагедіей. Я вспомнилъ сроки и сосчиталъ дни. Кто знаетъ сколько времени будутъ таскать меня изъ-за аббата Карлони по болонскимъ судилищамъ. Отъ всей души я проклиналъ его и желалъ ему постыдной казни, о которой разсказываютъ путешественники, попавшіе къ дикарямъ. Мнѣ пришло въ голову бѣжать, подкупивъ хозяина. Я подошелъ къ окошку и растворилъ его, желая позвать кого нибудь изъ слугъ. Моя комната была во второмъ этажѣ, я видѣлъ пустынную улицу и не замѣтилъ никакихъ признаковъ стражи подлѣ дверей. Я выждалъ еще нѣкоторое время, чтобы все успокоилось внизу. Послѣ чего, собравъ въ небольшой свертокъ самыя необходимыя вещи и пожертвовавъ всѣмъ остальнымъ, я вылѣзъ изъ окна и перекрестясь спрыгнулъ на мостовую.

Приключеніе исцѣлило меня отъ испытываемой въ теченіе всѣхъ этихъ дней усталости. Я безъ помѣхъ выбрался изъ Болоньи и продолжалъ путешествіе въ благоразумномъ одиночествѣ. Убытки и потери не слишкомъ огорчили меня. Свои рисунки и доски я догадался оставить въ Венеціи у синьора Альвизе, въ ожиданіи надежнаго случая переправить ихъ въ Римъ. Прочее имущество я всегда былъ готовъ бросить съ легкимъ сердцемъ на произволъ судьбы. Отъ мимолетной моей страсти къ щегольству я давно успѣлъ излѣчиться. Мнѣ на роду было написано видно голышемъ оставить свой родной городъ, чтобы исколесить свѣтъ и вернуться въ него такимъ же голышемъ!

Приближаясь ко Флоренціи, я съ новымъ для меня спокойствіемъ размышлялъ о грядущемъ. Что бы ни обѣщала Жюльетта, чѣмъ бы ни кончилась встрѣча, назначенная ею, я зналъ, что прощаніе наше было произнесено. Жюльетта не возвратится ко мнѣ, даже если будетъ вновь искать моей предан-

ности. Я не могъ упрекнуть ее ни въ чемъ, и недавній ея порывъ, развѣ это не былъ порывъ возлюбленной, отдающей себя цѣликомъ. Но я понималъ теперь многое, о чемъ въ молодости своей не могъ догадаться. Жюльетта была изъ числа женщинъ, для которыхъ послѣднее осуществленіе любви не есть то, ради чего онѣ живутъ. Ни одной частицы своей души онѣ не приносятъ въ жертву тѣлесной страсти. Гордость тайнаго цѣломудрія соединяютъ онѣ съ легкостью кажущихся измѣнъ или паденій. Юлія Даленъ могла стать любовницей Чарни, оставаясь незапятнанной и безгрѣшной. Она сдѣлалась моей подругой, испытывая жаръ объятій и уколъ поцѣлуевъ съ тѣмъ же естественнымъ, беззаботнымъ и, увы, недлительнымъ наслажденіемъ, съ какимъ любила она открывать свое тѣло богини прикосновеніямъ сельскаго вѣтра или погружать его въ прохладу рѣчныхъ струй. Эти мгновенія она жила съ ослѣпительной полнотой, но оставляла съ ужасающей безвозвратностью. Они не имѣли окончательной власти надъ ея душой; для тѣхъ, кто любилъ ее, ея любовь оставалась вѣчно манящей и нераздѣленной, какъ призрачная любовь нимфъ . . .

Я съ удовольствіемъ прибылъ въ столицу искусствъ. Съ невольнымъ благоговѣніемъ я проходилъ по тѣмъ улицамъ, по которымъ прошло нѣкогда столько великихъ и славныхъ собратьевъ моихъ. Сознавая себя незнаменитымъ и малымъ, я въ то же время безъ ложной скромности зналъ принадлежность свою къ семьѣ, оказывающейся такимъ страннымъ исключеніемъ въ безпомощномъ однообразіи человѣческаго рода. Я входилъ въ неземной полусвѣтъ сакристіи Санъ Лоренцо и видѣлъ сонъ мраморныхъ гробницъ. Утро и День, Вечеръ и Ночь прислушиваются тамъ къ вѣчно звучащей музыкѣ чувствъ окованныхъ и непреодолѣнныхъ. Въ усиліяхъ рождается духъ враждебный небу и чуждый землѣ, печально взирающій на оставленное имъ тѣло и не желающій знать безплотныхъ радостей освобожденія. Какъ тысячи вошедшихъ сюда, я повторилъ за Микель Анджело глубокій вздохъ его творенія.

Я видѣлъ кабинеты антиковъ и галлереи новыхъ картинъ. Съ небывалымъ успокоеніемъ я дожидался назначеннаго мнѣ дня и часа свиданія. Стояли холода, ледяной вѣтеръ дулъ въ суровыхъ улицахъ Флоренціи, оправдывая ея недобрую зимнюю славу. Между полосками свисающихъ карнизовъ

свѣтлѣла блѣдная, дышащая снѣгомъ лазурь неба. Мнѣ показался угрюмъ и пустъ городъ въ эти холодные дни, послѣ овѣянной мягкостью морского вѣтра, безпечной и оживленной Венеціи. Проходящіе кутались въ мѣховые воротники, дѣти грѣли руки подлѣ уличныхъ жаровенъ, гдѣ сморщенныя старухи пекли каштаны. Я выходилъ на Понте Веккіо, гдѣ въ лавочкахъ ювелиры перебирали свои кольца и браслеты иззябшими пальцами. Беззвучно катилось Арно, покрывъ всѣ камни ложа зеленоватой и мутной волной. Въ необыкновенно прозрачномъ воздухѣ, точно очерченные иглой, вырисовывались кипарисы окрестныхъ высотъ. Склонявшееся къ западу солнце окрашивало багрянцемъ стѣны домовъ, арки моста, поверхность водъ. Звучалъ колоколъ, и, слегка вздрогнувъ, я вспоминалъ объ ожидавшемъ меня закатѣ завтрашняго дня.

Когда наступилъ этотъ день и приблизился къ своему закату, я вступилъ въ вечерѣющій нефъ Санта Марія дель Фіоре. Флорентійцы любятъ проходить черезъ свой храмъ, входя въ боковую дверь и выходя въ главную, пространство его служитъ какъ бы продолженіемъ площади. Не обращая вниманія на огни лампадъ, зажегшіеся у дальняго алтаря, и пѣніе вечеренъ, горожане пробѣгали одинъ за другимъ, разсѣянные и озабоченные. Стужа была здѣсь еще чувствительнѣе, чѣмъ на улицѣ, и одну минуту я позавидовалъ косматой шерсти пса, теревшагося у ногъ колѣнопреклоненной старухи. Желая согрѣться, я шагалъ взадъ и впередъ. Небесные огни еще играли отблесками на верхнихъ сводахъ, потомъ угасли. Зимнія сумерки быстро наполняли соборъ, очертанія старинныхъ всадниковъ, написанныхъ на входной стѣнѣ, колебались въ невѣрномъ свѣтѣ. Мнѣ сдѣлалось вдругъ совершенно ясно, что Жюльетта сюда не придетъ. Цѣпляясь за послѣдній остатокъ моихъ надеждъ, я продолжалъ дожидаться. Спокойствіе мое было мигомъ утрачено. Въ моей душѣ возникла горечь ревнивыхъ, мстительныхъ и оскорбленныхъ чувствъ.

Уже сакристанъ шумѣлъ ключами, готовясь запереть храмъ. Послѣдніе молящіеся и послѣдніе прохожіе спѣшили къ дверямъ; въ сгустившейся тьмѣ я почти не различалъ ихъ лица. Я рѣшилъ въ послѣдній разъ обойти Санта Марія дель Фіоре. Навстрѣчу мнѣ изъ трансепта направлялась группа

лицъ, привлекшихъ мое вниманіе чѣмъ то особеннымъ и чужеземнымъ въ походкѣ и въ покроѣ одеждъ, сливавшихся впрочемъ своимъ чернымъ цвѣтомъ съ тѣнями подкравшейся ночи. Трое, идя рядомъ, двигались прямо на меня, за ними я различилъ еще двѣ фигуры. Посторонившись, чтобы дать имъ дорогу, я вспоминалъ, гдѣ видѣлъ я тотъ же шагъ и ту же манеру носить плащъ и шляпу, какіе замѣтилъ у средняго незнакомца. Обращаясь къ своему сосѣду онъ сдѣлалъ движеніе рукой. Голубой лучъ королевскаго брилліанта страннымъ образомъ прорѣзалъ мракъ. Въ то же мгновеніе чья то рука взяла меня за локоть. Пока я глядѣлъ вслѣдъ удалявшимся тремъ фигурамъ, лицо Фредерика Даленъ явилось передо мной, взволнованное, покраснѣвшее отъ удивленія, пристально вглядывающееся въ меня близорукими глазами. «Вы, синьоръ Вендоло? Вы ли это!» повторялъ онъ и крѣпко сжимая мою руку, задыхаясь отъ неожиданности повлекъ меня къ дверямъ.

V.

Лишь подъѣзжая къ Сіенѣ опомнился я и могъ дать себѣ отчетъ во всемъ, что произошло со мной во Флоренціи. Какъ всегда, зрѣлища природы оказали на мою душу умиротворяющее дѣйствіе. Въ туманные и тихіе зимніе дни, пока катилась моя повозка съ холма на холмъ Тосканы, я съ наслажденіемъ вдыхалъ свободный воздухъ полей послѣ разгоряченной и душной атмосферы человѣческихъ страстей. Коричневѣли земли, полныя вѣчно творящихъ соковъ, бронзовѣли свернувшіеся въ предчувствіи новыхъ побѣговъ листья дубовъ. Восходитъ дымъ надъ крышей безвѣстныхъ жилищъ, на улицахъ маленькихъ селеній пахло соломой, вялыми плодами и новымъ виномъ. Медленное время совершало свой годовой круговоротъ, и солнце клонилось въ голубизну далей лишь съ тѣмъ, чтобы неукоснительно подняться изъ утренней дымки слѣдующаго дня. О, слѣпцы, посылающіе упрекъ равнодушной природѣ, спокойно-благостной и неизмѣнной вокругъ корыстныхъ, противорѣчивыхъ, непостоянныхъ и жалкихъ дѣлъ человѣка!

Графъ Фредерикъ Даленъ не выпустилъ моего локтя, пока не закрылъ за нами дверей той комнаты, гдѣ состоялась бесѣда. По улицамъ Флоренціи мы прошли молча, прижавшись

другъ къ другу, стѣсненные присутствіемъ третьяго, рослаго шведа, флегматически наблюдавшаго происшедшую передъ нимъ сцену. Теперь, убѣжденный, что никто не слушаетъ насъ, Фредерикъ Даленъ оставилъ мою руку и нетерпѣливо спросилъ: «гдѣ графиня?» Я приготовился ко всему; ни угрозы, ни самая смерть не были мнѣ страшны; я зналъ свою вину передъ этимъ человѣкомъ и былъ согласенъ расквитаться съ нимъ до конца. На заданный мнѣ вопросъ я не отвѣтилъ, молча пожавъ плечами.

Глаза Фредерика Даленъ стали вдругъ влажны, голосъ его задрожалъ. «Ахъ, дорогой Вендоло, сколько терзаній, какое бремя заставила она меня такъ долго нести! Не взирая ни на что, я рѣшилъ вытащить ее изъ бездны и спасти отъ гибели. Я угадываю: вы связаны словомъ. Но вы всегда были добрымъ молодымъ человѣкомъ. Развѣ вы не видите, къ чему это ее приведетъ. Развѣ не страдаете вы такъ же, какъ и я? Ради нея самой будьте моимъ союзникомъ!» Я слушалъ со все возрастающимъ удивленіемъ. Сомнѣнія не было: и тѣни подозрѣнія не имѣлъ графъ Даленъ о роли, какую игралъ я въ жизни его супруги. Я оставался для него все тѣмъ же облагодѣтельствованнымъ имъ молокососомъ, смѣшнымъ вздыхателемъ изподтишка, которымъ распоряжаются точно слугой капризная дама и ея снисходительный мужъ.

Мнѣ захотѣлось расхохотаться, но мнѣ было далеко не весело. Я зло почувствовалъ нанесенное мнѣ оскорбленіе, и жгучесть его страннымъ образомъ перенесъ на Жюльетту. Итакъ, эти благородные господа не допускаютъ и мысли, что Юлія Даленъ могла бы сдѣлаться возлюбленной сына римскаго часовщика и старьевщика! И правда, не стоитъ ли ей лишь захотѣть, чтобы забыть дни виллы Бріули и ночь въ казино Стено такъ же легко, какъ забыла она подаренный мнѣ въ Фонди украдкой поцѣлуй. Тоска обманутаго ожиданія въ темномъ нефѣ Санта Марія дель Фіоре вновь овладѣла мной. Я жаждалъ мщенія.

«Графиня Юлія пребываетъ, какъ то ей и надлежитъ, съ барономъ Старре!» воскликнулъ я. «Вмѣстѣ съ друзьями умышляетъ она убійство своего короля». Дѣйствіе этихъ словъ превзошло всѣ мои ожиданія. Фредерикъ Даленъ сдѣлался блѣденъ какъ смерть, его глаза выкатились изъ орбитъ, едва

стоя на ногахъ онъ придерживался рукой за спинку кресла. Я не спѣшилъ продолжать, наслаждаясь произведеннымъ мною впечатлѣніемъ. «Узнайте истину, графъ Даленъ», сказалъ я, «и не блѣднѣйте такъ страшно передъ ея лицомъ». Я ребячески тѣшился своей новой ролью. Я выступалъ обладателемъ тайны, которая превращала аристократа, только что выказавшаго мнѣ презрѣніе, въ личину, вымазанную мѣломъ, и мѣшокъ, набитый опилками. Графъ Фредерикъ узналъ отъ меня о сообщникѣ Старре, встрѣченномъ мною на Позилиппо и затѣмъ въ Хелленбургскихъ подвалахъ. Я изложилъ ему заговоръ иллюминатовъ и недавнее появленіе Либеліуса и Старре въ Венеціи. Графиня Юлія была въ ихъ сѣтяхъ, магнетическихъ и любовныхъ. Я ничего не добавилъ о намѣреніяхъ, объявленныхъ ею въ казино Стено, потому что самъ не придавалъ имъ теперь ни вѣры, ни цѣны.

Разсказъ мой не былъ долог, я освободилъ его отъ какихъ бы то ни было подробностей. Фредерикъ Даленъ выпрямился въ крайнемъ волненіи. «Вы сами не знаете», воскликнулъ онъ, «какую услугу оказываете вы королю Густаву и моей родинѣ. Небо послало васъ! Какъ проницателенъ былъ однако въ свое время Экстромъ. О, синьоръ Вендоло, король долженъ услышать изъ вашихъ устъ эти важнѣйшія признанія, они одни только способны разсѣять его скептицизмъ, далекій отъ всякой осторожности. Я обѣщаю на утро вамъ тайную аудіенцію, которую тѣмъ легче устроить, что король Густавъ находится здѣсь инкогнито подъ именемъ графа Хага».

Я видѣлъ, какъ политическая сторона моего сообщенія цѣликомъ поглотила сторону личную. Графъ Даленъ забылъ про измѣну своей супруги передъ опасностью, угрожавшей его монарху. Равнодушный къ порывамъ вѣрноподданическихъ чувствъ, я снова пожалъ плечами и отозвался на его слова небрежнымъ согласіемъ. Я спѣшилъ удалиться, въ то время какъ съ двойственнымъ выраженіемъ лица графъ Фредерикъ сжималъ мои руки въ своихъ и неохотно открывалъ мнѣ запертую на ключъ дверь.

По ночнымъ и зимнимъ улицамъ Флоренціи я возвращался ровнымъ и твердымъ шагомъ. Я не раздумывалъ о совершенномъ мною предательствѣ. Жажда отомщенія угасла во

мнѣ, но не освободила иныхъ чувствъ. Я внутренно окаменѣлъ и слышалъ собственные звонкіе шаги какъ механическія движенія заводной куклы. Придя въ гостиницу, я поторопился улечься въ постель. Нечеловѣческая усталость заключила меня въ свои тягостныя объятія. Я укрылся съ головой и заснулъ мертвымъ сномъ отступниковъ.

Въ мою дверь сильно стучались. Я поднялся, въ ту же секунду вспомнивъ позоръ своего отреченія. Моя ненависть къ мужу Жюльетты была такъ велика въ это мгновеніе, что если бы онъ вступилъ въ открытую мною дверь, я выстрѣлилъ бы въ него изъ пистолета, лежавшаго на ночномъ столикѣ. Лунообразное лицо незнакомаго слуги заглянуло ко мнѣ, фамильярное и улыбающееся, и обезоружило сразу мой гнѣвъ. «Подумайте», заговорилъ этотъ Стентерелло флорентійской комедіи, «подумайте, гдѣ нахожу я васъ, милый синьоръ. Я ли не знаю, гдѣ останавливаются маэстро живописи и гдѣ виртуозы театра? Я ли не понимаю, какіе альберго любятъ генуэзцы и какіе предпочитаютъ венеціанцы? Вы спутали всѣ мои карты тѣмъ, что попали сюда, гдѣ никого не увидишь за цѣлый годъ кромѣ черпыхъ сутанъ». «Убирайся къ чорту» крикнулъ я, готовый захлопнуть дверь. Но Стенторелло успѣлъ просунуть свой локоть. «Постойте, постойте, синьорино», проворчалъ онъ менѣе добродушно, «я ненапрасно искалъ васъ повсюду два дня. Возьмите-ка это письмо». Флорентинецъ протянулъ мнѣ конвертъ и, глядя на меня, вновь улыбался. Я бросилъ ему монету, мгновенно его локоть исчезъ, не мѣшая мнѣ больше нарушить грохотомъ двери тишину злосчастно избраннаго мной альберго сельскихъ священниковъ и провинціальныхъ аббатовъ.

Жюльетта писала мнѣ. «Когда вы получите это письмо, меня больше не будетъ во Флоренціи. Я счастлива и горда тѣмъ, что уже спасла одинъ разъ жизнь моего короля. Я убѣдила отложить покушеніе. Мы переѣзжаемъ въ Римъ, гдѣ я должна предотвратить заговоръ на новомъ мѣстѣ. Какъ еще никогда расчитываю на вашу помощь. Орсо! Воспоминаніе о Венеціи утѣшаетъ меня: я не была къ вамъ жестокой или неблагодарной. Смѣло ищите меня въ Римѣ; нѣмецкій монахъ Фра Гульельмо въ монастырѣ Санъ Саба разскажетъ вамъ, гдѣ меня найти». Меньше чѣмъ черезъ два часа послѣ

того, какъ я прочиталъ это письмо, я выѣхалъ изъ Флоренціи черезъ Порта Романа.

Я приближался теперь къ Сіенѣ; мученія стыда, угрызенія совѣсти внезапно дали мнѣ отдыхъ. Не закрывая глазъ на совершенную мной измѣну, я не пытался оправдывать ее или умалять. Но развѣ въ любви не все возможно, не все совмѣстимо: величайшіе подвиги, худшія слабости! Жюльетта, если только она еще любила меня, не проститъ ли она мнѣ мое малодушіе? Не броситъ ли моя Аріадна мнѣ нить, по которой сумѣю я выбраться изъ лабиринта собственной слѣпоты на свѣтъ Божій?

Огни нагорнаго города зажглись во мглѣ ранняго вечера. Я съ удовольствіемъ предвкушалъ ночлегъ и сонъ. Тихая Сіена была ко мнѣ гостепріимна. Въ просторной комнатѣ полудеревенскаго альберго я ужиналъ въ кругу мелкихъ торговцевъ и пригородныхъ земледѣльцевъ. Молодые и старые, зажиточные и бѣдные, удачливые и неуспѣвающіе, всѣ они были одинаково веселы и учтивы другъ съ другомъ. Духъ согласія и довѣрія царилъ въ этомъ незнаменитомъ обществѣ, какъ часто въ собраніи итальянскихъ простолюдиновъ. Высокая дѣвушка съ золотыми глазами пѣла намъ подъ акомпаниментъ гитары. Дымились блюда, которыя смѣняла одно за другимъ проворная служанка. Въ плетеныхъ бутылкахъ изобильно краснѣло на мгновеніе искристое вино Тосканы. Мы чокались и вторили аріямъ сельской любви. Поднявшись въ свою комнату, я не ощущалъ ни холода зимы, ни терпкости раскаянія. Распахнувъ окно я впивалъ нѣкоторое время свѣжесть ночи вмѣстѣ съ запахомъ кожъ, поднимавшимся изъ ущелья Фонтебранда — дыханіе мира и вѣяніе труда.

Я рѣшительно не былъ созданъ для громкихъ дѣлъ, память о которыхъ сохраняетъ на своихъ страницахъ исторія. Что изъ того, что я удалился теперь отъ предѣловъ естественной участи, указанной мнѣ моимъ воспитаніемъ и рожденіемъ? Не возьметъ ли жизнь въ концѣ концовъ свое, и не направитъ ли меня когда нибудь къ пенатамъ ремесленника и ларамъ бѣдняка? Всѣмъ тайнымъ и явнымъ аудіенціямъ короля Густава, всѣмъ эфемернымъ успѣхамъ моимъ въ театрѣ и въ свѣтѣ не предпочиталъ ли я часъ этой незамысловатой пирушки въ компаніи людей простыхъ и невѣдомыхъ,

и тихій ночлегъ затѣмъ въ комнатѣ скромнаго альберго, съ кирпичнымъ поломъ, выбѣленными стѣнами и бумажными цвѣтами передъ накрытой стекляннымъ колпакомъ нарумяненной статуэткой Мадонны.

Я приближался къ границамъ отечества. Послѣднюю ночь я нровелъ въ ожиданіи лошадей въ маленькомъ пограничномъ городкѣ Радикофани. Смотритель почты заявилъ мнѣ, что всѣ его запряжки заранѣе заняты проѣздомъ высокой особы. Безъ всякой неохоты я подчинился обстоятельствамъ. Поужинавъ тощей курицей и кислымъ виномъ, я поднялся въ обширные коридоры развалины, служившей нѣкогда охотничьимъ дворцомъ и теперь превращенной въ гостиницу. Изъ окна въ сгущавшихся сумеркахъ я наблюдалъ дикій пейзажъ древней Этруріи. Пикъ Аміаты возвышался передо мною, бѣлѣющій зимними снѣгами. Куда только хваталъ глазъ, простирались каменистыя розсыпи, промоины изсохшихъ потоковъ, неплодородныя поля, усѣянпыя рыжеватыми пятнами низкорослыхъ дубовыхъ рощъ. Облака медленно влеклись по склонамъ горы, постепенно скрывая ея вершину. Внезапно окрасились они лиловымъ отблескомъ. Наступилъ вечеръ.

Уже стемнѣло, когда все пришло вдругъ въ движеніе во дворѣ и въ нижнихъ комнатахъ стараго Альберго. Я услышалъ шумъ многихъ колесъ, хлопанье бичей, откидываніе дверецъ, брань почтальоновъ. Хозяинъ и слуги суетились стуча дверьми, ко мнѣ долеталъ звукъ разнообразныхъ голосовъ, я различилъ иностранную рѣчь. Я высунулся въ окно и поглядѣлъ. Передъ гостиницей перепрягали лошадей въ цѣломъ поѣздѣ богатыхъ экипажей. Кузнецъ при свѣтѣ факеловъ чинилъ поломанную ось. Лакеи доставали изъ ящиковъ погребцы съ посудой и свертки съ провизіей. Нѣсколько высокихъ фигуръ, закутанныя въ плащи, прогуливались передъ входомъ въ альберго. Мнѣ показалось, что я узналъ нѣкоторыя изъ нихъ и угадалъ уже слышанныя однажды слова ихъ бесѣды: отрывистыя, чужія и высокомѣрныя.

Не имѣя нужды прятаться, я отошелъ все же въ глубину комнаты. Кому, впрочемъ, пришло бы въ голову искать меня здѣсь! Я равнодушно слушалъ приготовленія къ отъѣзду, не удивленный и самой встрѣчей, которая заставила меня провести ночь въ Радикофани. Спустя нѣкоторое время поѣздъ таин-

ственныхъ и важныхъ господъ тронулся по римской дорогѣ. Я долго слышалъ удалявшійся топотъ копытъ, стукъ экипажей, крики форрейтеровъ; хозяинъ и слуги альберго долго не расходились, обсуждая событіе. Когда все стихло, я снова выглянулъ изъ окна: царила тьма, прорѣзанная далекимъ, единственнымъ и движущимся огонькомъ.

Тревожное дыханіе пахнуло мнѣ въ лицо, проснулся ночной вѣтеръ. Возникнувъ въ ущельяхъ Аміаты, первый порывъ его умолкъ лишь, чтобы вновь повториться спустя мгновеніе. За однимъ содроганіемъ воздуха послѣдовали другія, множась и возрастая въ своей силѣ. Хлопали ставни, скрипѣли двери, перекатывались куски черепицъ на крышѣ, гудѣли всѣ дыры въ стѣнахъ стараго дома. Я легъ въ постель, когда нашъ полуразрушенный альберго откликивался всѣмъ своимъ существомъ на голоса пробужденной стихіи. Безмѣрные хоры звучали въ небѣ и на землѣ, стонали арфы, печалились флейты, торжествовали органы безплотныхъ силъ. Мой сонъ былъ полонъ предчувствій; я путешествовалъ въ странѣ тѣней; я видѣлъ блескъ скрестившихся шпагъ, траву, омоченную кровью, и блѣдное лицо Жюльетты рядомъ съ уродливой маской иллюмината.

На слѣдующее утро я въѣхалъ во владѣнія Святѣйшаго Престола близъ Аквапенденте. Все успокоилось въ природѣ и вмѣстѣ съ этимъ въ моей душѣ. Каждый часъ пути приближалъ меня теперь къ Риму. Я миновалъ Больсену, расположившуюся у голубого озера, и рокочущее фонтанами Витербо передъ стѣной Монти Чимини, поражающей своими странными и разорванными очертаніями. За переваломъ я жадно пилъ новый воздухъ, и сердце мое билось сильнѣе отъ входившихъ въ меня съ каждымъ движеніемъ невидимыхъ токовъ родной земли.

На Сторта мы въ послѣдній разъ перемѣнили лошадей. Я благоговѣлъ передъ коричневымъ туфомъ придорожной римской остеріи и былъ готовъ обнять покрытую иломъ морду перваго буйвола, глядѣвшаго на насъ изъ болота, раздувая ноздри и шевеля соннымъ зрачкомъ. Кампанья, дикая и бугристая, разстилалась вокругъ, отъ голубѣющаго Соракта до блѣднаго, какъ аметисъ, мыса Цирцеи. Я вспомнилъ свои юношескія скитанія и полудѣтскія тревоги любви къ бѣдной Лукреціи. Эти

маргаритки римскихъ полей, эти низкія и сочныя ихъ травы, эта гулкая земля, чреватая таинственными пустотами, эти камни вѣчныхъ легендъ — сколько разъ ступала на нихъ моя нога, въ то время какъ глазъ мой искалъ трагическіе изломы руинъ, или спокойныя и величественныя линіи горизонта!

Былъ тихій и ясный день; свѣтящійся какъ хрусталь возникъ въ полуденной дымкѣ куполъ святого Петра надъ темнымъ пятномъ садовъ Борго. Не убавляя рыси мы въѣхали на Понте Молле, латинская рѣка катила въ зеленыхъ берегахъ свои желтыя и мутныя воды. Мы обгоняли слабо позвякивавшія бубенцами, запряженныя ослами повозки, стада овецъ кидались отъ насъ въ сторону и взъерошенные пастушьи псы хрипло лаяли намъ вслѣдъ. Нищіе протягивали руку къ блестящимъ спицамъ колесъ, вздымавшихъ пыль, ребята гнались за кузовомъ, выпрашивая байокко у форестьера. Капуцины, разносчики, уличные торговцы, прохожіе всякаго вида и званія, черноглазыя, широкоплечія и загорѣлыя женщины равнодушно взирали на еще одного иностранца, готоваго нарушить грохотомъ своего экипажа солнечную лѣнь Пьяцца дель Пополо. Римъ больше не хотѣлъ узнавать возвратившагося къ нему блуднаго сына.

VI.

О Римъ, я зналъ, что ничто не можетъ сравниться съ тобой! На дорогахъ Германіи, въ снѣгахъ Россіи, у блѣдныхъ водъ Швеціи, на берегахъ Брента я не забывалъ величія твоихъ камней и роскоши твоихъ небесъ. Мнѣ снился неумолчный рокотъ твоихъ фонтановъ, меня звалъ важный говоръ вѣчно зеленой листвы твоихъ садовъ. Твои обелиски и колонны, купола и фронтоны, алтари и портики никогда не покидали моего воображенія, водившаго концомъ карандаша на бумагѣ или остріемъ иглы на мѣдной доскѣ. Я оставался вѣрнымъ тебѣ художникомъ, но только теперь я понялъ, что былъ однимъ изъ вѣрныхъ твоихъ сыновей. Развѣ не восхищали меня зрѣлища твоей обыденной жизни въ такой же мѣрѣ, какъ видъ твоихъ торжественныхъ перспективъ? Развѣ не были мнѣ милы дымъ твоихъ бѣдныхъ харчевенъ, эхо твоихъ тѣсныхъ народныхъ кварталовъ и самый запахъ твоей уличной влаги и пыли? Развѣ не узнавалъ я себя сперва въ этомъ загорѣломъ

мальчуганѣ, сосущемъ леденецъ у кожаной завѣсы церковнаго портала, затѣмъ въ этомъ подросткѣ, помогающемъ своей смуглой и румяной подругѣ наполнить мѣдный кувшинъ блестящей струей, извергнутой округлымъ ртомъ маскарона? Развѣ я не былъ однимъ изъ тѣхъ молодыхъ людей, немного мечтательныхъ и вмѣстѣ оживленныхъ, доступныхъ шуткѣ и послушныхъ вдохновенію, которые попадались теперь мнѣ на Корсо, провожающіе долгимъ взглядомъ экипажъ красавицы и встрѣчающіе насмѣшливымъ словомъ карету кардинала — живущіе равно въ великомъ и въ маломъ, готовые исчезнуть въ безвѣстности или подняться къ вершинамъ славы, являя міру еще однажды щедрый геній Италіи!

Я не произносилъ, конечно, этой тирады, но полонъ былъ такими мыслями, пока приближался по улицамъ Рима къ капитолійской лавкѣ. Новое волненіе овладѣло мной, когда мнѣ оставалось сдѣлать всего два поворота. Если я былъ вѣрнымъ сыномъ Рима, могъ ли назваться я также и добрымъ сыномъ своего отца! Живя въ Венеціи я писалъ и получалъ письма, но разсѣянно относился къ пространно описаннымъ въ нихъ стариковскимъ невзгодамъ, поглощенный собственнымъ счастьемъ или своей бѣдой. Я иалъ кромѣ того, что подобно многимъ, Джованни Вендоло, бодрый въ дѣлахъ и словахъ дѣйствительной жизни, начиналъ жаловаться и вздыхать лишь только бралъ въ руки перо и бумагу.

Сердце мое сжималось однако недобрыми предчувствіями. За два дома отъ нашего, сосѣдъ и пріятель отца, честный римскій портной Бенчетти выглянулъ изъ окна, окинувъ меня, казалось, недоброжелательнымъ окомъ. Со смущеніемъ вспоминая судьбу прекрасно сшитаго имъ костюма, сожженнаго въ подземельѣ иллюминатовъ, я поздоровался съ нимъ и крикнулъ: «всѣ ли здоровы дома?» Бенчетти, ничего не отвѣчая, укоризненно покачалъ головой и захлопнулъ окно.

Предчувствія не обманули меня. Не желая вѣрить глазамъ, читалъ я страшную надпись въ окнѣ капитолійской лавки: «Закрыто по случаю траура». Я стучался въ ея дверь какъ чужой, забывъ о существованіи другого хода. Заплаканная Маріуччія отперла мнѣ, колокольчики отцовскаго механизма не прозвучали болѣе. Увидѣвъ ея лицо, услышавъ молчаніе лавки, я понялъ все.

Я не засталъ отца въ живыхъ. Мнѣ не суждено было проводить его тѣло до мѣста послѣдняго успокоенія такъ же, какъ мнѣ не суждено было оплакать, идя за гробомъ, моего учителя Джованни Баттиста и мою бѣдную мать. Судьба поступала со мной страннымъ образомъ, удаляя меня неизмѣнно отъ зрѣлища кончины близкихъ мнѣ людей. Не увеличивала ли она тѣмъ горечь этихъ послѣднихъ разлукъ, не заставляла ли примѣшиваться ѣдкое чувство стыда къ благородной скорби утраты, не подавала ли знакъ, который мнѣ слѣдовало бы давно постигнуть, чтобы освободиться отъ слишкомъ меня поработившихъ волненій временнаго существованія и предаться раздумью объ ожидающей всѣхъ насъ участи вѣчной...

Исторія народовъ и отдѣльныхъ людей повторяется. По смерти Пиранези, я былъ одновременно убитъ горемъ внезапной потери, и оскорбленъ до глубины души корыстью и мелочностью его наслѣдниковъ. Теперь, не успѣвъ отереть съ лица слезы, Маріуччія сочла своимъ долгомъ ввергнуть меня въ кругъ семейныхъ распрей и имущественныхъ заботъ. Я зналъ о ея второмъ замужествѣ. Безъ особого удовольствія я познакомился съ синьоромъ Специали, распоряжавшимся, точно хозяинъ, въ нашей капитолійской лавкѣ. Красивый и вкрадчивый, онъ заглянулъ мнѣ въ лицо своими чарующими глазами, какъ если бы я былъ женщиной, которую онъ намѣревался покорить.

Я люблю деньги потому, что мнѣ весело тратить ихъ. Ни къ одному изъ удовольствій, какія можетъ доставить лишняя монета, оказавшаяся въ кошелькѣ, я никогда не былъ равнодушенъ, и оттого не могу считать себя безсеребренникомъ. Моя доля въ семейномъ достояніи не была мнѣ безразлична. Я зналъ кромѣ того свое право и волю отца, считавшаго меня, если не единственнымъ, то главнымъ своимъ наслѣдникомъ. И если бы я даже не зналъ этого, не свидѣтельствовала ли о томъ необычайная почтительность и ласковость, проявленная по отношенію ко мнѣ синьоромъ Специали? Отъ меня зависѣло, повидимому, ограниченное счастье этихъ людей — этого неотразимого пожирателя сердецъ и приданыхъ, этой подруги моихъ дѣтскихъ лѣтъ, со страхомъ взиравшей на меня и съ обожаніемъ на своего мужа, этого малыша, котораго держала она за руку, въ то время какъ округлость стана ея уже доказывала благословеніе небесъ, ниспосланное на ея новый бракъ.

Менѣе всего я былъ расположенъ оспаривать, разсчитывать и дѣлить, преисполненный въ тѣ минуты глубокимъ и настоящимъ горемъ. Я уступилъ во всемъ и согласился на все, чего отъ меня хотѣли. Синьоръ Специали выговорилъ себѣ свободу продолжать дѣло подъ вывѣской моего отца, уплативъ мнѣ сумму, которая не нарушила бы рѣшительнымъ образомъ его торговаго баланса. Я предупредилъ только, что возьму съ собой изъ лавки предметы, какіе понадобились бы въ моемъ искусствѣ.

Не теряя времени я занялся поисками новаго жилища. Если бы это зависѣло отъ меня, я не провелъ бы и одной ночи надъ нашей лавкой, надъ вывѣской, гдѣ стояло имя покойного отца, соединенное съ выведеннымъ золотыми буквами «Antichitá». Мнѣ посчастливилось, впрочемъ: одинъ живописецъ, изъ числа прежнихъ пріятелей, спѣшно покидалъ Римъ и охотно передалъ мнѣ свою мастерскую. На правой сторонѣ улицы Бабуина узкій проходъ ведетъ въ затѣненный и пахнущій влагой дворъ. Пятна сырости на красныхъ его стѣнахъ перемежаются со вмазанными въ штукатурку ржавыми обломками античныхъ рельефовъ. Зеленая плѣсень окутываетъ въ углу разбитую статую въ тогѣ, жестомъ своимъ приглашающую подняться къ моей мастерской.

Всякій, кто входитъ туда, испускаетъ невольное восклицаніе, такъ удивителенъ переходъ отъ тѣни и влажности двора къ солнечнымъ склонамъ, открывающимся въ моемъ окнѣ. Виноградники и огороды окаймляютъ здѣсь длинной лентой подошву холма. Съ наступленіемъ весны тутовыя и персиковыя деревья круглятся въ плодовыхъ садахъ. Взбираясь на самую мою стѣну, фиговое дерево протягиваетъ въ окно искривленныя вѣтки и лапчатые листы. Надъ крутымъ склономъ горы, надъ коричневой осыпью ея и черными пятнами старыхъ камеполоменъ зеленѣютъ буксусы виллы Медичи, лавры и дубы Пинчіо.

Особыя соображенія заставили меня торопиться съ переселеніемъ, и я не ошибся въ нихъ. Я еще хлопоталъ надъ устройствомъ, разставляя мебель и сохраненные мною антики. Бюстъ Антиноя напоминалъ мнѣ дни тиволійской виллы, и съ нѣжностью касался я изогнутой шеи завѣтнаго бронзоваго коня, издававшаго при легкомъ ударѣ печальный и заглушен-

ный звукъ. Ко мнѣ поднимались, я прислушался. Синьоръ Бьянкони, слегка запыхавшись и отирая потъ, вступилъ въ мастерскую. Исторія моей жизни повторилась и въ этомъ.

Литераторъ охалъ и обнималъ меня. Присѣвъ на кресло, произнесъ онъ маленькое прочувствованное слово познаніямъ и талантамъ антикварія Вендоло. Онъ заключилъ глубокой утѣшительной мыслью о возданіи по заслугамъ, ожидающемъ всѣхъ насъ за гробомъ. Какъ нѣсколько лѣтъ назадъ, глядѣлъ я на его покачивающуюся въ тактъ рѣчи ногу въ бѣломъ чулкѣ. Синьоръ Вьянкони обратился между тѣмъ ко мнѣ, улыбаясь почтительно и льстиво. До него дошли вѣсти объ успѣхахъ моихъ въ Стокгольмѣ и въ Венеціи. Онъ жаждалъ услышать отъ меня самого вѣрныя ихъ подробности и сгоралъ отъ нетерпѣнія видѣть мои работы. Франческо Піранези сдѣлалъ, по его словамъ, блестящія дѣла какъ разъ въ эти послѣдніе дни, ознаменованные прибытіемъ въ Римъ Густава III, подъ не составляющимъ ни для кого тайны псевдонимомъ графа Хага. Вьянкони сіялъ, дождавшись, наконецъ, встрѣчи лицомъ къ лицу со своимъ сѣвернымъ покровителемъ.

«Но вы, дорогой Орсо, если позволено будетъ старому другу вашего отца называть васъ такъ, — вы, уже снискавшій расположеніе короля и знающій его вкусы, отчего не спѣшите вы воспользоваться этимъ случаемъ?» Синьоръ Вьянкони глядѣлъ на меня нѣсколько пронзительно. «Какъ старый другъ вашего отца,» повторилъ онъ, «я пришелъ помочь вамъ преодолѣть постигшее васъ горе. Оставимъ дорогихъ покойниковъ нашихъ блаженной ихъ участи, подумаемъ о судьбѣ живыхъ. Вы молоды, вы лишь въ началѣ жизненнаго пути, но вамъ уже посчастливилось встрѣтить протянутую вамъ могущественную и щедрую руку. Остерегайтесь отталкивать ее. Графъ Даленъ настоятельно желаетъ увидѣть васъ безъ всякаго промедленія. Я слышалъ, какъ раздосадованный вашею небрежностью, онъ произносилъ ваше имя съ мало понятными мнѣ угрозами»... Лицо Вьянкони горѣло отъ любопытства, глаза его бѣгали теперь по всей мастерской.

Неожиданно для себя я изо всѣхъ силъ ударилъ кулакомъ по столу. Все накипѣвшее въ моей душѣ нашло себѣ выходъ въ этомъ припадкѣ ярости. «Ступайте!» крикнулъ я, «ступайте къ вашему графу! Скажите ему, что мнѣ не о чемъ съ

нимъ говорить. Онъ не услышитъ болѣе отъ меня ни полслова». Бьянкони вскочилъ на ноги и испуганно поправлялъ на головѣ парикъ. «Ступайте», повторялъ я съ безсмысленнымъ ожесточеніемъ. «Я ни отъ кого не прячусь и никого не скрываю въ моей мастерской. Пусть не трудится графъ Даленъ подсылать ко мнѣ соглядатаевъ». Я все ближе и ближе наступалъ на моего солиднаго гостя, и онъ невольно пятился отъ меня къ дверямъ. По крутой моей лѣстницѣ литераторъ скатился съ неподобающимъ ни его рангу, ни его возрасту проворствомъ. Спокойствіе сразу вернулось ко мнѣ. Я выждалъ нѣкоторое время, потомъ повѣсилъ замокъ на дверяхъ мастерской и вышелъ на улицу.

Я направлялся на Авентинъ. Я не сдѣлалъ до сей поры попытки найти Жюльетту, повинуясь сложнымъ и отчасти наивнымъ ощущеніямъ. Какъ страусъ, преслѣдуемый охотниками, я думалъ укрыться отъ треволненій, зарывъ лишь одну голову въ песокъ. Мнѣ хотѣлось жить мирно, работать правильно, дышать свободно воздухомъ Рима. Съ величайшимъ отвращеніемъ вспоминалъ я опутывавшую меня сѣть фанатическихъ интригъ. Самая мысль о Жюльеттѣ вызывала во мнѣ глухое раздраженіе. Я соединялъ ее въ одно съ графомъ Даленъ, съ Бьянкони, съ Либеліусомъ и Старре, со всѣмъ, что мѣшало мнѣ принадлежать только своимъ трудамъ и досугамъ. Эти видѣнія міра, навсегда мнѣ далекаго и чужого, когда оставятъ они меня въ покоѣ, когда разсѣется миражъ ихъ, застилающій отъ моихъ глазъ самыя зрѣлища Рима!

Я съ наслажденіемъ, какъ рыба въ своей стихіи, углубился въ лабиринтъ бѣдныхъ улицъ у форума Траяна. Я видѣлъ тѣ же лавки и тѣ же вывѣски на тѣхъ же мѣстахъ, прислушивался къ родному мнѣ говору толпы, узнавалъ знакомыя лица. Пиніи Палатина и небо въ просвѣтахъ Колизея существовали не только въ моемъ воображеніи! Я подымался теперь на пустыннѣйшій изъ римскихъ холмовъ. Не былъ ли я вновь маленькимъ мальчикомъ, поспѣшающимъ на монашескій Целій въ келью сѣдого іерусалимита! Теплый вѣтеръ кружилъ передо мною пыль на дорогѣ. Виднѣлись пространства садовъ и виноградниковъ, усѣянныя разбросанными жилищами и отдѣльно стоящими церквами. Къ уединеннѣйшей изъ нихъ я направилъ шаги.

Я долго стучался у двери монастыря. Привратникъ впустилъ меня въ кіостро, усаженный бережными рядами апельсинныхъ и лимонныхъ деревъ. Странный ихъ запахъ, роскошный и немного печальный взволновалъ меня. Фра Гульельмо вышелъ ко мнѣ недовѣрчивый и колеблющійся. Пошевеливъ на животѣ пальцами, онъ произнесъ, наконецъ, не двигая ртомъ и глядя въ сторону названіе виллы на склонахъ Яникула. Я повернулся, чтобы уходить, нога моя ступила на упавшій съ дерева, растреснувшійся отъ зрѣлости золотой плодъ. Невольно я поднялъ его, ощутилъ его теплую и живую кожу, услышалъ явственнѣе ароматъ, горькій и сладостный какъ ароматъ любви. Голова моя слегка закружилась и сердце заныло, я стиснулъ руки такъ, что хрустнули пальцы отъ остраго желанія видѣть Жюльетту, сжимать ея плечи, цѣловать ея насмѣшливый и неуловимый ротъ.

Я быстро миновалъ Понте Систо и взошелъ по извилистымъ дорогамъ Яникула. Мнѣ было трудно дышать, я останавливался и глядѣлъ на Римъ, видимый сквозь деревья садовъ. Въ мало знакомой мнѣ части города я блуждалъ почти наугадъ, избѣгая разспрашивать прохожихъ. Тѣ немногіе, къ кому обращался я, не знали, впрочемъ, виллы Мегрони. Старуха нищая у Санъ Пьетро инъ Монторіо взялась, наконецъ, проводить меня. Мы шли въ глубокихъ впадинахъ холма между каменными оградами, убранными столѣтнимъ мхомъ. Небольшой павильонъ въ одинъ этажъ укрылся тамъ за академическими зарослями лавровъ и миртъ Боско Парразіо. Старуха указала на него пальцемъ и, получивъ отъ меня монету, возвратилась къ своей паперти.

Оставшись одинъ я прислушался; ничего не было слышно, кромѣ легкаго содроганія листвы и неумолчнаго лепета невидимыхъ водъ. Войдя въ ограду я постучался слабѣющей отъ волненія рукой. Никто не отозвался мнѣ, створка открытаго настежь окна бездомно колебалась отъ вѣтра изъ стороны въ сторону, какъ это бываетъ только въ покинутыхъ жилищахъ. Повинуясь инстинкту, я подошелъ ближе и заглянулъ въ окно, потомъ перелѣзъ черезъ подоконникъ и вошелъ въ комнату. Жюльетта жила здѣсь! Я угадалъ это мгновенно по маленькимъ предметамъ ея, разбросаннымъ по столамъ и кресламъ. Особенный токъ пронизалъ мое тѣло и заставилъ меня вздрог-

нуть. Въ тѣхъ стѣнахъ, гдѣ жила она, я всегда испытывалъ это чувство блаженнаго отдыха, соединеннаго съ острымъ уколомъ желаній. Я закрылъ глаза и присѣлъ иа софу. О, отчего въ рукахъ моихъ не было магической палочки и власти вызвать видѣніе, которое я могъ бы колѣнопреклоненно принять! Разбросанныя по полу бумаги, выдвинутые ящики двухъ секретеровъ, нагорѣвшія свѣчи въ подсвѣчникахъ, свидѣтельствовали, что комната была совсѣмъ недавно покинута ея обитательницей. Ступая на ципочки и не пытаясь нарушить этой новой тайны, я подошелъ къ окну и спрыгнулъ въ садъ. Кто то откликнулъ меня. Дряхлый слуга въ полинявшемъ кафтанѣ осклабилъ свой ротъ усмѣшкой. «Коли вы лазите въ окна синьоръ», сказалъ онъ, «такъ вы и есть должно быть тотъ самый, кому велѣно мнѣ передать, что маркиза Сантъ Аньяно и кавалеръ Спада укатили въ Неаполь!»

Кавалеръ Спада! Въ этой маніи инкогнито и Карлъ Старре рѣшилъ очевидно обзавестись псевдонимомъ. Но было ли что удивительное въ томъ при обстоятельствахъ его жизни? Отчего такъ поразилъ меня ихъ совмѣстный отъѣздъ? Не долженъ ли я былъ давно быть готовымъ къ этому? О, какъ я зналъ Жюльетту! Какъ виноватъ я былъ передъ ней и какъ все-таки глубоко правъ, когда, терзаясь ревностью, отрекся отъ нея во Флоренція.... Задумавшись, я шелъ по Лунгарѣ и оглянулся кругомъ, только подойдя къ Сантъ Онофріо. Усталость заставила меня присѣсть на скамью маленькаго амфитеатра подъ дубомъ Тассо. Я всегда любилъ это тихое и мечтательное мѣсто. Сквозь дымку раннихъ сумерекъ глядѣлъ я на Римъ, синѣвшій передо мной массивами дворцовъ, пятнами площадей, извилинами улицъ. Кое-гдѣ зажглись красноватые огни. Время отъ времени долетали ко мнѣ стукъ экипажа или высокая нота пѣсни. Мнѣ не хотѣлось возвращаться на Бабуино, гдѣ, внѣ сомнѣнія, ожидала меня сегодня или завтра новая встрѣча съ графомъ Даленъ. Безъ тягостнаго чувства не могъ я подумать и о ночлегѣ подъ кровомъ капитолійской лавки. Мнѣ вспомнилось бездомное окно яникульскаго павильона. Какъ оно, былъ я бездоменъ въ эти первые дни въ своемъ родномъ городѣ.

Я сдѣлалъ надъ собой усиліе, всталъ и медленно спустился къ Понте Сантъ Анджело. На пьяцца Навона я зашелъ въ

маленькую остэрію, съѣлъ жареной рыбы, проглотилъ кусокъ сыра и выпилъ вина. Соединяя въ узоръ капли напитка, пролившіяся на деревянный столъ, слушая трескъ жарильни, я искалъ въ умѣ выходъ и нашелъ его. Я испыталъ приливъ новыхъ силъ. Сдвинувъ на затылокъ шляпу, я вышелъ изъ остеріи иасвистывая арію. Дѣвушки, встрѣчавшіяся парами въ улицахъ Кампо Марціо, бросали мнѣ краснорѣчивые взгляды, и какъ ничто иное это подбадривало меня. Я шелъ походкой гуляющаго, ио такъ, не остановившись нигдѣ, я вновь пересѣкъ весь Римъ.

Былъ уже поздній вечеръ, когда я выбрался за Порта Санъ Себастьяно. Мои ноги подкашивались отъ усталости, но на душѣ у меня было легко. Какъ не догадался я сразу, что найду отдыхъ, покой и защиту у добраго моего Паоло Буцци и заботливой моей Целестины! Развѣ не была винья Миньятелли колыбелью моего дѣтства, истиннымъ отечествомъ души, которому обязанъ я былъ лучшею долей своего я! И если откладывалъ я со дня на день посѣщеніе милыхъ моихъ родичей, повторившихъ среди полей и виноградниковъ, въ долгомъ опытѣ честной и радостной жизни древнюю сказку, не былъ ли я направленъ теперь къ ихъ очагу рукой самого Провидѣнія!

Ночная Кампанья дохнула мнѣ въ лицо покоемъ и свѣжестью. Придорожныя гробницы не пугали меня, привыкшаго съ дѣтства къ ихъ загадочнымъ камнямъ и могильнымъ травамъ. Уже полоска тумана обозначала невдалекѣ теченіе Алмоне. Потянулись изгороди, запахло жильемъ. Сопровождаемый лаемъ собакъ я вступилъ во дворъ. Мои новые Филемонъ и Бавкида появились одновременно на порогѣ, встревоженные, и спустя мгновенье растроганные до слезъ, и я, какъ истинный блудный сынъ, припадалъ къ нимъ поочередно на грудь, самъ обливаясь слезами, въ то время какъ узнавшій меня дворовый песъ весело прыгалъ и лизалъ мои руки.

Я жилъ на винья Миньятелли, наслаждаясь уединеніемъ и однообразіемъ сельской жизни. Первое время я ждалъ, насторожившись, что графъ Даленъ станетъ разыскивать мое убѣжище. При этомъ новомъ свиданіи я твердо рѣшилъ отказаться отъ сдѣланныхъ признаній, сославшись на будто бы овладѣвшія мной чувства низкой зависти и вражды. Я былъ радъ не щадить себя и этой цѣной не уступить ни упрашива-

ніямъ, ни угрозамъ супруга Жюльетты. Проходили одинъ за другимъ дни, молчаніе окрестныхъ дорогъ было полнымъ, вѣтеръ Кампаньи не доносилъ до моего слуха топота копытъ или отзвуковъ чужеземной рѣчи. Въ нетерпѣніи я выходилъ навстрѣчу моимъ воображаемымъ всадникамъ. Я пожелалъ убѣдиться собственными глазами, что виллино Ангвиллара стояло необитаемымъ и заколоченнымъ, погруженное въ чащу зелени, переплеснувшейся за низкую ограду въ развилинѣ двухъ дорогъ.

Незамѣтно бремя и этихъ заботъ свалилось съ меня. Я проводилъ часы въ счастливой праздности. Я заходилъ въ церковь святого Урбана, по прежнему пахнущую зерномъ и плодами, украшенную фресками, написанными на ея стѣнахъ рукою варварской и благочестивой. Въ тѣни священной рощи я лежалъ, предавась мечтаніямъ, столь непохожимъ на дѣтскія мои мечты и, увы, такимъ же заманчивымъ и неисполнимымъ. Гротъ нимфы Эгеріи привлекалъ меня, я входилъ въ него, слушая шорохъ капель, ощущая холодъ камня и нѣжность влажныхъ травъ. Взирая на бѣлѣвшее изваяніе нимфы, я вспоминалъ ту, кого называли при мнѣ ея именемъ. Въ эти минуты я думалъ о Юліи Даленъ, свободный отъ себялюбивыхъ и своекорыстныхъ чувствъ. Я видѣлъ яснѣе брошенный ей судьбою ужасный жребій. Я вздыхалъ о ней, и вѣтеръ, проникавшій въ щели руины, повторялъ за мной этотъ вздохъ и разносилъ его надъ Кампаньей.

Вечера я проводилъ въ домашнемъ кругу. За ужиномъ мы вели нескончаемыя бесѣды. Соръ Паоло, самъ не бывавшій нигдѣ дальше Альбано и Тиволи, разспрашивалъ меня о моемъ путешествіи. Целестина охала при разсказѣ о моихъ злоключеніяхъ и, какъ если бы я еще былъ на голодныхъ дорогахъ Германіи, придвигала ко мнѣ ближе тарелку и выбирала для меня жирный кусокъ. Безхитростные мои родичи гордились моими успѣхами при шведскомъ дворѣ. Если бы отецъ мой былъ живъ, съ какимъ удовольствіемъ услышалъ бы онъ отъ меня самого эту часть моего повѣствованія!

Въ послѣднее время старикъ очень нуждался въ утѣшеніи. Не все было благополучно въ нашей семьѣ. Мой бѣдный отецъ на старости лѣтъ видѣлъ лишь происки синьора Специали и слышалъ лишь жалобы Терезы на ея разбитаго пара-

личемъ и впавшаго въ дѣтство Фантокки. Желая забыть настоящее, онъ все чаще и чаще уходилъ мыслью въ прошедшее. Не будучи въ состояніи вспомнить, что было вчера, онъ съ величайшей точностью припоминалъ происшествія, случившіяся пятнадцать лѣтъ тому назадъ. Въ день смерти описывалъ онъ въ десятый разъ со всѣми подробностями своему сосѣду, портному Бенчетти, конклавъ Климента XIV. Дойдя до того, какъ цирюльникъ конклава ударилъ мѣднымъ тазикомъ по головѣ взбѣсившагося аббата Віейра, отецъ вскочилъ на ноги и попытался изобразить этотъ жестъ. Спустя мгновеніе онъ повалился на полъ въ глубокомъ обморокѣ, послѣ котораго ему не суждено было придти въ себя.

Я возвратился на улицу Бабуина, когда узналъ, что такъ называемый графъ Хага, послѣ кратковременнаго пребыванія въ Римѣ, со всей своей свитой уѣхалъ въ Неаполь. Замокъ на моихъ дверяхъ былъ взломанъ, листы бумаги и страницы альбомовъ усѣивали полъ мастерской; на круто изогнутой шеѣ бронзового коня виднѣлась свѣжая царапина, нанесенная слѣпой злобой и безсильной досадой. Мнѣ объяснили, что въ мое отсутствіе нѣсколько иностранцевъ самовольно ворвались ко мнѣ и произвели описанное безчинство.

Возстановивъ порядокъ въ своемъ жилищѣ я принялся за уже давно задуманную мной серію офортовъ, изображающую фонтаны Рима, готовый, однако, ко всякимъ случайностямъ. Еще въ бытность мою на винья Миньятелли я написалъ письмо Аркасу. Я поспѣшилъ увѣдомить его теперь объ отъѣздѣ шведовъ въ Неаполь. Сцена, ожидавшейся мной трагедіи, передвигалась все далѣе и далѣе къ югу. Я былъ избавленъ, повидимому, отъ необходимости сдѣлаться ея свидѣтелемъ. Гдѣ то за горизонтомъ сгущались грозовыя тучи, и ударъ грома готовъ былъ разразиться надъ правыми и виноватыми. Не въ силахъ моихъ было отвести этого удара отъ Жюльетты. Къ многоопытности шевалье, въ которую я менѣе вѣрилъ въ разлукѣ, и къ добротѣ его сердца, которую я болѣе оцѣнилъ, я обращался теперь въ своихъ письмахъ.

Спустя двѣ недѣли я получилъ отвѣтъ. «Васъ удивитъ то, что вы узнаете отъ меня», писалъ шевалье Аркасъ, «мнѣ суждено преподать вамъ своимъ примѣромъ послѣдній, хотя бы и идущій въ разрѣзъ съ другими, урокъ. Мой дорогой маль-

чикъ! Въ то время какъ я пишу эти строки Лугару перевозитъ мои вещи на судно. Завтра я взойду на досчатую палубу, и моя привычная нога сумѣетъ найти опору на ея катящейся съ волнами поверхности. Я вдохну немного соленыхъ брызгъ и въ послѣдній разъ обведу взглядомъ заливъ, на берегахъ котораго думалъ найти прижизненное погребеніе.

Шевалье Аркасъ возвращается къ дѣятельной жизни! Среди исторій, которыя онъ разсказалъ вамъ въ цѣляхъ нравоученія, онъ умолчалъ о самой для него важной и самой простой. Онъ не всегда былъ человѣконенавистникомъ и не всегда проклиналъ любовь, какъ сдѣлалъ то, вырвавшись изъ душныхъ объятій индіанки. Судьба покарала его, однако, болѣе, чѣмъ онъ ожидалъ: возвратившись во Францію, онъ узналъ, что Анріетта Оторейль стала женой другого.

Мой милый Орсо! Я былъ наказанъ за долгія ночи тропической вахты, за ожесточеніе войны, смачивающей кровью грѣшную землю, за грубость походной жизни, за ласки купленныхъ и завоеванныхъ, коричневыхъ и черныхъ женщинъ. Возмездіе ожидало меня, и этимъ возмездіемъ была Анріетта Оторейль. Мы встрѣтились вновь въ свѣтѣ, мы сблизились такъ, какъ сближаются только люди, предназначенные другъ другу. Молва называла меня ея любовникомъ, и ея мужъ не сомнѣвался въ томъ ни минуты. Вы мнѣ писали о венеціанкѣ, которая еще и теперь шепчетъ «не сегодня» своему облысѣвшему и впавшему въ неряшливость кавалеру. Анріетта Оторейль въ первый же день нашей новой встрѣчи сказала мнѣ «никогда» и сдержала слово.

И тѣмъ не менѣе я возвращаюсь во Францію. Я вышелъ изъ возраста, когда съ одинаковымъ рвеніемъ ищутъ или бѣгутъ любви. Анріетта Оторейль теперь свободна, несчастлива и одинока. Она ведетъ существованіе полное заботъ и усилій, воспитывая взрослыхъ дѣтей, поддерживая маленькое родовое помѣстье. Къ ея усталымъ ногамъ готовъ я положить остатки моего маленькаго состоянія, жизненный опытъ, душу, облагороженную годами отшельничества. Она не отвергнетъ меня, и еще разъ увидавъ доброту ея улыбки я пойму, что прожилъ жизнь не даромъ.

Вы съ нетерпѣніемъ перевертываете страницы письма, отыскивая ту, гдѣ стоитъ имя Юліи Даленъ. Мой другъ! Вы

молоды какъ разъ въ такой мѣрѣ, чтобы выдержать самыя серіозныя испытанія. Мужественно готовьтесь къ нимъ. Не бойтесь за Юлію Даленъ, она счастлива. Когда закроются ворота за прежнимъ хозяиномъ Ромитаджіо, новая жизнь возникнетъ въ стѣнахъ и садахъ виллы на Позилиппо. Высокая молодая женщина съ оживленнымъ лицомъ сѣверянки пройдетъ въ аллеяхъ, опираясь на руку своего сумрачнаго и пылкаго друга. Маркиза ди Сантъ Аньяно и кавалеръ Спада принадлежатъ другъ другу. Подойдя къ обрыву, они долго будутъ искать глазами въ безконечности моря тотъ корабль, который увозитъ меня къ берегамъ Франціи, потомъ медленно возвратятся въ домъ. Знакомая вамъ дверь захлопнется за ними съ легкимъ звономъ стекла, покой моего стараго жилища поглотитъ ихъ слившіеся вмѣстѣ шаги.

Кѣмъ ни была бы для васъ Юлія Даленъ, признайтесь самому себѣ въ томъ, чего вы не можете не знать. Всю жизнь она любила Старре и только его одного. И развѣ не совершила ея любовь послѣдняго чуда! Гдѣ заговорщикъ, покушающійся на жизнь своего короля, гдѣ иллюминатъ, преслѣдующій безумныя фантасмагоріи, гдѣ несчастный, испытавшій на себѣ магнетизмъ Либеліуса! Все это развѣялось какъ дымъ по мановенію женщины. Карлъ Старре возвращенъ въ число людей, имѣющихъ право глядѣть на міръ честно и безбоязненно. Любовь растопила льды мщенія и обидъ, годами копившіеся въ его груди. Ворота моей виллы крѣпко заперты для его прежнихъ сообщниковъ, и ключъ къ прежнему Старре далеко заброшенъ въ поляхъ. На склонахъ Позилиппо, подъ небомъ Неаполя я не видалъ болѣе зловѣщихъ фигуръ.

Долженъ ли я дать вамъ послѣдній совѣтъ? Вы найдете его быть можетъ въ слезахъ, простительныхъ въ вашемъ возрастѣ, быть можетъ въ стойкости отреченія, съ которой возьмете въ руку кисть, карандашъ или иглу. Благословенная сила бытія заставитъ васъ и плакать и смѣяться надъ собственной судьбой. Калейдоскопъ жизни много разъ повернется на вашихъ глазахъ и покажетъ вамъ рядъ пестрыхъ картинъ, печальныхъ и радостныхъ. Вы не найдете среди нихъ лишь тѣхъ, которыя напомнили бы вамъ меня, Лугару, низкій фасадъ виллы, наши прогулки въ саду и наши бесѣды за чашкой кофе. Мы не увидимся!»

VII.

Звонъ бубенца, трескъ петарды, долетѣвшіе съ улицы, еще разъ напомнили мнѣ, что наступилъ первый день карнавала. Но могъ ли я позабыть о томъ, видя передъ собой странное зрѣлище, которое являла теперь мастерская честнаго римскаго портного Бенчетти? Запахъ, стоявшій въ ней, кислый и сладкій, возбуждающій и снящійся, запахъ старыхъ лоскутьевъ и свѣжихъ кусковъ матеріи, краски и пудры, клея и пороха, цвѣтовъ и конфетти, гари китайскихъ фонариковъ и копоти восковыхъ «moccoli», — не былъ ли онъ мнѣ съ дѣтства знакомъ, какъ самый воздухъ нашего карнавала!

Принимая заказы на новые костюмы, перешивая и перекрашивая старые, Бенчетти втрое увеличивалъ въ эти дни штатъ своей мастерской. Подростки и дѣвушки кроили, шили, утюжили, взобравшись на столы и прилавки. Я безъ особой церемоніи ступалъ ногой на уже вылинявшій подъ римскимъ солнцемъ шелкъ и подозрительный атласъ, сохранившій прошлогоднія пятна. Повсюду были разбросаны маски; пользуясь тѣмъ, что хозяинъ былъ занятъ въ углу бесѣдой съ богатымъ заказчикомъ, одна изъ мастерицъ, потѣшая другихъ, скрывала свое хорошенькое личико то подъ изломаннымъ чернымъ профилемъ Пульчинеллы, то подъ краснощекой и бородатой образиной Панталона.

Наблюдая сочувственно эту шалость, я дожидался недолго. Солидный синьоръ Бенчетти приподнялъ скуфейку надъ своей лысиной, однимъ движеніемъ отирая потъ и изображая поклонъ. Собесѣдникъ его повернулся ко мнѣ, я остолбенѣлъ и лишился способности даже вскрикнуть. Карлъ Старре узналъ меня, сдѣлалъ ко мнѣ два шага и крѣпко взялъ мою руку. «Кавалеръ Спада», шепнулъ онъ мнѣ тихо и вразумительно. Повинуясь невольному чувству, я пятился къ дверямъ, запутываясь ногами въ карнавальномъ тряпьѣ. Я оказался на улицѣ, гдѣ, поднявъ голову еще разъ, убѣдился въ дѣйствительности видѣнія. Лицо врага, столько лѣтъ преслѣдовавшаго мои мысли, было обращено ко мнѣ, исполненное добродушнымъ спокойствіемъ. Карлъ Старре вышелъ за мной по пятамъ, казалось, довольный нашей встрѣчей.

Мы выбрались къ палаццо Венеція ища мѣсто для секретной бесѣды. Мы пересѣкли Корсо, гдѣ уже шумѣли рои улич-

ныхъ ребятъ и уже пробѣгали первыя маски. Первые залпы конфетти осыпали насъ бѣлой своей пылью. Я перебиралъ въ умѣ обстоятельства страннаго свиданія. Кавалеръ Спада или баронъ Старре — не все ли это было равно! Но что могъ дѣлать мрачный геній судьбы Жюльетты у охваченнаго праздничной суетой портного Бенчетти? Карлъ Старре, заказывающій себѣ или кому-нибудь другому карнавальный нарядъ, вотъ что отказывалось допустить мое воображеніе.

Мы расположились другъ противъ друга за маленькимъ столикомъ уединенной остеріи, наполненной грохотомъ каскадовъ Треви, низвергающихся противъ самыхъ ея дверей. Старре глядѣлъ на меня улыбаясь, и я опустилъ глаза, пользуясь тѣмъ мгновеніемъ, когда хозяинъ поставилъ между нами, держа ее за горлышко, бутыль Треббіано. «Все успокоилось Вендоло!» — воскликнулъ шведъ. «Взгляните на меня, я счастливъ. Она никогда не любила никого кромѣ меня, и я уже избавилъ землю отъ негодяя, который могъ хвастаться ея мимолетнымъ расположеніемъ». Невольное содроганіе пронизало меня. Я заглянулъ въ расширенные сумракомъ остеріи зрачки моего собесѣдника. Жюльетта не выдала меня и не призналась въ нашей любви. Всевѣдущій Либеліусъ въ своемъ пренебреженіи ко мнѣ считалъ меня, какъ и графъ Фредерикъ, неловкимъ и напраснымъ вздыхателемъ. Сознавшаяся въ одномъ своемъ паденіи, Жюльетта скрывала отъ мстительнаго любовника виллу Бріули и казино синьора Альвизе. Было ли это свидѣтельствомъ ея презрѣнія ко мнѣ или, напротивъ, ея неисчезающей нѣжности? Желала ли она смертельно меня оскорбить, или спасти мою жизнь? То и другое предположеніе причиняли мнѣ боль; лицо мое вспыхнуло, я страдалъ.

Не обращая на меня вниманія, Старре продолжалъ. «Когда я былъ въ Пизѣ, мнѣ разсказали, что нѣкто, извѣстный вамъ подъ именемъ Чарни, находится въ Генуѣ, ведя свои плутни и хвастаясь успѣхомъ у женщинъ. Я предпринялъ путешествіе и оказался около его стола какъ разъ во время, чтобы изобличить его мошенничества и завязать съ нимъ ссору. Мы встрѣтились на другой день въ садахъ Фрегозо. Я увидалъ въ его голубыхъ глазахъ предчувствіе его участи, но мужество не оставило его. Лишь отвернувшись въ сторону сдѣлалъ онъ рукой незамѣтный крестъ паписта. Вслѣдъ затѣмъ наши шпа-

ги скрестились, и послѣ короткой борьбы мой клинокъ прокололъ его сердце. Я наклонился надъ нимъ, я видѣлъ дѣвически изнѣженное лицо, омраченное смертью. Изъ его раны вытекло немного крови на песокъ садовой аллеи...»

«Этой крови достаточно, Вендоло! Я не хочу сводить послѣднихъ счетовъ съ Фредерикомъ Даленъ. Мнѣ жаль его, такъ какъ онъ навсегда лишился той, безъ которой нѣтъ на землѣ блаженства. Она приказала мнѣ забыть всѣ планы мести, какими я жилъ года. Король Густавъ III пріобрѣлъ, благодаря ей, новаго вѣрноподданнаго. Пусть прахъ сенатора Старре найдетъ отомщеніе не здѣсь на землѣ, но въ будущей жизни. Она освободила меня отъ власти страшныхъ людей. Я нарушилъ данныя имъ клятвы и презрѣлъ совершенныя въ мерзкихъ обрядахъ присяги. Я знаю, чѣмъ это грозитъ мнѣ, и я только радъ, Вендоло. Вѣрность ей я готовъ подтвердить своей смертью. Даже вернувшись къ мирной жизни, Карлъ Старре любилъ вдыхать воздухъ опасности.»

Помолчавъ немного онъ положилъ черезъ столъ свою руку мнѣ на обшлагъ. Невольно я вздрогнулъ. «Я доволенъ, что встрѣтилъ васъ, Вендоло, какъ разъ въ эти первые дни», воскликнулъ онъ. «Она велѣла мнѣ найти васъ: идя въ капитолійскую лавку, я завернулъ къ портному, привлеченный маской, болтающейся на желѣзномъ прутѣ надъ его дверью. Не удивляйтесь, безъ малѣйшаго колебанія я готовъ посвятить васъ въ наши намѣренія, такъ какъ цѣню вашу преданность ей. Вы помните ея настойчивость. Вы знаете ловкость, съ какою она отвела отъ короля уже занесенную надъ нимъ руку иллюминатовъ. Но, Вендоло, если я отказался отъ своей мести, другіе не отреклись отъ своего фанатизма. Не подозрѣвая того, Густавъ III окруженъ здѣсь врагами, выжидающими лишь случая нанести ему смертельный ударъ. Намъ удалось узнать, что подстрекаемый вѣчнымъ своимъ любопытствомъ графъ Хага желаетъ въ новомъ и строжайшемъ инкогнито тайно прибыть въ Римъ на короткое время, чтобы видѣть карнавалъ и принять участіе въ его низкихъ зачастую забавахъ. Исторія не должна сохранить воспоминаній объ этой слабости, однако нашъ Гарунъ аль Рашидъ не воображаетъ, насколько опасенъ его легкомысленный шагъ». Карлъ Старре понизилъ свой голосъ до

едва слышнаго шопота. «Они знаютъ о томъ и въ сумятицѣ карнавала совершатъ задуманное убійство.»

«Я готовъ впередъ служить моей родинѣ и королю Густаву, нетерпѣливо ожидая часа, когда поведетъ онъ насъ противъ датчанъ или русскихъ. Оберегать его отъ заговорщиковъ, послѣ того какъ недавно я самъ былъ однимъ изъ нихъ, не мое дѣло. На это нашлись бы другіе, но она желаетъ быть до конца новой нимфой Эгеріей, и я покоренъ ей. Въ толпѣ масокъ, въ пестротѣ карнавальныхъ процессій, въ ложахъ театровъ мы должны обнаружить скрытаго переодѣваніемъ короля. Позаботившись о томъ, чтобы самимъ не быть узнанными, мы будемъ слѣдить за всѣми приближающимися къ нему подозрительными личинами. Въ рѣшительную минуту та, кто называется теперь маркизой Сантъ Аньяно, предупредитъ короля. Передъ удивленными взорами Густава III, Фредерика Даленъ и всѣхъ окружающихъ она сниметъ свою маску, раскроетъ свое инкогнито, заявитъ о своемъ подвигѣ и признается въ своей любви ко мнѣ. Она надѣется этимъ снискать прощеніе мнѣ и согласіе короля на разводъ и на новый бракъ. Каковы бы ни были чувства ко мнѣ графа Даленъ, любовь къ своему монарху перевѣситъ ихъ и заставитъ его принести эту жертву. Я протяну ему обѣ руки въ знакъ вѣчнаго примиренія.»

Задумавшись, произносилъ Старре эти слова и казалось не помнилъ болѣе обо мнѣ. Внезапно онъ встрепенулся. «Уже темнѣетъ, Вендоло», воскликнулъ онъ, поднимаясь на ноги. «Расплатитесь съ трактирщикомъ. Не нужны ли вамъ деньги?» Небрежно онъ бросилъ на столъ нѣсколько золотыхъ монетъ. «Завтра утромъ маркиза Сантъ Аньяно будетъ васъ ожидать на виллѣ Мегрони. Дѣйствуйте осторожно. Прощайте.» Не прикоснувшись къ золоту, оставшемуся въ добычу перепуганному хозяину остеріи, я выбрался вонъ какъ разъ, когда фигура Старре скрывалась за придѣланнымъ къ углу улицы маленькимъ алтаремъ Мадонны.

Лампада уже успѣла зажечься передъ этимъ уличнымъ алтаремъ; солнце сѣло. Небо надъ головой пріобрѣло нѣжный оттѣнокъ вечера, но болѣе густая его синева дробилась вмѣстѣ съ алой окраской стоящаго рядомъ палаццо въ неспокойныхъ водахъ бассейна. Напрасно мечталъ я расположиться передъ

излюбленнымъ моимъ Треви съ беззаботностью живописца, съ сосредоточенностью гравера, исполняющаго давно задуманную серію фонтановъ Рима! Мнѣ не суждено было освободиться отъ опутывавшихъ меня сентиментальныхъ и трагическихъ хитросплетеній. Ни мои чувства, ни мои поступки не принадлежали мнѣ самому. Чужія руки держали нити, которыя заставляли меня дѣлать лишь судорожныя движенія маріонетки, подобныя тѣмъ, какими припалъ теперь на край бассейна, чтобы зачерпнувъ рукой воды освѣжить свой разгоряченный лобъ.

Не было ли чудовищно все то, что я услышалъ сейчасъ отъ Старре, сопоставленное съ обстоятельствами моей измѣны, о которой онъ ничего пе зналъ! Конечно, и безъ того надо было быть большимъ ребенкомъ, какъ онъ, чтобы повѣрить въ безсиліе иллюминатовъ, въ благодарность короля и великодушіе супруга Жюльетты. Все это были сказки, созданныя ею самой для умиротворенія своего грознаго и простосердечнаго друга. Эти сѣверныя женщины желаютъ руководить своими мужьями и возлюбленными точно маленькими дѣтьми!

Я не допускалъ мысли, чтобы сама она хотя одну минуту вѣрила въ изображенный Старре несбыточный апоѳеозъ. Жюльетта, чуткая и проницательная Жюльетта, могла ли она не замѣчать смыкающійся вокругъ нея все тѣснѣе и тѣснѣе роковой кругъ? Отдавшись, наконецъ, своему чувству къ Старре, она сожгла всѣ свои корабли. У нея не было и не могло быть будущаго, и она нарочно поставила надъ нимъ крестъ, чтобы захлебнуться настоящимъ въ эти послѣдніе дни.

Тяжесть свалилась съ моего сердца, я испыталъ странное цѣпи событій. Я былъ только слѣпымъ орудіемъ неумолимой облегченіе. Моя измѣна была лишь необходимымъ звеномъ въ судьбы. Завтра я увижу ее и признаюсь ей во всемъ безъ исключенія. Своими сѣрыми сіяющими глазами Жюльетта заглянетъ въ мои и до самого дна увидитъ мою душу. Она пойметъ меня и проститъ мое предательство и мое отчаяніе. Она протянетъ мнѣ свою руку; подлѣ нея, прижимая ея пальцы къ губамъ, я вновь испытаю сладкое чувство отдыха и острый уколъ желаній....

Мнѣ бросили горсть конфетти прямо въ лицо. Погруженный въ размышленія я машинально вышелъ на Корсо, уже

кипѣвшее всѣмъ возбужденіемъ карнавала. Я долго жилъ въ Венеціи, гдѣ карнавалъ тянется нѣсколько мѣсяцевъ, и гдѣ обычай носить маски составляетъ естественную черту жизни. По сравненію съ этимъ нашъ римскій праздникъ, продолжающійся всего нѣсколько дней, являетъ собой дикое зрѣлище. Бѣгъ неосѣдланныхъ лошадей, подгоняемыхъ трескомъ хлопушекъ, битва цвѣтами и мучнистыми шариками, тысячи дерзкихъ шутокъ, которыя продѣлываютъ съ равнымъ усердіемъ подростки и взрослые надъ тѣми, кто движется по мостовой, кто сидитъ въ экипажахъ и кто помѣщается на балконахъ и въ импровизированныхъ ложахъ — не переходитъ ли въ томъ веселость римскаго народа границъ забавы, и не похожа ли она болѣе на древне-языческое неистовство, овладѣвающее имъ разъ въ годъ?

Я вспомнилъ снѣжныя бури Россіи подъ этимъ сыплющимся всюду дождемъ бѣлыхъ конфетти. Рука моя невольно схватила на лету маленькій уже увядшій букетъ фіалокъ. Меня стиснули въ толпѣ, отпрянувшей отъ проѣзжавшей коляски, и я ощутилъ вдругъ всей грудью прижавшуюся ко мнѣ крѣпкую грудь молодой поселянки. Смѣясь, она глядѣла мнѣ въ лицо, ожидая, что моя рука обниметъ ея талію. Маски прыгали во кругъ меня и трубили мнѣ въ уши. Придерживая свой карманъ я едва не поймалъ маленькаго воришку, собиравшагося вытащить у меня кошелекъ.

Новое движеніе толпы разлучило меня съ поселянкой и выбросило почти къ дверцамъ проѣзжавшей кареты. Вскочивъ на ея подножку Пульчинеллы бормотали въ окно свои пасквинады. Я видѣлъ внутри сверкающіе задоромъ глаза красивой дамы. Лошади храпѣли, едва переступая ногами, и ослѣпленный градомъ конфетти кучеръ пересталъ ими управлять. Разсерженный взмахнулъ онъ бичемъ, толпа вновь разступилась вокругъ экипажа. Пока она не успѣла сомкнуться, арлекинъ прошелся колесомъ по мостовой съ акробатической ловкостью.

Понемногу я приближался къ улицѣ Бабуина, развлеченный суетой карнавала и позабывшій отчасти о трагическомъ смыслѣ, который пріобрѣтало теперь для меня это переодѣваніе. Изъ боковыхъ переулковъ валили новыя и новыя компаніи ряженныхъ. Зажгли бенгальскій огонь, освѣтившій безчисленныя причудливыя фигуры на балконахъ и въ ложахъ. Воз-

гласы улицы слились въ одинъ сплошной гулъ. Огромныя тѣни колебались на фасадахъ дворцовъ и фронтонахъ церквей. Сквозь ѣдкій дымъ глубоко синѣло небо весенняго вечера. Я повернулъ, наконецъ, за уголъ, когда стрѣла любви, брошенная хорошенькой женщиной, впилась въ меня такъ же искусно, какъ та, которой поразилъ меня однажды въ дѣйствительности маленькій, слѣпой и жестокій богъ.

Мнѣ оставалось пройти лишь нѣсколько шагавъ, и я медлилъ разстаться съ попавшей мнѣ въ руки игрушкой. Въ узкомъ виколо я слышалъ позади себя легкіе шаги, явственные и незаглушенные доносившимся съ Корсо ревомъ праздника. Вниманіе мое было отвлечено, однако, какъ только я вышелъ на улицу Бабуина, видомъ смутной фигуры, прижавшейся къ стѣнѣ у самыхъ воротъ моей мастерской. Я ускорилъ шагъ, переходя улицу. Фигура исчезла, и я остановился раздумывая объ этомъ происшествіи, когда преслѣдовавшая меня съ самого Корсо маска скользнула мимо, сунувъ мнѣ въ руку записку.

VIII.

Я перечитывалъ эту записку, взбираясь по склонамъ Яникула. «Синьора Вендоло предупреждаютъ въ послѣдній разъ не вмѣшиваться въ чужія дѣла. Въ противномъ случаѣ пусть не разсчитываетъ онъ на пощаду и будетъ готовъ раздѣлить участь тѣхъ, надъ кѣмъ приговоръ произнесенъ.» Либеліусъ дурно разсчитывалъ, если надѣялся запугать меня. Его угрозы производили на меня всегда обратное дѣйствіе. Еще вчера я тяготился замѣтной ролью, какая, повидимому, готовилась мнѣ въ надвигающихся событіяхъ, теперь его вызовъ совершенно преобразилъ меня. Я не былъ искателемъ опасностей, какъ Карлъ Старре, но я никогда не былъ и трусомъ. Мой здравый смыслъ сына народа не допускалъ, кромѣ того, чтобы кучка скрывавшихся отъ дневного свѣта фанатиковъ и злодѣвъ могла восторжествовать въ своихъ замыслахъ надъ честными людьми.

Меня смущало два обстоятельства. Мало встревоженный направленнымъ по моему адресу предупрежденіемъ, я былъ чувствителенъ къ словамъ, понятымъ мною какъ угроза Жюльеттѣ. Иллюминаты имѣли теперь всѣ основанія считать ее злѣйшимъ своимъ врагомъ, и одураченный ею Либеліусъ

уже, вѣроятно, построилъ планы мщенія ей. Мѣстопребываніе ея было извѣстно. Не оказывалась ли она беззащитной въ уедненномъ павильонѣ Мегрони при всей храбрости и силѣ Карла Старре, мало полезными въ этой борьбѣ съ хитростью и обманомъ?

Я вспоминалъ также таинственную фигуру, наблюдавшую за моимъ возвращеніемъ у дверей мастерской. Если преслѣдовавшая меня съ Корсо маска дѣйствовала по наущенію чернаго доктора, то кѣмъ былъ подосланъ этотъ исчезнувшій при моемъ приближеніи соглядатай? Мнѣ не приходилось особенно ломать голову, чтобы догадаться, что за моимъ жилищемъ былъ установленъ надзоръ заботами графа Даленъ. Итакъ Старре былъ правъ: король находился въ Римѣ или собирался сюда прибыть. За мной слѣдили, какъ за однимъ изъ участниковъ заговора, сдѣлавшагося извѣстнымъ графу Фредерику изъ собственныхъ моихъ словъ.

Супругъ Жюльетты не довѣрялъ мнѣ, считая меня предателемъ, способнымъ на двойную измѣну. Онъ ничего не зналъ объ истинныхъ намѣреніяхъ ея самой и продолжалъ въ ней видѣть преступницу, отъ которой слѣдовало охранять всѣми средствами честь своего имени и жизнь своего короля. Онъ вѣрилъ въ ея союзъ съ иллюминатами; ненависть къ любовнику жены соединялъ онъ теперь съ ненавистью къ врагамъ Густава III. Я одинъ былъ повиненъ въ его заблужденіи, создавшемъ для Жюльетты новую и еще болѣе грозную опасность. Какія мнѣ надлежало принести жертвы, чтобы искупить мою передъ нею вину!

Съ предосторожностями я поднялся по безлюднымъ дорогамъ Яникула. Эта кажущаяся ихъ тишина, эта утренняя ясность небесъ и свѣжесть затѣненныхъ переулковъ не разувѣрили меня: я спѣшилъ. Я увидѣлъ раскрытое окно въ павильонѣ Мегрони и прежде чѣмъ постучаться въ дверь, приблизился къ нему. Юлія Даленъ сидѣла за маленькимъ столикомъ, погруженная въ задумчивость, перебирая рукой нить жемчуга. Нѣсколько мгновеній я не шевелился и глядѣлъ на нее. Да, это была она, и не видя ея глазъ я угадывалъ сіяніе ихъ въ отсвѣтахъ крупныхъ жемчужинъ. Съ ея локономъ игралъ втекавшій въ окно утренній вѣтеръ, скользя вокругъ ея шеи и плечъ, озолоченныхъ солнцемъ юга . . .

Жюльетта подняла голову и слегка вскрикнула. «Я ждала васъ», негромко сказала она, «я вспоминала нашу первую встрѣчу. Вотъ тотъ же жемчугъ, онъ тусклъ теперь и печаленъ, какъ все, что ожидаетъ меня. Войдите, Старре нѣтъ, впрочемъ онъ знаетъ о посѣщеніи». Не смѣя упасть къ ея ногамъ, я стоялъ передъ нею и цѣловалъ отданныя мнѣ руки. Жюльетта глубоко вглядѣлась въ меня, потомъ отвернулась къ окну и вздохнула. «Сядьте», сказала она, тихонько высвобождая свои руки и указывая на низенькій стулъ.

«Вы, можетъ быть, спасли мою жизнь, но я погубилъ васъ!» воскликнулъ я, совершая свои признанія. Она вновь обратилась ко мнѣ, ея брови нѣсколько сдвинулись. Она дожидалась, и я, не утаивая и не смягчая ничего, началъ свой разсказъ. Она выслушала меня не прерывая, съ обычнымъ своимъ хладнокровіемъ. «Я ждала чего нибудь въ этомъ родѣ», произнесла она, обращаясь къ самой себѣ. «Вы много напутали и вамъ самому придется распутывать клубокъ, но объ этомъ послѣ», сказала она спокойно, когда я кончилъ. «Мой другъ, не думайте о своей винѣ и измѣнѣ. Я такъ же виновата передъ вами, и я измѣнила вамъ. Но никакой вины и никакой измѣны нѣтъ для того, кто видитъ судьбу вещей, независящую отъ нашей ограниченной воли.»

«Моя судьба опредѣлилась. Скрывая нашу любовь отъ Старре, я не только хотѣла спасти васъ. Я оберегала то, что было однажды дорого мнѣ самой въ моей жизни. Но мы живемъ не вѣчно, мой бѣдный Орсоло! Всему приходитъ конецъ, и могила подстерегаетъ насъ. Я возвратилась къ Старре, какъ возвращаются на родину умирать. Живите, помните обо мнѣ. Не удивляйтесь тому, что я говорю это, сидя здѣсь рядомъ съ вами. Развѣ не чувствуете вы преградъ, которыя уже раздѣлили насъ, преградъ, черезъ какія не переступалъ ни одинъ смертный?»

Свойственнымъ ей рѣзкимъ движеніемъ Жюльетта поднялась съ мѣста. «Не думайте, что я отказалась отъ борьбы», воскликнула она. «Я продолжаю быть той Эгеріей, какой меня называли въ насмѣшку. Густавъ III вернется въ свое отечество цѣлъ и невредимъ, чего бы это ни стоило мнѣ. Мы сейчасъ обсудимъ планъ дѣйствій, и какъ никто другой вы поможете мнѣ. Но васъ я не стану убѣждать въ счастливой для всѣхъ

развязкѣ. Не постарались ли вы сами испортить ее! Я не упрекаю васъ — такъ было нужно. Я смутно предчувствовала великую неудачу, благодаря вамъ я начинаю явственно видѣть ее. Помните ли вы флаконъ, посланный мнѣ Старре? Я ко всему готова, располагая этимъ послѣднимъ лекарствомъ.»

Невольно закрылъ я лицо руками, пораженный жестокостью послѣднихъ ея словъ. «Довольно ребячествъ», воскликнула она, «займемся дѣломъ. Убѣждены ли вы, что въ эту самую минуту никто не подслушиваетъ насъ.» Я выглянулъ изъ окна, все было благополучно въ оградѣ виллы Мегрони. Придя въ себя, я сталъ убѣждать Жюльетту въ опасности дальнѣйшаго пребыванія здѣсь. Мои доводы подѣйствовали на нее. Какъ мы могли бы противодѣйствовать showkнямъ иллюминатовъ, если каждый нашъ шагъ сталъ бы легко имъ извѣстенъ? Было рѣшено, что съ наступленіемъ темноты маркиза Сантъ Аньяно и кавалеръ Спада, подъ видомъ вечерней прогулки, переселятся на винья Миньятелли. Я взялся предупредить о томъ гостепріимныхъ моихъ стариковъ.

Съ величайшей охотой я вызвался обнаружить присутствіе короля. Если Густавъ III дѣйствительно собирался тайно прибыть въ Римъ, Бьянкони, обратившійся въ поставщика его удовольствій, долженъ былъ знать объ этомъ. Отъ меня зависѣло принудить литератора развязать свой языкъ, и я былъ готовъ для того прибѣгнуть къ крайнимъ средствамъ. Что бы ни говорила Жюльетта, я чувствовалъ свой грѣхъ передъ ней и жаждалъ загладить свою вину. Она была права — поступокъ мой смѣшалъ всѣ нити интригъ, но если бы у меня не хватило умѣнія распутать клубокъ, я былъ обязанъ разрубить его сталью.

Мы уговорились встрѣтиться завтра на винья Миньятелли, куда устремился я теперь, чувствуя необыкновенный приливъ силъ. Сладостная мечта о подвигѣ, совершенномъ безкорыстно и безразсудно, несла меня точно на крыльяхъ. Жюльетта поставила крестъ надъ своей жизнью, надъ своимъ прошлымъ, которое было вмѣстѣ съ тѣмъ и моимъ. Наши дни на виллѣ Бріули были ея лучшими и счастливѣйшими днями. Мысль объ этомъ наполняла меня гордостью. Сердце сѣверянки не хотѣло повѣрить въ безпредѣльность счастья, которому не сопутствуетъ роковая расплата. Жюльетта спѣшила уплатить судь-

бѣ свой долгъ. Надо было родиться въ отечествѣ мрачныхъ божествъ, въ странѣ низкихъ солнцъ, долгихъ зимъ и бессонныхъ лѣтнихъ ночей, чтобы ощущать въ самихъ радостяхъ любви тѣнь смерти. Я выросъ подъ инымъ небомъ и въ худшія для меня мгновенія привыкъ благословлять жизнь, любить блескъ утръ, свѣжесть воды, улыбку женщинъ, и все же я не настолько дорожилъ собственнымъ существованіемъ, чтобы въ нужную минуту не умѣть пожертвовать имъ.

Переговоривъ съ Целестиной и Паоло Буцци, я возвратился въ городъ. Поздно вечеромъ постучался я въ дверь Бьянкони. Литераторъ впустилъ меня, но видимо быстро раскаялся въ этой уступчивости. Я продолжалъ казаться ему чѣмъ то вродѣ опаснаго сумасшедшаго. Его глаза быстро забѣгали, и рука невольно тянулась къ звонку, чтобы позвать отсутствовавшаго слугу. Желая избавить его отъ напраснаго искушенія, я взялъ звонокъ и спряталъ его въ карманъ. «Успокойтесь, синьоръ Бьянкони», воскликнулъ я. «Я нахожусь въ здравомъ умѣ и не собираюсь посягать ни на вашу жизнь, ни на ваше имущество. Я не нуждаюсь ни въ деньгахъ, которыя вы такъ бережете, ни въ совѣтахъ, которые вы такъ щедро любите давать.»

Наблюдая за мной хитрецъ въ самомъ дѣлѣ успокоился. Онъ совсѣмъ облегченно вздохнулъ, когда я задалъ ему волновавшій меня вопросъ. Бьянкони не былъ посвященъ въ существованіе заговора, я безъ труда убѣдился въ этомъ, видя мучительныя догадки, которыя дѣлалъ онъ о цѣли моихъ розысковъ. Онъ вѣроятно предполагалъ, что подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ я хочу выманить у его сѣвернаго покровителя крупный кушъ. Лицо литератора пріобрѣло обычную для него важность, онъ заявилъ, что не въ правѣ дѣлиться ни съ кѣмъ довѣренными одному ему придворными тайнами. По мѣрѣ того, какъ я тщетно убѣждалъ его, отвѣты его становились грубѣе, онъ выказалъ, наконецъ, явное желаніе выпроводить меня вонъ.

Я началъ терять терпѣніе; усѣвшись глубже въ занятое мной безъ всякаго приглашенія покойное кресло, я выложилъ на столъ заряженный пистолетъ. Бьянкони выбранилъ меня сквозь зубы разбойникомъ, его глаза вновь обѣжали комнату. Рядъ плотныхъ дверей отдѣлялъ ее отъ всяческаго другого жилья. Я напомнилъ этому упрямому ослу, что никто не ви-

далъ, какъ я входилъ къ нему и что, слѣдовательно, я могъ безпрепятственно удалиться, оставивъ его лежать съ дырой въ черенѣ. Моя нартія была выиграна. Бьянкони пожалъ плечами, нескромность, которую я требовалъ отъ него, показалась ему въ сущности маловажной. Еще разъ выбранившись, онъ сообщилъ, что графъ Хага со всей своей свитой намѣренъ принять участіе въ карнавальныхъ забавахъ, сохраняя строжайшее инкогнито, въ богатомъ костюмѣ индійскаго принца, окруженнаго тѣлохранителями и браминами.

На слѣдующее утро, среди тишины винья, видѣвшей столько моихъ беззаботныхъ дней, мы обсуждали вмѣстѣ съ Юліей Даленъ дальнѣйшій нашъ образъ дѣйствій. Она благоразумно избавила меня отъ зрѣлища, которое могло пробудить въ моей душѣ худшія чувства: я не видалъ ее вмѣстѣ со Старре и не слыхалъ бесѣды ихъ между собой, которая звукомъ самыхъ простыхъ словъ могла бы напомнить мнѣ о существовавшей между ними близости. Карлъ Старре вернулся, казалось, къ прежнему своему увлеченію: взявъ ружье моего родича удалился онъ съ ранняго утра стрѣлять птицъ въ просторахъ Кампаньи.

Прогуливаясь, мы остановились подлѣ дубовъ священной рощи. «Старре послушенъ какъ ребенокъ», сказала Жюльетта. «Я убѣдила его, что вмѣшательство его пока безполезно. Тѣ карнавальные наряды, какіе онъ заказалъ, могутъ остаться безъ употребленія. Послѣ всего, что вы разсказали, его участіе испортило бы намъ дѣло. Я полагаю, впрочемъ, что оно наполовину уже сдѣлано вами и не вижу, почему бы вы не могли довести его до конца. Вы безъ труда найдете индійскія маски на Корсо и, воспользовавшись какимъ любо случаемъ, передадите тому, кто будетъ одѣтъ принцемъ, изъ рукъ въ руки мое письмо.»

Жюльетта поглядѣла на меня и улыбнулась со своей прежней веселостью. «Еще одно письмо, Орсоло!» воскликнула она. «Еще одинъ разъ я обращаюсь къ вамъ съ такой просьбой. Мой милый Меркурій, сослужите мнѣ эту послѣднюю службу. Король Густавъ не откажется выслушать меня подъ строгимъ секретомъ. Я назначаю ему свиданіе на исходѣ третьяго дня, въ часъ, когда зайдетъ солнце. Довольно ли я даю вамъ времени? Я подпишусь Эгеріей, и онъ пойметъ, кто призываетъ

его. Гдѣ я могла бы найти лучшее мѣсто для нашей встрѣчи, чѣмъ этотъ гротъ моей древней предшественницы, тамъ внизу!»

Я подчинился безъ возраженій всѣмъ желаніямъ той, кому столько лѣтъ привыкъ повиноваться. На груди я спряталъ довѣренное мнѣ письмо. Лихорадка дѣйствія уже овладѣла мной, молчаніе полей, шорохъ вѣтра, казались мнѣ обманчивыми и неуспокоительными. Я спѣшилъ покинуть Жюльетту, не намѣреваясь въ этотъ день возвращаться въ свое жилище. Не замѣтилъ ли я вчера ночью новаго соглядатая на улицѣ Бабуина, и не пытался ли подозрительный незнакомецъ сегодня преслѣдовать меня по пятамъ, пока я не отдѣлался отъ него, пользуясь знаніемъ Рима?

Ворвавшись въ мастерскую пріятеля, французскаго скульптора, квартировавшаго на виллѣ Медичи, я объявилъ ему, что долженъ переночевать у него, хотя бы въ корытѣ съ гипсомъ После того я попросилъ его добыть мнѣ бѣлое домино, увѣренный, что этотъ нарядъ, какихъ было такъ много на Корсо, поможетъ мнѣ лучше всякаго иного укрыться отъ сообщниковъ Либеліуса и отъ шпіоновъ графа Даленъ. Сговорчивый мой французъ, предполагая, что рѣчь идетъ о любовной интригѣ, охотно согласился добыть мнѣ шутовскій костюмъ и предоставилъ мнѣ мѣсто ночлега на кучѣ тряпья въ углу своей мастерской.

Я былъ веселъ и возбужденъ, когда въ памятные мнѣ дни слился на римскихъ улицахъ съ карнавальной толпой. Трагедія, въ которой я такъ долго былъ незамѣтнымъ участникомъ, отъ которой я еще недавно такъ страстно желалъ освободить себя, вновь захватила меня цѣликомъ и выдвинула на авансцену. Кому принадлежала теперь болѣе видная и болѣе опасная въ ней роль — храброму Старре, спокойно подстрѣливающему въ эту минуту птичекъ Кампаньи, Юліи Даленъ, нетерпѣливо ожидающей часа свиданія въ гротѣ Эгеріи, или мнѣ одному, полному настороженности въ беззаботной и праздной толпѣ, скрывающему подъ бѣлымъ балахономъ важнѣйшее письмо, рядомъ съ короткимъ кинжаломъ, окруженному врагами и недоброжелателями, поклявшемуся восторжествовать надъ хитростью первыхъ и предусмотрительностью вторыхъ?

Мнѣ трудно было бы описать въ строгой послѣдовательности событія этихъ необыкновенныхъ дней. Блескъ весенняго солнца и рѣзкія пятна масокъ ослѣпляли меня, смѣхъ и говоръ карнавальнаго люда смѣшивались въ моихъ ушахъ въ одинъ сплошной гулъ. Не чувствуя усталости, блуждалъ я между пьяццей Венеція и пьяццей дель Пополо, устремляясь въ самую гущу толпы, преслѣдуя экипажи, почему либо привлекшіе мое вниманіе, оглядывая каждую ложу и каждое окно на всемъ протяженіи Корсо. Меня толкали и тискали, моя круглая черная маска была покрыта бѣлой пылью разбившихся о нее конфетти, вокругъ моей шеи свились цѣлые пуки бумажныхъ лентъ. Уличныя красотки изподтишка пожимали мнѣ руку, дерзкій арлекинъ угощалъ меня пребольно пинкомъ своей пестрой ноги, Пульчинеллы, взявъ меня за руки гнусавили изъ-подъ своихъ крючковатыхъ носовъ мнѣ въ уши разныя глупости. Вырвавшись отъ иихъ я бросался въ первую попавшуюся остерію, гдѣ лишь слегка приподнявъ маску наскоро пожиралъ макароны и проглатывалъ стаканъ вина.

Въ ту самую минуту, когда готовился бѣгъ лошадей, я пробирался по Корсо напротивъ палаццо Кедони. Середина улицы уже была пуста, экипажи укрылись въ боковыхъ переулкахъ, толпа пѣшеходовъ и масокъ, взволнованная предстоящимъ состязаніемъ, жалась къ стѣнамъ домовъ. Случайно я поднялъ голову, и въ парадной ложѣ палаццо увидѣлъ группу богато наряженныхъ индійскихъ гостей. Сказочный принцъ въ зеленомъ тюрбанѣ, съ высокимъ бѣлымъ перомъ, неподвижно сидѣлъ впереди; бородатые брамины въ длинныхъ хламидахъ цвѣта радуги склоняли къ нему свои важныя головы, тѣлохранители держали надъ нимъ зонтики и опахала. Я различалъ накрашенныя коричневой краской лица, сверканіе безчисленныхъ поддѣльныхъ камней, матовость шелка, переливы атласа. Не я одинъ былъ заинтересованъ этимъ зрѣлищемъ: сосѣдки мои не стѣснялись громко выражать свое восхищеніе имъ.

Въ первую секунду я замеръ отъ внезапнаго счастья своей удачи, затѣмъ, позабывъ все на свѣтѣ, кинулся черезъ улицу, пересѣкая дорогу уже мчавшимся на меня барбари. Невольно я остановился передъ летѣвшимъ на меня ураганомъ. Было почти поздно, мостовая дрожала отъ грохота копытъ, мелькали

раздутыя ноздри, налитые кровью глаза и разгоряченныя тѣла никѣмъ не управляемыхъ скакуновъ. Я не погибъ лишь оттого, что устремлявшійся на меня великолѣпный сѣрый конь, повинуясь инстинкту отпрянулъ въ сторону, навалившись при этомъ на дикихъ своихъ соперниковъ. Сильныя руки ухватили меня сзади за балахонъ и втащили въ толпу. Меня окружили возбужденные сторонники скакуна Акваспарта, успѣху котораго я, по ихъ мнѣнію, умышленно помѣшалъ. Другіе старались освободить меня, завязалась драка. Чтобы лучше расправиться со мной меня увлекли въ переулокъ. Уже маска свалилась съ меня, и домино мое трещало по всѣмъ швамъ. Если бы въ пылу схватки былъ обнаруженъ спрятанный мною кинжалъ, дѣло могло принять дурной для меня оборотъ. Письмо Юліи Даленъ могло попасть въ лапы полиціи. Понимая опасность, грозившую мнѣ, я отбивался руками и ногами, и былъ доволенъ, когда мнѣ наконецъ удалось вырваться отъ взбѣсившихся моихъ согражданъ, цѣной подбитаго глаза и струйки крови, стекавшей по запачканной мукой конфетти щекѣ.

Приведя себя въ порядокъ, сбросивъ изодранное домино, я сдѣлалъ обходъ и вновь выбрался на Корсо. Бѣгъ кончился, экипажи текли по срединѣ улицы сплошной рѣкой, вокругъ нихъ гримасничали, ревѣли и кривлялись маски. Балконъ Кедони былъ пустъ. Не опасаясь съ открытымъ лицомъ быть узнаннымъ, я вбѣжалъ въ подъѣздъ. Швейцаръ съ булавой преградилъ мнѣ путь, нѣмой ко всякимъ моимъ разспросамъ. Фигура сбира показалась въ глубинѣ, медленно направляясь къ дверямъ; мнѣ не оставалось ничего другого, какъ скрыться въ толпѣ.

Безцѣльно и безрезультатно я бродилъ въ тотъ день по улицамъ до поздняго вечера, не обращая вниманія на шутки, которыя вызывалъ явственно видимый подъ моимъ глазомъ синякъ. Дойдя до полнаго изнеможенія, я поднялся, наконецъ, по ступенямъ Испанской лѣстницы. Съ ея верхней площадки я не оглянулся на мой родной городъ, скрывавшій мнѣ одному вѣдомую трагедію подъ шутовской личиною карнавала. Въ мастерской моего скульптора ожидала меня куча тряпья, и я протянулся на ней. Я долго не могъ заснуть, но притворился спящимъ, когда возвратился пріятель мой, распространяя вокругъ запахъ вина и, наклонившись со свѣчой въ рукахъ

надо мною, слегко присвистнулъ при видѣ моей разукрашенной физіономіи, потрогивая меня въ бокъ носкомъ своего башмака.

Я пробудился на другой день полный новой бодростью. Французъ, подтрунивая надо мной, не отказался вновь добыть для меня маску и домино. Слѣдъ, оставленный на моемъ лицѣ вчерашнимъ приключеніемъ, страннымъ образомъ заставилъ его болѣе уважать меня. Пока онъ надѣвалъ фартукъ, чтобы взяться за гипсъ, я уже выбѣжалъ вонъ на поиски индійскаго принца.

Было больше чѣмъ вѣроятно, что я обнаружу его среди обѣщанной въ этотъ день процессіи экипажей. Безъ особаго нетерпѣнія дожидался я оттого приближенія вечера. Я не ошибся. Въ вереницѣ каретъ и открытыхъ колясокъ я вскорѣ увидѣлъ одну, утопавшую въ цвѣтахъ и наполненную восточными фигурами, тщетно пытавшимися пріобрѣсти приличествовавшую имъ серіозность. Гулъ одобренія сопутствовалъ ей. Высокое перо надъ тюрбаномъ принца кивало то вправо, то влѣво, сопровождая милостивые его поклоны. Пѣшія маски вскакивали одна за другой на подножку экипажа, и сидѣвшимъ въ немъ стоило немалаго труда отбиться отъ назойливыхъ шутниковъ, покушавшихся на цвѣточное убранство.

Стащивъ безъ церемоніи одного слишкомъ развязнаго Паскаріелло, я поспѣшилъ самъ занять его мѣсто. Передъ собой на заднемъ сидѣніи я видѣлъ принца среди двухъ браминовъ; два тѣлохранителя помѣщались напротивъ нихъ. Мнимый принцъ заслонился рукой отъ летѣвшаго въ него букета, голубой брилліантъ сверкнулъ на его пальцѣ. Сомнѣній не было: «Ваше Величество!» воскликнулъ я, доставая письмо.

Мягкій ударъ сбросилъ меня прямо на мостовую въ эту минуту. Мнѣ показалось, что я узналъ смѣхъ Фредерика Даленъ. Полагая, что имѣетъ дѣло съ карнавальной проказой, онъ еще грозилъ мнѣ шутовскимъ своимъ опахаломъ. Въ крайнемъ волненіи я былъ готовъ сорвать съ лица маску. Передо мной уже катились другія кареты. Мальчишки, взявшись за руки, плясали вокругъ меня, пока я вставалъ на ноги. Растолкавъ ихъ, я бросился догонять украшенную цвѣтами коляску. Она не занимала болѣе своего мѣста въ процессіи, повидимому свернувъ въ сторону передъ пьяццей Колонна.

Я сразу пришелъ въ отчаяніе и потерялъ присутствіе духа. Жюльетта будетъ тщетно ожидать завтра въ гротѣ нимфы Эгеріи своего короля, и кто еще знаетъ, что можетъ случиться съ ней или съ нимъ за завтрашній день. Не въ силахъ сносить болѣе своего возбужденія, я задавалъ встрѣчавшимся маскамъ безсмысленные вопросы, умоляя сказать, не видали ли онѣ гдѣ, нибудь индійскаго принца. Мнѣ отвѣчали всякими несообразностями, одна цвѣточница увѣряла меня, что приведетъ къ тому, кого я искалъ, и я какъ баранъ слѣдовалъ за ней, пока не убѣдился, что она желаетъ привести меня къ себѣ на постель.

Незамѣтно подкрался вечеръ. Неистовство карнавала перешло всѣ границы. Компанія масокъ, одѣтыхъ волосатыми обезьянами, пугала женщинъ, визжавшихъ отъ страха и удовольствія. Въ другихъ, болѣе мирныхъ мѣстахъ, начались танцы, бенгальскіе огни освѣщали ужимки поворотливыхъ арлекиновъ и несмѣлыя па импровизированныхъ коломбинъ. Сумасбродство охватило весь городъ: не умѣщаясь на Корсо, праздникъ разлился по всѣмъ его улицамъ. Столы и стулья остерій были вытащены на площади и на перекрестки. Чадъ кушаній мѣшался съ пороховымъ дымомъ фейерверковъ, дребезжаніе посуды, звяканіе стакановъ заглушали голоса пѣвцовъ и звонъ гитаръ.

Мнѣ попадались теперь пьяные. Одинъ изъ нихъ уцѣпился за мой рукавъ. Отдѣлавшись отъ него, я очутился передъ входомъ въ театръ. Арапъ въ красной фескѣ, стоявшій у самыхъ дверей, шепнулъ мнѣ на ухо: «принцъ здѣсь». Я вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ и оглянулся на ряженаго; все поплыло передо мной, какъ во снѣ. Выпяченныя губы на вымазанномъ сажей лицѣ улыбались мнѣ самымъ естественнымъ образомъ. Не почудился ли мнѣ слетѣвшій съ нихъ шепотъ? Боясь переспрашивать, я отдался теченію и влился съ толпой въ залъ. Кончался антрактъ между первымъ и вторымъ актомъ комической оперы. Въ партерѣ стоялъ невообразимый гамъ, не окончившійся и тогда, когда взвился занавѣсъ и второстепенные актеры начали исполнять свой речитативъ. Не обращая вниманія на сцену, я обводилъ лихорадочнымъ взглядомъ ложи. Въ глубинѣ одной изъ нихъ я различилъ съ

замираніемъ сердца коричневое лицо, зеленый тюрбанъ и бѣлое перо. Я сдѣлалъ движеніе, чтобы уйти, но сосѣди насильно усадили меня, театръ внезапно стихъ, воцарилась торжественная тишина. Волей неволей я долженъ былъ выслушать арію.

Мелкими шажками на сцену вышелъ мой старый знакомый, синьоръОраціо Баффи. Несмотря на короткую курточку изображаемаго имъ юнца, Боже, какъ онъ постарѣлъ! Держась съ обычнымъ достоинствомъ онъ выжидалъ, пока пронесется взрывъ апплодисментовъ. Его голосъ звучалъ еще недурно, но двѣ или три фальшивыя ноты заставили партеръ насторожиться. Замѣтно волнуясь, пѣвецъ приближался къ патетическому tremolo. Съ какимъ скандаломъ оно сорвалось! На мгновеніе театръ замеръ въ негодованіи, затѣмъ послышались разрозненные свистки. Внезапнымъ жестомъОраціо Баффи остановилъ оркестръ; сложивъ руки у рта въ видѣ рупора, онъ произнесъ несвойственнымъ ему басомъ «скоты».

Послѣдовало нѣчто невѣроятное. На сцену летѣли тухлыя яйца, гнилыя яблоки, объѣдки артишоковъ и брокколи. Всѣ повскакали со своихъ мѣстъ. Пользуясь случаемъ я выбрался изъ зала и взбѣжалъ по лѣстницѣ. На закругленіи пустыннаго еще корридора, у дверей шестой ложи меня дожидался арапъ. Онъ улыбался мнѣ и кивалъ, приглашая войти. Безразсудно я распахнулъ низкую дверь. Въ тѣсномъ пространствѣ аванложи сильныя руки схватили меня и повалили на полъ. Мокрая тряпка засунутая мнѣ въ ротъ помѣшала мнѣ вскрикнуть.

IX.

Надъ собою я видѣлъ въ полутьмѣ ложи смутныя движущіяся фигуры въ восточныхъ одеждахъ. Мнѣ крѣпко связали руки и ноги. Одинъ изъ браминовъ снялъ маску съ привязанной къ ней бородой, я узналъ въ немъ Либеліуса. Опустившись рядомъ со мной на колѣни, онъ принялся обшаривать мои карманы, не удостоивъ меня какимъ либо знакомъ своего торжества. Письмо оказалось въ его рукахъ, онъ вскрылъ его и поспѣшилъ прочесть, дѣлясь его содержаніемъ съ тѣмъ; въ

комъ подъ нарядомъ индійскаго принца узналъ я главнаго иллюмината. На мгновеніе я увидѣлъ обращенныя въ мою сторону ихъ лица, они показались мнѣ сумрачными и озабоченными. Но на мою голову уже надвинули до самаго подбородка огромный тюрбанъ, мѣшавшій мнѣ что либо видѣть. Другіе закутывали меня покрываломъ. Меня подняли на плечи и понесли.

Я до сихъ поръ удивляюсь той смѣлости, съ какой иллюминаты вынесли меня изъ театра, еще переполненнаго не успѣвшей разсѣяться публикой. Они ловко воспользовались вольностью карнавала и своему дѣйствію придали видъ забавы. Я слышалъ остроты, сыпавшіяся на меня градомъ, зловѣщіе мои компаньоны отвѣчали на нихъ, какъ могли. Я различалъ поддѣльно гнусавый голосъ браминовъ, объявлявшихъ ко всеобщему удовольствію, что ихъ сотоварищъ убитъ гнилымъ кочаномъ капусты вмѣсто негоднаго Ораціо Баффи. Ночная свѣжесть, проникшая подъ тюрбанъ, дала мнѣ понять, что мы очутились на улицѣ. Меня влекли быстро, безостановочно. Я слышалъ шаги смертельныхъ моихъ враговъ, но не разбиралъ нѣмецкихъ словъ, которыми они въ нѣкоторомъ возбужденіи продолжали обмѣниваться. Я угадывалъ, какъ останавливались проходящіе глядя на насъ. Компаніи масокъ попадались намъ навстрѣчу, и одна изъ нихъ видимо пыталась завладѣть бреннымъ моимъ тѣломъ. Съ какимъ волненіемъ ожидалъ я исхода этой шуточной битвы и какъ желалъ побѣды неизвѣстнымъ моимъ избавителямъ!

Мы продолжали двигаться, улицы окружавшія насъ стали безлюдны. Носильщики ворчали и тихо бранились надъ самымъ моимъ ухомъ. Внезапно они остановились, я различилъ топотъ бѣгущихъ ногъ, рѣзкій свистъ прорѣзалъ тишину уединеннаго квартала. Мои похитители стремительно ринулись впередъ и сдѣлали нѣсколько крутыхъ поворотовъ. Я напрягалъ слухъ, новая надежда зашевелилась во мнѣ. Я почувствовалъ вдругъ, что падаю внизъ и всѣмъ своимъ тѣломъ рухнулъ на каменный полъ. Несмотря на тюрбанъ я больно стукнулся головой, въ ушахъ у меня зазвенѣло, я не услышалъ, какъ разбѣжались носильщики. Когда я прислушался, все было тихо и безмолвно вокругъ.

Изъ данныхъ человѣку пяти чувствъ въ моемъ распоряженіи оставались лишь обоняніе и слухъ. Первое изъ нихъ позволило мнѣ догадаться, что я былъ брошенъ въ водосточную канаву. Я ощущалъ невыносимый запахъ нечистотъ и отвратительную сырость, быстро проникавшую сквозь покрывшія меня шутовскія одежды. Съ ужасомъ ждалъ я конца, настигшаго меня въ этомъ позорномъ мѣстѣ. Постепенно, однако, самообладаніе возвратилось ко мнѣ. Злодѣи покинули меня, невѣдомое чудо спасло мнѣ жизнь. Неблагодарностью съ моей стороны было бы предполагать въ этомъ лишь временную отсрочку.

Связанный по рукамъ и ногамъ, полузадушенный тряпкой заполнившей мнѣ ротъ и зловоніемъ, втягиваемымъ моими ноздрями, я обратилъ тѣмъ не менѣе къ небу горячую благодарственную молитву.

За себя я могъ быть относительно спокоенъ. Что то подсказывало мнѣ, что Либеліусъ не вернется искать меня въ водосточной канавѣ. Тревога, сопровождавшая всѣ движенія заговорщиковъ, заставляла меня думать, что они заняты чѣмъ-то другимъ. Они раздѣлались со мной окончательно, хотя быть можетъ и не такъ, какъ того хотѣли. Величайшая опасность, угрожавшая мнѣ, миновала, но для Юліи Даленъ, она еще продолжала существовать. Письмо, довѣренное мнѣ, попало не въ тѣ руки, разбойники могли воспользоваться имъ. Въ первое мгновеніе мысль эта заставила меня похолодѣть отъ ужаса. Набравшись спокойствія въ невольномъ моемъ досугѣ, я принялся, однако, разсуждать. Не буду же я вѣчно лежать въ этой канавѣ. Случайный прохожій развяжетъ меня, быть можетъ, еще въ теченіе ночи, и нѣтъ никакихъ сомнѣній, что съ наступленіемъ утра я буду освобожденъ. Въ моемъ распоряженіи окажется цѣлый день. Не достаточно ли мнѣ этого, чтобы предупредить Жюльетту и тѣмъ разстроить замыселъ иллюминатовъ?

Мнѣ оставалось ждать, и этому занятію я предался съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ. Я жадно прислушивался. Время отъ времени до моего слуха достигала заглушенная волна звуковъ утихающаго карнавала. Я слышалъ голоса, казавшіеся мнѣ близкими и затѣмъ удалявшіеся. Двое прохожихъ прошли дѣловымъ шагомъ гдѣ-то невдалекѣ отъ меня. Никакимъ спосо-

бомъ я не могъ бы дать имъ знать о моемъ существованіи. Тишина ночи становилась полнѣе. Я различалъ лишь шорохъ крысъ, безъ церемоніи разгуливающихъ по мнѣ, не въ такомъ однако количествѣ, чтобы я опасался быть заживо съѣденнымъ этими животными.

Приближеніе компаніи запоздалыхъ гулякъ подало мнѣ новыя надежды. Я слышалъ смѣхъ женщинъ; пятеро или шестеро карнавальныхъ друзей, принадлежавшихъ, вѣроятно, къ неслишкомъ хорошему обществу, горланили, икали и цѣловались надъ самой моей головой. Я былъ замѣченъ; шумно выражая свое удовольствіе, компанія остановилась у моей канавы. Принимая меня за мертвецки пьянаго, мнѣ орали всевозможныя непристойности. Одни затянули дурацкую панихиду, въ то время какъ другіе кидали въ меня комками грязи. Самая смѣлая изъ безстыдницъ спустилась, наконецъ, внизъ и при громкомъ хохотѣ своихъ подругъ совершила надо мной то же самое, что сдѣлала у Луція Апулея надъ бѣднымъ Аристоменомъ ѳессалійская колдунья.

Не знаю, когда мое бѣшенство было болѣе сильнымъ и бобѣе безпомощнымъ, тогда ли, когда я претерпѣвалъ эти жестокія въ моемъ положеніи издѣвательства, или тогда, когда компанія, пресытившись мной, стала медленно удаляться, пожелавъ мнѣ храпѣть до утра среди нечистотъ. Освобожденіе наступило для меня въ самомъ дѣлѣ не ранѣе того часа, когда взошло солнце. Старый тряпичникъ трясущимися отъ страха руками развязалъ врѣзавшіяся въ мое тѣло веревки. Я всталъ передъ нимъ какъ выходецъ съ того свѣта и скинувъ въ добычу ему зловонное тряпье, растерзанный и все еще распространяющій дурной запахъ, пустился бѣжать.

Я пролежалъ ночь въ древней и новой клоакѣ близъ Велабро. Свѣжесть и ясность утра опьянили меня. Руководимый смутнымъ инстинктомъ, я направился въ сторону капитолійской лавки. Я долго стучался у дверей, пока въ окошко не выглянула украшенная ночнымъ колпакомъ голова красиваго синьора Специали. Онъ изобразилъ на своемъ лицѣ явное неодобреніе столь очевидно постигшимъ меня ночнымъ злоключеніямъ и съ замѣтной сдержанностью впустилъ меня подъ свой кровъ,

Планъ дѣйствій сложился между тѣмъ въ моемъ умѣ. Я рѣшилъ не только разстроить замыслы иллюмннатовъ, но и наказать ихъ достойнымъ образомъ. Готовя другимъ ловушку, пусть сами они попадутъ въ нее. Въ гротѣ нимфы Эгеріи, въ часъ, когда опустится солнце встрѣтятъ они не беззащитную Юлію Даленъ, но меня и Карла Старре, должнымъ образомъ вооруженныхъ и готовыхъ свести съ ними старые и новые счеты.

Когда добрые римскіе граждане пробудились въ сосѣднихъ домахъ, я позвалъ мальчика отъ портного Бенчетти и велѣлъ ему снести записку на винья Миньятелли... Я долго объяснялъ ему, какъ долженъ былъ онъ поступить, чтобы избѣжать бдительности маркизы Сантъ Аньяно и передать мой клочекъ бумаги кавалеру Спада. Поступая такъ я боялся со стороны Жюльетты порывовъ самопожертвованія или послѣдствій ея слишкомъ большой вѣры въ свои силы. Я вызывалъ Старре, лаконически извѣщая его быть при оружіи, готовымъ ко всякимъ случайностямъ.

Въ ожиданіи рокового вечера я не выходилъ изъ капитолійской лавки, куда принесла мнѣ Маріуччія по моей просьбѣ сначала кофе, затѣмъ обѣдъ. Въ волненіи прогуливался я взадъ и впередъ среди порѣдѣвшихъ антиковъ. Синьоръ Специали давно измѣнилъ свою ласковость ко мнѣ и теперь мало довѣрчивымъ окомъ поглядывалъ на странное мое поведеніе. Я не обращалъ, впрочемъ, на него ровно никакого вниманія. Все, что я видѣлъ вокругъ, наполняло меня глухимъ раздраженіемъ. Не позорили ли имя отца, еще стоявшее на вывѣскѣ рядомъ съ выведеннымъ золотыми буквами словомъ Antichità, эти фальшивыя медали и поддѣльные мраморы? Развѣ не сдѣлалась капитолійская лавка, нѣкогда слывшая маленькой академіей дилеттантовъ, мѣстомъ подозрительныхъ сдѣлокъ и убѣжищемъ тайныхъ ростовщиковъ?

Я зналъ многіе тайные подвиги красиваго синьора Специали. Я уже имѣлъ случай бранить себя за оказанное ему снисхожденіе. Изъ этихъ стѣнъ, хранившихъ столько моихъ воспоминаній, съ какимъ удовольствіемъ выгналъ бы я его вонъ! Вотъ откроется задняя дверь и войдетъ моя матушка, скромно опустивъ сѣдую свою голову и держа въ рукахъ подносъ съ маленькими чашками кофе. Отецъ встрепенется и отойдетъ

отъ кучи обломковъ, отряхивая съ колѣнъ своихъ мраморную пыль. Дверь съ улицы звякнетъ искусными колокольчиками, и всесокрушающій на своемъ пути, какъ буря, великій Джованни Батиста ворвется въ нее. Или въ окнѣ появится фигура въ черномъ плащѣ и въ надвинутой на самыя брови шляпѣ. Карлъ Старре долго будетъ вглядываться невидящими глазами въ витрины, манящія ученыхъ аббатовъ и любопытныхъ иностранцевъ. Войдя въ лавку, прочертитъ онъ задумчиво на пыльной доскѣ стола неясныя письмена своей судьбы...

Именно такимъ явился Старре, когда я, наконецъ, дождался его. Онъ выслушалъ мой разсказъ хладнокровно и безъ возраженій подчинился моимъ намѣреніямъ. Мнѣ доставляло нѣкоторое удовольствіе видѣть этого одержимаго грозными страстями человѣка безгранично довѣрчивымъ и послушнымъ какъ ребенокъ. Уже солнце клонилось къ закату, когда мы выступили въ путь. Все было сказано между нами, и мы шли молча, не обмѣниваясь ни однимъ словомъ. На фонѣ римскихъ руинъ или коричневыхъ оградъ, окаймляющихъ древнія дороги, я видѣлъ рѣзко вычерчивающійся профиль моего спутника. Неожиданная мягкость легла однако на его черты, странное для меня спокойствіе сгладило на его лицѣ всѣ морщины, глаза глядѣли въ закрытую отъ меня даль невидящіе и просвѣтленные.

Мы уже вышли за Порта Санъ Себастьяно, когда Старре сказалъ: «Я думаю о ней, развѣ мы съ вами знаемъ ее недостаточно, чтобы рѣшать за нее. Представляете ли вы сейчасъ, въ какой она тревогѣ? Послушайте, Вендоло, не обижайтесь на меня, но вы мнѣ меньше нужны въ эту минуту, чѣмъ ей. Если понадобится драться, я буду драться одинъ. Что, если она совершитъ какую либо неосторожность? Не напрасны ли предили ее? Вы должны это сдѣлать теперь, не думая о томъ, будутъ тогда наши шпаги и пистолеты. Отчего вы не предучто со мной можетъ случиться.» Мнѣ было бы трудно съ нимъ спорить, онъ былъ правъ. Я нѣкоторое время колебался между ложнымъ чувствомъ, рисовавшимъ мнѣ заманчивыя картины смѣлой борьбы, и голосомъ здраваго смысла, подсказывавшимъ мнѣ болѣе необходимую для всѣхъ насъ роль. Мы рѣшили, что я побѣгу впередъ предупредить Жюльетту и помѣшать дѣйствіямъ, которыя могла бы она предпринять въ невѣдѣніи

приближавшихся къ ея убѣжищу опасностей. Не измѣняя голоса, не прибавляя шага Старре простился со мной. Пройдя немного впередъ я оглянулся и крикнулъ: «я еще успѣю придти вамъ на помощь.» Хотя небольшое разстояніе раздѣляло насъ, я почувствовалъ, что недавній мой спутникъ уже не слыхалъ моихъ словъ.

Былъ нѣсколько печальный и теплый вечеръ, предвѣщавшій дожди, которые могли загасить традиціонные для послѣднихъ дней карнавала moccoli. Завѣса облаковъ на западѣ скрыла солнце, тусклый свѣтъ безъ тѣней освѣщалъ дорогу. День угасалъ, я прибавилъ шагу, боясь опоздать. Тревога моя улеглась, когда я завидѣлъ Жюльетту въ окнѣ скромнаго дома Паоло Буцци. Она находилась въ крайнемъ волненіи; отсутствіе Старре замѣтила она и не могла объяснить. Въ короткихъ словахъ я передалъ ей событія послѣднихъ дней. Она слушала молча, хмуря брови и вглядываясь въ меня сверкающими глазами. Внезапнымъ жестомъ она отстранила меня и устремилась въ дверь.

Я побѣжалъ за ней. Уже ея платье мелькнуло передо мной тамъ, гдѣ раздѣляли нѣкогда дѣтскія игры мои веселая Маріуччія и насмѣшливая Чеккина. Не замедляя бѣга Жюльетта преодолѣла изгородь, гдѣ я позналъ первое искушеніе любви, въ образѣ маленькой моей подруги. Мы приближались къ священной рощѣ. Минуя ее Жюльетта остановилась вдругъ и показала рукой впередъ. «Я это предчувствовала!» воскликнула она съ отчаяніемъ. Намъ былъ уже виденъ гротъ нимфы Эгеріи. Нѣсколько осѣдланныхъ лошадей, которыхъ держали конюхи, щипали траву подлѣ него.

Жюльетта пошла теперь медленно, схватившись рукой за сердце; ея ноги спотыкались, она явно теряла силы. Я подошелъ, чтобы поддержать ее, но она послѣднимъ усиліемъ рванулась впередъ. Передъ нами открывался темнѣющій входъ въ руину. Нѣсколько человѣкъ окружали лежавшаго на землѣ раненнаго. Одни опустились подлѣ него на колѣни, тогда какъ другіе, не скинувъ масокъ съ лица, стояли молча и неподвижно, снявъ шляпы. Пораженный страннымъ сходствомъ этой сцены со сдѣланымъ мною однажды офортомъ, я на мгновеніе позабылъ о ея дѣйствительномъ смыслѣ.

Жюльетта приблизилась къ входу въ гротъ. Она сильно пошатнулась, но удержалась на ногахъ, крѣпко сложивъ руки. Фредерикъ Даленъ всталъ съ земли ей навстрѣчу. «Баронъ Карлъ Старре», сказалъ онъ, «убитъ въ честномъ бою. Ваше письмо оставилъ злоумышленникъ, успѣвшій отъ насъ ускользнуть съ дьявольской хитростью въ прошлую ночь. Мой долгъ теперь передать васъ въ руки правосудія, но король милостивъ, просите его о прощеніи.» Одинъ изъ стоявшихъ въ маскахъ сдѣлалъ движеніе; голубой лучъ брилліанта блеснулъ на его пальцѣ. «Графиня Даленъ», воскликнулъ онъ, «возвратитесь къ своему супругу, я не хочу знать вашей вины.»

———

ЭПИЛОГЪ

Я прибылъ въ Венецію, чтобы изъ устъ моего друга и покровителя, Альвизе Стено услышать разсказъ о кончинѣ Юліи Даленъ. Синьоръ Альвизе тотчасъ же послѣ печальнаго происшествія написалъ мнѣ. Я не былъ удивленъ этимъ извѣстіемъ. Я помнилъ ужасное своей мертвенностью лицо графини, послушной словамъ короля. Фредерикъ Даленъ взялъ ея безжизненную руку въ то время, какъ конюхи подводили лошадей ко входу въ гротъ нимфы Эгеріи.

Синьоръ Альвизе и я расположились передъ открытымъ широкимъ окномъ въ одномъ изъ верхнихъ покоевъ палаццо у Санъ Тома. Я видѣлъ поля озолоченныхъ временемъ черепичныхъ крышъ, венеціанскія трубы съ ихъ необычайными расширеніями, альтапы, похожія на палубы воздушныхъ кораблей. Въ сладостной тишинѣ утра отчетливо ворковали голуби, и съ рѣзкимъ свистомъ рѣяли стрижи: воздухъ лагуны нѣжно касался нашихъ склоненныхъ другъ къ другу лицъ.

«Я не стану описывать вамъ,» началъ венеціанецъ, «всѣхъ празднествъ, какими сопровождалось здѣсь пребываніе шведскаго короля. На одномъ изъ баловъ я встрѣтилъ прежнюю маркизу Сантъ Аньяно въ видѣ законной супруги графа Даленъ. Это не помѣшало ей выказать мнѣ былое расположеніе. Я проводилъ ее въ одну изъ уединенныхъ комнатъ, и тамъ она долго говорила о васъ, о замыслѣ иллюминатовъ, о своей попыткѣ явиться новой нимфой Эгеріей и гибельныхъ послѣдстіяхъ, къ какимъ это ее привело. Я не зналъ, чему изумляться болѣе: дерзости ли, съ которой фанатики подготовляли свое покушеніе, одѣвшись точно такимъ же образомъ, какимъ пожелалъ нарядиться король въ дни римскаго карнавала, или причудливому стеченію обстоятельствъ, странной судьбѣ нанесшій свой неожиданный ударъ.»

Бдительность полиціи обнаружила во время тайну переодѣванія. За Либеліусомъ и всей его шайкой уже былъ уста

новленъ надзоръ, когда они заманили васъ въ театръ и овладѣли письмомъ. Они были бы схвачены тутъ же на улицахъ, если бы этому не помѣшала карнавальная суета. При приближеніи опасности заговорщики бросились въ разныя стороны. Одни изъ нихъ ввергнули васъ въ сточную канаву, въ то время какъ другіе стремились затеряться въ толпѣ. Подобно Протею, Либеліусъ быстро мѣнялъ въ той толпѣ свои личины. Почти на глазахъ преслѣдователей онъ превращался въ эремита, въ поселянина, въ солдата, и когда наконецъ былъ задержанъ шутъ, въ которомъ заподозрѣли одного изъ переодѣваній черного доктора, бѣдняга оказался нѣмымъ, мычавшимъ въ отвѣтъ на всѣ разспросы о томъ, какимъ образомъ въ карманѣ его балахона очутилось извѣстное вамъ письмо.

Черезъ два дня послѣ этого бала былъ ночной праздникъ въ садахъ Фирміанъ на Джудеккѣ. Въ толпѣ менѣе многолюдной чѣмъ та, какую видѣли вы недавно на вашемъ Корсо, но безъ сомнѣнія болѣе блестящей, я вновь встрѣтилъ графиню. Я видѣлъ улыбку на ея лицѣ и еще разъ въ своей жизни дивился самообладанію женщинъ. Не была ли она во всемъ похожей на тѣхъ, кто явились въ этотъ вечеръ сюда безъ тягостной заботы о будущемъ и страшныхъ воспоминаній о прошломъ? Ея платье струилось вокругъ нея, легко касаясь подстриженныхъ буксусовъ, окаймлявшихъ аллеи. Въ ея волосы былъ вплетенъ плющъ, и капельки бриллiантовъ сверкали на ней какъ капли росы. Замѣтивъ мой взглядъ она отвѣтила мнѣ, что избрала въ ту ночь костюмъ нимфы Эгеріи.

Она подала мнѣ руку, и мы направились къ берегу лагуны. Тамъ заглушенными достигали до насъ звуки скрипокъ; надъ низкою зеленью венеціанскаго сада виднѣлись сонмы разноцвѣтныхъ фонариковъ. Въ прибрежномъ пескѣ неслышно утопали шаги искавшихъ уединенія паръ. Взвилась ракета и на мгновеніе повисла въ воздухѣ, освѣтивъ черный очеркъ далекихъ острововъ. Я уважалъ молчаніе графини и не нарушалъ его ненужными словами. Мы сѣли на каменную скамью, укрытую среди горько пахнущей зелени. «Покинуть Италію!» произнесла былая маркиза въ глубокой задумчивости, какъ бы обращаясь къ самой себѣ. Она достала платокъ и нѣкоторое время тихонько плакала. Усталость замѣтно овладѣла ею, я сдѣлалъ движеніе, чтобы ее поддержать. «Васъ кто-то зоветъ»,

вдругъ сказала она, отстраняя меня. Прислушавшись, я выразилъ сомнѣніе. Она настойчиво кивала, подтверждая свои слова, молча и приложивъ палецъ къ губамъ. Лицо ея показалось мнѣ страннымъ и глаза бездонными въ отсвѣтѣ далекихъ огней праздника. Я всталъ и обошелъ кругомъ скрывавшій насъ кустъ. Когда я возвратился Юлія Даленъ лежала ничкомъ на каменной скамьѣ. Рука ея сжимала маленькій и тяжелый восточный флаконъ. Я бросился искать въ толпѣ доктора, увы, безполезнаго»...

Я обдумывалъ разсказъ синьора Альвизе, спускаясь по витой лѣстницѣ въ главный этажъ палаццо у Санъ Тома. Было ли во всемъ, что случилось, лишь роковое стеченіе обстоятельствъ или предвидѣлъ Либеліусъ свою месть, съ намѣреніемъ оставя письмо такъ, чтобы оно попало въ руки Фредерика Даленъ? Догадался ли онъ, что мое безразсудство направитъ въ гротъ Карла Старре и тѣмъ обезпечитъ встрѣчу, имѣющую только смертельный исходъ? Но если бы даже коварство его и оказалось такъ велико, развѣ онъ самъ былъ меньше, чѣмъ я, лишь орудіемъ таинственныхъ причинъ, рѣшающихъ жизнь и смерть человѣка?

Погруженный въ такія мысли, я чувствовалъ себя печальнымъ гостемъ Альвизе Стено. Простая вѣжливость заставляла меня, однако, раздѣлить съ нимъ обѣдъ. Стараясь развлечь меня, патрицій описывалъ мнѣ свои хлопоты надъ домашнимъ театромъ. Никто иной, какъ Антоніо Фулинъ помогалъ ему; услышавъ о томъ, я пожелалъ обнять стараго венеціанца. Улучивъ минуту я заглянулъ въ маленькій, но отдѣланный съ большимъ вкусомъ зрительный залъ палаццо. За опущеннымъ занавѣсомъ я слышалъ стукъ послѣднихъ приготовленій. Я вступилъ на лѣстницу, ведущую къ сценѣ, когда занавѣсъ слегка заколебался. Розита выступила изъ за него. Какъ неузнаваема была она, блистательно полуодѣтая въ своемъ недоведеномъ до конца нарядѣ танцовщицы! Она бросила мнѣ розу, удивленный этой смѣлостью я медлилъ поднять ее. Она сердито топнула ногой, и, невольно повинуясь ей, я взялъ цвѣтокъ.

Сентябрь 1919—августъ 1921 г.
